

МИФЫ
И
ЛЕГЕНДЫ

Annotation

Мифы и легенды народов мира — величайшее культурное наследие человечества, интерес к которому не угасает на протяжении многих столетий. И не только потому, что они сами по себе — шедевры человеческого гения, собранные и обобщенные многими поколениями великих поэтов, писателей, мыслителей. Знание этих легенд и мифов дает ключ к пониманию поэзии Гёте и Пушкина, драматургии Шекспира и Шиллера, живописи Рубенса и Тициана Брюллова и Боттичелли. Настоящее издание — это попытка дать возможность читателю в наиболее полном, *литературном* изложении ознакомиться с историей и культурой многочисленных племен и народов, населявших в древности все континенты нашей планеты.

В данном томе представлены верования и легенды народов Восточной и Центральной Азии, чья мифология во все времена была окутана завесой тайны.

-
- [МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ НАРОДОВ МИРА](#)
 -
 - [МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ ЯПОНИИ](#)
 - [Начало мира](#)
 - [Деяния бога Идзанаги, Чарующего, и богини Идзанами, Чарующей](#)
 - [Идзанаги в Стране Мрака](#)
 - [Очищение бога Идзанаги от скверны](#)
 - [Изгнание бога Сусаноо](#)
 - [Сокрытие богини Аматаэрасу в Небесном Гроде](#)
 - [Восьмиглавый Змей](#)
 - [Заяц с содранной шкуркой](#)
 - [Злоключения бога Окунинуси](#)
 - [Испытания бога Окунинуси в Подземной Стране](#)
 - [Бог-невеличка, приплывший по морю](#)
 - [Посланцы Неба](#)
 - [Отречение бога Окунинуси](#)
 - [Сошествие на землю бога Ниниги](#)
 - [Дева, Прекрасная, как Цветущая Вишня](#)
 - [Удача на море и удача в горах](#)

- [Сказание об императоре Дзимму, первом японском государе](#)
- [Сказание об отважном Ямато Такэру](#)
- [МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ КИТАЯ](#)
 - [Срединная, Поднебесная](#)
 - [Рождение Паньгу](#)
 - [Семь отверстий](#)
 - [Небесная власть](#)
 - [Небесная империя](#)
 - [Сы-мин — управитель жизни](#)
 - [Земная обитель богов](#)
 - [Поднебесный дворец](#)
 - [Чем питались на Куньлуне](#)
 - [Сколько всего духов и бесов?](#)
 - [Великий смотр](#)
 - [Ди-цзюнь и птица фэнхуан](#)
 - [Добрый Янь-ди, прозванный Шэнь-нуном](#)
 - [Птичье правительство](#)
 - [Много желтых «жэнь»](#)
 - [Как Нюйва чинила небо](#)
 - [Почему не переполняется море?](#)
 - [Скромная Нюйва](#)
 - [Как сохранился род людской](#)
 - [Как Фуси научил людей рыбу ловить](#)
 - [Огоньки страны Суймин](#)
 - [Два ленивых великана](#)
 - [Гунь — китайский Прометей](#)
 - [Великий строитель Юй](#)
 - [Император Юй](#)
 - [Добрый и страшный Юйцян](#)
 - [Пять плавающих гор](#)
 - [Где же плоды бессмертия?..](#)
 - [Цань-шэнь — богиня шелководства](#)
 - [Боги богатства](#)
 - [Лю Хай — бог монет](#)
 - [У всего есть бог](#)
 - [Восемь бессмертных](#)
 - [Повелитель бесов](#)
 - [Чию и его братья](#)

- [Начало великой войны](#)
- [Знамена китайского войска](#)
- [Как был побежден Чию](#)
- [Неукротимый боевой дух](#)
- [Как завершил свое правление Хуан-ди](#)
- [Как Чжуансюй навел порядок](#)
- [Десять солнц](#)
- [Великий лучник по имени И](#)
- [Китайский Геракл](#)
- [Обманутый И](#)
- [Как погиб И](#)
- [Дочери государя Яо](#)
- [Ласточкины дети](#)
- [Князь-просо](#)
- [Храбрый мальчик Сунь Шуао](#)
- [Что бессмертно?](#)
- [МОНГОЛО-ТИБЕТСКАЯ МИФОЛОГИЯ](#)
 - [Из монгольской мифологии](#)
 - [Откуда пошли сказки у монголов](#)
 - [О сотворении мира](#)
 - [Как была сотворена земля](#)
 - [О происхождении людей](#)
 - [О происхождении народов](#)
 - [О происхождении русских](#)
 - [Предание о происхождении дунган](#)
 - [Сказание о Джабсан–Дамба–Хутухта](#)
 - [ПЕСНЬ ПЕРВАЯ](#)
 - [1. Забытое повеление Будды](#)
 - [2. Совет на небе](#)
 - [3. Решено послать на землю среднего сына Хормусты](#)
 - [4. Совет на земле. Предсказание о рождении Гесера](#)
 - [5. Цотон ссылает Санлуна и будущую мать Гесера, Гекше–Амурчилу.](#)
 - [6. Зачатие Гесера](#)
 - [7. Рождение Гесера](#)

- [8. Гесер убивает трех оборотней и трех свирепых демонов докшитов](#)
 - [9. Цзуру \(Гесер\) чудесно обогащает Санлуна, которому удается ослабить тяготеющий над ним приговор: ему возвращают прежнюю семью и имущество, но в объединенной семье возникают ссоры](#)
 - [ПЕСНЬ ВТОРАЯ](#)
 - [Гесер убивает тигра северной страны](#)
 - [ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ](#)
 - [Гесер упорядочивает дела правления Кюмэ-хана китайского](#)
 - [ПЕСНЬ ШЕСТАЯ](#)
 - [Гесер и Хутухту-лама-чародей](#)
 - [ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ](#)
 - [Гесер в аду](#)
- [КХМЕРСКИЕ МИФЫ, ЛЕГЕНДЫ И ПРЕДАНИЯ](#)
 - [Почему бывают гром и молния](#)
 - [Откуда пошли кошки](#)
 - [Как удав без яда остался](#)
 - [Почему комары такие маленькие](#)
 - [Почему собаки видят духов умерших](#)
 - [Откуда пошли мечехвосты](#)
 - [Как тигр съел ребенка отшельника](#)
 - [Как ворона и цапля поссорились](#)
 - [Как птицы короля выбирали](#)
 - [Откуда пошли дельфины](#)
 - [Откуда взялась птица сат коун лоук](#)
 - [О том, как поссорились дикий буйвол с домашним](#)
 - [Почему у аиста голова лысая](#)
 - [Откуда взялось дерево пхлаы ниенг](#)
 - [Как соединились известь, бетель и арековыи орешек](#)
 - [История о древокорне и дереве тиел](#)
 - [История дерева ролоух миех](#)
 - [Как белая мышь стала королевой мышей](#)
 - [Почему двенадцатый год называется годом свиньи](#)
 - [Легенда о храме Ангкор](#)
 - [Легенда о горе Сомпаы](#)

- [Легенда о статуе Прома в пагоде Нокор Батей](#)
- [Легенда об озере Те](#)
- [Предание о Пномпене](#)
- [МИФЫ И СКАЗАНИЯ НАРОДОВ ФИЛИППИН](#)
 - [Отчего бывает затмение луны](#)
 - [Времена Моны](#)
 - [Как появились обезьяны](#)
 - [Откуда появились луна и звезды](#)
 - [Откуда появились горы](#)
 - [Как появились гром и молния](#)
 - [Откуда появились деревья](#)
 - [Сотворение человека](#)
 - [Монг-о](#)
 - [Бог Чача и бог Кедъем](#)
 - [Потоп](#)
 - [Золотой век](#)
 - [Возникновение гор](#)
 - [Новое появление людей на земле](#)
 - [Принесение в жертву Игона](#)
 - [Как появился рис](#)
 - [Как люди получили огонь](#)
 - [Почему море соленое](#)
 - [Как появился первый вулкан на Филиппинах](#)
- [ВЬЕТНАМСКИЙ ФОЛЬКЛОР](#)
 - [Сказание о Дам Зи](#)
- [КОРЕЙСКИЙ ФОЛЬКЛОР](#)
 - [Знаем!](#)
 - [Нежданная награда](#)
 - [Хон Киль Тон — защитник бедных](#)
 - [Отчего в Тэдонгане зеленая вода](#)
 - [Аист, черепаха и змея](#)
 - [Почему море шумит](#)
 - [Чей подарок лучше?](#)
 - [Камни-самоцветы](#)
- [НЕПАЛЬСКИЙ ФОЛЬКЛОР](#)
 - [Живой в царстве мертвых](#)
 - [Корень радости](#)
 - [Хитрая обезьянка и глупый богач](#)

- [Почему у птицы кальчунды клюв и лапки золотые](#)
- [Как крапива на земле первой появилась](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)

- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)

- [74](#)
 - [75](#)
 - [76](#)
 - [77](#)
 - [78](#)
 - [79](#)
 - [80](#)
 - [81](#)
 - [82](#)
 - [83](#)
 - [84](#)
 - [85](#)
 - [86](#)
 - [87](#)
 - [88](#)
 - [89](#)
 - [90](#)
 - [91](#)
 - [92](#)
 - [93](#)
 - [94](#)
 - [95](#)
 - [96](#)
 - [97](#)
 - [98](#)
 - [99](#)
 - [100](#)
 - [101](#)
 - [102](#)
 - [103](#)
 - [104](#)
 - [105](#)
 - [106](#)
 - [107](#)
 - [108](#)
 - [109](#)
 - [110](#)
-

МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ НАРОДОВ МИРА ВОСТОЧНАЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

ББК 63.3(0)3 М68

Художник И. Е. Сайко Иллюстрации А. Воронова, Н. Кочергина, Г. Макарова, Ю. Макарова

Мифы и легенды народов мира

Восточная и Центральная Азия: Сборник. — М.: Литература; Мир книги, 2004. — 448 с.

ISBN 5-8405-0647-8

ББК 63.3(0)3

МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ ЯПОНИИ

Т. Редько-Добровольская

Начало мира

Во времена, когда царящий во Вселенной хаос стал сгущаться и Небо отделилось от Земли, на Равнине Высокого Неба появились три бога. Первым из них был Амэ-но-минакануси — Владыка Середины Неба.

За ним явились Таками-мусуби, Высокий Бог Священного Творения, и Ками-мусуби, Бог Священного Творения. Они пришли в мир поодиночке, и образы их были сокрыты.

Земля в ту пору была еще совсем юной и плавала в воде, словно масляное пятно или студенистая медуза. И вот, подобно молодому побегу тростника, вырвавшемуся из ее недр и устремленному к небу, явилось в

мир божество, именуемое Умаси-асикаби-хикодзи — Священный Сын — Прекрасный Побег Тростника, а за ним — Амэ-но-токотати, Вечный Оплот Небес.

Вслед за этими пятью божествами Неба появились первые боги Земли: Куни-но-токотати, Вечный Оплот Земли, и Тоёку-моно, Бог Обильных Облаков над Равнинами. Эти боги тоже пришли в мир поодиночке, и образы их были сокрыты. А за ними явились еще десять богов парами. Среди них были бог Идзанаги, Чарующий, и его младшая сестра богиня Идзанами, Чарующая.

Деяния бога Идзанаги, Чарующего, и богини Идзанами, Чарующей

Собрались небесные боги на совет, призвали к себе бога Идзанаги и богиню Идзанами и обратились к ним с такими словами:

— Стихия Земли зыбка и подобна маслу, плавающему на воде. Сделайте так, чтобы стала она твердой.

Так повелели небесные боги и вручили Идзанаги и Идзанами драгоценное копье. Тотчас ступили брат и сестра на Небесный Плавучий мост, соединяющий Небо и Землю, и, окунув копье в море, стали вращать им. И тогда морские воды загустели, точно застывающий жир. Когда же боги вынули из воды драгоценное копье, с его острия упали капельки влаги, сгустившейся от избытка соли. Из крупы этой соли образовался остров Оногоро, Самозарожденный.

Сошли Идзанаги и Идзанами на этот остров. Воздвигли посреди него высокий столп и построили для себя просторные покои. И тогда бог Идзанаги сказал богине Идзанами:

— Давай обойдем вокруг священного столпа и соединимся узами брака.

Согласилась богиня Идзанами, а бог Идзанаги молвил:

— Ты пойдешь навстречу мне и обойди священный столп справа, а я пойду навстречу тебе и обойду его слева.

И когда, порешив на том, они обошли священный столп, богиня Идзанами первой воскликнула:

— Сколь прекрасен этот юноша!

А вслед за нею бог Идзанаги воскликнул:

— Сколь прекрасна эта дева!

Когда же они обменялись этими восклицаниями, бог Идзанаги молвил:

— Если женщина заговаривает первой, это не к добру.

И родилось у них детище без рук и без ног, подобное пиявке. Положили боги его в лодку, сплетенную из листьев тростника, и пустили по течению потока.

А потом родилось у них еще одно детище — Пенный Остров, настолько непрочный и неприглядный, что его не считают потомком создателей Поднебесной.

Огорчились супруги и отправились на Равнину Высокого Неба, дабы испросить совета у небесных богов.

Небесные боги совершили гадание по трещинам на каленых лопатках оленя и возвестили:

— Неудача постигла вас потому, что женщина молвила слово первой. Возвращайтесь на Землю и совершите обряд заново, как подобает.

Вернулись бог Идзанаги и богиня Идзанами на Землю и сделали, как им было сказано.

Теперь уже Идзанаги первым воскликнул:

— Сколь прекрасна эта дева!

А вслед за ним богиня Идзанами воскликнула:

— Сколь прекрасен этот юноша!

После того как они совершили обряд по всем правилам, от их священного союза родилось многочисленное потомство.

Сначала они произвели на свет восемь больших и шесть малых островов, которые и образовали Японию — Срединную Страну Тростниковых Равнин или, как ее еще называют, Страну Восьми Больших Островов.

Когда же сотворение земель было завершено, чета богов-прародителей принялась творить других богов, которые заселили эти земли. Так появились на свет боги гор и долин, рек и морских переправ, ущелий и туманов, божества плодородной почвы и съедобных растений — всего тридцать пять богов.

Последним из их детищ был бог Огня — Кагуцути. Выходя из чресел богини Идзанами, он опалил ее огнем, и она умерла. Охваченный горем, бог Идзанаги припал к телу покойной жены, проливая безутешные слезы. Из этих слез образовалось целое озеро, в котором обитает богиня Плача, Накисавамэ. Но как ни велика была скорбь бога Идзанаги, вернуть богиню Идзанами к жизни было невозможно.

И тогда Идзанаги в отчаянии выхватил драгоценный меч, что висел у него на поясе, и снес голову богу Огня.

Обагрила кровь лезвие и рукоять меча, окропила скалы, и явились в мир могучие божества грома и молнии. Просочилась кровь, обагрившая меч, меж пальцев бога Идзанаги, и возникли из нее Дракон Ущелий и Бог Потоков в Долинах.

А из головы бога Огня произошло божество крутых горных склонов, из груди его — божество косогоров, из чрева — божество горных чащоб, из левой руки — божество непроходимых лесов, из правой руки — божество горных подножий, из левой ноги — божество плоскогорий, а из правой ноги — божество предгорий.

Идзанаги в Стране Мрака

Шло время, но скорбь Идзанаги по умершей супруге не утихала. И решил он отправиться за нею в царство мертвых, подземную Страну Мрака.

Далеко находилась Страна Мрака, и была она запретной для живых. В этой стране царил вечный холод и никогда не светило солнце. Еду в ней готовили на особом, нечистом огне — тот, кто ее отведал, уже не мог вернуться назад, в мир живых.

Узнав о том, что бог Идзанаги пришел за нею, богиня Идзанами отворила холодную каменную дверь и вышла к нему из подземного дворца.

И тогда бог Идзанаги возгласил:

— О, супруга моя возлюбленная! Земля, которую мы с тобой сотворили, совсем еще не устроена. Я хочу, чтобы ты вернулась обратно.

И ответила богиня Идзанами:

— О, супруг мой возлюбленный! Жаль, что ты не пришел за мною раньше. Теперь уже поздно, ибо я вкусила еды, приготовленной на нечистом огне. Но ты глубоко тронул меня, и я хочу вернуться с тобою обратно. Однако для того, чтобы покинуть эту страну, мне нужно спросить разрешения у здешних богов.

С этими словами Идзанами воротилась в подземный дворец, строго-настрого запретив супругу следовать за собой.

Долго ждал бог Идзанаги у каменной двери, но богиня Идзанами все не появлялась.

Не выдержал Идзанаги, вытащил из прически бамбуковый гребень, отломил самый длинный зубец с краю, зажег его как факел и, освещая себе путь, вошел в подземный дворец.

И увидел он богиню Идзанами, и содрогнулся от ужаса: по ней ползало несметное множество червей, а из всех частей ее тела рождались страшные чудовища.

Из головы богини Идзанами родился Гром–Великан, из груди — Огненный Гром, из живота — Черный Гром, из лона — Рассекающий Гром, из левой руки — Юный Гром, из правой руки — Ударяющий в Землю Гром, из левой ноги — Грохочущий Гром, из правой ноги — Пригибающий Траву Гром.

Испуганный этим зрелищем, бог Идзанаги отпрянул и тотчас же обратился в бегство. А богиня Идзанами, рассерженная его

непослушанием, послала за ним в погоню ведьм преисподней.

Но бог Идзанаги сорвал с головы сетку из виноградной лозы и бросил им под ноги.

Как только сетка упала на землю, на пути у ведьм выросли побеги дикого винограда. Пока ведьмы пожирали его плоды, бог Идзанаги успел далеко убежать.

Тут ведьмы снова пустились в погоню, того и гляди настигнут беглеца.

Тогда бог Идзанаги вытащил из прически бамбуковый гребень и кинул им под ноги.

Как только гребень упал на землю, из зубцов его выросли побеги бамбука. Пока ведьмы пожирали их, бог Идзанаги успел далеко убежать.

Разгневалась богиня Идзанами и отправила вслед за ним несметное воинство Страны Мрака во главе с рожденными ею чудовищами.

Выхватил бог Идзанаги висевший у него на поясе меч и, отмахиваясь им от преследователей, побежал прочь.

Но не успел он добраться до Плоского Склона, отделяющего царство мертвых от мира живых, как погоня снова настигла его.

Тогда бог Идзанаги сорвал с росшего поблизости дерева три персика и бросил их в преследователей.

И тотчас же рать преисподней отступила и повернула вспять.

Взглянул бог Идзанаги на плоды персика и произнес:

— Так же, как вы помогли мне сейчас, помогайте в беде всей поросли людской, что живет в Срединной Стране Тростниковых Равнин.

И даровал он персику имя Плода Великих Богов.

Увидев, что воинству Страны Мрака так и не удалось настигнуть беглеца, в погоню за ним пустилась сама богиня Идзанами.

Но бог Идзанаги загородил ей дорогу скалой — такой огромной, что сдвинуть ее с места было под силу лишь тысяче человек, — и произнес слова, расторгающие его союз с богиней Идзанами.

И сказала богиня Идзанами:

— О, супруг мой возлюбленный! Коли ты так поступаешь, я буду каждый день умерщвлять по тысяче людей в твоей стране.

А бог Идзанаги ответил:

— О, супруга моя возлюбленная! Коли ты так поступишь, я буду каждый день строить по полторы тысячи хижин для рожениц.

С тех пор на Земле каждый день стало умирать по тысяче человек и рождаться по полторы тысячи младенцев. А богиня Идзанами получила

имя Великой Богини Страны Мрака. И еще ее прозвали Великим Божеством Погони — за то, что она пустилась в погоню за своим мужем.

Скалу же, преградившую ей путь из царства мертвых, нарекли Великим Божеством, Обращающим Вспять.

Очищение бога Идзанаги от скверны

Воротившись из Страны Мрака, бог Идзанаги воскликнул:

— Побывал я в темной, нечистой стране и теперь должен омыть свое тело, очиститься от скверны.

Вышел он на равнину в земле Химука — Обращенной к Солнцу — и приблизился к устью реки, дабы совершить обряд очищения.

Первым делом отбросил он посох, который держал в руке, и из него родилось Божество Запретных Дорог.

Затем развязал и отбросил пояс, и из него появилось Божество Дальних Дорог.

Потом сбросил с себя одежду, и из нее произошло злое божество по имени Сеятель Невзгод.

Взглянул бог Идзанаги на воды реки и молвил:

— Течение в верхней части устья стремительно, а в нижней части — медленно.

С этими словами вошел он в среднюю часть устья, погрузился в воду и совершил омовение. И тогда из скверны, покрывавшей тело бога после пребывания в Стране Мрака, явились два духа зла: Дух Множества Несчастий и Дух Великих Несчастий.

А за ними возникли божества, избавляющие от творимого ими зла: Бог Священного Исправления, Бог Великого Исправления и Богиня Очищения от Скверны.

Потом бог Идзанаги омыл свое левое око, и тогда в мир явилась Великая богиня Солнца Ааматэрасу — Озаряющая Небо.

Когда бог Идзанаги омыл свое правое око, родился бог Луны — Цукуёми.

Когда же бог Идзанаги омыл нос, на свет появился Неистовый бог Ветра и Бури — Сусаноо.

И воскликнул бог Идзанаги:

— Много детищ произвел я на свет, но последние трое превосходят всех остальных!

С этими словами он снял с шеи ожерелье из яшмы и, вручив его богине Солнца Амата́расу, сказал:

— Отныне ты будешь владеть и управлять Равниной Высокого Неба.

Бог Луны получил в свое владение Царство Ночи.

А в удел богу Ветра и Бури Сусаноо досталась Равнина Моря.

Изгнание бога Сусаноо

Богиня Солнца Амата́расу и бог Луны Цукуёми стали по слову отца управлять пожалованными им владениями.

И только бог Ветра Сусаноо не пожелал отправиться на Равнину Моря. Даже после того, как у него отросла борода в восемь ладоней, он только и знал, что топая ногами да истошно плакать. От его слез высохли деревья и травы, а в реках и морях не осталось ни капли влаги. И тогда Земля наполнилась гудением злых духов, подобным жужжанию летних мух, и наступило время великих бедствий.

Призвал Идзанаги к себе непокорного сына и спросил:

— Почему вместо того, чтобы управлять вверенным тебе владением, ты беспрестанно топаешь ногами и плачешь?

И ответил бог Сусаноо:

— Соскучился я по умершей матушке и хочу удалиться к ней в Подземную Страну. Оттого я и плачу.

Разгневался бог Идзанаги и воскликнул:

— Раз так, я запрещаю тебе оставаться на этой земле!

И с этими словами изгнал бога Сусаноо из Срединной Страны Тростниковых Равнин.

— Хорошо, — молвил в ответ бог Сусаноо. — Я уйду в Подземную Страну, где пребывает моя матушка. Но перед этим хочу проститься с сестрой, богиней Солнца Амата́расу.

И отправился неистовый бог Сусаноо на Равнину Высокого Неба, и всюду, куда ни ступала его нога, разыгрывалась буря и содрогалась земля.

Узнав о приближении бога Сусаноо, богиня Амата́расу подумала: «Видно, не с благими помыслами пожаловал братец на Равнину Высокого Неба. Не иначе как затеял он отнять у меня мои владения».

Сделала себе богиня мужскую прическу «мидзура»: расчесала волосы на обе стороны, связала в пучки возле ушей и убрала их сеткой из виноградной лозы и драгоценной яшмой. Украсила она запястья яшмовыми браслетами, водрузила на спину колчан с тысячей стрел.

Надела на левую руку кожаный щиток, взяла в руки лук и в таком грозном обличии стала поджидать брата.

Когда тот предстал перед нею, Амата́расу гневно спросила:

— Зачем ты пожаловал ко мне на Равнину Высокого Неба?

И молвил бог Сусаноо:

— Злых помыслов у меня нет. Отец наш, бог Идзанаги, прогневался на меня и изгнал из Срединной Страны Тростниковых Равнин. Отныне я удаляюсь в Подземную Страну, но прежде хочу проститься с тобой. Ради этого я и поднялся сюда, на Равнину Высокого Неба.

Но усомнилась богиня Амата́расу в правдивости его речей и сказала брату:

— На словах помыслы твои чисты, но как я узнаю, так ли это на самом деле?

И тогда бог Сусаноо воскликнул:

— Пусть это докажут рожденные нами детища!

Встали богиня Амата́расу и бог Сусаноо друг против друга на противоположных берегах Тихой Небесной Реки. Взяла Амата́расу у брата меч, висевший у него на поясе, переломила его на три части и, оmyв в чистых водах Небесной Реки, разжевала и исторгла из своих уст вместе с дыханием. И тогда из пара ее дыхания родились три девы-богини.

После этого Сусаноо взял у сестры украшения из драгоценной яшмы и, ополоснув их в чистых водах Небесной Реки, разжевал и исторг из своих уст вместе с дыханием. И тогда из пара его дыхания родились пять богов.

И сказала богиня Амата́расу:

— Пятеро сыновей, рожденных сейчас, происходят из принадлежащей мне яшмы и потому являются моими детищами. Три дочери, рожденные прежде них, происходят из принадлежащего тебе меча и потому являются твоими детищами.

— Вот видишь! — в великой радости воскликнул бог Сусаноо. — Я произвел на свет трех чистых сердцем дев. Разве не доказывает это, что помыслы мои чисты?

В упоении от одержанной над сестрой победы бог Сусаноо предался буйному веселью, порушил межи и затоптал канавы на рисовых полях, возделанных богиней Амата́расу. И вдобавок осквернил священные покои, предназначенные для вкушения плодов нового урожая. Но и этого ему показалось мало: в священную ткацкую, где небесные жрицы ткали

одежды богам, он бросил шкуру, содранную с живой лошади. Одна из жриц в испуге отпрянула, укололась о ткацкий челнок и тотчас же умерла.

Сокрытие богини Аматаэрасу в Небесном Гроде

Видя, что бесчинствам брата нет конца, богиня Аматаэрасу разгневалась и затворилась в Небесном Гроде. И сразу Равнина Высокого Неба погрузилась во мрак. Мгла окутала Срединную Страну Тростниковых Равнин. И на Небе и на Земле воцарилась вечная ночь. Все пространство наполнилось гудением злых духов, подобным жужжанию летних мух, и наступило время великих бедствий.

И тогда восемьсот мириад небесных богов собрались на берегу Тихой Небесной Реки. Они стали держать совет, как заставить богиню Аматаэрасу покинуть Небесный Грот и вернуть миру свет и порядок. По предложению бога Омоиканэ — Сопрягающего Мысли, который был самым мудрым из всех, из Страны Вечной Жизни доставили петухов. Принесли их к Небесному Гроту и заставили кричать всех разом.

После этого боги призвали небесного кузнеца Амацумара и велели ему вместе с богиней Исикоридомэ, Литейщицей, изготовить из железа, добытого на небесной горе Канаяма, священное зеркало. Тем временем один из богов нанизал на длинную нить пятьсот изогнутых бусин яшмы. А затем боги совершили гадание по трещинам на лопатке оленя, пасущегося на небесной горе Кагуяма, Лучезарной, и убедились, что верховные боги Неба одобряют их замысел.

Тогда они вырвали с корнями растущее на горе Кагуяма, Лучезарной, священное дерево сакаки. Убрали его верхние ветви нитью с пятьюстами изогнутыми бусинами яшмы. Прикрепили к средним ветвям священное зеркало, а к нижним привесили полоски белой хлопковой и голубой льняной ткани. Поставили дерево у входа в Небесный Грот и вознесли молитву.

Тут богиня Амэ-но-удзумэ, Отважная Дева Неба, поставила перед Небесным Гротом пустую кадку, перевернув ее вверх дном, и стала отплясывать на ней, производя невероятный грохот. И была ее пляска до того потешной, что собравшиеся вокруг боги принялись хохотать. От раскатов их дружного смеха сотрясалась Равнина Высокого Неба.

Удивилась богиня Аматаэрасу, приоткрыла дверь Небесного Грота и спросила:

— Что происходит? После того как я затворилась в Небесном Гроته, и Небо и Земля должны были погрузиться во мрак и тишину. Почему же пляшет богиня Амэ-но-удзумэ, Отважная Дева Неба? И почему все боги смеются?

И ответила богиня Амэ-но-удзумэ, Отважная Дева Неба:

— Появилось у нас божество, превосходящее тебя своими достоинствами. Потому мы радуемся и веселимся.

Не успела она это сказать, как боги поднесли Аматаэрасу священное зеркало и дали ей поглядеться в него. И залюбовалась богиня Аматаэрасу своим отражением и выглянула из своего укрытия.

Тут-то и схватил ее за руку бог Тадзикарао, Небесный Силач, и вытащил наружу. А другой бог сразу же положил позади нее священную соломенную веревку — си-мэнава и произнес:

— Да не будет тебе пути назад!

И снова, как прежде, засиял солнечный свет на Равнине Высокого Неба и на Земле, в Срединной Стране Тростниковых Равнин.

Что же до бога Сусаноо, то небесные боги решили наказать его за обиду, нанесенную сестре, богине Солнца Аматаэрасу. Во искупление вины ему было велено принести небесным богам тысячу столов с искупительными дарами. А вдобавок строптивому богу остригли бороду и навечно изгнали его с Равнины Высокого Неба.

Восьмиглавый Змей

Изгнанный с Равнины Высокого Неба бог Сусаноо спустился на Землю и оказался в стране Идзумо. Вышел он к берегу реки Хи и увидел плывущие по воде палочки для еды. «Должно быть, поблизости живут люди», — подумал Сусаноо и направился вверх по течению реки.

Вскоре встретились ему старик и старуха. Они горько плакали, прижимая к себе молоденькую девушку.

— Кто вы такие? — спросил бог Сусаноо.

И старик ответил:

— Я довожусь сыном богу-покровителю этого края и зовут меня Асинадзути. Жену мою зовут Тэнадзути. А это — наша любимая дочь по имени Кусинада-химэ, Чудесная Дева-Хранительница Рисовых Полей.

— А почему вы плачете? — спросил бог Сусаноо.

И старик молвил в ответ:

— Было у нас восемь дочерей. Но повадилось сюда страшное чудовище. Каждый год похищало оно по одной дочери. Скоро оно явится сюда снова и заберет нашу последнюю дочь. Вот почему мы горюем и плачем.

— А как выглядит это чудовище? — спросил бог Сусаноо.

И старик объяснил:

— Глаза у него красные, точно плоды пузырника. Обликом напоминает змея с восемью головами и восемью хвостами. Тело его покрыто мхом, и растут на нем кипарисы и криптомерии. И настолько это чудовище огромно, что занимает собою восемь долин и восемь горных хребтов. А на брюхе у него рана, из которой беспрестанно сочится кровь.

Выслушав старика, бог Сусаноо молвил:

— Отдайте мне вашу дочь в жены.

— Хорошо, — сказал старик. — Но я не знаю, кто вы такой.

— Я младший брат Великой богини Аматаэрасу, Озаряющей Небо. Только сейчас я прибыл от нее из Небесной Страны.

— Что ж, — ответил старик, — я с радостью отдам свою дочь вам в жены.

Не успел старик произнести эти слова, как бог Сусаноо превратил девушку в гребень и воткнул его в свою прическу, после чего повелел старику и старухе:

— Приготовьте крепкую рисовую водку и постройте ограду. В этой ограде сделайте восемь ворот, против них поставьте восемь помостов, на каждый из восьми помостов водрузите по бочке, наполните каждую из восьми бочек рисовой водкой до краев и ждите.

Сделали старик со старухой, как им было велено, и затаив дыхание стали ждать.

И действительно, вскоре у ограды появилось чудовище — огромный Восьмиглавый Змей. Увидел он стоящие у ворот бочки с рисовой водкой, погрузил в них восемь своих голов, выпил все, захмелел и уснул.

А бог Сусаноо выхватил висевший у него на поясе меч и одну за другой снес чудовищу все восемь голов.

Когда бог Сусаноо принялся отрубать змею хвост, лезвие его меча треснуло. Удивился Сусаноо, сделал на хвосте надрез и извлек оттуда огромный меч небывалой остроты. Дал он этому мечу название «Кусанаги» — «Косящий Траву» и принес его в дар богине Аматэрасу.

Одержав победу над Восьмиглавым Змеем, бог Сусаноо решил построить дворец, чтобы поселиться в нем с молодой женой, спасенной им девой Кусинада-химэ. В поисках подходящего места обошел он весь край Идзумо и наконец очутился в земле Суга. Огляделся он по сторонам и воскликнул:

— Хорошо здесь! Очистилось мое сердце.

С тех пор и зовется эта местность Суга, что значит «Чистая».

Когда бог Сусаноо стал возводить дворец, на небе показались гряды белых облаков. Глядя на них, он сложил песню:

Восемь гряд облаков
Над Идзумо простираются
Где возвожу я для милой
Покои в восемь оград,
Эти покои в восемь оград!

Песню эту считают началом всей японской поэзии.

Взял бог Сусаноо в жены Кусинада-химэ, и родилось у них множество детей-богов, а те произвели на свет собственных детей. Так через несколько поколений появился на свет бог Окунинуси, Великий Хозяин Страны. Было у него и другое имя — Онамудзи, что означает «Великое Имя». А еще его звали Асихарасикоо — Безобразным Богом Тростниковых Равнин. И еще одно имя было у него: Уцусику-нитама — Дух-Хранитель Земной Страны.

Что же до бога Сусаноо, то со временем он осуществил свое намерение и удалился в Подземную Страну, где обитала его матушка.

Заяц с содранной шкуркой

У бога Окунинуси — Великого Хозяина Страны было восемьдесят братьев, а он был самым младшим.

Прослышали братья о том, что в краю Ипаба живет красавица по имени Ягами-химэ, и каждый из них пожелал заполучить ее в жены. Вот и решили они отправиться в край Инаба. Взяли они с собой и младшего брата — бога Окунинуси. Взвалили на него поклажу, словно он был их слугой, а сами пошли налегке.

Дошли братья до мыса Кэта, и встретился им заяц с содранной шкуркой. Он лежал на берегу и горько плакал.

И злые братья сказали ему:

— Если хочешь, чтобы у тебя выросла новая шкурка, искупайся в морской воде, а потом обсохни на ветру.

Поверил им заяц, послушался их совета и сделал, как они сказали. Искупался он в морской воде и обсох на ветру. После этого кожа у него покрылась соленой коркой и полопалась. От нестерпимой боли заяц принялся плакать горше прежнего.

Тут его и увидел бог Окунинуси, который отстал от братьев, потому что нес тяжелую поклажу.

— Отчего ты плачешь? — спросил бог Окунинуси.

И заяц рассказал в ответ:

— Я живу на острове Оки. Однажды мне захотелось побывать в краю Инаба. Но как мне было сюда добраться? Ведь плавать я не умею. И тогда я пустился на хитрость. В море живет крокодил. Вот я и сказал ему: «Как ты думаешь, кого на свете больше — нас, зайцев, или вас, крокодилов? Чтобы это узнать, вы, крокодилы, должны выстроиться в море друг за другом от острова Оки до мыса Кэта, и тогда я, прыгая по вашим спинам, смогу вас пересчитать». Сделали крокодилы, как я предложил, выстроились в море друг за другом, а я, прыгая по их спинам, стал переправляться на противоположный берег. Когда до земли было уже совсем близко, я не утерпел и крикнул: «Эх вы, ловко же я вас провел!» Последний из крокодилов схватил меня и содрал с меня шкурку. Тут пришли твои братья, увидели, что я плачу, и посоветовали мне искупаться в морской воде да обсохнуть на ветру. Тогда, сказали они, у меня вырастет новая шкурка. Поверил я им, послушался их совета и сделал, как они велели. После этого все тело у меня покрылось кровавыми ранами, причиняющими мне невыносимые страдания.

Выслушал бог Окунинуси зайца и дал ему такой совет:

— Беги скорее к устью реки и омой свое тело хорошенько пресной водой. А потом собери с растущего там камыша желтую пыльцу, высыпь

ее на берег и вываляйся в ней. Тогда раны быстро заживут, и у тебя вырастет новая шкурка, такая же красивая, как прежде.

Послушался заяц доброго совета, который ему дал бог Окунинуси, сделал, как он велел, и правда — выросла у него новая шкурка, такая же красивая, как прежде.

После этого заяц превратился в божество и возвестил богу Окунинуси:

— Не получают твои братья в жены прекрасную Ягами-химэ. Она достанется тебе, хоть ты и тащишь за ними поклажу, как простой слуга.

Злоключения бога Окунинуси

Пришли восемьдесят богов, братьев бога Окунинуси, в край Инаба и стали свататься к прекрасной Ягами-химэ. Но дева не пожелала их слушать.

— Я стану женою бога Окунинуси, — молвила она.

Рассердились братья и задумали погубить бога Окунинуси. Отправились они вместе с ним в край Хахаки, где стоит гора Тэма, и сказали ему:

— Слышали мы, что на этой горе живет красный кабан. Мы погоним его вниз, а ты должен его поймать. Если не сумеешь его поймать, всем нам грозит гибель.

Поднялись братья на вершину горы, нашли там большой камень размером с кабана, накалили его на огне докрасна и бросили вниз.

Увидел бог Окунинуси катящийся с горы раскаленный камень, принял его за красного кабана, поймал, обжегся и в тот же миг испустил дух.

Узнав о смерти любимого сына, его матушка, богиня Сасикунивака-химэ, отправилась на Небо и попросила Ками-мусуби, Бога Священного Творения, вернуть Окунинуси к жизни.

И тогда Бог Священного Творения повелел двум небесным девам — Кисагаи-химэ и Умуги-химэ спуститься на Землю и оживить бога Окунинуси.

Дева по имени Кисагаи-химэ, что значит «Раковина с зазубринами», соскоблила с себя раковину, истолкла ее в порошок.

Дева по имени Умуги-химэ, что значит «Моллюск», смешала этот порошок с водой, и получилась жидкость, похожая на материнское молоко.

Окропили они этой жидкостью обожженное тело бога Окунинуси, и он тотчас же ожил и превратился в прекрасного юношу.

Поняли злые братья, что умысел их не удался, и решили прибегнуть к новой хитрости.

Заманили они бога Окунинуси в горы, срубили большое дерево, а в трещину в стволе вставили клин. Заставили они бога Окунинуси ступить в эту щель и убрали клин. Половины могучего ствола сошлись, зажали между собой бога Окунинуси, и он сразу же умер.

Отправилась матушка Окунинуси в горы искать любимого сына, смотрит по сторонам, а глаза ей слезы застилают.

Вдруг увидела она бога Окунинуси, зажатою между двумя половинами могучего ствола, вытащила его оттуда и оживила.

И сказала она сыну:

— Велика ненависть к тебе твоих братьев. Если ты останешься здесь, тебе несдобровать.

Так молвила матушка бога Окунинуси, и тогда по ее совету он решил убежать в край Деревьев — Ки под покровительство бога лесов Оябико.

Но злые братья проведали об этом и пустились за ним в погоню, держа наготове луки и стрелы. Того и гляди настигнут беглеца.

К счастью, бог Окунинуси догадался спрятаться в многоствольном дереве и так спасся от преследователей.

Испытания бога Окунинуси в Подземной Стране

Узнав о злоключениях бога Окунинуси и о кознях его братьев, бог Оябико сказал так:

— Твой великий предок, бог Сусаноо, пребывает ныне в Подземной Стране. Отправляйся к нему. Наверняка он даст тебе какой-нибудь мудрый совет.

Отправился бог Окунинуси в далекий путь. Когда он достиг Подземной Страны и подошел к дворцу, в котором жил бог Сусаноо, навстречу ему вышла девушка необычайной красоты. Это была Сусэрибимэ, дочь бога Сусаноо. С первого взгляда полюбили они друг друга и сразу же обменялись супружескими клятвами. После этого девушка воротилась во дворец и сказала отцу:

— К нам пожаловал из Наземной Страны прекрасный юный бог.

Вышел бог Сусаноо из дворца, увидел Окунинуси и воскликнул:

— Да ведь это Асихарасикоо, Уродец из Страны Тростниковых Равнин!

Пригласил он юного бога во дворец, но спать уложил в погребке со змеями.

Поняла Сусэри-бимэ, что отец задумал погубить бога Окунинуси, и дала возлюбленному волшебную шаль.

— Когда змеи приблизятся к тебе, — сказала она, — взмахни этой шалью три раза. Тогда они тебя не тронут, и ты останешься невредим.

Сделал бог Окунинуси, как наказала ему Сусэри-бимэ, и змеи не причинили ему вреда. Наутро он как ни в чем не бывало вышел из погреба.

Когда наступила следующая ночь, бог Сусаноо отправил его спать в пчельник. Но Сусэри-бимэ снова дала возлюбленному волшебную шаль, и он остался живым и невредимым.

И тогда бог Сусаноо пустился на новую хитрость. Вышел он вместе с богом Окунинуси в широкое поле, выпустил из лука стрелу и велел юному богу найти ее. Пошел бог Окунинуси искать стрелу, а коварный бог Сусаноо тем временем поджег сухую траву. Быстро занялась трава, и побежал огонь по полю. Понял Окунинуси, что на сей раз не избежать ему гибели.

Но тут откуда ни возьмись появилась мышка и шепнула:

— Вверху тесно, внизу просторно.

Топнул бог Окунинуси ногой и очутился в глубокой норе. Вход же в нее был совсем узким, и поэтому бушующее в поле пламя промчалось мимо. Пока Окунинуси прятался в норе, мышка с мышатами разыскали стрелу и принесли ему.

Увидев объятые огнем поле, Сусэри-бимэ подумала, что возлюбленного ее уже нет в живых, и горько заплакала. А бог Сусаноо, ее отец, обрадовался, что сумел расправиться с юным богом Окунинуси. Каково же было его удивление, когда тот, живой и невредимый, вручил ему стрелу!

И задумал бог Сусаноо еще раз попытаться извести удачливого бога Окунинуси. Позвал он его в свои покои и велел поискать у него в голове. Смотрит Окунинуси, а в волосах у бога Сусаноо копошатся не вши, а огромные ядовитые стоножки.

Растерялся бог Окунинуси, но Сусэри-бимэ подала ему пригоршню плодов дерева муку и красную глину. Принялся бог Окунинуси разгрызать плоды дерева муку и, смешивая их во рту с красной глиной,

выплевывать на пол, будто это были ядовитые стоножки. А бог Сусаноо тем временем задремал.

Тогда бог Окунинуси разделил его волосы на множество прядей и привязал их крепко-накрепко к потолочным балкам. А потом притащил скалу — такую огромную, что сдвинуть ее с места было под силу лишь пяти сотням человек, и заслонил ею выход из покоев бога Сусаноо. После этого посадил он себе на спину Сусэри-бимэ, прихватил с собой драгоценный меч и лук со стрелами, принадлежащие богу Сусаноо, а также волшебную лютню-кото, позволяющую услышать волю небесных богов, и пустился наутек.

Впопыхах задел он лютней о дерево, и содрогнулась земля, и послышался такой грохот, что бог Сусаноо сразу же проснулся. Хотел он броситься в погоню за беглецами, но пока отвязывал волосы от потолочных балок, тех и след простыл.

Выбрался бог Сусаноо из своего дворца и словно ветер полетел вслед за богом Окунинуси и Сусэри-бимэ. Достиг он Плоского Склона, отделяющего царство мертвых от мира живых, и закричал богу Окунинуси:

— Слушай меня, негодник! С помощью драгоценного меча и лука со стрелами, которые отныне принадлежат тебе, изгони своих братьев из страны Идзумо. Настигни их на горных склонах, утопи их в стремнинах рек. И правь страной Идзумо, и носи имя Уцусикунитама — Духа-Хранителя Земной Страны. А дочь моя, Сусэри-бимэ, пусть станет твоей женой. У подножия горы Ука вбей глубоко в землю столбы-опоры и

построй прекрасный дворец. Пусть крыша его вознесется до самой Равнины Высокого Неба. И живи в нем долго-долго!

Сделал Окунинуси, как наказал ему бог Сусаноо. Изгнал он злых братьев из своей земли и сделался правителем страны Идзумо. А Сусэрибимэ стала его женой.

Но не забыл бог Окунинуси прекрасной Ягами-химэ из края Инаба, привез ее в свою страну и сделал второй женой. Однако ревнивая Сусэрибимэ вспылала к ней великой ненавистью. И тогда Ягами-химэ, оставив рожденного ею ребенка в многоствольном дереве, покинула мужа и вернулась в край Инаба. А младенца нарекли богом Киномата, что значит «Многоствольное Дерево». Он научил людей рыть колодцы, за что впоследствии получил имя Мии-но-ками — Бога Священного Колодца.

Было у бога Окунинуси еще множество детей, а те произвели на свет своих потомков. Так возникло семнадцать поколений богов страны Идзумо.

Бог-невеличка, приплывший по морю

Однажды бог Окунинуси отправился на мыс Михо и увидел посреди белопенных волн лодочку из стручка травянистой тыквы, а в ней — крошечное существо в одежде из птичьего оперения.

Когда лодочка причалила к берегу, бог Окунинуси спросил прибывшего, как его имя, но тот не ответил.

Тут случившаяся поблизости жаба, которая знала все на свете, подсказала богу Окунинуси:

— Спроси у пугала по имени Куэбико, что стоит в поле.

Призвал бог Окунинуси к себе Куэбико, и тот объяснил:

— Это — бог по прозванию Сукунабикона — «Малое Имя». Он доводится сыном Ками-мусуби, Богу Священного Творения.

Отправился Окунинуси вместе с богом-невеличкой Сукунабикона на Равнину Высокого Неба и спросил Бога Священного Творения, так ли это.

И Бог Священного Творения ответил:

— Это и правда мой сын. Много у меня детищ, но этот самый непослушный из всех. Проскользнув у меня между пальцами, он убежал на Землю. Отныне ты, Окунинуси, и ты, Сукунабикона, должны стать братьями и вместе управлять Землею и устраивать ее.

Так повелел Бог Священного Творения, и боги Окунинуси и Сукунабикона стали управлять Землею и устраивать ее. Они научили людей врачевать недуги, бороться с вредными пресмыкающимися, насекомыми, зверями и птицами.

А потом бог-невеличка Сукунабикона покинул Землю и удалился в Страну Вечной Жизни, расположенную за далекими морями.

Что же до Куэбико, который открыл богу Окунинуси имя бога-невелички, то он стал духом-хранителем горных полей. Хоть у него и есть ноги, ходить он не может, но зато знает обо всем, что творится в Поднебесной.

Когда бог-невеличка покинул Землю и отправился в Страну Вечной Жизни, бог Окунинуси опечалился и воскликнул:

— Одному мне не под силу управлять страной. Неужели никто из богов не придет мне на помощь?

Вдруг море осветилось божественным сиянием, и послышался голос:

— Если будешь меня почитать, я помогу тебе. В противном случае ждуть тебя неудачи.

— Кто ты? — спросил бог Окунинуси.

— Я — твой бог-хранитель, — ответил голос.

— А как я должен тебя почитать? — снова спросил бог Окунинуси.

— Построй для меня святилище в стране Ямато, окруженной синими горами.

Это был бог Омива, который и по сию пору обитает на вершине горы Миморо — Священное Жилище в стране Ямато.

Посланцы Неба

Когда Земля стала устроенной и процветающей, богиня Солнца Ааматэрасу решила, что править ею должны небесные боги, ее собственные дети.

И сказала богиня Ааматэрасу:

— Пусть этой процветающей страной с ее обширными тростниковыми равнинами и обильными рисовыми полями отныне правит мой старший сын Амэ-но-осихо-мими — Небесный Владыка, Стойкий, словно Рисовый Колос.

С этими словами богиня Ааматэрасу повелела своему старшему сыну спуститься на Землю.

Ступил Небесный Владыка, Стойкий, словно Рисовый Колос, на Небесный Плавающий Мост, соединяющий Небо и Землю, посмотрел с него вниз на Срединную Страну Тростниковых Равнин и увидел, что там буйствуют ярые, непокорные боги.

Воротился он на Равнину Высокого Неба и доложил об этом своей матушке, богине Аматаэрасу. И тогда она вместе с Таками-мусуби, Высоким Богом Священного Творения, собрала на берегу Тихой Небесной Реки восемьсот мириад небесных богов и сказала:

— Я хочу, чтобы отныне Срединной Страной Тростниковых Равнин управлял мой старший сын. Однако в той стране буйствуют ярые, непокорные боги Земли. Кого из небесных богов послать на Землю, чтобы их усмирить?

И тогда бог Омоиканэ, Сопрягающий Мысли, самый мудрый из всех, посоветовал богине Аматаэрасу послать на Землю ее второго сына, бога по имени Амэ-но-хохи — Небесный Рисовый Колос.

Отправился бог Амэ-но-хохи, Небесный Рисовый Колос, на Землю. Однако вместо того, чтобы привести в покорность земных богов, стал заискивать перед богом Окунинуси. Прошло три года, а он все не возвращался.

И снова богиня Аматаэрасу и бог Таками-мусуби созвали на совет небесных богов и сказали им так:

— Бог Амэ-но-хохи, Небесный Рисовый Колос, которого мы отправили в Срединную Страну Тростниковых Равнин, до сих пор не вернулся. Кого из богов послать на Землю на сей раз?

И бог Омоиканэ, самый мудрый из всех, предложил:

— Надобно послать туда бога Амэ-но-вакахико, Небесного Юношу.

Снарядили боги Небесного Юношу в путь, вручили ему небесный лук и оперенную стрелу и отправили на Землю.

Однако тот, спустившись на Землю, не только не вступил в борьбу с богом Окунинуси, но и женился на его дочери, прекрасной Ситатэрухимэ, чтобы самому стать правителем Срединной Страны Тростниковых Равнин. Прошло восемь лет, а он все не возвращался на Равнину Высокого Неба.

В третий раз бог Таками-мусуби и богиня Аматаэрасу созвали на совет небесных богов и обратились к ним с такими словами:

— Бог Амэ-но-вакахико, Небесный Юноша, которого мы отправили на Землю, до сих пор не вернулся. Надобно узнать, почему он так долго задерживается. Кого из богов послать к нему?

И бог Омоиканэ, самый мудрый из всех, ответил:

— Пусть к нему отправляется Птица Плача Фазан.

И повелела богиня Аматаэрасу Фазану:

— Лети в Срединную Страну Тростниковых Равнин и передай богу Амэ-но-вакахико, Небесному Юноше, мои слова: «Тебя отправили на Землю, чтобы усмирить ярых, непокорных богов. С тех пор минуло уже восемь лет. Почему ты не возвращаешься на Небо?»

Слетел Фазан на Землю, сел перед домом Небесного Юноши и повторил слово в слово то, что велела передать ему богиня Аматаэрасу. Но услышала голос птицы нечистая сердцем служанка и сказала богу Амэ-но-вакахико, Небесному Юноше:

— Когда поет Птица Плача Фазан, это не к добру. Нужно ее убить.

Поверил Амэ-но-вакахико этим словам, взял пожалованный ему богами небесный лук, выстрелил в птицу и убил ее.

А стрела, выйдя из груди Фазана, взмыла в небо и упала на берегу Тихой Небесной Реки.

Поднял Таками-мусуби, Высокий Бог Священного Творения, окровавленную стрелу и понял, что это та самая стрела, которая была вручена богу Амэ-но-вакахико.

И молвил Таками-мусуби:

— Если этой стрелой бог Амэ-но-вакахико, Небесный Юноша, поразил ярого, непокорного бога Земли, то она минует его. Если же он поступил противно нашей воле, пусть сам погибнет от этой стрелы!

С этими словами он бросил стрелу в отверстие, сделанное ею в небесном дне. Полетела стрела на Землю, вонзилась богу Амэ-но-вакахико прямо в грудь, и он сразу же испустил дух.

Увидев, что муж умер, прекрасная Ситатэру-химэ принялась рыдать, да так громко, что было слышно на Равнине Высокого Неба. И тогда отец бога Амэ-но-вакахико, а также остававшиеся на Небе его жена и дети спустились на Землю, чтобы оплакать его. Построили они хижину плача, в которую положили умершего. Призвали цаплю и повелели ей вымести хижину. Поручили дикому гусю, зимородку и воробью приготовить жертвенную пищу, а птицу Фазана назначили плакальщицей. После этого восемь дней и восемь ночей кряду они пели и плясали, услаждая душу умершего.

Между тем у бога Амэ-но-вакахико был друг, который доводился братом прекрасной Ситатэру-химэ, и он тоже захотел оплакать

покойного. Пришел он к хижине плача, а поскольку был он как две капли воды похож на Амэ-но-вакахико, отец умершего воскликнул:

— О радость! Я вижу, сын мой не умер!

А небесная жена умершего воскликнула:

— О радость! Я вижу, супруг мой не умер!

Рассердился брат Ситатэру-химэ и сказал:

— Бог Амэ-но-вакахико был моим другом, и поэтому я пришел его оплакать. Но вы приняли меня за мертвого и тем осквернили меня!

С этими словами он выхватил меч, порушил хижину плача и раскидал обломки ее ногами.

И возникла на этом месте Гора Плача — Мояма. Ее и теперь можно увидеть в краю Мино у истоков реки Аими.

Отречение бога Окунинуси

Поскольку ни один из посланцев богини Аматаэрасу так и не вернулся на Небо, она снова обратилась за советом к небесным богам:

— Кого послать на Землю на сей раз?

Долго думали боги. Наконец решили отправить на Землю бога по имени Такэми-кадзути — Могучий Гром.

Призвали небесные боги к себе Такэми-кадзути и, дав ему в помощники бога Амэ-но-торифунэ, что значит «Небесная Птица–Ладья», отправили на Землю, в Срединную Страну Тростниковых Равнин.

И вот спустились эти два бога на побережье Инаса в земле Идзумо неподалеку от дворца, в котором жили бог Окунинуси и его жена Сусэри-бимэ. Обнажили они меч, поставили его на перекрестье волн острием вверх, сели на это острие и, окликнув бога Окунинуси, объявили:

— Мы — посланцы небесных богов. Великой богине Солнца Аматаэрасу угодно, чтобы отныне этой страной правил ее сын. Что ты на это скажешь?

И молвил бог Окунинуси:

— Я уже стар годами и, прежде чем ответить, должен посоветоваться со своим сыном Котосиронуси, Владыкой Слов. Но сейчас его нет — он отправился на священный мыс Михо поохотиться на птиц и половить рыбу.

Тогда бог Амэ-но-торифунэ, Небесная Птица–Ладья, отправился за богом Котосиронуси.

И тот сказал отцу:

— Подчинись воле небесных богов и передай эту страну потомку Великой богини Солнца Аматаэрасу.

С этими словами он хлопнул в ладоши, ступил в лодку, на которой приплыл с мыса Михо, перевернулся вместе с нею и скрылся из виду.

И спросили посланцы Неба бога Окунинуси:

— Есть ли у тебя еще сыновья, с которыми ты хотел бы посоветоваться, прежде чем объявить нам свое решение?

И бог Окунинуси ответил:

— Есть у меня еще один сын, Такэминаката — Могучее, Нерушимое Имя.

В этот миг перед посланцами небесных богов появился бог Такэминаката, держа на кончиках пальцев скалу — та-кую огромную, что сдвинуть ее с места было по силам лишь тысяче человек.

И спросил он зычным голосом:

— Кто это пожаловал к нам и шепотом переговаривается с моим отцом? Ну-ка, померяемся силами!

С этими словами он ухватил бога Такэми-кадзути за руку, но она тотчас превратилась в кусок льда, а потом в меч с острым лезвием. И бог Такэминаката отпрянул в испуге.

— Теперь мой черед! — воскликнул Такэми-кадзути, Могучий Гром, и, схватив противника за руку, вырвал ее, словно это был молодой побег тростника.

Недолго думая, силач Такэминаката обратился в бегство. Но бог Такэми-кадзути пустился за ним в погоню и настиг его на берегу озера Сува в краю Синано.

И тогда бог Такэминаката взмолился о пощаде и обещал впредь никогда не противиться воле небесных богов.

Воротился Такэми-кадзути в Идзумо и сказал богу Окунинуси:

— Твои сыновья покорились воле небесных богов. Теперь слово за тобой.

И ответил бог Окунинуси:

— Вслед за своими сыновьями я отрекаюсь от этой страны в пользу потомков Великой богини Солнца Аматаэрасу. От ныне все земные боги, мои потомки, будут покорны воле Неба и станут служить небесным богам. Я же отправлюсь на перекресток восьмидесяти дорог и удалюсь в Подземную Страну.

Так сказал бог Окунинуси, и Такэми-кадзути поспешил вернуться на Равнину Высокого Неба, чтобы доложить богине Аматаэрасу о покорении

Срединной Страны Тростниковых Равнин.

Сошествие на землю бога Ниниги

И тогда богиня Солнца Аматаэрасу сказала своему старшему сыну, богу Амэ-но-осихо-мими — Небесному Владыке, Стойкому, словно Рисовый Колос:

— Страна Тростниковых Равнин умиротворена. Спускайся на Землю и управляй ею.

И ответил бог Амэ-но-осихо-мими:

— Я готов отправиться на Землю. Но за это время успел подрасти мой сын Амацу-хидака-хикохо-но-ниниги — Высокий, как Небо, Тучный Рисовый Колос. Ему сподручнее править Срединной Страной Тростниковых Равнин.

И решила богиня Аматаэрасу сделать правителем земной страны бога Ниниги, своего внука.

Стал Ниниги собираться в путь, но узнали небесные боги, что на перекрестке восьми небесных дорог появился какой-то неведомый бог с носом длиною в семь пядей, огромными, как зеркала, красными глазами и ртом, из которого струится свет, озаряя и Небо и Землю.

Призвала богиня Аматаэрасу к себе Амэ-но-удзумэ, Отважную Деву Неба, и сказала ей:

— Хоть ты и женщина, но не ведаешь страха. Ступай на перекресток восьми небесных дорог и выясни, кто преграждает путь моему внуку.

Сделала богиня Амэ-но-удзумэ, как ей велели, и узнала, что это один из земных богов по имени Сарудахико. Он услышал о готовящемся сошествии на Землю потомка небесных богов и явился, чтобы указать ему дорогу.

Богиня Аматаэрасу принялась снаряжать в путь внука, бога Ниниги. Дала она ему свиту из восьми небесных богов, среди которых были Амэ-но-удзумэ, Отважная Дева Неба, бог Омо-иканэ, Податель Мудрых Советов, и бог Тадзикарао, Небесный Силач.

Потом богиня Аматаэрасу вручила внуку священную яшму, зеркало, с помощью которого ее выманили из Небесного Грота, и меч «Кусанаги», «Косящий Траву», который бог Сусаноо некогда добыл из хвоста Восьмиглавого Змея.

С тех пор зеркало, меч и яшма служат священными символами власти японских государей.

Вручая внуку зеркало, богиня Амагэрасу наказала:

— Считай это зеркало моим духом и почитай его так же, как почитаешь меня.

С таким напутствием бог Ниниги покинул Равнину Высокого Неба и, расталкивая восемь гряд облаков, стал спускаться на Землю.

Ступив на Небесный Плавающий Мост, он увидел гору Тысячи Высоких Рисовых Колосьев, стоящую на земле Химука, и сошел на вершину этой горы.

И молвил бог Ниниги:

— Благословенна эта страна, озаряемая лучами утреннего солнца, освещаемая лучами вечернего солнца!

Здесь, на земле Химука, бог Ниниги возвел для себя дворец с вбитыми глубоко в землю столбами-опорами и уходящей в небо крышей и поселился в нем.

Что же до Сарудахико, указавшего потомку небесных богов дорогу сюда, то бог Ниниги повелел богине Амэ-но-удзумэ с почестями проводить его домой, в землю Исэ.

Сделала богиня Амэ-но-удзумэ, как ей велели. Добравшись до земли Исэ, она созвала всех рыб, больших и малых, что обитают в тамошних морях, и спросила:

— Согласны ли вы служить богу Ниниги, потомку Великой богини Солнца Амагэрасу?

И тогда все рыбы ответили:

— Да, мы согласны ему служить.

И только один трепанг промолчал.

— Видно, у тебя нет рта, поэтому ты и не отвечаешь! — воскликнула богиня Амэ-но-удзумэ и, взяв нож, прорезала ему рот.

С тех пор у всех трепангов есть рот.

А про бога Сарудахико рассказывают такую историю.

Как-то ловил он рыбу на морском берегу. Вдруг рука его застряла между створками раковины, и он ушел на дно. После этого ему дали прозвище — Священный Дух, Достигший Дна. Пока он спускался на дно, от его дыхания в воде вскипали пузырьки, и за это его прозвали: Священный Дух Вскипающих Пузырьков. А поскольку, поднимаясь кверху, пузырьки лопались, его нарекли еще одним именем: Священный Дух Лопающихся Пузырьков.

Дева, Прекрасная, как Цветущая Вишня

Однажды бог Ниниги встретил на мысе Касаса прекрасную деву и спросил, чья она дочь.

И дева ответила:

— Я — дочь бога по имени Оямацуми, Великий Владыка Гор, и зовут меня Ко-но-хана-сакуя-химэ — Дева, Прекрасная, как Цветущая Вишня.

— А есть ли у тебя братья? — спросил бог Ниниги.

— Нет, у меня есть только старшая сестра. Ее имя Иванага-химэ, Дева, Долговечная, как Скала.

Тогда бог Ниниги сказал:

— Я хочу, чтобы ты стала моей женой.

Но дева молвила:

— Сама я не могу дать вам ответ. Спросите сначала моего отца.

И бог Ниниги отправил к Великому Владыке Гор своего посланца с просьбой отдать ему в жены дочь.

Обрадовался Великий Владыка Гор, послал будущему зятю щедрые дары и отправил к нему не одну, а обеих своих дочерей.

В отличие от младшей сестры, прекрасной Сакуя-химэ, Иванага-химэ была необычайно дурна собой. Взглянул на нее бог Ниниги и, недолго думая, отправил обратно к отцу. А Сакуя-химэ взял себе в жены. Обиделся Великий Владыка Гор на бога Ниниги за то, что он пренебрег его старшей дочерью, Иванага-химэ, и велел передать ему такие слова:

— Я отдал тебе обеих своих дочерей не без умысла. Посылая к тебе старшую дочь, я хотел, чтобы жизнь твоя была вечной и нерушимой, как скала, которой не страшны ни бури, ни ветры. Посылая к тебе младшую дочь, я хотел, чтобы жизнь твоя была счастливой и прекрасной, как цветущая вишня. Ты же взял в жены Сакуя-химэ, а Иванага-химэ отправил обратно. Так пусть твоя жизнь и жизнь твоих потомков будет непрочной и мимолетной, как срок цветения вишни!

Вот почему с тех пор и поныне век небесных государей недолог.

Прошло время. Сакуя-химэ почувствовала, что скоро родит, и сказала об этом мужу, богу Ниниги. А тот удивился и заподозрил ее в неверности.

И тогда Сакуя-химэ молвила:

— Если я вам неверна, роды мои не будут благополучными. Но я благополучно разрешусь от бремени, если на мне нет вины.

Построила Сакуя-химэ для себя хижину, вошла в нее и замуровала вход землю. А когда пришло время ей родить, она подожгла хижину

изнутри и благополучно произвела на свет троих сыновей.

Первый сын родился, когда пламя только запылало, и она нарекла его Ходэри — Сияющий Огонь. Второй сын родился, когда пламя охватило всю хижину, и она нарекла его Хосусэри — Бушующий Огонь. А третий сын родился, когда пламя стало утихать, и она нарекла его Хоори — Слабеющий Огонь.

Все они были потомками бога Ниниги.

Удача на море и удача в горах

Бог Ходэри, Сияющий Огонь, был удачлив на море. Он занимался тем, что ловил в море рыб, больших и малых. А его младший брат бог Хоори, Слабеющий Огонь, был удачлив в горах. Он занимался тем, что охотился в горах на зверей.

Однажды бог Хоори сказал своему брату, богу Ходэри:

— Давай обменяемся с тобою снастью — я отдам тебе свой лук и стрелы, а ты отдашь мне свой рыболовный крючок.

Трижды обращался бог Хоори к брату с этой просьбой, но тот все не соглашался. Но в конце концов поддался на уговоры и обменялся с богом Хоори снастью.

Отправился бог Хоори ловить рыбу, но ничего не поймал и вдобавок уронил рыболовный крючок в море. Воротился он домой, а старший брат ему говорит:

— Твоя удача — это твоя удача, а моя удача — это моя удача. Каждый из нас должен заниматься своим делом. Верни мне мой рыболовный крючок, а я верну тебе твои лук и стрелы.

И ответил бог Хоори:

— Я ловил рыбу твоим крючком, но ничего не поймал и вдобавок упустил крючок в море.

Но старший брат и слушать его не хотел, требовал обратно свой крючок.

Взял бог Хоори меч, сделал из него пять сотен рыболовных крючков и принес их брату взамен потерянного. Но тот не пожелал их принять.

Опечалился бог Хоори, пошел на берег моря и принялся горько плакать. Увидел его бог Сиоцуги, Владыка Морских Переправ, и спрашивает:

— Почему ты плачешь?

И ответил бог Хоори:

— Обменялись мы со старшим братом снастью. Я взял его рыболовный крючок и пошел ловить рыбу, но ничего не поймал и вдобавок упустил крючок в море. А брат потребовал, чтобы я его вернул. Тогда я сделал взамен потерянного пять сотен новых крючков. Но он не принял их и велел мне принести тот самый крючок, который он мне дал. Потому я и плачу.

Выслушал его Владыка Морских Переправ и молвил:

— Я помогу твоему горю.

С этими словами сплел он из бамбука ладью, посадил в нее бога Хоори и сказал:

— Сейчас я оттолкну эту ладью от берега, а ты плыви в ней, куда не увидишь посреди моря дороги. Эта дорога приведет тебя к дворцу, сверкающему подобно рыбьей чешуе. В том дворце живет бог Ватацуми — Морской Владыка. У ворот ты увидишь источник, а рядом с ним растет коричное дерево с раскидистыми ветвями. Влезь на это дерево и жди. Дочь Морского Владыки непременно заметит тебя и придумает, как тебе помочь.

Сделал Хоори, как наказал ему бог Сиоцути, добрался до дворца Морского Владыки, влез на коричное дерево и стал ждать. И вот к источнику пришла служанка дочери Морского Владыки с драгоценным кувшином в руке. Наклонилась она к источнику, чтобы набрать воды, а в нем сияние. Удивилась она, подняла голову и увидела сидящего на дереве прекрасного юношу.

Попросил бог Хоори у нее напиться. Девушка зачерпнула в кувшин воды и подала ему. Однако тот не стал из него пить, а отвязал от висящего на шее яшмового ожерелья бусину и бросил в кувшин. Пристала бусина к кувшину, да так крепко, что девушка не смогла ее вынуть. Так и отнесла своей хозяйке, дочери Морского Владыки, которую звали Тоётама-химэ, Девой Изобильных Жемчужин.

Заглянула Тоётама-химэ в кувшин, увидела в нем бусину и спрашивает:

— Нет ли кого-нибудь за воротами дворца?

И служанка ответила:

— На коричном дереве, что растет около источника, сидит прекрасный юноша. Он попросил у меня напиться, и я подала ему кувшин, только он не стал из него пить, а вместо этого бросил в него бусину от своего ожерелья. И так крепко пристала она к кувшину, что я не смогла ее вынуть.

Удивилась Тоётама-химэ, вышла из дворца, увидела сидящего на дереве бога Хоори и с первого взгляда полюбила его.

Вернувшись во дворец, она сказала отцу:

— К нам пожаловал прекрасный юноша.

Вышел Морской Владыка за ворота, увидел бога Хоори и воскликнул:

— Это — потомок великих небесных богов!

Пригласил он гостя во дворец, постелил восемь циновок из шкуры морского льва, а поверх них еще восемь шелковых циновок и усадил на них бога Хоори. Поднес он гостю щедрые дары, устроил пир и отдал ему в жены свою дочь — прекрасную Тоётама-химэ.

Три года провел бог Хоори в стране Морского Владыки. И вот однажды вспомнил он родину и тяжело вздохнул.

Услышала Тоётама-химэ, как он вздыхает, и наутро сказала отцу:

— Вот уже три года прожили мы с мужем, и я ни разу не видела его печальным, а прошлой ночью он тяжело вздохнул. С чего бы это?

Встревожился Морской Владыка и обратился к зятю:

— Нынче утром дочь сказала мне, что ты тяжело вздыхаешь. Что тебя печалит? И зачем ты пожаловал сюда, в Подводное Царство?

И поведал ему бог Хоори, как упустил в море рыболовный крючок своего брата и как тот потребовал его назад.

Созвал Морской Владыка всех живущих в его царстве рыб, больших и малых, и спросил, не знают ли они о пропавшем крючке.

И ответили рыбы:

— Недавно в горле у морского окуня застряло что-то острое и мешает ему глотать. Наверняка это и есть тот самый рыболовный крючок.

Призвал Морской Владыка к себе окуня, и действительно в горле у него оказался тот самый крючок, который потерял бог Хоори. Вытащил Морской Владыка его из горла окуня, омыл и вручил зятю с такими словами:

— Когда будешь возвращать этот крючок своему брату, встань к нему спиной и скажи: «Крючок-разиня, крючок-торопыга, крючок-разоритель, крючок-неумеха». После этого не будет ему удачи на море. И еще: если твой брат станет выращивать рис на сухих полях, ты выращивай его на заливных полях. Если же он станет выращивать рис на заливных полях, ты выращивай его на сухих полях. Я повелеваю водной стихией и сделаю так, что в течение трех лет твой брат станет бедняком. После этого он возненавидит тебя и захочет причинить тебе зло. Но я дам

тебе волшебную жемчужину, способную вызывать прилив. Достань ее — и брат твой утонет в морской пучине. Если же он примется молить тебя о пощаде, я дам тебе еще одну волшебную жемчужину, способную вызывать отлив. Достань ее — море тотчас же отступит, и брат твой останется жив. После этого он уже не будет тебе досаждать и станет твоим слугой.

С этими словами Морской Владыка вручил богу Хоори две волшебные жемчужины, а потом призвал к себе всех живущих в море крокодилов и сказал:

— Мой зять, потомок великих небесных богов, отправляется домой, в Наземную Страну. Сколько дней понадобится каждому из вас, чтобы доставить его домой и воротиться назад?

И тогда каждый из крокодилов назвал число дней по длине своего тела. Когда же очередь дошла до самого младшего из них, длиною всего в один локоть, он заявил:

— Я доставлю его домой и вернусь назад за один день.

Усадил Морской Владыка зятя верхом на этого крокодила, и тот доставил бога Хоори из Подводного Царства в Наземную Страну. Возвратившись домой, бог Хоори поступил так, как наказывал ему Морской Владыка, и предсказание его сбылось. Не прошло и трех лет, как бог Ходэри стал бедняком. Возненавидел он младшего брата и задумал его погубить. Тогда бог Хоори достал волшебную жемчужину, вызывающую прилив, и Ходэри погрузился в морскую пучину, того и гляди, утонет. Принялся он молить брата о пощаде. Достал бог Хоори вторую жемчужину, вызывающую отлив, — в тот же миг море отступило, и бог Ходэри остался невредим.

После этого он склонил голову и сказал богу Хоори:

— Отныне я стану денно и ночью охранять тебя и буду служить тебе верой и правдой.

Сказание об императоре Дзимму, первом японском государе

После смерти бога Хоори страной Химука, Обращенной к Солнцу, стали править Ямато Иварэбико и его старший брат Ицусэ.

Со временем Ямато Иварэбико прославился многочисленными подвигами, подчинил себе страну Ямато и стал ее государем, известным под именем Дзимму — Божественный Воин.

Вот как это было.

Прослышали братья, что в восточной стороне лежат земли, правители которых непокорны воле небесных богов, и решили привести их в повиновение. Собрали они могучую дружину, сели на корабли и отправились на восток. Побывали они в землях Тоё, Аги и Кибидо и установили там свое владычество, а потом, спустя шестнадцать лет,

достигли бухты Сираката, что находится в земле Томи, и высадились на берег.

Землею Томи правил великан по имени Нагасунэ — Длинноногий. Увидел он несметную рать во главе с Ямато Иварэбико и Ицусэ и понял, что они хотят отобрать у него землю. Созвал он тогда свое войско и вступил с ними в бой.

В разгар битвы Нагасунэ выпустил смертоносную стрелу и ранил Ицусэ в руку.

И сказал Ицусэ:

— Я — потомок великой богини Солнца и потому не должен был сражаться с противником, обратившись к Солнцу лицом. Из-за этого меня и поразила стрела презренного злодея. Если бы мы зашли к неприятелю с другой стороны, то наверняка разгромили бы его.

Повернули воины, возглавляемые потомками небесных богов, вспять. Сели они на корабли и поплыли к югу, чтобы зайти к неприятелю с другой стороны. Омыл Ицусэ руку в море, и сделалось оно красным от пролившейся из его раны крови. С тех пор зовется это море Тину — Кровавым.

Когда их войска высадилось на берег, Ицусэ почувствовал, что умирает.

— Неужели я должен погибнуть, сраженный вражеской стрелой? — воскликнул Ицусэ и с этими словами испустил дух. Мужественно принял он свой конец, как и подобает настоящему воину. Вот почему бухта, около которой он умер, получила название О-но Минато, что значит «Бухта Мужества».

Похоронив брата на горе Кама в земле Ки, Ямато Иварэбико повел свою дружину дальше. Вблизи селения Кумано, Медвежья Долина, из-за гор появился огромный медведь. Это был живший в горах злой дух. Напустил он на Ямато Иварэбико и его воинов морок, и упали они на землю, и заснули мертвым сном.

Но один из жителей этого селения по имени Такакура, Высокий Амбар, принес спящему Ямато Иварэбико волшебный меч, и он сразу же очнулся ото сна.

— Как долго я спал, — молвил он.

Стоило ему взять в руки волшебный меч, как все его воины проснулись, а все обитающие в горах злые духи сами собой оказались повержены.

И тогда Ямато Иварэбико спросил своего избавителя, как к нему попал волшебный меч.

И Такакура рассказал:

— Ночью мне приснился диковинный сон. Привиделось мне, будто Великая богиня Солнца Аматаэрасу и бог Таками-мусуби призвали к себе бога по имени Такэми-кадзути — Могучий Гром и сказали ему: «Срединная Страна Тростниковых Равнин объята смутой, и жизни моего потомка угрожает опасность. Однажды ты уже умиротворил эту страну. Отправляйся туда снова и наведи там порядок». А бог Такэми-кадзути молвил в ответ: «У меня есть волшебный меч, который помог мне умиротворить эту страну. Я брошу его сквозь отверстие в крыше амбара, который принадлежит человеку по имени Такакура». После этого бог Такэми-кадзути обратился ко мне, недостойному, с такими словами: «Утром ты найдешь в своем амбаре чудесный меч. Возьми его и отнеси потомку Великой богини Солнца». Вот каким образом у меня оказался этот меч.

Так рассказал житель селения по имени Такакура. А следующей ночью Ямато Иварэбико тоже увидел вещий сон. В этом сне явился ему бог Таками-мусуби и сказал: «Не ходи в глубь этой страны, ибо населена она несметным множеством злых богов. Я пошлю к тебе Небесного Ворона, который будет указывать тебе путь».

Не успел Ямато Иварэбико проснуться, как с неба слетел огромный ворон и стал указывать ему путь. Следуя за ним, он благополучно добрался до реки Эсино. Там он встретил рыбака и спросил его:

— Кто ты?

И тот ответил:

— Я — один из земных богов по имени Ниэмоцу, Приносящий Пожертвования.

Потом Ямато Иварэбико увидел светящийся колодец, из которого вышло существо с хвостом.

— Кто ты? — спросил Ямато Иварэбико и услышал в ответ:

— Я — земной бог по имени Ихика, Светящийся Колодец.

Пошел Ямато Иварэбико дальше, и перед ним, раздвигая скалы, возникло еще одно хвостатое существо.

— Кто ты? — спросил он.

— Я — земной бог по прозвищу Ива-осиваку, Раздвигающий Скалы. Узнав, что в эти края пожаловал потомок небесных богов, я вышел приветствовать его.

Так, не встретив сопротивления, Ямато Иварэбико и его дружина достигли земли Уда.

В той земле жили два брата: Эукаси и Отоукаси. Послал к ним Ямато Иварэбико Небесного Ворона, и тот спросил:

— Станете ли вы служить потомку Великой богини Солнца?

Вместо ответа Эукаси выпустил в ворона гудящую стрелу, давая понять, что хочет сразиться с Ямато Иварэбико. С тех пор место, куда упала стрела, зовется Кабурадзаки — Мысом Гудящей Стрелы.

Стал Эукаси собирать войско, чтобы сразиться с ратью Ямато Иварэбико, но никто в тех краях не хотел выступать против потомка небесных богов. И тогда Эукаси решил одолеть врага хитростью. Притворился он, что готов служить Ямато Иварэбико, построил для него просторные покои, а под ними вырыл глубокую яму и сделал в полу неприметное отверстие.

Однако Отоукаси предупредил Ямато Иварэбико о коварном замысле своего брата. И тогда приближенные Ямато Иварэбико призвали к себе Эукаси и сказали ему:

— Ну-ка, войди в построенные тобой покои и покажи, как ты намерен служить потомку Великой богини Солнца!

С этими словами они обнажили мечи, взяли в руки луки со стрелами и заставили злодея войти в приготовленные для Ямато Иварэбико покои. Провалился Эукаси в яму и умер.

После этого Ямато Иварэбико продолжил свой поход и достиг земли Осака. Была в той земле огромная пещера, и жили в ней чудовища, похожие на земляных пауков, лютые и воинственные. Чтобы сокрушить их, Ямато Иварэбико пустился на хитрость: устроил он для них пир и к каждому под видом слуг приставил своих воинов, которые по его сигналу выхватили мечи и зарубили чудовищ насмерть.

А потом Ямато Иварэбико вернулся в землю Томи, чтобы разгромить войско великана Нагасунэ, отомстить ему за смерть своего брата.

Так, сокрушив всех врагов — буйных богов и непокорных людей, — Ямато Иварэбико подчинил себе восточные земли и стал правителем страны Ямато.

Вскоре сыскалась ему достойная супруга — красавица Исукээрихимэ. Поселились супруги во дворце Касибара близ горы Унэби, и родилось у них трое сыновей.

Долго и счастливо правил Ямато Иварэбико Поднебесной и дожил до ста тридцати семи лет.

Сказание об отважном Ямато Такэру

У двенадцатого по счету японского государя Кэйко было два сына. Прослышал он, что в краю Мино живут сестры-красавицы Эхимэ и Отохимэ, и повелел своему старшему сыну доставить их во дворец. А тот увидел прекрасных дев, полюбил их и взял себе в жены. К отцу же он привез двух других девушек и сказал, что это и есть Эхимэ и Отохимэ. Но государь Кэйко заподозрил обман. Усовестился старший сын и стал избегать отца.

Призвал к себе государь младшего сына по имени Оусу и сказал ему:

— Твой брат избегает меня, не выходит ни к утренней, ни к вечерней трапезе. Ступай к нему и скажи, чтобы впредь он не нарушал обычая.

Прошло пять дней, но старший сын по-прежнему не появлялся в покоях отца и не делил с ним ни утренней, ни вечерней трапезы. Разгневался государь пуще прежнего, призвал к себе младшего сына и спросил:

— Почему твой брат упорствует в своем непослушании? Или ты забыл выполнить мое приказание?

— Нет, я выполнил ваше приказание, — как ни в чем не бывало ответил Оусу. — Я подстерег брата, вырвал у него руки и ноги, завернул их в рогожу и бросил во дворе.

Выслушал государь своего сына и понял, что, несмотря на юный возраст, нрав у него буйный и что он способен на любое безрассудство. И тогда он сказал сыну:

— В западной стороне живет непокорное племя кумасо. Во главе этого племени стоят два брата. Отправляйся туда и сокруши их.

Подчинился Оусу воле отца и стал снаряжаться в путь. Попросил он у своей тетки, верховной жрицы храма богини Аматаэрасу, ее одежды, спрятал за пазухой короткий меч и отправился на запад.

И вот достиг он земли, где жило непокорное племя кумасо. Атам как раз готовился пир по случаю возведения новых покоев. Распустил Оусу волосы, облачился в одежды своей тетки и, смешавшись с толпой прислужниц, неузнанным пробрался в помещение, где пировали вожди кумасо.

Увидели они пригожую девушку, усадили ее между собой и предались веселью. А когда они захмелели, Оусу незаметно вытащил из-под одежды меч и вонзил его в грудь старшему из братьев. Младший брат

попытался спастись бегством, но Оусу настиг его и вонзил клинок ему в спину.

И обратился к нему поверженный вождь с такими словами:

— Прежде чем убить меня, открой мне свое имя.

И сказал Оусу:

— Я — сын государя страны Ямато. Дошло до него, что ты и твой брат стоите во главе враждебного, непокорного племени, и повелел он мне расправиться с вами.

И молвил поверженный вождь:

— До сих пор не было никого, кто осмелился бы пойти против нас. Я не знал, что в стране Ямато есть такой храбрец, как ты. Зовись же отныне Ямато Такэру — Храбрецом из Ямато!

С тех пор Оусу взял себе имя Ямато Такэру.

Сокрушив вождей враждебного племени кумасо, пустился он в обратный путь.

Дорога его лежала через Идзумо, а в той земле жил злодей по имени Идзумо Такэру — Храбрец из Идзумо. И задумал Ямато Такэру расправиться с ним. Сделал он из дуба меч и предложил Идзумо Такэру искупаться в реке. Сняли они с себя одежды и стали плавать в реке, а когда вышли на берег, Ямато Такэру незаметно обменялся с Идзумо Такэру мечами и вызвал его на поединок. Тот, не чуя подвоха, согласился, но сколько ни пытался он вытащить из ножен меч, ничего у него не получалось, ведь был тот меч ненастоящим. Тут Ямато Такэру и победил его.

Воротился он домой и доложил отцу, что поручение его выполнено. А государь Кэйко, не дав сыну передохнуть после трудного похода, задал ему новую задачу.

— В землях, что расположены в восточной стороне, — сказал он, — живет мятежное племя эбису. Отправляйся туда и приведи его в покорность государю страны Ямато.

С этими словами дал он сыну богатырское копье из падуба и отправил Ямато Такэру покорять мятежное племя.

Дорога на восток пролежала через землю Исэ, где был храм Великой богини Солнца Аматаэрасу. Вознес Ямато Такэру ей молитву, а потом обратился к своей тетке, верховной жрице этого храма, с такими словами:

— Видно, жаждет отец моей гибели. Не успел я возвратиться домой, покорив враждебное племя кумасо, как он повелел мне снова собираться в путь ради усмирения мятежного племени эбису. Не дал он мне даже малого войска, и я должен сражаться с врагами в одиночку.

Выслушала его добрая сердцем жрица и дала ему на прощание драгоценный меч «Кусанаги» — «Косящий Траву», который еще бог Сусаноо добыл из хвоста Восьмиглавого Змея, и волшебную суму.

— Если случится с тобой беда, — сказала она, — развяжи эту суму и останешься живым и невредимым.

Простился Ямато Такэру с теткой и отправился в путь. Вскоре достиг он земли Сагаму. А коварный правитель той земли решил его погубить. Вывел он Ямато Такэру в широкое поле и сказал:

— Там, посреди поля, есть большое болото, и живет в нем страшное чудище, от которого никому нет покоя.

Поверил Ямато Такэру словам лукавого правителя и задумал одолеть злое чудище. Пошел он по полю, а коварный правитель тем временем

поджег траву. Понял Ямато Такэру, что ждет его неминуемая гибель. Но тут он вспомнил про волшебную суму, развязал ее и увидел в ней кремень и огниво. Тогда взял он драгоценный меч «Кусанаги», срезал вокруг себя траву, а потом высек огонь и подпалил ее. И побежал огонь навстречу подступающему пламени и остановил его. А Ямато Такэру не только избежал гибели, но и отомстил коварному правителю.

Чтобы добраться до земли, где обитало мятежное племя эбису, нужно было переплыть море. Сел Ямато Такэру в лодку, но бог-повелитель морской стихии поднял бурю, и попала лодка в бурлящий водоворот. Ни вперед не было ей ходу, ни назад, и носило ее по волнам, словно упавший с дерева лист.

Но была у Ямато Такэру жена, прекрасная Ототатибана, Дева-Померанец. И решила она пожертвовать собой и сойти вместо мужа в морскую пучину. Постелила она на волнах восемь циновок из кожи и еще восемь шелковых циновок и села на них. Как только проглотили ее морские воды, буря улеглась, и лодка с Ямато Такэру благополучно пристала к берегу.

Сокрушил он мятежное племя эбису, усмирил злых, непокорных богов, затаившихся в горах и реках, и пустился в обратный путь.

У подножия горы Асигара сделал он остановку, чтобы подкрепиться. Вдруг перед ним появился бог-владыка этой горы в образе белого оленя. Взял Ямато Такэру стрелку недоеденной пахучей травы нира, метнул в оленя и попал ему прямо в глаз. И тотчас же рухнул олень замертво.

Пошел Ямато Такэру дальше. Прослышал он, что на горе Ибуки обитает злое божество, и, обуянный гордыней, воскликнул:

— Я одолею его голыми руками!

Услышало его божество горы Ибуки. Не успел Ямато Такэру добраться до вершины, как пошел страшный град. А вдобавок божество горы напустило на него морок, и он едва не лишился чувств.

Насилу опаматовавшись, Ямато Такэру омыл лицо водою чистого ручья и только после этого смог продолжить путь.

Очутившись на равнине Таги в земле Мино, он горестно вздохнул и воскликнул:

— Когда-то я хотел парить, как птица в небе, но теперь ноги не слушаются меня, словно я бреду по ухабам.

С тех пор и зовется эта равнина Таги — Ухабистая.

Взял он посох и, преодолевая слабость, побрел дальше. С тех пор горный склон, по которому он шел, опираясь на посох, зовется

Суэцукидзака — Посох–Опора.

Вскоре Ямато Такэру совсем занемог и, тоскуя о доме, испустил дух. Узнав о его кончине, из страны Ямато прибыли его близкие. Построили они усыпальницу и принялись оплакивать покойного. Но вдруг из усыпальницы вылетела огромная белая птица и, поднявшись высоко в небо, полетела в сторону моря.

Опустилась птица в земле Кавати, и там построили новую усыпальницу и назвали ее «Усыпальницей белой птицы».

Но и оттуда выпорхнула белая птица, взмыла в небо и исчезла в вышине.

МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ КИТАЯ

О. Курган, С. Чумаков

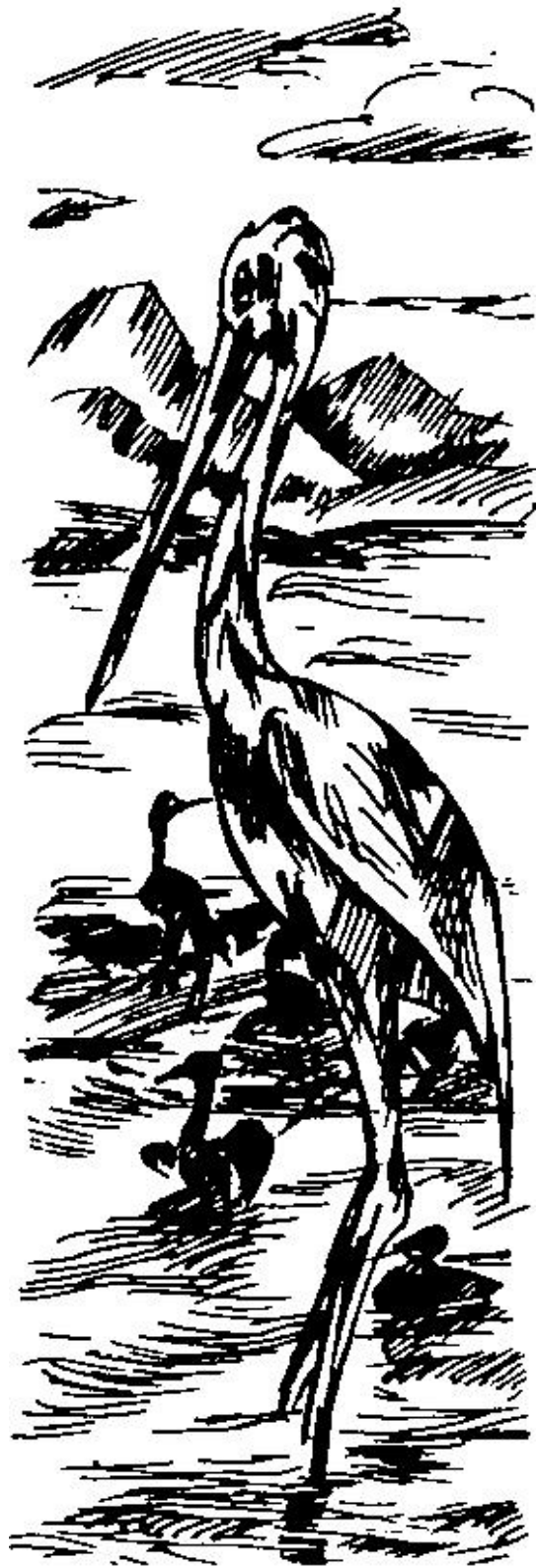

Срединная, Поднебесная

Китай — огромная и самая населенная страна в мире. Его история и культура насчитывают много тысячелетий. Когда в Европе, одетые в звериные шкуры, бродили охотники вооруженные копьями с каменными наконечниками, а в Древнем Египте еще не было пирамид, в Китае жили и трудились десятки миллионов людей. Крестьяне возделывали рисовые поля и разводили скот, на берегах великих рек Янцзы, Хуанхэ, на побережьях морей процветали города. Правители властвовали над народом и воевали между собой философы рассуждали о вселенских проблемах и излагали свои идеи в трактатах, писатели и поэты создавали стихи и прозу, талантливые люди изобретали замечательные вещи. Из Китая к нам пришли фарфор и бумага, шелк и порох, письменность, печатный станок и компас. И футбол, возможно, родом из Китая. И ракета — в виде фейерверка — придумана в Китае за много тысячелетий до стартов космических кораблей. Мудрый и талантливый народ создал множество преданий о богах, олицетворяющих силы природы о героях, помогавших людям бороться со всеми напастями, бедами, болезнями, которые представлялись в виде драконов, духов, ни на что не похожих зверей, птиц и жителей морских глубин.

Правители, чтобы укрепить свою власть, старались с помощью услужливых писателей, богословов, философов до казать свое божественное происхождение. В Китае даже «вычислили», когда точно, в какие годы, сколько лет правил тот или иной мифический император. Земная власть подобна небесной. И на небе, считали китайцы, есть свои императоры — великие государи, а у них — собственная администрация: министры, чиновники, полководцы.

Древние китайцы были уверены, что страна их — центр мира, и называли ее поэтому «Срединная империя», что Китай — ближе всего к богам, у которых в таинственных горах Куньлунь есть земная обитель — «Поднебесная империя».

Рождение Паньгу

В Китае считали: когда земля еще не отделилась от неба, вся Вселенная была яйцом, заполненным хаосом. В этом яйце сам собою зародился и вырос Паньгу. Он, свернувшись клубочком, заснул на восемнадцать тысяч лет, потому что не знал, что делать дальше. Пока спал Паньгу, рядом с ним сами собой появились долото и большой топор, которые стали давить его в бок. Паньгу проснулся, но ничего, кроме липкого мрака, не ощутил. Сердце его наполнилось тоской. Он взял топор, изо всех сил ударил по долоту. Раздался оглушительный грохот, который бывает, когда трескаются горы, и... яйцо расколосось! Все легкое и чистое — ян — тотчас же поднялось вверх и образовало небо, а тяжелое и грязное — инь — опустилось и стало землею. Так небо и земля благодаря удару топора отделились друг от друга. А у Паньгу тоска прошла, потому что он хорошо поработал. Но место тоски тотчас занял страх: а вдруг небо и земля снова соединятся! Паньгу уперся ногами в землю и подпер головою небо. Каждый день он подрастал на один чжан. А чжан — это три метра. На такое же расстояние отдалялось небо от земли. Рядом с Паньгу так же быстро росло дерево, корни которого прочно сидели в земле, а ветви не хотели отрываться от неба.

Прошло еще восемнадцать тысяч лет. Небо поднялось очень высоко. Земля стала толстой. Тело Паньгу тоже выросло необычайно. И дерево стало такой же высоты, как великан. Это очень волновало Паньгу. Ведь он не хотел, чтобы земля и небо были соединены. Он стал бить долотом и топором по стволу до тех пор, пока не перерубил дерево.

«Вот я и закончил работу, теперь отдохну», — подумал Паньгу.

Но силы его иссякли совсем. Он упал на землю и умер, отдав всю жизнь работе.

Последний вздох сделался ветром и облаками, вскрик — громом, левый глаз его стал солнцем, а правый — луной. Туловище Паньгу превратилось в пять священных гор, руки и ноги — в четыре страны света, кровь — в реки, жилы — в дороги, кожа и волосы стали лесами и травами, зубы и кости преобразились в драгоценные камни и металлы, а спинной мозг стал священным камнем нефритом. И даже пот, выступивший на его теле, казалось бы совершенно бесполезный, превратился в капли дождя и росу.

Семь отверстий

В древних китайских рукописях рассказано о том, что сначала были три владыки. Одного звали Шу — быстрый. Он безраздельно властвовал над Южным морем. Ху — внезапный — был владыкой Северного моря. А между ними располагался владыка Центра Хуньдунь.

Шу и Ху ради развлечения навещали Хуньдуня. Он всегда встречал гостей приветливо и предупредительно, но сам ни к кому из друзей не ходил, потому что не представлял себе, как это делается. Однажды Шу и Ху, попрощавшись с Хуньдунем, задумались, как отплатить ему за его доброту.

«Каждый, — рассуждали они, — имеет два глаза, два уха, две ноздри и рот — семь отверстий для того, чтобы видеть, слышать, нюхать и есть. Но у Хуньдуня ничего этого нет. Так сделаем его жизнь по-настоящему прекрасной!»

Самое лучшее — решили они — просверлить в Хуньдуне семь отверстий. Отправившись на очередную приятную встречу, взяли Шу и Ху сверло и топор. Целый день трудились оба владыки, пока пробили первое отверстие. Устали. Приветливо попрощались и разошлись по своим морям. Так за семь дней они сделали Хуньдуню семь отверстий. На восьмой день они пришли, чтобы посмотреть, какой прекрасной стала жизнь Хуньдуня. Но продырявленный владыка Центра горестно вскрикнул и умер... А на его месте образовалась Вселенная с мириадами звезд и земля, которая навсегда разделила Шу и Ху. Вот так, с точки зрения древних китайцев, стал наводиться в мире порядок.

Небесная власть

Всем в Древнем Китае было известно, что мир состоит из подземного царства, земли, на которой существует все живое и смертное, и из тридцати шести небес. На самом верхнем, тридцать шестом небе в роскошном дворце живет Верховный владыка, Нефритовый государь. Там он сидит на троне. Лицо его, обрамленное бородкой и усами, не выражает ничего. Это знак истинного величия. Так что никто из его бесчисленных подчиненных никогда не догадается, добр, сердит, весел, грустен или переполнен яростью Нефритовый государь. И доброе слово, и слово, за которым следует казнь, он произносит бесстрастно. Он никогда не спит и управляет небесами, подземным миром и Поднебесной. Ближе всего к богу Китай. Ворота дворца бесменно охраняет Ван Лингуань, что означает «чудесный чиновник Ван». Он самый главный из

36 полководцев Нефритового государя. На земле его статуи всегда ставятся у ворот храмов. Ван не очень-то красив. Лицо у него красное, с тремя глазами. В его руках кнут или сучковатая палка, чтобы отгонять духов. Он может отстегать кнутом даже богов.

При дворе Нефритового государя существуют министерства грома, огня, моровых поветрий и пяти священных пи-ков, чьи вершины возвышаются над Поднебесной. Никто не знает, сколько в министерствах чиновников. Должно быть, несчетное множество. Ведь чем больше чиновников, тем более велик и недоступен государь. А Нефритовый государь самый великий и самый недоступный для всех, кто живет в Поднебесной.

Четыре священных пика расположены по странам света, а пятый в центре. На них живут духи. Они носят титулы шэнди — святые государи. И у каждого тоже имеется множество духов — управителей, чиновников.

Святые государи имели каждый свои обязанности. Божество восточного пика ведало судьбами людей. На каждого рождающегося китайца там заводится нефритовая табличка и кладется в золотую шкатулку. На табличке записана вся предстоящая жизнь и ее срок.

Святой государь западного пика владел всеми металлами, а также птицами, северного — реками, а также дикими зверями, пресмыкающимися и насекомыми, южного — полями на земле, звездами на небе, рыбами и драконами. А на срединном пике восседал государь, ведавший реками, каналами, болотами, а также всеми деревьями. В Древнем Китае были уверены, что и на небе существует иерархия, подобная земной. Императоры наследуют верховную власть. Духи «продвигаются по службе», получая звания.

Земные императоры считались сынами неба. А их полководцы, управители и чиновники неограниченно властвовали над простыми людьми...

Небесная империя

У каждой страны света — Востока, Запада, Юга и Севера — были свои правители. Верховным владыкой Востока был Тайхао. Он носил приятные глазу зеленые одежды. Главным помощником Тайхао был дух дерева Го-уман. У него было квадратное лицо, укрытое белыми одеждами, тело птицы, а в руках циркуль. Он ведал весной.

Верховным владыкой Юга был Янь-ди. Он носил красные одежды. А первым помощником служил дух огня Чжужун, со свиным рылом вместо лица, с глазами пчелы и телом огненной змеи, имевшей руки, в которых он держал коромысло весов. Чжужун управлял летом. Главу Запада звали Шаохао. Он ходил в белых как снег одеждах, а помогал ему дух Жушоу.

Его имя объясняют так: «жу» — все растения осенью созревают, а «шоу» — начинается сбор урожая. Жушоу управлял осенью, а в руках он держал плотничный угольник. Кроме того, он был духом металлов. Но время от времени Жушоу менял угольник на секиру, которую крепко сжимал в своих тигриных лапах. Жушоу был справедлив и на небе ведал наказаниями. А владыкой Севера был Чжуансюй. Он носил одежды чернее самой темной ночи. Помощником его был дух воды Сюаньмин, чье имя значит «сокровенная темнота». Как он выглядит, никто никогда не видел, ибо что можно разглядеть в полной темноте? Но все знали, что в руках у него две тяжелые гири. Сюаньмин управлял холодными ветрами и зимой.

Все они были потомками Хуан-ди, властителя Центра. Его желтые одежды хорошо сочетались со всеми цветами стран света. У него было четыре лица, чтобы удобнее было наблюдать за четырьмя странами света. Всякое событие, где бы оно ни происходило, не могло укрыться от его взора. Он был самым справедливым судьей своевольных духов. Первым помощником Хуан-ди был Хоу-ту. В руках он держал веревку. Ею, словно вожжами, управлялась вся Поднебесная.

Но властолюбивым потомкам не понравилось такое руководство. Они взбунтовались, начали требовать полной самостоятельности и нападать на окраины Центра.

Хуан-ди заботился о благе вселенной и не любил войны, поэтому он ни на кого не нападал, а оборонял пограничные города. Но пока Хуан-ди отражал атаки одного противника, другой готовил свою армию. И центр Поднебесной слабел. Жители устали носить все время доспехи. В них так тяжело было пасти скот и выращивать урожай риса! А Хуанди непрерывно приходилось смотреть зорко на все четыре стороны.

Наконец он вздохнул и сказал:

— Когда государь в опасности, народ неспокоен. Когда властитель теряет государство, начинаются несчастья для народа. А причина в том, что новый хозяин, захватив власть, попустительствует разбойникам. Я поставлен править народом, но четыре разбойника противятся, то и дело собирают войска. Пора положить этому конец.

Хуан-ди собрал большую армию, мудро разделил ее на четыре части и одновременно напал на всех противников-владык. Все они очень испугались и подчинились.

Величественный и всеми почитаемый Хуан-ди стал высшим властителем. Все выполняли его приказания, признавали его власть.

Отныне он управлял не только царством небесных духов, но и царством бесов. Но все же Хуан-ди решил: «Нужно иметь охрану, когда я сплю».

Для этого он призвал шестнадцать духов с Южной равнины. У них были одинаковые маленькие красные лица, красные плечи и гибкие как змеи руки. По ночам они охраняли Хуан-ди, а также следили, не совершает ли кто из бесов дурных дел. Люди не пугались, встречая их ночью, так как знали: эти духи несут важную службу.

Сы-мин — управитель жизни

Возле каждого человека днем и ночью крутятся незаметные мелкие духи и бесенята. Стоит кому-либо совершить плохой поступок, как мелкий бес летит с доносом к Сымину, живущему во дворце нефритовой пустоты. Сы-мин немедленно записывает донос в таблицы проступков и заслуг. Сведения о хороших поступках приносят хорошие духи.

Записи свои Сы-мин ведет неспроста. Время от времени он, как и положено небесному чиновнику, идет на доклад к нефритовому государю и советует, кому из людей сократить жизнь за грехи, а кому за добрые дела продлить. Каждый человек старается ублажить Сы-мина, чтобы тот рассказал о нем небесному государю лишь хорошее. И это нередко удается. Иначе почему негодяй живет подчас до ста лет, а добрый человек умирает молодым? То ли падок Сы-мин на взятки-жертвоприношения, то ли несправедлив от роду.

У этого бога — управителя жизни — еще одно важное поручение Нефритового государя. Он следит за кометами. Как только хвостатая звезда появляется на небосклоне, открываются небесные врата и Сы-мин, вооруженный мечом, вылетает на ветре, для того чтобы отогнать комету подальше, ибо появление ее считалось дурным знаком.

Земная обитель богов

Нефритовый государь время от времени спускался на землю. Его резиденция находилась в неприступных горах Куньлунь. Она венчала самую высокую вершину. У подножия горы протекала река Жошуй — Слабая вода. Перебраться через нее было невозможно ни на джонке, ни вплавь. В Слабой воде все тонуло! А еще высочайшую вершину опоясывали огненные горы, на склонах которых росли удивительные деревья. Они непрерывно пылали жарким огнем, но не сгорали. Лишь

одно существо приспособилось жить в огненном лесу. То была мышь величиною с быка и весом в полтонны. Ее тело было покрыто полуметровой длины шерстью, тонкой, как шелковая нить.

Мышь была красного цвета, но стоило ей выйти из огня, как шерсть становилась белоснежной. Из нее можно было прясть нити и делать ткань. Когда одежда из этой ткани пачкалась, ее стирать не следовало. Белизну ей возвращало пламя.

Вот какие чудеса и непреодолимые препятствия были на пути к Куньлуню. Лишь издали можно было увидеть прекрасный дворец. И хотя никто из смертных в нем не бывал, все в Китае знали, какой он.

Поднебесный дворец

Величественное и прекрасное здание из белоснежного нефрита окружали несколько рядов стен из разноцветной яшмы. Над стенами возвышались грозные башни. Возле дворца рос чудесный рисовый колос. Высотой он был в двенадцать метров, а толщиной в пять обхватов. Вокруг колоса был сад. К западу от него росли деревья с нефритовыми листьями и жемчужными плодами. В пышных кронах этих деревьев гнездились чудесные птицы луань. Гребешки у них были подобные петушиным, а перья всех цветов радуги. Пение их напоминало нежные звуки колокольчиков. Нефритовому государю так нравились эти птицы, что их изображение он поместил на своей колеснице и стяге.

На восток от колоса стояло единственное в мире дерево лангань, на котором вырастали величайшей ценности нефритовые плоды. Они были подобны и по форме и по цвету жемчугу. Дерево это охранял трехглавый дух Личжу. Головы его поочередно бодрствовали, а глаза испускали яркий свет, так что в самую темную ночь Личжу видел даже пролетавшую мимо пушинку.

К югу от колоса раскинуло пышную крону дерево, листья и ветви которого были темно-красного цвета. На нем жили орел, ядовитая змея и шестиглавый дракон. А на корнях лежало бесформенное чудище Шижоу — зрячая плоть. (О нем мы подробнее расскажем в главе «Чем питались на Куньлу».)

На северной стороне красовались бирюзовое, яшмовое, жемчужное и черное нефритовое деревья. Тут же стояло дерево бессмертия. Вкусивший его плоды жил вечно. А из-под земли бил родник, названный Лицюань — Сладкий источник.

Нефритовый государь Хуан-ди спускался в свой земной дворец по небесной лестнице, окруженный свитой из богов и духов. Его встречал дух-управитель Луу. У него было лицо человечесь, когтистые лапы и туловище тигриные, а по земле непрерывно били девять хвостов. Первым делом Луу подавал владыке желтый халат, а потом докладывал, что все сокровища на месте, дворцовая утварь в порядке. Затем Хуанди шел в сад. Там он созерцал чудесные плоды, слушал пение птиц луань, сидя у тихо журчавшего ручья.

Когда у Хуан-ди было очень хорошее настроение, он улетал с Куньлуня на северо-восток к горе у Реки акаций. Там были замечательные сады. Они располагались так высоко, что, казалось, парили в облаках. Сады эти охранял дух Инчжао — крылатый конь с человечесьим лицом и полосатой, как у тигра, шкурой. Он с громким ржанием летал над садами, но, когда появлялся Хуан-ди, прятался в кустах. Ведь ничто не должно было мешать нефритовому государю размышлять о судьбах вселенной.

А когда у Хуан-ди настроение становилось просто замечательным, он отправлялся в сокровенный дворец на горе Цынъяо. Эта резиденция была невидима для людей. Охранял ее дух Уло с лицом человека и телом пятнистого барса. Как и все барсы, он ступал мягко и неслышно. Его присутствие выдавали лишь мелодичные звуки «цзинь-дон» от его золотых и нефритовых серег. Хуан-ди садился возле широкого окна и любовался женщинами, которых всегда было много в рощах у подножия горы Цынъяо. В рощах водилась похожая на утку птица. Туловище у нее было покрыто зелеными перьями, а хвост красный. У женщин, которым удавалось отведать мяса этой птицы, рождались красивые и сильные сыновья. Кроме того, там росла трава с многогранным стеблем и желтыми цветами, на месте которых осенью появлялись красные ягоды. Хуан-ди смотрел и восхищался, как сразу преображались женщины, отведав эти ягоды: морщинки разглаживались, щеки румянились, зубы сверкали белизной, улыбка становилась радостной, талия — тонкой. Это были ягоды, продлевающие молодость.

Чем питались на Куньлуне

Путешествуя по садам Куньлуня, Хуан-ди увидел однажды ни с чем не сравнимый белоснежный нефрит. В отличие ото всех нефритов, даже тех, что росли на чудесных деревьях, он был мягок как воск. Из него можно было лепить какие угодно фигурки. А еще из мягкого нефрита били фонтанчики жидкого камня! Хуан-ди попробовал эту жидкость и... после этого стал пить только нефрит, ибо он оказался необычайно вкусным и вселял бодрость. Рядом росло дерево даньму, корни которого питались нефритовым соком. На нем цвели благоухающие цветы, а потом на их месте появились плоды — все разные на вкус. Это дерево Хуан-ди велел пересадить поближе ко дворцу, а плоды разрешил есть всем сопровождавшим его небесным чиновникам-духам.

Но на Куньлуне было еще кое-что очень вкусное и сытное, о чем мечтали все люди.

Рядом с темно-красным деревом жило невиданное чудище — Шижоу — «зрячая плоть». У него не было ни костей, ни конечностей. Это было что-то похожее на огромную печень быка с глазами. Все его мясо нельзя было съесть. Отрежешь кусок, а на его месте вырастает новый, такой же формы.

Была еще черная корова с длинными тонкими рогами. Она сама просила раз в десять дней вырезать у нее большой кусок мяса, иначе могла умереть. А новое мясо сразу нарастало. На сочной траве паслись овцы с курдюками весом в десять цзиней. Из них готовили вкусную пищу, а курдюки снова отрастали. Так что голод на Куньлуне никому не грозил.

Сколько всего духов и бесов?

Хуан-ди очень любил путешествовать не только по Куньлуню, но и по всей великой стране. По пути он то и дело встречал духов и 337 бесов, с которыми не был еще знаком. И это его заботило. Истинный правитель должен знать точно, сколько у него подданных, подсчитать, сколько из них друзей, а сколько врагов.

Однажды он отправился в путь с Куньлуня на восток. На берегу моря встретил незнакомого духа-зверя по прозвищу Байцзэ, который говорил по-человечьи и был необычайно умен. Хуан-ди было очень приятно с ним беседовать. Выяснилось, что Байцзэ не просто умен, а всеведущ! Он наперечет знал всех оборотней, в которых превратились неприкаянные души. Он безошибочно мог назвать, кто из духов и бесов

где живет, каков с виду. Хуан-ди с большим интересом слушал рассказы о том, какие драконы и оборотни водятся на такой-то реке или равнине, какие шутки творит нечистая сила по ночам в лесу и на дорогах.

Но не мог все запомнить Хуан-ди. Ему стало грустно и обидно, что он, великий правитель вселенной, не изучил все так подробно, как Байцзэ. Поэтому он повелел мудрому духу нарисовать карту всех земель, пометить, где какие бесы и духи живут, и изобразить их, а сбоку написать подробные пояснения. Всего получилось одиннадцать тысяч пятьсот двадцать названий! С тех пор Хуан-ди стало очень удобно управлять нечистой силой. Все их изображения он сделал известными людям. Вот почему в Китае всегда рисуют и добрых, и злых духов очень детально и подробно — не перепутаешь.

Великий смотр

Великий Хуан-ди решил: нужно встретиться сразу со всеми бесами и духами, чтобы не знакомиться с ними поочередно. Место встречи определил на Великой западной горе. На земле вдруг стало тихо и спокойно. Ведь все до единого местные террористы-оборотни, дьяволы, грабящие могилы, увлекавшие не умеющих плавать в омут, бросавшие камни со скал на путников, совершавшие бесчисленное множество других пакостей, умчались на свой вселенский съезд!

Во всем величии предстал перед своими подданными Хуан-ди. Дух Чию со стаей волков и тигров прокладывал ему путь. Фэн-бо — хозяин ветров — сметал с дороги пыль, а Юй-ши — повелитель дождей — увлажнял путь. Великий правитель восседал на золотой колеснице, запряженной слонами. Возничим был похожий на аиста бифан. У него было человеческое лицо с белым клювом, синее с красными пятнами оперение. Скакал он на единственной ноге и непрерывно кричал «бифан-бифан». Почетный эскорт состоял из шести летящих драконов. Так прибыл Хуан-ди на Великую западную гору, где собрались бесы. У одних были птичьи тела и драконьи головы, у других — тела лошадей, но человеческие лица, у третьих — человеческие лица, но змеиные туловища. Некоторые походили на свиней с восемью ногами и со змеиными хвостами. Были тут и бесы, схожие с людьми, но такие волосатые, что лиц не видно. Фениксы плясали на небе. Крылатые змеи почтительно приникали к земле. Все прыгали, кто на единственной ноге, а кто и на всех восьми.

Ах, какое это было удивительное и прекрасное зрелище! Хуан-ди так возрадовался, что сочинил музыку столь волнующую, что она тронула небо и землю, взволновала духов и бесов.

Ди-цзюнь и птица фэнхуан

Ди-цзюнь стал верховным правителем Востока. Его почитали все племена, считали мудрым и прекрасным. Внешность у него была очень странная: голова птицы, туловище обезьяны с коротким хвостом. Он так быстро и чудесно родился, что успела вырасти только одна нога. Ди-цзюнь передвигался, опираясь на палку. Но этот недостаток совсем не мешал ему. Он ухитрялся запрягать слона и пахать землю. И все люди поняли, что если верховный владыка смог заставить величественного слона тянуть за собою плуг, то уж им-то под силу подчинить себе лошадей, волов, ослов.

Прекрасную Сихэ не оттолкнула странная внешность Ди-цзюня. Она полюбила его за мудрость и доброту. Поэтому судьба наградила их удивительными детьми. Сихэ породила десять сыновей-солнц. В Сладком источнике она омывала их прохладной водой. А когда сыновья становились свежими и чистыми, как утренняя заря, по очереди выпускала на небо.

А еще Ди-цзюнь дружил с птицами фэнхуан — фениксами. Они были похожи на петухов с длинными разноцветными перьями, когда хотели — ели и пили, когда хотели — пели и танцевали. Если фениксы появлялись на земле среди людей, все радовались друзьям своего мудрого правителя. Как только они прилетали, наступали мир и спокойствие. А ведь это главное, чего желали люди. Нефритовый государь никогда не видел птиц фэнхуан, но был наслышан о них и спросил своего высокого сановника:

— Как выглядят эти птицы?

Сановник тоже никогда не видел фэнхуан, но сознаться в своем неведении побоялся и рассказал:

— Спереди фэнхуан напоминает лебедя, со спины он похож на единорога. У него шея змеи, хвост рыбы, окраска дракона, туловище черепахи, горло ласточки и петушиный клюв.

— С такими странными существами Ди-цзюнь дружит?! — гневно воскликнул нефритовый государь и отказался посмотреть на них.

Из-за этого птицы фэнхуан все реже и реже стали посещать людей. А мудрецам во время войн все чаще приходилось горестно восклицать:

— А фэнхуан не появляются!

Но что могут поделывать мудрецы, если у императора сложилось плохое мнение о птицах. Ведь доступ к уху правителя имеет только высокий сановник...

Добрый Янь-ди, прозванный Шэнь-нуном

Властителем Юга был бог солнца и огня Янь-ди. С каждым годом в стране людей становилось все больше, жилось им все хуже, так как не хватало зверей и птиц, которыми они питались, а колодцы пересыхали, прежде чем всем удавалось напиться. Яню стало жаль людей. Он сделал девять шагов. На том месте, где ступала его нога, появлялся колодец. Стоило зачерпнуть в одном, вода колебалась в остальных восьми, но не убывала. Вот какими чудесными были эти девять колодцев. В это время по небу пролетала красивая красная птица, которая держала в клюве девять колосьев. Она раскрыла клюв, и колосья упали к ногам Янь-ди. Птица и раньше роняла колосья, но люди не знали, что с ними делать. А Янь-ди их поднял, посеял зерна и вырастил высокие, сильные хлеба. Люди стали сообща трудиться, делить урожай поровну, и все были как братья и сестры. А чтобы злаки росли сильными, Янь-ди заставил послушное ему солнце давать больше света. Благодарные люди стали называть его Шэнь-нуном — Божественным земледельцем.

Вскоре Янь-ди увидел, что у одних людей что-то стало появляться лишнее, а у других чего-то не хватало. Поэтому он создал для народа рынки, где люди выменивали друг у друга необходимые им вещи. Но тогда еще не умели считать время. Когда же торговать и когда работать, делать нужные вещи, чтобы потом их обменивать? Янь-ди сказал людям, чтобы они приходили на рынок, когда солнце поднимется в зенит, а работали с раннего утра до полудня. Все убедились, что такой счет времени точен и прост, очень обрадовались и последовали советам Божественного земледельца.

У людей прибавлялось радостей, но печалей меньше не становилось. Они болели, а как лечиться, не знали. И здесь великодушный правитель решил им помочь. Он ведь был богом солнца. А оно — источник силы. Благодаря ему произрастают не только злаки, но и все травы. И целебные, и ядовитые.

У Янь-ди — Шэнь-нуна была волшебная красная плеть, с помощью которой он определял травы. Ударит плетью — и сразу видит, ядовитая трава или нет, заживляет ли она раны, спасает ли от лихорадки, жара или поноса. Кроме того, он пробовал все травы на вкус, чтобы определить их свойства. Однажды за день он отравился семьдесят раз. Очень страдал Янь-ди, зато люди стали остерегаться этих трав.

Мудрецы сообщают, что у Шэнь-нуна тело было из прозрачного нефрита, так что можно было видеть все его внутренности. И это сушая правда. Иначе как можно было бы избавлять его от ядовитых трав, которые он съедал? Ведь он вкушал в день не меньше двенадцати ядов. Но однажды милосердный бог не уберется, проглотил траву дуаньчан — рвущую кишки. Люди видели сквозь нефритовое тело, как крючковатая эта трава терзает внутренности любимого бога, но помочь ничем не могли. Умер Янь-ди, жизнью пожертвовав ради блага своих подданных.

До сих пор люди с опаской относятся к ползучей траве с маленькими желтыми цветочками. Говорят, что яд ее настолько силен, что от него умер даже Шэнь-нун.

У Янь-ди были очень интересные потомки. Многие из них передвигались в облаках и управляли дождями. Они летали, размахивая руками, а вместо ног у них были хвосты. А сын Гу делал прекрасные колокола. У него была заостренная голова и нос, направленный прямо в небо...

Птичье правительство

В небесном дворце жила фея Хуаньэ. От зари до зари она усердно ткала полотно. А когда глаза переставали различать тонкие нити, она садилась в лодку и отправлялась на прогулку по Небесной реке к чудесному тутовому дереву. Листья у этого дерева были красные, как у осеннего клена, а ягоды пурпурные, сочные и крупные. Хуаньэ кружилась по воде возле дерева при свете луны и пела песни. Мелодичный голосок феи так понравился Утренней звезде, что она, приняв облик красивого юноши, спустилась в лодку. Распевая песни, они вместе поплыли по реке, да так увлеклись, что река вынесла их в безбрежное море. Забыли они, что пора возвращаться, фее — работать на ткацком станке, а юноше — ярко светиться в небе. Поставили они мачту. Из ароматных трав сплели парус. А чтобы не заблудиться, юноша вырезал из нефрита горлицу и пристроил ее на самой вершине мачты.

Горлица могла поворачиваться и указывать направление. Предание гласит, что птица-флюгер, которую впоследствии стали устанавливать на крышах домов и мачтах, происходит от этой нефритовой горлицы.

Отныне юноша и девушка, как только всходила луна, встречались в лодке и плыли, зная, что парус и горлица приведут их обратно домой. Девушка начинала петь, юноша ей вторил, и радость их была беспредельна, а любовь глубока и бесконечна как море.

У них родился сын Шаохао. Когда он подросток, то основал страну — Шаохао. Но какой же правитель может обойтись без сановников и чиновников, которые бы выполняли его указания, хорошо управляли и были неподкупны? Шаохао мудро рассудил, что неподкупными могут быть только птицы, потому что им не нужны богатые дворцы, ведь они вьют гнезда, ни к чему шелковые халаты, что может быть красивее собственного оперения! И даже коляски, запряженные лошадьми, зачем им, летающим?

Главным управителем Шаохао назначил птицу фэнлуна — феникса, несущего мир. Он ведал тем, чтобы дни в году следовали, не обгоняя друг друга. Четыре птицы следили за самыми важными моментами года. Ласточка — за равноденствиями, сорокопут — за солнцестояниями, воробей отвечал за начало весны и осени, а золотой фазан — за их завершение. Орлу было поручено управлять войсками. Сокол — беспристрастный и бескорыстный — ведал исполнением законов, налагал взыскания и наказания. Голубь и голубка отвечали за погоду. Каждый раз, когда на небе собирались тучи и нужно было, чтобы пошел дождь, голубь выгонял голубку из гнезда, а после дождя зазывал ее обратно. Еще пять голубей отвечали за единство народа и его процветание. Поделили они обязанности так: один отвечал за образование, другой — за военные дела, третий — за общественные работы, такие, например, как прокладка каналов и дорог, четвертый управлял деревнями, а пятый ловил разбойников. Пять фазанов отвечали за все виды плотницких работ, а девять куропаток заботились о девяти видах сельского хозяйства. Самая маленькая и шустрая короткохвостая птичка без усталости ворковала целыми днями, представляя доклады Шаохао, который сидел на троне в центре огромного зала. Слава о деяниях Шаохао разлетелась по всей Поднебесной. К нему приходили, чтобы научиться справедливо властвовать, его племянники. Когда Шаохао состарился, он передал бразды правления сыну Чжуну с лицом человека и туловищем птицы. Первое, что сделал Чжун, — сел на двух драконов и помчался лично

командовать царством. Самое справедливое птичье правительство в страхе разлетелось...

Много желтых «жэнь»

Однажды Нюйва присела на берегу пруда, от нечего делать взяла в руки горсть желтой глины, смочила и, глядя на свое отражение в воде, вылепила фигурку. Как только Нюйва поставила фигурку на землю, та вдруг ожила, закричала «уа-уа» и радостно запрыгала. Мир наполнился шумом, и скука пропала. Новое существо Нюйва назвала жэнь — человек. Ей очень понравилось творение рук своих, отличавшееся от зверей и птиц, рыб и насекомых. И повеселевшая богиня продолжила свою работу. Она вылепила множество человечков обоего пола. Голые человечки, окружив Нюйву, танцевали и радостно кричали, а потом в одиночку и группами разбегались в разные стороны. А она продолжала без отдыха трудиться, потому что захотела заселить всю землю этими разумными маленькими существами.

Нюйва трудилась очень долго и в конце концов устала. А на земле все еще оставалось множество мест, где не расселились жэнь. Тогда Нюйва развела в воде сразу очень много желтой глины, оторвала длинную лиану, окунула ее в глину, потом вынула и сильно встряхнула. И всюду, куда падали кусочки и даже капельки глины, появлялись кричащие «уа-уа», радостно прыгающие человечки. И вскоре повсюду на земле появились следы людей. Но люди выросли, старели и умирали. Создавать всякий раз их заново было очень утомительно. Нюйва задумалась: как сделать, чтобы род человеческий продолжался сам собою? Она соединила мужчин и женщин в семьи и стала даровать им детей. Так продолжился род человеческий.

Благодаря трудам и заботам Нюйвы в Китае стало очень много людей, больше, чем в любой другой стране мира.

Нюйве нравилось такое обилие жэнь, которых она считала своими детьми. А люди строили в ее честь алтари в самых красивых местах: на солнечных полянках в лесу, на берегах тихих озер, возле живописных скал. Ей приносили богатые жертвы: свиней, быков и баранов. Нюйва, счастливая и довольная, долгие годы жила в полной безмятежности.

Как Нюйва чинила небо

Дух огня Чжужун, у которого были пчелиные глаза и свиное рыло, однажды отправился в колеснице, запряженной двумя драконами, на землю, и создал там сына духа воды Гунгуна. Он был совсем не похож на отца, так как обладал телом змеи, человеческим лицом и ярко-красными волосами. Никто не знает почему, но сын невзлюбил отца и решил в конце концов напасть на него.

Гунгун и его помощники сели на огромный плот и поплыли по реке, чтобы напасть на Чжужуна. Дух огня не сдержал гнева и направил всепожирающее пламя на войнство собственного сына. Одни погибли сразу, другие разбежались в самые дальние уголки земли. Потерпевший поражение Гунгун в отчаянии стал биться головой о гору, на которую опиралось небо. Голова осталась целой, а вот гора не выдержала и покосилась. Одна из сторон земли разрушилась, часть небосвода отвалилась. На небе возникли зияющие проломы, а на земле черные, глубокие провалы. Из провалов хлынули потоки воды. В лесах начались пожары. Из-за последствий ссоры двух духов больше всего страдали люди. Нюйве стало очень жалко всех жэнь, которых она считала своими детьми. Примерно наказать бессмертных духов она не могла, поэтому принялась за тяжкий труд по починке неба ради счастья людей.

Прежде всего она собрала множество камней пяти разных цветов, расплавил их на огне и этой массой заделала дыры и трещины в небе. Вот почему небо бывает не только синим, но иногда красным, и желтым, и зеленоватым, и белесым, а то и мрачно-серым. Но небо продолжало угрожающе крениться. Основание горы покоилось на панцире гигантской черепахи. И Ньюва ради людей в первый и последний раз совершила жестокий поступок. Она отрубила у черепахи лапы и сделала из них

подпорки для неба. Пошли на убыль огонь и вода. Так великая Нюйва спасла своих детей от бедствий и гибели под тяжестью неба. Правда, Нюйва не смогла восстановить небосвод точно таким, каким он был прежде. Северо-западная часть его перекосилась, а на юго-востоке земли образовалась глубокая впадина, куда потекли все реки. И до сих пор они стекают в этот огромный провал, который ныне называется Восточно-Китайским и Южно-Китайским морями.

Почему не переполняется море?

Очень озабочены были люди: так много рек стекает в море. Днем и ночью несут они туда массу воды. Море конечно же очень велико, но вдруг когда-нибудь переполнится и все затопит. Как тогда быть, куда бежать? Отлегло от сердца у людей, когда мудрецы сообщили им важные сведения.

Дело в том, что, когда Нюйва починила небо, она оставила на самом дальнем востоке, далеко-далеко от берега, огромную бездонную пропасть Гуйсуй. Воды всех рек, морей и океанов и Небесной реки (Млечного Пути) текут в нее. И даже если влить в нее воды всех восьми стран света, девяти областей земли и всего неба, в пропасти этой ничего не прибудет и не убудет.

С тех пор как мудрецы сообщили людям о существовании бездны Гуйсуй, все перестали бояться возможной гибели.

Скромная Нюйва

Поднебесная была очень благодарна Нюйве, починившей небо, выровнявшей землю. Всем стало очень хорошо. Люди снова заселили долины рек. Для них наступила счастливая жизнь. Времена года следовали одно за другим безо всяких нарушений. Приветливой стала весна, солнечным лето, урожайной осень и сытой, хоть и холодной, зима. Стоило только захотеть — и у человека появлялась корова или вол. На обширных просторах росли съедобные растения. То, что человек не мог съесть, он оставлял на краю поля, и никто не трогал его запасов. Звери перестали быть свирепыми. Можно было безбоязненно дергать за хвост тигров и леопардов и наступать ногою на змей. Когда рождался ребенок, его шли в гнездо, висевшее на дереве, ветер его раскачивал, как люльку.

На дорогах царил порядок. Люди ходили по ним не толкаясь, вежливо пропуская вперед старших.

Нюйва радовалась, видя, что ее бесчисленным детям-людям живется хорошо и что они ей очень благодарны. А тем, кто ценит добро, хочется делать приятное. И Нюйва создала для людей музыкальный инструмент шэн из выдолбленного дерева и множества трубочек, издававших звуки разного тона. Каждый год, как только зацветали персики и сливы, а небо становилось безоблачным, люди при свете луны выходили на ровную площадку, которую и поныне называют лунной. Юноши и девушки надевали самые красивые свои наряды, становились в круг и танцевали. Юноши играли на шэне, а девушки в такт мелодии позванивали колокольчиками. Так Нюйва сделала музыку символом и спутницей любви. На этом Нюйва работу для человечества закончила и решила отдохнуть. Она села в колесницу грома, запряженную двумя летающими драконами фэйлун и белым безрогим драконом Байчи и украшенную желтыми тучами. Помчалась колесница в небесные выси. Свита из бесчисленного воинства духов следовала за ней. Нюйва поднялась на небо, прошла прямо через небесные ворота, предстала перед Верховным владыкой — Нефритовым государем — и рассказала о всех своих свершениях.

Она не выставляла напоказ свои заслуги и не возвышала горделиво голос, сказала, что просто помогала природе делать лучше и быстрее все, что ей предназначено, а сама лично для людей сделала так мало, что и говорить об этом не стоит.

Рассказав о своих деяниях, Нюйва села у ног государя. С тех пор тихо и скромно, не кичась своими былыми заслугами, словно отшельница, живет она в Небесном дворце.

Как сохранился род людской

Нюйве и брату ее Фуси надоело жить на небе. Они решили спуститься к людям и жить как все. Но брат и сестра отличались от людей. Выше пояса все у них было человеческое, а вот ниже пояса были они подобны змеям. Разве с такой внешностью можно незаметно прожить среди людей? Они приняли облик простых крестьян, поселились в маленькой хижине. Были они работающими, как и положено крестьянам. А слава об их доброте достигла ушей небесных мудрецов. Встретят Нюйва

и Фуси бедного, голодного человека, обязательно зазовут к себе, напоят, накормят и даже дадут кое-что из одежды.

Все было хорошо, но однажды Нефритовому государю его первый советник что-то нашептал на ухо. Государь страшно разгневался на людей и даже на уподобившихся им Нюйву и Фуси. Он велел духу ветра Фэн-бо и повелителю дождя Юй-ши спуститься на землю, поднять такую бурю, чтобы повалить все дома, а потом такой ливень устроить, чтобы вода затопила даже самые высокие места.

— Без людей на земле будет лучше, — сурово сказал Нефритовый государь.

И советники прославили его мудрость. А духи послушно бросились выполнять жестокий приказ. Спасаясь от беды, люди бежали из разрушенных хижин, пытались спастись на вершинах деревьев, на холмах. Но ничего не помогло. Через три дня вся земля скрылась под водой. Духи поспешили доложить Нефритовому государю, что мудрое повеление выполнено. Без людей на земле стало тихо. Довольный Нефритовый государь отправил духов отдыхать, а первого советника еще больше приблизил к своему уху.

Но никто: ни советники, ни духи — не знал, что Нюйве и Фуси удалось спастись. А случилось это так. Во дворцах любая тайна просачивается сквозь стены. И на этот раз только Нефритовый государь раскрыл рот, чтобы призвать духов, а обо всем уже узнал один из бессмертных, Шеньсянь. Он превратился в нищего, спустился на землю и подошел к хижине, в которой жили Фуси и Нюйва, чтобы проверить, правдив ли слух об их доброте и человечности. Брат и сестра, как всегда, приняли нищего, напоили, накормили, обогрели его. «Все правда, — подумал бессмертный, — значит, надо их спасти». А вслух сказал:

— За доброту дарю я вам свою пустую бамбуковую корзину. Если начнется наводнение и буря, садитесь в нее, не утонете.

Так и случилось. Три дня носило по волнам корзину и сидящих в ней брата и сестру. А когда вода спала, ступили они на мокрую землю и горестно воскликнули: «Аи, яй, яй!» Кроме них, на земле никого не было.

— Давай лепить из глины человечков, — сказал Фуси. — Ты ведь знаешь, как это делается.

Обрадовалась Нюйва, замесила глину, и принялись они за дело. Но тут явилась матушка-земля Диму и запретила им расходовать глину, мол, так и ей не хватит, и сказала:

— Раз вы решили продолжить род людской, станьте мужем и женой. А из глины надо лепить кирпичи для хижин.

Семь дней и семь ночей думали Нюйва и Фуси, как им стать мужем и женой. Наконец Нюйва сказала:

— Давай я побегу вокруг горы. Догонишь — поженимся.

И побежала. А Фуси помчался вдогонку. Несколько разобежали они гору. Никак не догонит Фуси Нюйву. Тут выползла из-под дерева мудрая черепаха и посоветовала Фуси:

— А ты поверни в обратную сторону и беги.

Сразу встретил Фуси Нюйву. Она страшно рассердилась на черепаху и раздавила ее панцирь. Пришлось собирать ее по частям и склеивать. С тех пор по линиям на панцире черепахи видно, как Фуси ее склеивал. А Нюйва сказала:

— Тебе помогла черепаха, значит, твоя победа не в счет. Давай снова состязаться. Видишь, жернова лежат. Когда они вместе, то муку из зерна мелют, а когда они отдельно — это просто два камня. Давай бросим их с горы. Если жернова скатятся и лягут рядом, поженимся.

Фуси согласился. Бросили они жернова, а те скатились и легли рядом. Теперь Нюйве возразить было нечего, и она прикрыла лицо веером в знак согласия стать женой. Но Нюйва и Фуси так долго жили среди людей, что забыли о том, что они боги и что на самом деле они похожи на людей от головы до пояса. Вот и родился у них не мальчик, не девочка, а змейка. Расстроился Фуси и стал эту змейку на части резать. Но вот что удивительно. Каждый кусочек змейки сразу превращался в человечка, который тут же начинал быстро расти. Перестал гневаться Фуси, когда разрубил змейку на сто кусочков. Посчитал, сколько людей получилось. Оказалось — сто. Все они радуются, что род человеческий не угас, бегают, прыгают, одни к реке помчались, другие на деревья за плодами полезли. Тут Фуси и Нюйва, чтобы люди отличались друг от друга, стали придумывать им фамилии. Тем, кто побежал к реке, дали фамилию Хе, что значит «река», кто на персиковые деревья залез — Тао, т. е. персик, кто на сливовые — Ли, т. е. слива... Так они придумали сто фамилий. Тех, кто носит эти фамилии, почитают. Ведь их род такой древний!

Как Фуси научил людей рыбу ловить

С того дня, когда Фуси и Ньюва возродили человечество, людей день ото дня становилось все больше и больше. И вскоре их селения вновь наполнили берега рек во всей Поднебесной. Люди тогда умели только собирать плоды с деревьев и охотиться. Повезет — найдут плоды или убьют зверя — ходят сытые и довольные. Не станет плодов, разбегутся звери — приходится голодать. Стал думать Фуси, как помочь людям, чтобы каждый день было что есть. Бродит он по берегу реки, думает, думает... И вдруг из воды выпрыгивает большой жирный карп. «Раз рыба жирная, наверное, она вкусная», — подумал Фуси и вошел в реку, чтобы поймать жирного ленивого карпа. Рыбы тогда еще не знали, что их можно ловить руками, поэтому Фуси не составило труда схватить карпа, принести его домой и накормить своих детей и внуков, а те разнесли весть о том, что рыбу можно ловить и есть.

Но на третий день явился царь драконов Лун-ван со своим первым министром черепахой и грозно закричал:

— Не разрешаю рыбу ловить. Так твои глупые люди всех моих внуков и правнуков переловят и съедят!

Но Фуси не испугался Лун-вана, спокойно и с достоинством спросил:

— А что же тогда нам есть каждый день?

— Мне до этого нет дела, — проворчал дракон.

— Ах так! — воскликнул Фуси. — Смотри, раз нам нечего будет есть, станем мы воду пить, подчистую всю выпьем, и все твои водяные твари передохнут.

Первый министр подобрался к уху дракона и прошептал:

— Разреши им рыбу ловить, но при одном условии: пусть люди не хватают карпов руками.

Совет министра показался очень мудрым, и Лун-ван важно сказал:

— Мне пришла в голову вот такая мысль... — и повторил слова министра.

А Фуси подумал, подумал и согласился. Довольный Лун-ван вместе с министром уплыл в Восточный океан.

Фуси три дня думал, как рыбу без рук ловить. Ничего в голову не приходило. Наконец он устал думать и пошел прогуляться. Видит — между двух веток паук паутину плетет. Справа нить пропустит, слева продернет... Вот и получилась сеть. Кончил работу паук и пошел отдыхать. А вскоре в сеть стали попадать мухи. Паук спокойно вылез из своего угла и принялся за еду. А Фуси вдруг осенило. Он побежал в лес,

сорвал несколько тонких, гибких лиан и, словно паук, сплел сеть. После этого он срубил две палки, сделал из них крестовину и зацепил за ее края сеть, срубил еще одну длинную палку, привязал ее к крестовине, побежал с этой снастью к реке, опустил в воду, а потом быстро поднял, полную жирных глупых карпов.

Мудрый Фуси сразу поведал о своем открытии людям. Все они начали плести сети и ловить рыбу, не хватая ее руками. А Лун-ван, узнав, что перехитрил его Фуси, стал так бесноваться, что у него навсегда глаза из орбит вылезли. Наконец он успокоился и решил написать Фуси грозное письмо. Развел тушь, взял кисточку для начертания иероглифов. Но никак не мог придумать, с чего начать. Министр-черепаха взобралась на его плечо, поближе к уху, чтобы дать совет. Но Лун-ван был так гневен, что дернул плечом, и черепаха упала в тушечницу. Долго ворочался в тушечнице министр, пока выбрался из нее. Посмотрела черепаха на себя в зеркальце и очень огорчилась. Вся она стала черная, как тушь. Но ничего не поделаешь. Тушь не смывается.

С тех пор все черепахи в Китае — черные. Люди ловят рыбу сетями. А царь драконов злится, смотрит на все вытаращенными глазами, а поделатъ ничего не может.

Огоньки страны Суймин

Однажды мудрец отправился в далекое путешествие на запад. Он очень долго шел через пустыню. И наконец оказался в таком месте, куда не достигали ни лучи солнца, ни свет луны. А происходило это потому, что надо всей страной раскинуло густую крону необычайно большое дерево суйму. Поэтому и страну, уместившуюся под деревом, называли Суймин. Мудрец устал после долгого пути и расположился отдохнуть во тьме и прохладе. Можно было даже не закрывать глаза — все равно вокруг темень. Но после того как мудрец отдохнул, а глаза его привыкли к вечной ночи, он с большим удивлением подумал: «Как я ошибся, думая, что здесь царит полный мрак!»

Действительно, в кривых ветвях огромной кроны все время зажигались прекрасные огоньки, как будто сверкали блестящие жемчужины и драгоценные камни. Жители страны Суймин круглый год, не видя солнца и луны, трудились и отдыхали, ели и спали при свете этих прекрасных огоньков, не думая, откуда они берутся. Мудрец захотел узнать причину возникновения огоньков. Оказалось, что среди ветвей

летали красивые птицы с белым брюшком и черной спинкой. Они то и дело садились на ветви и били по ним своими твердыми клювами. Ударит птица клювом по ветке — и вспыхивает огонек. Мудрецу пришла в голову прекрасная мысль: «Подобным образом и люди могут добывать огонь!»

А вспомнил он о людях потому, что во всей Поднебесной никто еще не мог добывать огонь. Все ели сырую пищу. Оттого у людей часто болели животы, а это мешало им хорошо трудиться и радостно отдыхать.

Он отломил несколько веточек с дерева суйму и стал одною веточкой долбить другую. Огонек вспыхивал, но тут же гас, не дав даже дыма. Тогда он стал как бы сверлить одну ветку другой. Мудрец был очень трудолюбив, и наконец от вращения ветки сначала появился дымок, а затем и пламя вспыхнуло, ветка загорелась.

Мудрец поспешил в свою страну и передал людям способ добывания огня трением. Теперь они могли получить огонь тогда, когда понадобится, а не дожидаться грозы и молнии. Отныне не нужно было охранять костер круглый год, опасаясь, что он погаснет. Все стали готовить горячую пищу. Отныне животы у взрослых и детей болели гораздо реже. Легче стало работать и приятнее отдыхать.

Люди назвали мудреца, открывшего способ добывания огня, Суйжэнь, т. е. «добывающий огонь трением», и поставили его править Поднебесной. Он вошел в число трех самых мудрых государей.

А кроме Суйжэня к этим трем причислены первопредок Фуси и покровитель земледелия Шэньнун.

Два ленивых великана

Когда небо и земля только что были созданы, боги еще не научились как следует управлять водой, и она затопила всю землю.

Верховный владыка призвал великана Пуфу и его жену, очень толстых, ленивых и неповоротливых, и приказал:

— Ступайте на землю и усмирите разлившиеся воды.

Толстяки великаны спустились на землю, взглянули на вершину, где восседал Верховный владыка. Тот был занят другими делами и даже не смотрел в сторону Пуфу и его супруги. Поэтому стали они выполнять работу безо всякого усердия, лишь бы поскорее закончить и улечься отдыхать. Русла рек, которые они проложили, в одних местах были вырыты слишком глубоко, в других — слишком мелко. Где-то они поленились убрать мусор и оставили на пути воды камни-пороги, а кое-где перегородили путь воде запрудами, и образовались водопады. По таким рекам невозможно было плавать не только на парусных джонках, но даже на маленьких лодках. А Нефритовый государь конечно же помнил о приказе, который дал великанам. Бросил он взгляд на землю, увидел кое-как проложенные русла, а на берегу огромные круглые животы отдохавших великанов. Он сразу же понял, что придется направлять на землю другого, трудолюбивого мастера, чтобы исправлять недоделки лентяев.

Пуфу и его супругу Верховный владыка решил примерно наказать. Он снял с великанов все одежды, прогнал в обширную юго-восточную пустыню и поставил рядом. Ни в холод, ни в жару они не пили и не ели, голод и жажду утоляли лишь росой.

— Вы вернетесь к своим обязанностям, когда воды Хуанхэ станут прозрачными, — сказал Верховный владыка.

Но Хуанхэ никогда не станет прозрачной, потому что она все время смывает с берегов глину. Значит, расплачиваться за свою лень Пуфу и его супруге придется вечно.

Гунь — китайский Прометей

Вспомним о герое древнегреческих мифов Прометее. Он похитил у Зевса огонь для людей и за это был жестоко наказан богом-громовержцем. И у китайцев есть миф о герое, стремившемся, подобно Прометею, помочь людям. Только речь идет не о борьбе за огонь, а о

борьбе против страшных наводнений, которые насылали на несчастных людей боги.

Верховный император Хуан-ди не любил людей и устраивал одно наводнение за другим. Из всех богов лишь Гунь, внук Хуан-ди, жалел людей. Он решил сам бороться с наводнением и спасти народ от бедствия. Спустился на землю и увидел, что дело это очень трудное — одному не справиться. Задумался Гунь: «Что же делать?» Печальным было его лицо. В это время встретил он сову и черную черепаху. Они узнали, почему невесел Гунь, и сказали:

— Усмирить наводнение — дело нетрудное.

— Но как это сделать? — спросил Гунь.

— В Небесном дворце есть сокровище сижан — кусок земли, который может увеличиваться беспредельно. Стоит бросить маленький кусочек сижана, и на этом месте сразу вырастают дамбы и даже горы. Ты можешь украсть эту драгоценность?

— Да, — ответил Гунь, — я готов это сделать.

Великая драгоценность хранилась у небесного правителя в тайном и недоступном месте, охраняемом свирепыми духами. Но Гунь, стремившийся избавить народ от бедствий, сумел раздобыть сижан.

Он снова спустился на землю и начал строить дамбы. Люди, жившие на верхушках деревьев, спускались из своих гнезд, спасавшиеся в горах выходили из пещер. Люди готовились сажать рис и сеять пшеницу и просо.

Но в это время Верховный владыка узнал, что его собственный внук украл великую драгоценность. Он послал на землю бога огня Чжужуна, чтобы тот вернул сижан и казнил ослушника. Уставший от работы Гунь не смог противиться посланцу Хуан-ди. Чжужун забрал великую драгоценность и повел Гуня на вершину Горы птичьих перьев, чтобы казнить его.

Гунь покорно шел и горевал, но не о приближающемся конце земной жизни, а о том, что деяния его не были завершены и намерение помочь людям не сбылось.

У великого строителя дамб было такое большое, полное любви к людям сердце, что душа после казни осталась в нем. Три года лежало на вершине горы тело Гуня, не рассыпаясь в прах. Верховный владыка узнал об этом. Он испугался, что Гунь превратится в оборотня и станет бороться с ним. Он послал одного из богов, вооружив его волшебным мечом удао, чтобы тот изрубил тело Гуня на части. Но только вспорол

меч живот Гуня, как из него вылетел дракон, на голове которого росли два острых рога!

За три года душа Гуня, не покидавшая сердце, взрастила в его теле новую жизнь — сына Юя. Ему предстояло продолжить дело, которое не успел завершить отец.

Хуан-ди удивился чудесному рождению Юя. Он подумал: «Действительно, доброе сердце не умирает. Зря я так строго наказал Гуня». Поэтому, когда Юй пришел к Верховному владыке и стал просить сижан, тот отдал его и велел спускаться на землю, чтобы усмирить наводнение. А в помощь дал дракона Инлуна.

Великий строитель Юй

Юй положил чудесную землю на панцирь черной черепахи, и та послушно поползла вслед за ним и драконом Инлуном на землю, затопленную водой. Там, где были залитые водой низины, Юй бросал горстку земли, и возрождались поля. Следы дракона становились руслами рек и каналов. А там, где русла упирались в горы, Юй пробивал ущелья, по которым вода устремлялась на восток, в Великий океан. Год за годом трудился Юй, а конца работе не было видно.

Однажды он подумал: «Лет мне уже немало, а я по-прежнему одинок...» Он оглянулся вокруг, на вершине горы увидел красивую девушку по имени Нюйцзяо. Очень понравилась ему девушка, и Юй решил взять ее в жены. Но не успел сказать ей о своих чувствах, потому что спешил на юг строить каналы. Девушка тоже воспылала любовью к великому созидателю, которого почитали все люди. Она села на камень и стала смотреть в ту сторону, откуда должен был вернуться Юй. В тоске и печали она сложила песню: «Ах, как долго жду любимого!» — и тихо пела ее каждый день. Закончив борьбу с наводнением на юге, Юй вернулся. Но недолго после свадьбы пробыл дома трудолюбивый супруг. Он отправился продолжать борьбу с наводнением. Юй сам трудился с лопатой и корзиной. Он шел впереди, не обращая внимания на ветер и дождь, и вел за собой весь народ. В конце концов он победил потоп, причинявший людям столько бед. Но на эту работу у него ушло тринадцать долгих лет. Много раз он проходил мимо родного дома, но не мог зайти, потому что очень был занят. Сначала он слышал плач новорожденного, потом лепет младенца, высокий голос мальчика...

На руках и ногах у Юя образовались твердые мозоли, ногти отполировались до блеска. Он был еще не старым, но выглядел изможденным от работы в сырости и испарениях. Много лет его пекло солнце и обвеивал ветер. Кожа у него почернела. Он был худой, с длинной шеей и ввалившимся ртом. Но и таким Юя сразу узнали в семье.

Император Юй

За все эти подвиги правитель Шунь передал Юю свой престол. Это был единственный император, у которого на руках были мозоли. Но, даже став правителем, он продолжал исправлять русла рек и рыть каналы.

Однажды, прокладывая один из каналов, Юй оказался в пещере, похожей на зал. В центре его было божество с человеческим лицом и змеиным туловищем. Юй догадался, кто это, но спросил из вежливости:

— Уж не Фуси ли вы?

— Да, я Фуси, сын богини девяти рек, — услышал ответ.

Они почувствовали большую симпатию друг к другу.

Фуси ведь тоже пережил потоп. Он переполнился уважением к Юю, творящему великий труд, вытащил из-за пазухи нефритовую пластинку и подарил ее, пояснив:

— Ею можно измерять небо и землю.

С тех пор Юй всегда носил эту пластинку при себе. А когда стал императором, то измерил сушу и разделил Китай на девять областей. Измерил высоту девяти гор. Огородил насыпями девять озер. Проложил в стране девять главных дорог. Сам обошел все земли империи с севера на юг и с запада на восток. Правители всех девяти областей дали Юю много бронзы, и он сделал из нее девять громадных треножников, сдвинуть которые под силу было только девяноста тысячам человек! На этих треножниках Юй изобразил всех злых духов, которых узнал за время своих странствий, чтобы люди при встрече с ними сразу могли распознать любое зло.

Долго и счастливо правил Юй. А люди говорили о нем: — Если бы не Юй, то все мы, вероятно, превратились бы в рыб и креветок.

Но даже счастливому царствованию приходит конец. Однажды Юй отправился на юг осматривать свои владения, по дороге заболел и умер. Говорят, на земле осталась лишь его оболочка, а сам он вознесся на небо и стал божеством.

Добрый и страшный Юйцян

Кто нагоняет с моря страшные ветры и ливни тайфуна? Отчего вдруг в тихий ясный день далеко в море возникает и несется на берег, все разрушая на своем пути, страшная волна цунами? Это все вытворяет бог моря и ветра, внук небесного владыки Юйцян.

А кто успокаивает море, превращая его в подобие зеркала? Кто раздувает тростниковые паруса джонок и влечет их к зеленым таинственным островам, населенным удивительными созданиями? Кто загоняет рыбу в сети удачливых рыбаков? Это тоже делает Юйцян.

Каким был облик бога ветра? Это страшное божество с лицом человека и телом птицы. Из ушей у него вместо серег свисали две синие змеи. А еще две змеи заменяли подошвы тапочек. Стоило Юйцяну взмахнуть огромными крыльями, как поднимался все разрушающий тайфун. Самым страшным был ветер с северо-запада. Он убивал все живое, а в «лучшем» случае поражал несчастных людей язвами. Они умирали медленно.

Когда же Юйцян явился в образе моря, он был немножко добрее, и вид у него был совсем другой. Бог моря имел тело рыбы, руки и ноги как у человека, а передвигался на двух драконах. Было время, когда Юйцян только и делал, что плавал в облике кунь — огромной рыбы кита в Северном море. Он был так велик, что сам не знал, на сколько тысяч ли простирается его спина. Тогда он был добрым, и от его тела расходились длинные-предлинные волны. Но однажды кунь—Юйцян разозлился, что его почитают только на севере, а на юге относятся безо всякого уважения и боязни. В гневе он превратился в птицу пэн — злого феникса. Его черные крылья затмевали небо наподобие простершихся до горизонта туч. Когда свисали ее черные перья, по земле неслись смерчи. Летнее тепло сменилось зимним холодом. Морские течения изменили направление. Вот так рыба кит вдруг превратилась в птицу феникса, а бог моря стал и богом ветра. Целых полгода летел он от Северного моря к Южному, раздувая ревуший и стонуший, пронизывающий до костей ветер. У Южного моря он успокоился, отдохнул и вернулся домой. Это путешествие так понравилось Юй-цяну, что он стал полгода проводить в Северном море, в мире и покое, а потом на полгода улетал в сторону Южного моря и бушевал там.

Люди изучили нрав бога-непоседы. При первых взмахх черных крыльев Юйцяна они прятали свои джонки в гаванях и терпеливо ждали,

когда бог ветра и моря сменит гнев на милость.

Пять плавающих гор

Юйцянь был владыкой бездонной бездны, куда впадали земные и небесные реки. В этой бездне плавали пять великих гор. Дна у бездны не было, и основаниям гор не за что было зацепиться.

На вершинах этих гор были обширные ровные пространства. Там жили бессмертные, высились золотые дворцы с лестницами из белого нефрита. Птицы и звери были белого цвета, повсюду росли нефритовые и жемчужные деревья. Бессмертные носили белые одежды, а на спинах у них были крылышки. Они летали в гости на другие вершины. Жизнь была беззаботной и счастливой. Лишь одно неудобство мешало. Горы ведь носились по бездне, словно щепки по воде. Возвращаясь из гостей, бессмертным подолгу приходилось искать свою гору. Это портило впечатление от посещения родственников и отбирало много сил. В конце концов они собрались на совет и решили отправить к Верховному владыке посланцев с жалобой на такой непорядок. Владыка подумал: «А вдруг волны унесут горы в Северное море и тогда бессмертные вообще потеряют свои жилища?!» Нефритовый государь призвал Юйцяня и передал ему нефритовую пластинку, на которой было записано повеление придумать что-нибудь для спасения бессмертных. Юйцянь сразу же нашел выход. Он послал пятнадцать громадных черных черепах, чтобы они поддерживали пять священных гор. Одна черепаха упиралась головой в основание горы, а две другие по очереди поддерживали ее. Так они несли вахту шестьдесят тысяч лет. В конце концов это им надоело. Черепахи стали время от времени оставлять горы и играть, шлепая лапами по воде. Горы начинали качаться, но бессмертные терпели это неудобство.

Далеко-далеко на севере, за тысячи ли от Куньлуня, где восседал Верховный владыка, жили великаны Лунбо. О них мудрецы говорили так: «В сравнении с ними рыба кунь и птица пэн не более как вошь или блоха, комар или москит. Значит, эти люди должны быть более миллиона ли ростом. И чего только не может вместить великая пустота!»

Один из великанов затосковал от безделья и, взяв удочки, отправился к великой бездне ловить рыбу. Только ступил ногами в воду, как оказался у пяти гор. Сделал несколько шагов и обошел их все. Забросил удочку. Крючок схватили шесть давно ничего не евших черепах. Великан взвалил

их на спину и побежал домой. Дома он содрал с них панцири. Мясо съел, а панцири накалил и стал гадать по трещинам.

А две горы, потеряв опоры, понеслись неудержимо на север. Несчетное число бессмертных металось по небу в безнадежных поисках пристанища.

Небесный владыка, узнав об этом, разразился страшным громом и превратил огромную страну Лунбо в совсем маленькую. А великанов в карликов, чтобы впредь они не ходили на чужие земли и не творили бессмертным зла. Две горы, лишившись черепах, куда-то пропали. Зато оставшиеся горы черепахи стали поддерживать на совесть.

Где же плоды бессмертия?..

Ставшие совсем маленькими потомки великанов Лунбо приплыли из своей крошечной страны к берегам Поднебесной ловить рыбу, крабов и маленьких черепах. Они передали жителям Поднебесной сведения о трех горах, плавающих на черепахах, о бессмертных, летающих с горы на гору в гости, о том, что там даже финики величиною с дыню и все плоды, растущие на нефритовых деревьях, дают бессмертие. Эти рассказы донеслись до ушей земных правителей, богатство и власть которых были безмерны. Лишь бессмертия им не хватало. Они стали снаряжать корабли и посылать на поиск священных гор. Но все экспедиции возвращались ни с чем. Моряки рассказывали, что видели горы, подобные тучам, но, когда к ним приближались, те уходили в воду, поднимался страшный встречный ветер, который гнал путешественников прочь. С корабельных мачт, рассказывали морестранники, можно было увидеть даже золотые дворцы с нефритовыми перилами, сады и летающих бессмертных.

Чем богаче и свирепее были цари, тем больше им хотелось бессмертия. Шесть правителей царств посылали корабли к таинственным горам, но достичь их не смогли. Наконец самый богатый и жестокий собрал флотилию, снабдил ее на много лет продовольствием, водою и сказал, что, если и они вернуться ни с чем — все будут казнены. Им тоже не удалось приблизиться к ослепительно сверкающим горам. Повернула флотилия в обратный путь. Однажды шторм прибил корабли к благословенным зеленым островам, не менее прекрасным, чем родина, где всем морякам предстояло погибнуть мучительной смертью. Они рассудили: лучше жить в изгнании, чем погибнуть на родине. И основали на островах новое государство, которое позже стало называться Японией.

Цань-шэнь — богиня шелководства

Дорогу, которая ведет из далекого Китая через Среднюю Азию в европейские страны, поныне называют Великим шелковым путем. Рулоны китайского шелка были одной из самых больших ценностей, которые несли на своих горбах верблюды. Как же появилась эта замечательная ткань, которая и через сотни лет после изготовления остается все такой же красивой и прочной?

...Однажды отец одной девочки сказал:

— Я иду в город, но скоро вернусь. Присматривай за нашим конем.

Но прошла неделя, другая — нет отца. Затосковала девочка и однажды сказала коню:

— Ах, если бы отец вернулся домой, я бы за кого угодно вышла замуж, даже за тебя.

Конь вдруг вздыбился, сорвался с привязи и умчался, словно ветер, на север. Он проскакал несколько тысяч ли, нашел отца, повернулся в сторону дома и стал ржать, бить нетерпеливо копытом. Удивился, обрадовался отец. Он ухватился за гриву, вскочил на коня, и тот, словно ветер, примчался домой. Стал отец давать умному коню самый лучший корм. Но тот ничего не ел и только тоскливо ржал, когда видел во дворе девочку. Отец дивился этому, ничего не мог понять, пока та не рассказала всю правду. Отец помрачнел и сказал:

— Вот беда! Не выходи из дома.

А сам подкрался к коню сзади и убил его стрелой из лука, снял шкуру, которую оставил сушиться во дворе.

А девочка выбежала во двор и как ни в чем не бывало стала играть с подружками. Она подбежала к шкуре, пнула ее ногой и воскликнула:

— Так тебе, конь, и надо!

Только она сказала это, как шкура вдруг подпрыгнула, обернула ее и, кружась, словно вихрь, исчезла далеко в степи. Отец обыскал все окрестности, но не нашел даже тени дочери. Через несколько дней в листве большого дерева он увидел свою дочь в конской шкуре. Она превратилась в большую гусеницу с головой, очень похожей на лошадиную. Медленно ползла она от листа к листу, а изо рта у нее тянулась тончайшая, но прочная нить. Прибежали посмотреть на чудо люди и назвали дочь, к которой навсегда прилипла лошадиная шкура, цань, что значит шелкопряд, а дерево, листья которого она все время грызла, сань — тутовник.

Дочь-гусеница ползла по ветвям все выше и выше, пока не добралась до неба. Там она превратилась в богиню шелководства и вытягивала из себя клубок за клубком белые и желтые нити. Ведь коконы шелкопряда бывают только белые и желтые. Но ни боги, ни люди пока еще не знали, что же делать с этими нитями.

Когда Хуан-ди победил грозного духа Чию, богиня шелководства спустилась с неба и подарила желтому владыке два клубка нитей. Увидел Хуан-ди эти нити и восхитился. Он повелел соткать из них ткань, легкую и тонкую, как небесные облака, прозрачную, как вода в горном потоке. Как непохожа была эта ткань на обычное полотно. Хуан-ди сразу же приказал сшить себе парадный халат и шапку. Но жене его, Небесной государыне Лэй-цзу, ткани не хватило, и она сама стала разводить шелкопряд, чтобы получать такие же нити, что принесла Цань-шэнь, и ткать из нее красивые ткани, легкие, как облака, и струящиеся по телу, как вода.

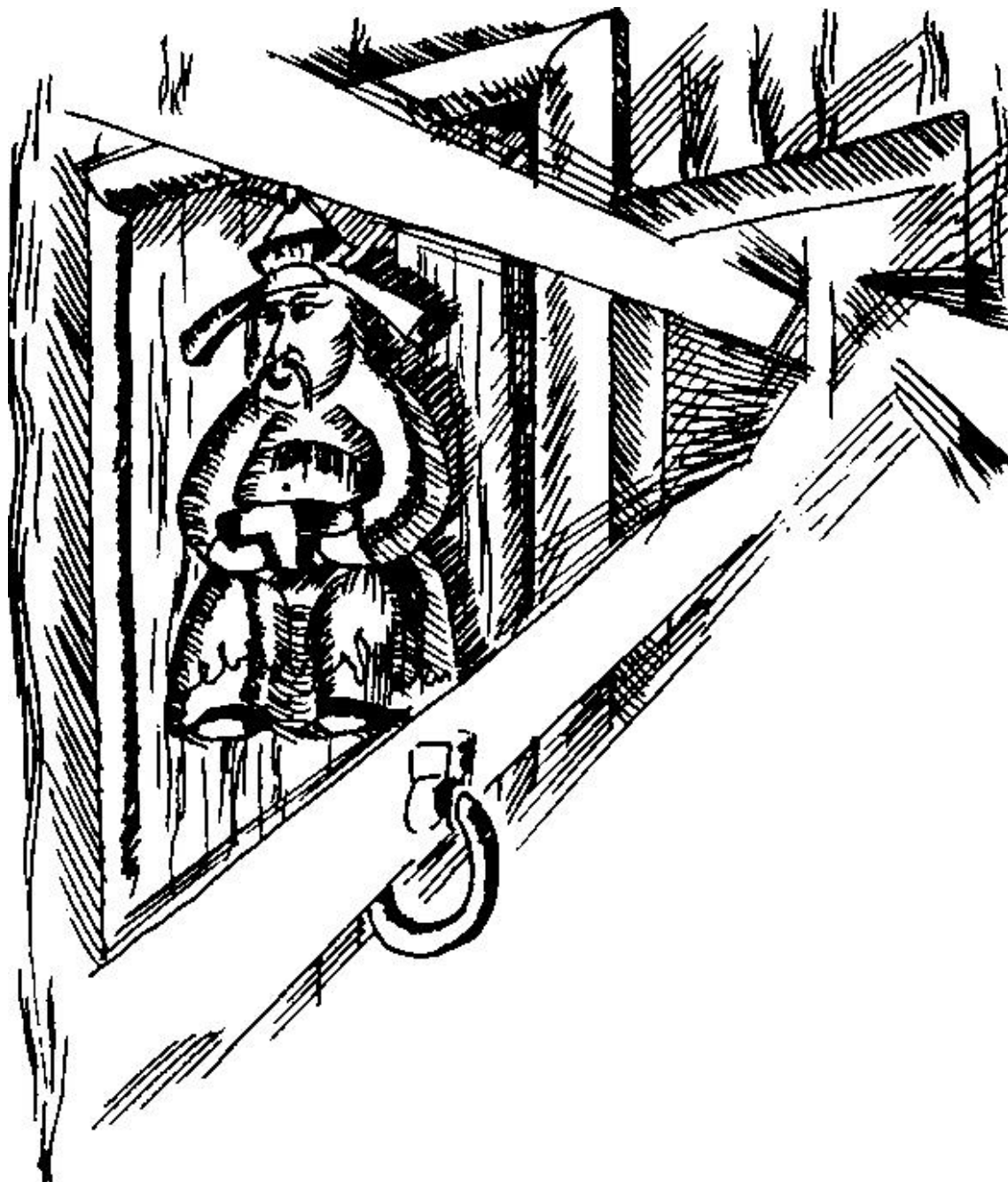
Люди стали подражать Лэй-цзу, и вскоре во всей Поднебесной не стало места, где бы люди не знали шелководства. Собираение тутовых листьев, кормление шелкопряда, ткание шелков стали постоянным занятием женщин Древнего Китая.

Боги богатства

Однажды рыбак из Нанкина ловил в реке Янцзы рыбу. В сети ему попала глиняная миска. Старый рыбак положил находку в суму — в хозяйстве все сгодится. Стал он из этой миски кормить собаку. Смотрит, сколько ни ест собака, а корм не убывает. Удивленная жена рыбака наклонилась над миской и уронила туда золотую шпильку. Вдруг миска до краев наполнилась золотыми шпильками. Бросили туда монету и конечно же получили полную миску денег. Ценный сосуд перенесли от собачьей конуры в дом и стали его использовать для добывания денег и ценностей. Собрав огромное богатство, рыбак и его жена стали помогать своим многочисленным родственникам, и те прозвали его живым Цай-шэнем — богом богатства. Истинные боги не возражали, что к ним причислили щедрого земного счастливца. Ведь их было очень много.

На небесах существовало целое министерство богатства во главе с государем, призывающим сокровища, — Чжао-бао и заместителем, приносящим деньги, — Нацянем.

В штате этого министерства был бог богатства, прибавляющий счастья, бессмертный чиновник торговых прибылей, боги-полководцы и боги-торговцы.

Цай-шэня изображали сидящим на драконе, составленном из монет, а то и в виде дракона, изрыгающего деньги, или коня, приносящего сокровища. Цай-шэнь мог держать в руках миску, подобную той, что

попала в сети рыбака, и конечно же, как у него, наполненную драгоценностями. Отдыхал Цай-шэнь не иначе как под деревьями, на коралловых ветвях которых росли монеты и жемчужины.

В первый день нового года принято было вывешивать изображения цай-шэней на дверях. Авось в наступившем году перепадет хоть малая толика монет...

Лю Хай — бог монет

Однажды к чиновнику земного императора Лю Хаю явился отшельник, который на самом деле был одним из бессмертных мудрецов по имени Лю Дунбин, и сказал:

— Ты должен стать отшельником, и это будет началом твоего пути на небо.

Лю, как и все, мечтал о вечной жизни и послушался мудреца. Вскоре у него, как у истинного отшельника, вырос большой, обвислый живот, на котором едва сходились одежды из листьев. Он ходил только босиком, ибо это был один из признаков отшельника, стремящегося стать небожителем. Он притворялся юродивым, безумным: пел, плясал. Но время от времени удалялся в пещеру и писал философские трактаты. Однажды к нему снова явился Лю Дунбин. Он снял пояс, на конце которого была привязана золотая монетка, и велел Лю подойти к колодцу, опустить конец пояса с монеткой и удить жабу:

— Это мой враг-стяжатель, переродившийся в жабу.

Лю забросил свою «леску с крючком». Все жадные существа, кем бы они ни были — людьми или жабами, падки до золота. Увидев, что в мутной воде блеснуло золото, жаба схватила зубами край монетки. А Лю тут же выдернул ее из колодца.

Мудрец в благодарность за помощь научил Лю, как сделать пилюлю вечной жизни. Лю изготовил пилюлю, проглотил ее и тут же упал бездыханным. Но он сразу же превратился в журавля и улетел на небо. Там он вошел в свиту бога богатства и стал богом монет. Это от него зависит, у кого в кармане звенят золотые, а у кого медяки... хэ и хэ.

Может ли большая братская любовь сделать человека богом?

А вот послушайте, какая история случилась с Джаном, жившим в далекой провинции, брат-близнец которого уехал в столицу на заработки. От него долго не было известий. Очень стали волноваться родители. Наконец родители сказали Джану:

— Пойди проведай брата, узнай, как он живет.

Собрали ему котомку, попрощались.

— Наверное, мы не доживем до твоего возвращения, ведь путь так далек и долог...

А до столицы расстояние было пятьсот ли, а в каждом ли — триста шестьдесят пу. Всего же Джану, чтобы увидеть брата, нужно было пройти — по нашему счету — две тысячи четыреста километров, да еще столько же, чтобы вернуться домой! Вышел Джан за стены родного города. Вдруг сила любви к брату подняла его, словно на крыльях, и во мгновение ока перенесла в столицу. Он оказался рядом с любимым братом, который жил счастливо, был знатен и богат. Но теперь Джан стал рваться домой. Он ведь любил родителей не меньше, чем брата. Ему хотелось успокоить отца и мать. Пока они живы, рассказать все о брате. Вышел Джан за высокие и крепкие стены столицы, и нежная любовь к родителям во мгновение ока перенесла его домой. С восходом солнца Джан отправился в путь, а с заходом солнца вернулся! Вот как даже расстояние в десять тысяч ли не стало преградой для единства и согласия в семье.

Нужно еще обязательно добавить вот что. Отправляясь к брату, Джан взял с собой местный товар, чтобы по пути продавать, а на вырученные деньги питаться. Но, так быстро оказавшись в столице, он продал свой редкий для этих мест товар с двойной прибылью. На эти деньги он в столице накупил вещей, о которых мечтали в далекой провинции. Конечно же дома все продал с двойной выгодой. А ведь так торговать — мечта каждого купца!

Близнецов называли братцы Хэ Хэ, то есть «согласие и единение». Бог монет Лю Хай взял братьев в свою свиту. С тех пор все купцы, отправляясь со своими товарами в далекие и опасные путешествия, стали просить у братцев Хэ Хэ удачи. А изображать на картинках их стали с растрепанными волосами, смеющимися лицами, в зеленой одежде. В руках у них барабан и палки странников. А еще они держали коробку с деньгами и ветку монетного дерева, усыпанную золотыми.

Так и живут братцы Хэ Хэ в свите бога монет на небе, посматривая на землю. Тому, кто принесет им хорошую и искреннюю жертву, помогают совершить далекое путешествие и с прибылью вернуться домой.

У всего есть бог

Однажды жена одного важного чиновника возревновала к своему супругу служанку, в порыве ненависти убила ее, а труп выбросила в отхожее место. Она даже не подумала, что преступление совершила в большой праздник — День фонарей. Но бедная Цзы-гу — так звали служанку — не отправилась на запад, в царство мертвых. Верховному владыке стало очень жаль погибшую в праздник девушку, и он решил взять Цзы-гу в сонм богинь и духов. Стал он думать, что же передать в ее ведение? Все на земле, от великих гор до курятников, имело своих богов или богинь. Все, за исключением... того ужасного и грязного места, в которое бросила девушку злая жена чиновника.

«Все должно иметь своего бога!» — решил Верховный владыка и сделал Цзы-гу богиней отхожих мест.

Восемь бессмертных

Очень любимы были в Китае восемь бессмертных. Когда-то они на самом деле жили в разных провинциях великой страны. Все они были немного странными, и, наверное, поэтому рассказы о них слушались и передавались из поколения в поколение чаще других.

Вот Лай Цайхэ. Он бродил по стране в синем рваном платье, на одной ноге был сапог, а другая — босая. Летом он утеплял халат ватой, а зимой валялся на снегу. Он бродил по городским базарам, распевал веселые песни, а за это люди подавали ему монеты, которые Лай Цайхэ нанизывал на длинный шнур и таскал за собой. Были у него еще и кастаньеты. Но, встретившись с другими бессмертными, он подарил им свои кастаньеты, оставив себе только корзину с хризантемами. Поэтому он и стал покровителем садоводов.

А вот в Люй Дунбине с трудом можно было узнать бессмертного. Он, скорее, напоминал духа: имел лицо дракона, шею журавля, тело тигра, а спину обезьяны. Но эта удивительная внешность помогала ему близко подбираться к злым духам и успешно бороться с ними. Кроме того, у Люй Дун-бина была великолепная память. За один день он мог запомнить десять тысяч иероглифов! Люя часто изображают с мальчиком на руках, потому что, встречая мужчин и женщин, он всем желает сыновей.

Высокий и красивый, весь покрытый татуировкой Хань Чжунли умел прекрасно писать иероглифы и... командовать войсками. Он был непобедим, но однажды другой бессмертный, хромой Те Гуайли,

подсказал противнику, как одолеть полководца. Сам же, опираясь на железную клюку и размахивая тыквой-горлянкой, в которой хранил целебные снадобья, ушел к реке. Там сел на листок бамбука и спокойно переплыл на другой берег. А Хань Чжунли был разбит и с позором бежал в пустыню. Там он ударился о высокую стену, которая раскололась. А в трещине лежала нефритовая шкатулка. Хань открыл ее, а внутри были наставления, как стать бессмертным!

Магом и волшебником был Чжан Голао. Он владел белым ослом, который за день пробегал десять тысяч ли! Перед тем как Чжан ложился спать, он складывал осла, словно бумагу. Но наутро стоило хозяину побрызгать сверток водой, как он расправлялся и превращался снова в осла. Чжан садился на него почему-то лицом к хвосту и продолжал путь. Услугами мага пользовались все императоры, ибо он мог предсказывать будущее и все помнил о прошлом.

Волшебником был и Хань Саньцзы. Однажды он по просьбе императора во время засухи вызвал дождь и снег, но... ухитрился оставить без единой капли осадков усадьбу своего дяди, с которым был в ссоре. А в другой раз во время пира он наполнил таз землей и на глазах у присутствовавших вырастил чудесные цветы, лепестки которых были покрыты золотыми иероглифами.

Один только Цао Гоцзю ничего не умел, а просто бродил по стране. Но однажды Лай Цайхе подарил ему свои кастаньеты. И Цао стал петь, плясать, строить удивительные рожи. Все артисты считают его своим покровителем.

Среди бессмертных была одна женщина — Хэ Сяньгу. Она умела обходиться без еды, предсказывала судьбу и покровительствовала домашнему хозяйству. Боги время от времени поручали ей сметать цветы у небесных врат. Поработав на небе, она снова спускалась на землю.

Каждый из бессмертных жил сам по себе, но иногда они собирались вместе. Однажды их пригласила царица Запада Си Ванму. Там они всласть попиrowали и отправились в гости к владыке Востока. На пути их было Восточное море. Но даже водная бездна была бессмертным нипочем. Каждый пустился вплавь на том, чем владел: кто на кастаньетах, кто на железной клюке, кто на корзине, кто на осле. Все это оказалось непотопляемым.

Повелитель бесов

Однажды император Мин-хуан заболел лихорадкой. В одну из ночей, когда его бросало то в жар, то в холод, он вдруг увидел вот что. Маленький бес в темно-красном платье и коротких штанах, одна нога в сандалии, а другая — босая, подкрался к ложу императора, схватил амулет с ароматными травами и нефритовую флейту, на которой Мин-хуан играл в свободное от государственных дел время. Воришка соскочил с дворцовой террасы и побежал в персиковый сад, окружавший дворец. Но тут появился большой демон. Он был в синем халате, в шапке, на ногах — сапоги. Засучил рукава, догнал маленького беса, выковырял ему глаза, проглотил живьем, а флейту и амулет поднес императору с почтительным поклоном. Мин-хуан спросил демона:

— Кто ты такой?

— Мое имя Чжун Куй. Я дал обет очистить для вашего величества Поднебесную ото всякой нечисти.

Так впервые в своем истинном облике появился перед глазами императора повелитель демонов великий Чжун Куй. До этого считалось, что Чжун Куй скрывается в палице, изготовленной из ствола персикового дерева. Такою палицей люди отгоняли бесов.

Император проснулся и почувствовал, что болезнь покинула его тело. Он призвал самого великого художника империи, рассказал ему со всеми подробностями о том, каким явился ему повелитель демонов. И художник изобразил Чжун Куя, хватающего демона, так, как будто видел его сам. Эту картину император повесил на двери своей спальни. А потом и все жители стали вешать на створках дверей изображения Чжун Куя. Бесы боялись изображения великого демона так же сильно, как и персиковой палицы.

Чию и его братья

Каждый из богов, владык стран света, был родоначальником многих племен. Племена и роды смешивались друг с другом, и в результате у богов появлялись не только добрые, но и злые потомки. И вот появились на свет Чию и восемьдесят один его брат. У всех этих братьев были звериные туловища, медные головы с железными лбами, но говорили они по-человечьи. А у самого Чию, в отличие от братьев, тело было человеческое. Но зато у него были коровьи копыта, шесть рук и четыре глаза. На медной голове рос крепкий и острый рог. Когда Чию гневался, волосы

у него за ушами вставляли торчком, а перепуганным людям казалось, что поднимаются восемь мечей.

Удивительным был не только внешний облик Чию. Необычной была его пища. Великан пожирал вместо риса песок, а вместо мяса — камни и куски железа. Одновременно одна пара рук делала топоры, другая — пики, третья — трезубцы, четвертая — секиры, пятая и шестая — луки и стрелы, а также крепкие щиты.

У всех братьев за железными лбами умещалось только две мысли: одна — во всем подчиняться старшему брату, другая — сражаться и проливать кровь врагов.

Чию был значительно умнее и хитрее. Под его острым рогом в голове роились мысли, которые выстроились в коварный план захвата власти надо всем миром. Сначала он решил выполнить первую часть плана: быстро изготовил массу оружия, поднял своих братьев, у которых уже давно чесались руки, а также толпы призраков и духов, ненавидевших богов и людей. С этим войском напал на владыку Юга, стареющего Янь-ди.

Янь-ди обладал божественной силой. Военачальником у него был сам дух огня, перед которым не могли устоять медь и железо. Но Чию напал так внезапно, нагло и вероломно! Гуманный Янь-ди боялся, что война принесет людям неисчислимые бедствия. Он без боя уступил Чию страну света, а сам бежал на север, в местность, называемую Чжо-лу. Она была известна тем, что когда-то сам Хуан-ди провел здесь великое сражение против Янь-ди, чтобы сделать его покорным центральной власти. Битва была столь жестокой, что палицы и копья плыли в крови. Янь-ди с остатками своего войска отступил на юг, подчинился владыке Поднебесной. И теперь ему пришлось спасаться от нового врага на земле своего позора.

А наглый захватчик Чию сам трепетал от страха, хотя медноголовые братья этого не замечали. Он думал: «А вдруг Хуан-ди придет на помощь Янь-ди, бросит против меня все свое воинство и жестоко накажет!» Но владыка Поднебесной не вмешался в эту войну. Он решил: пусть владыки ссорятся и воюют между собой. От этого они все будут слабее, а его власть усилится.

Чию, победив, возгордился, а у его братьев еще сильнее зачесались руки, потому что их головы сверлила одна-единственная мысль: «Хочу сражаться!» Чию придумал, как добиться, чтобы Хуан-ди закрыл глаза, обращенные на юг, и не заметил новых военных приготовлений. Ради

этого он одним из первых примчался по зову Хуан-ди на великое собрание духов и бесов, был почтительнее всех к владыке Поднебесной, а сам высматривал, какое у того войско. Хуан-ди не заметил коварства, прятавшегося за маской почтительности и верности. Так Чию усыпил бдительные глаза владыки, обращенные на юг, и помчался во главе стаи волков и тигров домой. Он решил напасть на самого Хуан-ди, пока южные глаза владыки спят. Таким образом, Чию шаг за шагом выполнял коварный план захвата власти надо всем миром.

Начало великой войны

Мудрые духи предупреждали Хуан-ди о военных приготовлениях Чию. Но он никого не слушал, потому что верил льстивому подданному, все время присылавшему владыке слова почтительности, записанные на бамбуковых дощечках. Владыка безмятежно жил в своей земной столице на горе Куньлунь, ходил по дворцам и наслаждался пением птиц в висячих садах.

Он даже не поверил донесению о том, что Чию напал на земли империи, решил, что это недоразумение. Хуан-ди обратился к Чию с посланием о гуманности и долге, пытался урезонить злого духа. Но окруженный медноголовыми братьями, оборотнями захватчик двигался вперед. Пришлось Хуан-ди спешно собирать войско: богов и духов всех стран света, медведей обычных, бледно-желтых и с лошадиными головами, барсов, леопардов, тигров, воинственные племена людей. А Чию тем временем наступал, и воинственные племена людей погибали одно за другим. Ведь о железные лбы братьев разбивались мечи, топоры, секиры и стрелы!

Чию окружил войско, во главе которого ехал на блистающей колеснице сам Хуан-ди. Силою колдовства злой дух напустил на землю и небо такой густой туман, что нельзя было разобрать, где север, юг, восток и запад. В этом безбрежном тумане медноголовые и железнолобые воины Чию и он сам с рогом на голове выглядели еще страшнее. Они то возникали из тумана, то исчезали, то появлялись, то как бы тонули в нем. Кого бы ни увидели — всех убивали. В войске Хуан-ди кричали люди, жалобно ржали кони, тигры попрятались, волки бежали.

— Вперед на врага! — громко командовал Хуан-ди, стоя на колеснице и размахивая мечом.

— Вперед на врага! — вторили ему полководцы, но не могли понять в тумане, где фронт, а где тыл.

Хуан-ди в унынии нахмурил брови, опустил глаза и увидел, что на колеснице сидит его мудрый сановник Фэн-хоу, прикрыв глаза.

— Ты почему спокойно дремлешь в разгар битвы? — воскликнул владыка.

— Разве я сплю? Я ищу выход!

Сановник, не слыша лязга мечей и свиста стрел, думал, почему ручка ковша Большой Медведицы все время показывает на север независимо от времени и всяких изменений на земле? Вот бы придумать что-то такое, что помогло бы узнавать, где север, восток, запад и юг! У сановника были на редкость замечательные способности. Под гром боя он смастерил колесницу, поставил на нее маленького железного человечка, рука которого все время указывала точно на юг, куда бы колесница ни поворачивала.

Этот легендарный мудрец считается изобретателем компаса.

Знамена китайского войска

Когда в легендарные времена войско выступало в поход, над ним развевались четыре знамени — символы четырех стран света. Впереди несли желтое знамя с изображением символа Юга Чжуняо — красной птицы, похожей на фэн-хуана — с таким же роскошным павлиньим хвостом и гребешком, напоминающим трезубец. Знамя несли первым, потому что Юг считался самой почетной страной света. Оно освещало путь к победе и будило в сердцах воинов жаркий огонь отваги.

Колонну замыкало черное знамя Севера. На нем был изображен символ этой страны света — черепаха, перевитая змеей. Черный цвет был

самым любимым у верховного государя темного неба Севера. Владыку Севера звали Сюань-у, что означает «темная воинственность». Нефритовый государь однажды прослышал о его храбрости и велел спустить-ся на землю, чтобы искоренить всю нечисть. Сюань-у явился в мир людей и всего за неделю уничтожил всех оборотней, бесов и разбойников. Очутиться во время сражения позади знамени Севера было позором для воина.

Справа от войска всегда было знамя с изображением символа Запада Байху — белого тигра. Там, где садилось солнце, находилось царство мертвых, и белый тигр обычно обитал там. Если войско терпело поражение, незадачливые военачальники возлагали вину на стража страны мертвых. «Белый тигр покинул нас!» — восклицали они, падая ниц перед императором.

И наконец, слева от войска было знамя с символом Востока Цинь-луном — зеленым драконом. Весна приходит с востока, поэтому Цинь-лун зеленого цвета. Появление Цинь-луна-весны считалось счастливым предзнаменованием. Говорят, что он обладал замечательной способностью рассыпать жемчужины, золото и серебро. Для воинов в случае победы это означало — добыть богатые трофеи.

Как был побежден Чию

В северо-восточном углу великой пустоши, с южной стороны холма Сюнли, обитал великий дракон Инлун. Он мог накапливать воду и изливать ее дождем. Хуан-ди подумал: «Чию может напускать большой туман. Инлун может послать сильный ливень. А ведь ливень страшнее большого тумана! К тому же, когда появится рычащий дракон, все злые духи в страхе разбегутся». Опасность была столь велика, что Хуан-ди поступил гордыней и почтительно призвал дракона на помощь. Инлун гордо взлетел на своих могучих крыльях, разместил в небе подставку, положил на нее дождевую тучу. Но кто мог знать, что подставку он установил плохо. Союзник Чию, дух ветра, подул хорошенько. Подставка, а вслед за нею и туча свалились набок. А дух — хозяин дождя, тоже друг Чию, излил страшный ливень первым. На войско Хуан-ди обрушился столь сильный дождь и ветер, что воины попадали с ног. Горестно наблюдал за этим с вершины холма Хуан-ди.

Унизительно для воина прибегать на войне к помощи женщин. Но Хуан-ди ради победы пришлось еще раз поступиться гордыней. Он

обратился к своей дочери Ба, которая жила на небе отшельницей, потому что была очень некрасивой, а на голове у нее вместо волос была большая плешь. Но в ней было столько жара, что там, где она появлялась, плавился металл.

Дочь тотчас примчалась на помощь божественному отцу. Тучи вместе с дождем превратились в пар и полетели в небо, а вслед за ними устремился ветер. От жара, испускаемого Ба, медные головы братьев раскалились так сильно, что исчезла жившая там последняя мысль. Они стали гибнуть один за другим. Дракон Инлун взревел страшно, бросился вперед, круша злых духов.

Ба так устала, что у нее уж не было сил подняться на небо. Она осталась на земле. Но там, где Ба поселилась, на тысячи миль окрест воцарилась засуха. Люди называли ее Хань-ба, демон засухи, и придумывали всякие способы избавиться от нее. Пришлось ей бродить, всеми ненавидимой, по свету...

Хуан-ди сделал необычайно большой барабан из кожи дикого зверя, которого звали Куй. Он прыгал на единственной ноге по суше и по морю и говорил по-человечьи. Но нужны были палочки. Хуан-ди вспомнил о боге грома Лэй-шене. Когда это чудовище с телом дракона и головой человека забавлялось, хлопая себя лапами по животу, в небе раздавался гром. Хуан-ди убил бога грома, вытащил из него самую большую кость и превратил ее в палочку для барабана.

Когда Хуан-ди ударил костью по барабану, гром разнесся на пятьсот ли окрест. Еще девять раз ударил он. Загудели горы, изменился цвет земли и неба. Воины Хуан-ди воспряли духом, а враги перепугались насмерть. Сам Чию от страха разучился ходить и летать. В последнем бою воинство желтого владыки окружило оставшихся в живых братьев Чию. Все они погибли, а сам Чию попал в плен. Злой дух, воплощение десяти тысяч зол, был казнен.

После победы Хуан-ди отправился в свои дворцы и сады на Куньлуне и сочинил там в честь минувшей войны «Мелодию для барабана в десяти частях». Эту воинственную музыку исполняли во время пиров, под ее аккомпанемент — барабанную дробь — пели воинственные песни и танцевали.

Неукротимый боевой дух

После того как Хуан-ди победил Чию, за трон Верховного владыки решил побороться безымянный великан. Никто не знал, откуда он пришел, из какого племени он родом. Великан слышал о том, что великий Хуан-ди непобедим, потому что он сильнее всех на свете. Обладающий истинным боевым духом и храбростью презирает даже смертельную опасность. Он смело бросился на Хуан-ди. Но Верховный владыка отрубил ему голову и зарыл на горе Чаняньшань. А подданные Хуан-ди назвали великана Синтянь — Небом казненный. Но... поспешили! Гнев и боевая ярость разлились по всему телу Синтяня. Обезглавленный, он превратил сосцы своей богатырской груди в глаза, пупок — в рот, схватил, как и прежде, в левую руку щит, а в правую топор и пустился без передышки кружиться в боевом танце. Никто не смел подступить к обезглавленному герою. О нем сложили такие стихи:

Синтянь плясал со щитом и топором,
Смелость и воля его будут жить вечно.

Воистину даже после гибели боевой дух не покидает тело храбреца.

Как завершил свое правление Хуан-ди

После победы у Хуан-ди появилось много свободного времени, которое властитель Поднебесной решил потратить на пользу подданным. Жаль ему стало людей, на спинах переносивших тяжести, а через реки переправлявшихся на непослушных, грубых плотах. Он изобрел повозку и лодку. Когда начинался ветер, люди укрывались под деревьями или в пещерах. Хуан-ди научил их строить дома, в которых можно было жить всей семьей. Он показал, как ковать из меди котлы, а из глины делать горшки для приготовления пищи. А чтобы охотникам не приходилось гоняться за дичью с копьем и дубиной, изобрел самострел.

Велики и разнообразны были деяния Хуан-ди. Но чтобы слава о них осталась и через тысячи лет, он велел четырехглазому Цан-цзе создать письмена. Мудрец придумал иероглифы и на бамбуковых дощечках записал хронику побед и изобретений владыки. А у Хуан-ди все равно оставалось еще очень много свободного времени, которое он проводил скучая. Однажды он надул мяч, поддал его ногой, и тот перелетел к сановнику. Сановник поступил точно так же, как властитель, и отбил мяч к нему.

Все сановники развеселились и стали играть. Так что именно Хуан-ди является подлинным изобретателем футбола.

Вместе с двумя сановниками — один нес на спине книги, а другой меч — Хуан-ди отправился путешествовать. Во мгновение ока проносились они через десять тысяч ли. Много интересного увидел, странствуя, Хуан-ди. Видел зыбучие пески, в которых, словно в воде, тонуло все живое. Среди них рос каменный лотос. На нем было сто листков, а раз в тысячу лет распускался только один цветок.

В заботах, играх и путешествиях Хуан-ди даже стал забывать, что наступит время, когда ему нужно будет свершить великий Путь — Дао, на небо.

Для того чтобы еще больше возвеличить себя, он отлил огромный треножник, в чан которого умещалось зерно целого урожая. По этому случаю Хуан-ди устроил большой пир. В назначенный час собрались все небесные божества и все народы со всех стран света. Духов и людей было видимо-невидимо. Стоял невероятный шум и гомон.

В самый разгар пира появился волшебный дракон, покрытый золотой чешуей. Он высунулся до половины из облаков и опустился прямо на драгоценный треножник. Хуан-ди понял, что это посланец из Небесного дворца зовет его вернуться на небо вместе с божествами, которых было более семидесяти. Они поднялись в облака и уселись на спину дракона. Правители мелких царств и простые люди хотели последовать за ними. Толкаясь и давя друг друга, вцепились они в драконий ус. Но людей было так много, что ус не выдержал, оборвался и все, в отчаянии хватаясь друг за друга, свалились на землю.

Так Хуан-ди отправился в свой великий Путь — Дао, на небо. А на земле оставил вместо себя править своего правнука Чжуансюя, которого считал мудрым и справедливым.

Как Чжуансюй навел порядок

В детстве Чжуансюй помогал властвовать своему дяде в царстве птиц, а потом долго и мудро правил Севером. Кроме того, Чжуансюй играл красивые мелодии на цитре. А любящий музыку, рассуждал Хуан-ди, не может быть жестоким правителем. Хуан-ди призвал Чжуансюя, передал ему высочайший трон и власть над духами. Он принял трон с радостью и решил проявить все свои таланты в управлении Вселенной так, чтобы далеко превзойти прадеда. В первую очередь он решил навести порядок в Поднебесной.

Как мы знаем, на небо вела чудесная лестница. Она предназначалась святым, отшельникам и колдунам. Но на земле время от времени появлялись смелые люди, которые ухитрялись проникнуть в Небесный дворец, чтобы изложить свои жалобы прямо богам. А боги в любое время могли спускаться на землю, чтобы развлечься среди людей. И не только боги! Туда-сюда шастали не только добрые, но и злые духи. Даже Чию, прежде чем начать войну, ходил в разведку на небо! Новый правитель подумал: «Если не разделить богов и людей, трудно будет избежать появления нового Чию». Приказал Чжуансюй своим внукам — великим духам Чжуну и Ли — перерезать дорогу между небом и землей. И хотя в жертву были принесены свобода духов и людей, во Вселенной был установлен порядок и спокойствие. Боги и духи сказали:

— Это правильное решение!

Ведь великий правитель мог принимать только мудрые решения.

Духи и люди отделились друг от друга. Боги все время сидели на небе, следили, вовремя или с опозданием совершают люди жертвоприношения. Они с удовольствием слушали гимны в свою честь, но закрывали уши, когда люди донимали их жалобами.

Люди разделились на бедных и богатых. Занявшие высокое положение провозглашали себя земными божествами. Они, как боги, окружали себя военачальниками и чиновниками.

Чжуансюй продолжал наводить порядок. Он подумал: «Кто важнее, мужчины или женщины? — И решил: — Конечно, мужчины». И установил для женщин три добродетели: подчиняться отцу, в замужестве — мужу, а когда муж умирал — сыну. А также записал на нефритовой пластине семь грехов, за которые муж мог выгнать жену из дома. Среди этих грехов были, например, такие: ревность и болтливость. Женщины, кроме того, должны были оказывать мужчинам уважение и уступать на улице дорогу.

Все мужчины — и люди, и духи — прославили небесного владыку:

— Ты принял правильное решение!

А женщинам пришлось вслед за ними повторить эти слова, ибо они должны были во всем подчиняться мужчинам. Чжуансюй очень гордился собой. Правда, когда через много веков он закончил свою земную жизнь, превратился в человека с туловищем рыбы и перестал ступать на землю, великий поэт смело назвал Чжуансюя «чумным императором». Никто ему не возразил...

Десять солнц

К северу от страны чернозубых, далеко на восток от Восточного моря, находится Кипящая долина — Тангу. В этой долине жил владыка Востока Ди-цзюнь и его жена Сихэ. Как мы знаем, она стала матерью сразу десяти сыновей-солнц, которых поселила среди ветвей великого дерева фусан, поддерживающего небо. Но люди всегда видели одно солнце. А получалось так вот почему. На верхушке дерева весь год сидел нефритовый петух. Когда мрак ночи начинал рассеиваться, он расправлял крылья и громко кукарекал. Ему вторил золотой петух на персиковом дереве. Заслышав петушиный крик, духи и привидения поспешно разбежались по своим укрытиям. Вслед за золотым петухом кричали каменные петухи знаменитых гор и потоков, а затем все петухи Поднебесной. После этого Сихэ на колеснице, запряженной шестью драконами, вывозила одного из братьев — солнц — на небо. А остальным приходилось сидеть на дереве и ждать своей очереди. Вот почему людям казалось, что существует только одно солнце. В конце концов надоела братцам такая однообразная жизнь. Они пошептались между собой. На следующее утро вылетели в небо вслед за колесницей, разбежались по всему небосводу и стали резвиться. Они не обращали внимания на крики матери, потому что были плохо воспитаны. И стали каждое утро вылетать на небо все вместе. Земля потрескалась от зноя, люди почернели, и наступил голод. Из горящих лесов и кипящих рек выбежали страшные звери, вылетели птицы, вышли на берег рыбы. А десять солнц резвились на небе, не обращая внимания на то, сколько бед приносят их шалости.

Мудрый правитель Яо, который отличался большой скромностью и жил в простой тростниковой хижине, питаясь отварами из трав, был очень опечален бедами своего народа. Он почтительно обратился к Верховному владыке Востока с просьбой урезонить своих детей. Ди-цзюнь тяжело вздохнул и призвал к себе небесного стрелка из лука по имени И. Он повелел лучнику спуститься на землю и так напугать шалунов, чтобы они сами улетели на дерево фусан и стали по очереди, под присмотром матери, выезжать на небо.

Великий лучник по имени И

У великого стрелка И левая рука была длиннее правой, поэтому он сильнее всех на свете мог натягивать тетиву своего красного, как кровь, лука. Он мог расщепить своею белой стрелой даже тоненькую веточку на расстоянии тысячи ли.

Вместе со своею женой Чаньэ И спустился на землю и подошел к тростниковой хижине правителя Яо. Тот сказал: «Посмотри, как живут люди. Многие уже умерли, а другие — кожа да кости. Посмотри, они из последних сил ползут к тебе с мольбой, чтобы ты избавил их от страданий».

Великого стрелка И охватило сочувствие к людям и ненависть к солнцам. Стрелок вышел на середину площади, взял красный лук, вынул из колчана белую стрелу, натянул тетиву до отказа, прицелился в огненный шар на небе и выпустил стрелу. Через мгновение огненный шар лопнул и полетел вниз, рассыпая вокруг себя золотые перья. Люди подбежали и увидели огромную золотую трехногую ворону, пронзенную стрелой. Оказывается, ворона пряталась внутри шара и подстрекала солнца летать и озорничать. Еще восемь стрел выпустил И. Он поражал солнца, которые, дрожа от страха, разбегались в разные стороны. Все небо было усыпано золотыми перьями трехногих ворон, которые одна за другой падали на землю.

Стало прохладнее, люди ликовали. Стрелок И решил довести дело до конца. Но мудрый правитель Яо понял, что нельзя убивать все солнца. Ведь тогда станет темно и холодно. Он подослал к лучнику своего слугу, и тот выкрал последнюю стрелу из колчана. А тут и гнев великого стрелка остыл. Так осталось только одно солнце, которое послушно каждое утро стало подниматься по утрам с востока. Страшным гневом запылал владыка Востока:

— Вместо того чтобы попугать, ты убил моих сыновей! Не будет тебе обратного пути на небо!

Китайский Геракл

Вспомним мифы далекой-предалекой от Китая Греции. Самым великим героем древних преданий был Геракл. Вряд ли китайцы слышали о Геракле и его подвигах. У них тоже был подобный Гераклу герой — божественный лучник И.

— Ты спас нас от палящих девяти солнц, так избавь же и от страшных зверей, которых жара выгнала из лесов! — сказал ему

правитель Яо. — Тогда бог простит тебя за то, что ты нарушил его просьбу: вместо того чтобы попутать его детей, взял да и убил их всех, кроме одного.

Взял И свой чудесный лук и пошел совершать подвиги.

Самым свирепым зверем в то время был Яюй, живший на равнине. Тело у него было бычье, но красного цвета, ноги лошадиные, а лицо человечесь. Его пронзительный голос напоминал плач ребенка. Яюй пожирал людей. Увидев лучника, Яюй закричал как ребенок, раскрыл пасть. Но И хладнокровно выпустил стрелу, которая пронзила Яюя насквозь.

Следующий подвиг И совершил на Южной пустоши. Там обитало чудовище Цзочи с человечесьм телом и звериной головой. Из пасти торчал страшный клык, похожий на бурав. Люди не осмеливались приблизиться к Цзочи, страшась его ужасного клыка, и Цзочи безнаказанно вредил всем жителям пустоши. Цзочи схватил копье, чтобы издали поразить храброго И, но вспомнил рассказы о том, как метко герой стреляет из лука, прикрылся щитом. Но стрела И пробила щит и пронзила чудовище.

После этого И направился на север, к великой реке. Там жил Цзюин, зверь с девятью головами, которые изрыгали воду и огонь. Все чиновники государства не могли подсчитать, сколько вреда принес людям Цзюин. Выпустил И девять стрел, которые поразили все девять голов. После этого И подошел к бездыханному телу вредного зверя и бросил его в волны великой реки. На обратном пути И повстречал свирепую птицу-ветер Дафэн. Когда Дафэн взлетал, от взмахов крыльев его поднимался страшный ветер, сдувавший хижины, людей, скот, словно перья. Стрелок знал, что птица эта очень быстро летает. Он боялся, что, если стрела ранит ее, она улетит, залечит раны и тогда снова придется сражаться. Хитрый И привязал к концу стрелы веревку, сплетенную из зеленого шелка, и спрятался в лесу. Дождавшись, когда птица пролетала над ним, пустил стрелу и попал Дафэну прямо в грудь. Веревка, привязанная к стреле, не дала птице улететь. Притянул И Дафэна к земле и разрубил ее на несколько кусков. Так люди были избавлены и от этого зла.

Затем И снова отправился на юг, к великому озеру, в котором жил огромный удав Башэ, глотавший всех, кто осмеливался плыть в лодке. Долго искал великий стрелок змея. Наконец из волн высунулась огромная голова. Поднимая огромные волны, Башэ двинулся к утлому челну. Змей высоко поднял голову, высовывая красный, как пламя, язык. И выпустил несколько стрел. Все они попали в цель, но живучий змей продолжал плыть к лодке. Тогда И вытащил меч и разрубил его. Зловонная кровь хлынула в воду. А рыбаки громкими, радостными криками приветствовали избавителя.

Оставался последний враг — огромный кабан Фэнси, живший в тутовом лесу. У него были длинные клыки, острые когти. Он портил посевы, пожирал скот и людей. Четыре стрелы точно попали в ноги. Кабан не мог двигаться. Ввалил И его на плечи, притащил в город. Там разрезал на куски и принес в жертву небесному владыке. Люди благодарили И и пели ему гимны. Но владыка был так зол на стрелка из лука, что не пустил его обратно на небо и после свершения великих подвигов.

Обманутый И

Ах как была огорчена Чаньэ, что мужу закрыта дорога на небо. Она ведь привыкла жить среди нефритовых деревьев, питаться пищей богов, ничего не делать, а только петь и танцевать. Стала она каждый день упрекать мужа за то, что по его вине из небожительницы превратилась в простую смертную. Трудно было герою сносить упреки жены. Он ушел из дому и стал бродить по свету. А вскоре люди забыли о его подвигах.

Шло время, каждый день приближал И к смерти. Великий стрелок из лука понял справедливость упреков жены и решил искать способ, как избавиться себя и Чаньэ от смерти. Тогда, быть может, снова возродится их любовь.

Как-то И узнал, что на горе Куньлунь живет богиня Сиванму, у которой хранится эликсир бессмертия. Он решил добраться, невзирая на расстояние и препятствия, к Сиванму и попросить эликсир. Благодаря своей чудесной силе и негибаемой воле И перепрыгнул через Реку слабых вод, в которой тонуло все, прорвался через огненное кольцо гор, окружавших Куньлунь, а потом пробрался, не замеченный стражем ворот, к пещере у Нефритового пруда, где жила богиня, похожая на женщину, но с клыками тигра и хвостом барса. Ей понравился смельчак, совершивший

столько подвигов ради неблагодарных людей. Она приказала своей служанке — трехногой птице — принести тыкву-горлянку, наполненную снадобьем.

— Этого достаточно, чтобы вам с женой получить бессмертие. Если все выпьет один человек, он вознесется на небо. Если выпьют два человека, то они станут бессмертными на земле.

Радостный И вернулся на землю.

— Примем снадобье в день ближайшего праздника. А пока храни его в укромном месте, — сказал он жене, а потом отправился на охоту.

Но Чаньэ не нравилось бессмертие на земле. Ей хотелось снова вернуться на небо. Она стала думать: «Может быть, выпить самой волшебный напиток?.. А вдруг навлеку беду... Пойду лучше посоветуюсь к колдунье...» Колдунья жила в пещере у подножия красивого холма. Она достала панцирь черепахи, прожившей тысячу лет, десять стеблей засохшего тысячелистника. Положила траву в панцирь, долго-долго приговаривая что-то, потом высыпала ее на каменный столик, поворошила длинным желтым ногтем и сказала:

— Поздравляю госпожу с великим счастьем. Не бойся, иди одна куда мечтаешь. Тебя ждет великое процветание.

Чаньэ прибежала домой, схватила тыкву-горлянку и выпила все, что в ней было, до последней капли. И вдруг Чаньэ почувствовала, что тело стало легким, и она через окно вылетела прямо в синее небо, к луне, на которой был один из прекрасных небесных дворцов. Вот она очутилась у входа из белоснежного нефрита. Но неожиданно спина Чаньэ уменьшилась в размерах, живот и поясница разбухли, рот расширился, глаза выпучились, шея и плечи сблизились, а на коже появились большие, как монета, бородавки. Чаньэ от испуга закричала, но из горла вылетело... кваканье, решила побежать, но смогла только прыгать, приседая на корточки.

Неверная жена, обманувшая мужа и убежавшая от него, превратилась в вечно живущую небесную жабу!

А как же предсказание колдуньи? Дело в том, что ее гадания полностью исполнялись девяносто девять раз из ста, а один раз наполовину. А Чаньэ оказалась у колдуньи как раз сотой посетительницей.

Как погиб И

Стрелок И вернулся под вечер домой и обнаружил пустую тыкву. Выглянул в окно и увидел, как его жена возносится на небо. Отчаяние охватило И. Теперь он не боялся смерти. Он подумал: «На небе царит несправедливость, на земле — обман. Может быть, в аду не так уж плохо?..» У него сразу же испортился божественный характер. Его скорбь породила гнев, а от гнева страдали ни в чем не повинные люди. Слуги, еще недавно певшие гимны своему храброму хозяину, стали его ненавидеть, разбежаться. От этого гнев И становился еще сильнее.

Один из слуг, коварный Фэнмэн, попросил хозяина обучить его искусству стрельбы из лука.

— Сначала научись не моргать, потом снова приходи ко мне, — сказал И.

Фэнмэн пришел домой, лег под ткацкий станок жены и стал смотреть, не моргая, как двигались педали. Потом он научился не моргать, даже когда к его глазам подносили шило. Радостный, он снова пришел к И.

— Теперь ты должен научиться видеть маленькую вещь как большую, а неразличимую глазом как вполне отчетливую.

Слуга вернулся домой, вырвал у быка из хвоста волос, привязал к нему вошь и стал, не мигая, издали смотреть. На десятый день ему показалось, что вошь увеличилась в размерах. И все вокруг стало казаться больше, чем на самом деле.

Снова Фэнмэн прибежал к И. Тот сказал:

— Вот теперь ты можешь стрелять из лука.

Однажды И возвращался с охоты домой. Вдруг он увидел, что на опушке леса мелькнула человеческая тень и оттуда полетела стрела. И схватил лук и выстрелил. Обе стрелы столкнулись в воздухе и упали на землю. Девять стрел кто-то выпустил из лесу. Девять раз встречными выстрелами расщеплял их меткий И. Опустел колчан героя. С торжествующим видом выскочил Фэнмэн из лесу и выпустил десятую стрелу. Он ясно видел, что попал прямо в рот И, который перелетел через голову коня и упал на траву. Не таясь, подошел Фэнмэн к распростертому на земле хозяину. Но И вдруг открыл глаза и сел.

— Ты напрасно учился у меня столько времени. Разве ты не знаешь, что я умею на лету перекусывать стрелы. Но для этого нужно долго учиться, — сказал И, а потом выплюнул железный наконечник.

— Простите меня! — Фэнмэн упал на землю, обхватил колени господина.

— Иди и больше этого не делай! — презрительно махнул рукой И, вскочил на коня и умчался.

Однако ненависть продолжала тлеть в душе Фэнмэна. Не смея сам напасть на И, он стал подстрекать к бунту других слуг. Те поддались на уговоры. Они вырезали из ствола персикового дерева огромную дубину. Когда герой сел отдыхать после удачной охоты, подкрались сзади, ударили его изо всех сил по голове.

Так погиб небесный стрелок из лука. Люди забыли о зле, которое принесли ему, но снова вспомнили о его подвигах. Они стали почитать его как божество, отгоняющее нечисть, хотя И жил и умер, по воле богов, как обычный человек.

Дочери государя Яо

У государя Яо было две дочери. Старшая Эхуан — приемная, а младшая Нюйин — родная. Мудрый Яо любил их одинаково, а жена больше заботилась о Нюйин. Родная кровь ближе. Старшая дочь много работала, а младшая в это время веселилась. Но вот постарел Яо и решил уступить свой престол достойному и благородному Шуню. Для этого следовало породниться. Но какую из дочерей выдать за Шуня? Долго думал отец, ведь он любил одинаково обеих девушек.

— Пусть обе станут женами Шуня, — мудро решил Яо и сказал об этом жене. — И пусть обе будут равными.

— Хочу, чтобы Нюйин была старшей женой, а Эхуан во всем ей подчинялась, — заупрямилась жена, и переубедить ее не удалось.

И тогда Яо придумал три задачи, чтобы определить, кто из дочерей талантливей, проворней и умней. Кто победит — той и быть старшей женой. С таким справедливым решением жена спорить не могла.

Дал Яо дочерям по десять бобов и пять вязанок хвороста. Кто первый сварит бобы — та и победит.

Эхуан каждый день приходилось варить пищу. Развела она огонь, взяла маленький горшочек, засыпала туда бобы, налила немного воды и поставила кипятить. Быстро сварились бобы, да еще четыре вязанки хвороста остались нетронутыми. А Нюйин взяла большой горшок, налила туда много воды и высыпала бобы. Все вязанки хвороста сторели, а вода даже закипеть не успела! Пришлось жене признать, что победила Эхуан.

Второй задачей было простегать войлочные подошвы обуви. Велел Яо жене принести подошвы и дратву. Эхуан часто приходилось шить туфли. Порезала она дратву на короткие кусочки. Один кончится, она тут же другой в иглу вставляет. Дело заспорилось. А Нюйин взяла длинную-предлинную нить дратвы, вдела ее в иголку и тоже принялась за работу. А длинная-предлинная нитка все время в узелки запутывалась. Эхуан к полудню две подошвы простегала, а Нюйин за это время и с одной не справилась. Еще больше огорчилась жена.

Третью задачу задал Яо: которая из дочерей быстрее доберется до горы Аишань, где жил Шунь, та и победит. Тут жена Яо вмешалась:

— Эхуан старшая, ей прилично на колеснице, запряженной тремя конями, ехать. А Нюйин младшая, пусть она на муле добирается.

Сразу понял Яо хитрость жены. Ведь широкая дорога для колесниц была во много раз длиннее, чем тропинка, по которой можно было проехать на муле. Но спорить не стал. Пусть уж едут...

Нюйин погнала мула. Тот быстро пробежал по тропинке, вывез девушку на дорогу у самой горы Аишань и вдруг остановился как вкопанный. Стегает его плетью Нюйин, стегает, а тот ни с места. Ведь мулы так же упрямы, как и ослы. А Эхуан тем временем не спеша ехала по широкой дороге. «Все равно, — думала она, — не обогнать мне Нюйин».

И вдруг увидела, какая беда с сестрой приключилась. Остановила коней Эхуан, сошла с колесницы, взяла Нюйин за руку и посадила к себе. Так они вместе к Шуню и поехали.

— Мы вместе приехали, поэтому мы равны между собой, — сказала Шуню Эхуан.

Стали они равными женами. Они помогали всеми силами Шуню управлять Поднебесной и много добра людям за долгую свою жизнь сделали.

Ласточкины дети

В Китае жило много разных племен, и у каждого был свой предок, которого племя очень чтило, а память о нем передавалась в поколениях в течение тысяч лет и дошла до наших дней.

Одну из жен мудрого правителя Ди-ку звали Цзяньди из рода Юсун. Она часто посещала отцовский дворец и поднималась к своей сестрице, жившей в яшмовой башне. Сестрам приносили вкусную еду. А чтобы им

было приятнее наслаждаться пищей, окружающие били в барабаны и играли на музыкальных инструментах.

Однажды сестер увидел Нефритовый государь и послал им в подарок ласточку. Ласточка летала над ними, кружилась и кричала «и-и-и!». Сестры поймали птичку и посадили в нефритовый ларец. Позже, когда вкусная пища была съедена, а музыка перестала играть, сестры открыли ларец, но... ласточки и след простыл. Она улетела на север и больше не возвращалась. А в ларце остались два яичка. Сестры загрустили и стали петь: «Ласточка, ласточка улетела! Ласточка, ласточка улетела!»

По преданию, это была самая первая песня.

Цзяньди подумала: «Не пропадать же ласточкиным яйцам», — и проглотила их. Она и не знала, что это по воле Нефритового государя съела ласточкины яйца. Он решил, что на земде Китая должно возникнуть сильное племя инь. А родоначальником племени должен стать мудрый укротитель потопов Се. Его-то и родила Цзяньди. Каждый человек из племени инь знает, что его прародитель произошел от черной птицы ласточки, и почтительно называет его «черный князь».

Князь-просо

У красавицы Цзютай родился крепкий и красивый мальчик. Но дать имя ему не успели, потому что все родственники почему-то так возненавидели новорожденного, что выкрали у матери и бросили в глухом узком переулке, чтобы коровы и овцы затоптали его.

Злые родичи не знали, что мальчик появился на свет по воле Нефритового государя, который на нефритовой табличке его жизни записал, что должен младенец вырасти и стать родоначальником народа чжоу. Вот почему коровы и овцы не погубили ребенка, а стали ухаживать за ним и поить молоком. Люди, увидев, что мальчик не умер, отнесли его в дремучий лес, чтобы его съели дикие звери. Но там его нашли дровосеки и стали заботиться о ребенке, а потом принесли родственникам. Те совсем разозлились и выбросили мальчика на жестокий мороз. Но прилетевшие небесные птицы прикрыли его своими крыльями и согрели. Лишь после этого сердца родственников смягчились, и они вернули сына матери. Так как мальчика несколько раз бросали, то его и прозвали Ци-брошенный. Он, закаленный во

младенчестве невзгодами, стал родоначальником целого народа, имя которого чжоу.

Люди почтительно называли своего первопредка Хоу-цзи — Князь-просо. И вот за что. Он с детства, играя, любил собирать семена пшеницы, проса, бобов, гаоляна, косточки фруктов и сажать их в землю. Созревавшие злаки и фрукты были вкуснее, чем дикорастущие. Когда Ци вырос, он стал из дерева и камня изготавливать сельскохозяйственные орудия и учить своих близких обрабатывать ими землю. Там, где сытая жизнь, всегда много детей. Благодаря земледелию, которому научил соплеменников Хоу-цзи, стало быстро расти и число жителей племени чжоу. За заслуги в земледелии и назвали его Хоу-цзи.

После смерти Хоу-цзи, в память о его заслугах, похоронили среди гор и рек вблизи лестницы, по которой боги спускались с неба на землю. Там всегда пели голосами, похожими на колокольчики, чудесные птицы луаньяо и танцевали фениксы. А в сердцах народа чжоу Ци, которого звали Хоу-цзи, остался славным и великим. Все искренне преклонялись перед своим первопредком.

Храбрый мальчик Сунь Шуао

Шунь был божественным прародителем племени шан. Он все умел: укрощать слонов, засеивать поля, ловить рыбу, исполнять красивую музыку. А когда властитель сам все умеет делать, то он ценит труд людей и правит мудро. Однажды он поехал осматривать земли и по дороге скончался. Люди положили его останки в глиняный гроб и похоронили на склоне горы. В этом месте сразу возникли девять ручьев, которые были так похожи один на другой, что люди часто сбивались с дороги. Поэтому назвали эту местность Гора девяти сомнений.

Но вот беда! У самой могилы Шуня поселился двуглавый змей. Стоило человеку увидеть его, как бедняга сразу умирал. Много охотников из племени шан погибло на склонах Горы девяти сомнений. Однажды мальчик Сунь Шуао пошел гулять и заблудился. Вдруг вырос перед ним двуглавый змей. Мальчик знал, что встреча эта смертельна. Но не испугался. Он подумал: «Я обязательно умру. Ведь человек, увидевший такого змея, должен умереть. Но зачем умирать другим людям, которые увидят его после меня? Почему он и дальше должен губить людей?»

Отважный мальчик поднял с земли камень и стал колотить змея. Чудовище издохло. Сунь Шуао вырыл яму, закопал змея, чтобы больше

его никто не видел. Мальчик приготовился умирать, хотя с жизнью расставаться не хотелось, ведь он прожил так мало... Но жизнь не покинула мальчика, потому что он оказался храбрецом, готовым пожертвовать своей короткой жизнью ради долгого счастья других людей.

Вернувшись домой, он как бы невзначай сказал матери:

— Я слышал — тот, кто увидит двуглавого змея, умрет.

— А я слышала, — ответила мать, — что небо обязательно вознаграждает того, кто втайне совершает добрые дела.

Говорят, когда Сунь Шуао вырос, то стал первым министром и заслужил любовь народа.

Что бессмертно?

Самый простой ответ на этот вопрос: «Бессмертна душа!» Но даже сам бессмертный желтый император однажды понял, что это лишь половина ответа.

...В Северных горах жил девяностолетний старик, которого звали Юй-гун, Глупый дед. Напротив его дома стояли две большие горы, и старику было неудобно каждый день обходить их. Он позвал сыновей, внуков и стал держать совет:

— А что, если мы перенесем эти горы в другое место?

— Конечно, конечно, — ответили послушные сыновья и внуки, которых все тоже считали глупыми. Одни стали копать землю и разбивать камни, другие — носить их к заливу моря. Отправились они с корзинами за плечами, в теплых ватниках зимой, а возвратились домой летом, когда все уже ходят в легких рубашках: так далеко был залив.

Мудрый старец Чжи-соу посмеялся над ними и сказал Глупому деду:

— Утихомирься, старый. В твои годы, когда жизнь словно свеча на ветру, вот-вот погаснет, что ты можешь сделать с этими горами?

А Глупый дед ответил так:

— Умру я, так ведь есть сыновья, умрут сыновья — останутся внуки, у внуков будут дети... Если мы из поколения в поколение будем трудиться, так чего же нам бояться, что не сровняем гору!

Не нашелся Мудрый старец, что ответить. А слова Глупого деда дух доложил Небесному владыке. Его очень тронула решимость Юй-гуна. Он тут же послал двух великих духов, которые взвалили на плечи горы, мешавшие старику, и унесли их на берег моря. А соседи поняли, что Глупый старик оказался умнее всех. Он самый первый понял, что жизнь

коротка, а труд вечен. Люди без помощи духов стали улучшать землю. И делу этому не видно ни конца ни края. У каждого человека в отдельности бессмертна душа, а всему человечеству бессмертие дает труд.

МОНГОЛО-ТИБЕТСКАЯ МИФОЛОГИЯ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЗЕМЛИ И ЛЮДЕЙ

Из монгольской мифологии

Когда еще не было земли, существовали уже Бурханы^[1], Бакши^[2] и Арьябало^[3]; потом явился Май-дари, родившийся от цветка на другой, не нашей земле. Впоследствии многие хорошие люди своей святой жизнью достигли того, что стали тоже Бурханами. Всего Бурханов — 1000. Старшие из них Дамба–Бакши, Галсын–Сонджи–Дон и Богда–Дзун-хава, младший — Лондол–Римбучи. Большинство Бурханов добрые, но есть и грозные, например, Чойджил, Очирвани, Джамсаран и Шара–Дарэхэ.

Бурханы находятся, где хотят и в каком угодно виде. Большой частью они не показываются людям, но многие из них перерождаются на земле — это Гегэны. Хотя Гегэны — боги и обладают властью, но, находясь на земле, они имеют кое-что и человеческое в себе и потому стоят ниже не воплощенных Бурханов. Старший из Гегэнов — Далай–Лама, младшего зовут Шушур–Лама.

Следующими по своей святости являются небесные духи — тэнгрии. Живут они всегда на небесах, которых семнадцать. На землю они никогда не спускаются. У тэнгриев — тридцать три царства, и каждое из них имеет своего хана. Один из ханов является старшим и управляет всеми тэнгриями — это Хормусто-хан. Хормусто всесилен, любое его желание тотчас же исполняется.

Родились тэнгрии от света, не солнечного или лунного, а какого-то неизвестного людям. Они интересуются тем, что делается на земле, и часто заступаются за обиженных.

Исполнителями воли Хормусто-хана являются Дыбджиты. Их всего восемь и старшего из них зовут Нансарун–Дыбджит. Они заведуют погодой, дают земле дождь, снег, град, ветер, грозу и т. д. Летом они ездят верхом на Лу^[4], зимой же отдают их на хранение лусутам. Когда на небе

Лу мало, они сердятся и чаще кричат, и тогда у нас на земле часто бывают грозы. Рев Лу — это гром. На Лу, как и на всяком животном, водятся паразиты, и это клещи, которые, как известно, падают к нам с неба.

На земле из незримых духов есть лусуты, сабдыки, шулмы, чуткуры и чоно.

Первый лусут родился из змеинового яйца, и появился он в виде Лу. Не желая оставаться простым зверем, он просил Бурханов, чтобы они дали ему управлять всеми водами на земле. Бурханы согласились и сделали его лусутом. Впоследствии он стал старшим ханом лусутов, имя его Луван–Луин–Чжалбо. От него родились все остальные водяные духи. Теперь семдесят семь царств и семдесят шесть ханов лусутов подчиняются своему старшему.

Лусуты верят в богов и поклоняются им, но есть и такие между ними, которые не имеют веры. Это дикие хара-лусуты. Водяные духи страшно богаты, так как владеют всеми морями и озерами. Есть между ними и добрые и злые. Живут они как люди: умирают, женятся, рождаются, болеют и стареют. Людям они вообще не показываются, но бывали случаи, когда они допускали людей к себе. Но если их не видно, это все же не значит, что их нет. Каждое озеро, каждая река, ручеек, ключ и колодец имеют своего лусута.

Сабдыки — это духи земли. Хан у них Цаган–Эбугун^[5]. Родился Цаган–Эбугун от обыкновенной женщины. Когда его мать была еще беременна им, к ней в юрту пришел один из Бурханов и попросил поесть. Женщина ответила, что должна с минуты на минуту родить и накормит его, когда родит. Бурхан обиделся и ушел. Прошло сто лет, женщина все еще не могла родить. Наконец, терпеть ей стало уже невозможно, и она пошла к Бурханам просить прощения. Как только она пришла к ним, она сразу же разрешилась от бремени уже стариком. Это и был Цаган–Эбугун. Люди побоялись принять в свою среду необыкновенного ребенка и просили Бурханов дать ему какое-нибудь особое назначение. Бурханы велели ему управлять всеми животными на земле и сделали его ханом сабдыков.

Низшие сабдыки — души сильных людей. Многие ханы, правители и военные стали ими; ими же становятся и те из людей, которые при своей жизни умели насыпать порчу.

Сабдыки не умирают и не стареют. Есть между ними и добрые и злые. Людям они вообще не показываются, но бывали случаи, когда их видели.

Сабдыки — духи гор, лесов, степей, пустынь, жилищ, вообще всего, что есть на земле. Они заведуют животными и к людям, если они их почитают, относятся безразлично, иногда даже хорошо. Но горе тому, кто обидит их: нет тех гадостей, которых бы они ему не наделали.

Шулмы — это ведьмы, чуткуры — черти. Обращаются в них те из людей, которые в своей жизни совершили десять черных грехов. Женщины превращаются в шулм, мужчины — в чуткуров. Хана их зовут Дамба–Дарджи. Невидимые для людей, они рыскают по земле, делая всем гадости.

Вся сила шулм заключается в одном золотом волосе. Они, как и чуткуры, не стареют, не умирают и самостоятельно не размножаются. Там, где есть козлы или колючки, они не появляются. Только этим и можно уберечься от них.

Чуткуров много видов. Из них можно видеть только тэрэнов, если суметь их вызвать. У тэрэна всего одна рука и одна нога. Тот, кому он явился, становится его хозяином, и для него он сделает решительно все. Зато избавиться от него потом очень трудно. Если же не суметь этого сделать, он завладеет душой своего хозяина.

Чоно — волк. В него вселяются души нечистых китайцев, пожирающие потом детей.

В преисподней царствует Эрлик–Номун-хан, он один из Бурханов, но старшие поручили ему судить и наказывать души умерших. Судит он не только людей, но и животных, так как все души живых существ одинаковы.

Под землей находятся 18 тама^[6], и в каждом из них Эрлик-хан имеет по 100 000 понё, которые бегают по земле и хватают души умерших.

Вот десять черных грехов, совершив которые человек обращается в нечистого чуткура или шулму:

- 1) Убийство.
- 2) Разврат.
- 3) Кража.
- 4) Ложь.
- 5) Ссора.
- 6) Обиды, причиненные другим.
- 7) Скверная мысль.
- 8) Зависть.
- 9) Сплетни.
- 10) Неверие.

Кроме духов есть еще неземные животные. Есть Лу. Есть Мангыт–Хай. Это существо о пятнадцати головах, пожирающее все что угодно, и желудок которого может вместить в себя хоть целую гору. К счастью, их теперь на земле больше нет. Гесер победил их и запер в подземной пещере.

Есть зверь Аслан, огромный, как гора; когда он идет, земля под ним проваливается. Есть птица Хан–Гарди — от одного взмаха ее крыльев поднимается такой ветер, что сметает все на земле. К нам на землю они не приходят, а живут постоянно на горе Сумбур–Ула.

Царь зверей Арслан^[7]. Голова и ноги у него золотые, сердце находится снаружи тела, в лапе он держит шар из драгоценного камня — знак его достоинства. Царь рыб Чусрым. Он свободно глотает корабли, когда высовывается из воды; похож на гору. Царь змей Абургу–Могой — может глотать даже слонов.

Откуда пошли сказки у монголов

Много лет тому назад среди монголов свирепствовала черная оспа. Люди гибли сотнями и тысячами. Здоровые бежали из зараженной местности, бросая больных на произвол судьбы.

Был покинут и пятнадцатилетний лама Сохор–Тарба. Он впал в беспамятство, и душа его отделилась от тела и полетела в преисподнюю к Эрлик-хану. Подземный царь удивился, видя эту душу, и спросил ее, зачем она явилась, покинув своего еще живого хозяина. Душа ответила, что ее тело бросили уже умирающим и потому она не стала ждать его конца, а прямо пришла, чтобы дать ответ за свои земные поступки. Эрлик-хану такая покорность очень понравилась, и он сказал душе: «Время твое еще не настало, отправляйся обратно к своему хозяину, но предварительно возьми у меня, что хочешь». Затем он повел ее по преисподней. Тут было все: богатство, счастье, наслаждение, удовольствия, радости, страдания, слезы, веселье, смех, музыка, пение, сказки, пляски — все, вообще, что встречается в жизни человека. Душа Сохор–Тарба видела все это и выбрала сказки. Эрлик-хан дал ей их и затем отправил ее обратно на землю.

Но когда душа вернулась к своему безжизненному хозяину, оказалось, что вороны выклевали у него глаза. Тяжело было душе видеть своего хозяина в таком виде, но она не посмела послушаться Эрлик-хана и заняла свое место.

Сохор–Тарба после этого долго еще жил. Он знал все сказки всех народов и все гадания. Слепой, он видел будущее. Ходил он по всей Монголии, рассказывая сказки и ими поучая народ. Он умер, и от него пошли сказки среди монголов.

О сотворении мира

Сначала на месте нашей земли был галоб^[8]. Потом поднялся до того сильный ветер, что он постепенно загустел. Тогда появился огонь, который высушил ветер, и, наконец, пошел дождь, который все смочил, — и вот образовалась земля. Но она не была устроена. Бурхан Бакши отправился к Хормусто-хану и просил его устроить землю. Хан тэнгриев до того силен, что все желания его моментально исполняются. И он принялся за землю. Посредине он поставил гору Сумбур–Ула и окружил ее семью поясами морей и земель.

Всего он создал двадцать земель. На четырех живут люди, на шести тэнгрии — это небеса, восемь земель составляют царство Эрлик-хана — это тама, одна земля принадлежит животным и последняя — беритам.

Все на земле, и людей и животных, также сотворил Хормусто-хан. Люди рождались от цветков, не знали греха, имели крылья и от них исходил свет, который и освещал землю, так как тогда еще не было ни солнца, ни луны. Однажды люди нашли корень «земляную шкуру» и съели его. От этого они узнали грех и потеряли и крылья и свет. На земле настала тьма. Тогда они стали умолять Хормусто-хана дать им свет. Тэнгрий внял их мольбам и из горячего стекла создал солнце, а из холодного — луну.

Пока тэнгрий творил, Бурханы не вмешивались в дела людей, но когда между ними появились грехи, они дали им веру и назначили одного из своей среды заведовать адом. Выбор их пал на Эрлик–Номун-хана. Теперешнюю веру людям дал Бурхан Бакши. До него люди верили еще в трех Бурханов. После же него учить будут все остальные 996 богов; когда же они перестанут верить и в последнего, настанет конец нашей земли.

Через много лет вся земля объединится под властью Русского хана. На лошадях больше не будут ездить, везде будут железные дороги, пароходы и разные машины. Народ измельчает и будет рано умирать. Тогда придет Бурхан Майдари. Он обновит род людской и даст им новую веру.

Когда настанет время конца земли, появятся шесть солнц, которые все сожгут на земле; потом будет двенадцать лун, которые нашьют дожди, дожди все смоют и все сровняют. Наконец, поднимется вихрь, и он все разметет и развеет. Земля вся погибнет, грешники при этом сгорят, а души праведных будут взяты в царство тэнгриев, где будут жить до сотворения новой земли. Когда же Хормусто-хан вновь ее создаст, они спустятся на нее и будут так же святы, как и первые люди.

При конце мира не погибнут еще Бурханы и тэнгрии. Сабдыки же, лусуты, шулмы и чуткуры все погибнут, и на новой земле будет рай и блаженство.

На ней же будет пять земель, которые благодаря своей святости уцелеют от уничтожения.

Как была сотворена земля

Землю сотворил Бурхан Бакши. До этого уже существовал океан, в который Бурхан бросил щепотку земли, принесенную им с неба. Щепотка эта стала разрастаться и образовала нашу землю. Когда на ней выросла трава и появились звери, Бакши принес на нее человека.

Первый человек был весь покрыт волосами, и Бог, которому это не нравилось, выщипал их у него. Оставил он ему только волосы на голове, брови, усы и бороду. Он не мог достать волос под мышками и между ногами, так как человек во время этой операции сидел съежившись. Потом Бакши принес женщину с ребенком, и от них пошел род человеческий. Первый человек согрешил, ослушавшись Бога и съев запрещенное, и Бурхан за это его наказал. До того у человека ноги в коленях были согнуты вперед, и он бегал быстрее всякого животного. За ослушание же его Бакши сломал и согнул их назад. Вот оттого-то человек так медленно теперь ходит.

Первые люди были очень высоки и жили страшно долго. Теперь они вырождаются, становятся все мельче и мельче, и с каждым поколением жизнь их становится короче. Настанет, наконец, время, когда они будут жить всего семь лет и уже через день после рождения будут способны работать. Ростом они будут не больше локтя, а лошади будут величиной с зайца.

Тогда появятся три солнца, которые все на земле сожгут, останутся только горы. После огня пойдет свинцовый дождь, который сровняет эти горы, и останется один песок. Его сметет ветер, и тогда освободятся два

кита и лягушка, на которых стоит земля. Кроме них все превратится в хаос.

Сколько времени он будет продолжаться — неизвестно; но, наконец, придет Майдари, который и сотворит новую землю. Ее он поставит опять на тех же китов и лягушку, которые поддерживают и теперь нашу землю.

О происхождении людей

Когда Бог сотворил землю, на ней жила уже одна старуха. Волею Бога она забеременела. В то время небо еще не было готово и только медленно сползалось с двух сторон, закрывая собой все, что было над землей.

Проходили годы, небо все еще не закрывалось, ребенок все не рождался и только время от времени спрашивал свою мать: «Скоро ли, наконец, закроются небесные ворота?» И старуха каждый раз отвечала: «Нет, еще не скоро». Однажды, когда наверху осталась только узкая полоска, не заполненная небом, ребенок опять задал свой обычный вопрос. Старуха в это день была в скверном расположении духа. Она рассердилась на своего ребенка, который был невежлив, задавая своей матери глупые вопросы, и до того плохо воспитан, что не рождался в продолжение многих лет. И, рассерженная, она ответила ему: «Да, закрылись». Тогда ребенок попросил ее поднять левую руку и, когда она это сделала, родился у нее из-под мышки. Родившийся был уже взрослый мужчина. Первым делом он взглянул на небо и, когда увидел, что оно еще не закрылось, взял горсть золы, дунул на нее и бросил вверх. Зола закрыла все пространство, не занятое еще небом, и это и есть теперешний Млечный Путь.

Оттого же, что первый мужчина родился раньше, чем следовало, люди теперь так недолговечны. Обман старухи также отозвался на ее потомках — теперь все люди лгуны, воры и мошенники.

О происхождении народов

Однажды несколько тэнгриев провинились перед Хормусто-ханом и за это были сосланы на землю в страну Джагар^[9]. Земных людей тогда еще не было. Тэнгрии при ссылке лишились многих своих преимуществ, но все же были чистыми, беспорочными существами. Со зверями они

жили в мире, понимали их язык и никогда их не обижали. Питались тэнгрии плодами, которые собирали ежедневно.

Но один из них ленился собирать себе пищу каждый день и как-то сделал себе запас сразу на два дня. Это ему понравилось, и он стал заготавливать плоды на более долгий срок.

Это заметили другие тэнгрии и последовали его примеру. От этого произошло неравенство: одни делали запасы на более долгий срок, другие не находили такого количества плодов; одни добывали лучшую пищу, другие — похуже. Родилась зависть, потом начались ссоры и окончилось это враждой и преступлением. Тэнгрии уже не жили, как раньше — они узнали грех, преступление, узнали стыд и различие между мужчиной и женщиной. И стали тэнгрии обыкновенными людьми.

Долго они ссорились между собой, жили без веры и хана. Видя, наконец, что так жить нельзя, они выбрали себе царя. Это был Мамбу–Гурба, первый хан на земле. Но не все люди подчинились этому выбору. Многие ушли на запад и создали там государство Пелинов^[10], на юг ушли Бэ-бэ^[11], и на востоке образовался народ Хара–Хитат^[12]. На месте остались Джагары. За это самовольное разделение Бурханы перепутали их язык. Из Хара–Хитат вышли китайцы, чахары, солоны и маньчжуры. От быка Пелина и женщины Бэ-бэ, пришедших в Монголию, произошли монголы. От связи Бурхана Очирвани^[13] самостоятельно произошли тибетцы. Родоначальниками их были горный дух Арьябало и обезьяна, которая была воплощением Дарэхэ. У них было сто детей, которым скоро нечего стало есть. Тогда родители отправились к Бурханам и просили их спасти детей. Бурханы дали им горсть пшеницы, которую тибетцы посеяли, и с тех пор они занимаются хлебопашеством. Народ разросся, но долго еще оставался без царя и без веры.

Однажды у Джагарского хана родился сын, у которого нижние веки были до того велики, что он мог смотреть только вверх. Хан испугался такого чудовища и велел его бросить в реку. Ребенок не утонул, а был выловлен добрыми людьми, которые и воспитали его. Только научившись ходить, он сбежал от них. Долго шел он на северо-запад и наконец пришел в Тибет. Тут его встретили четыре человека, которые стали его расспрашивать, кто он и откуда пришел. Царевич на это только показывал на небо. Тибетцы поняли, что он пришел с неба, и решили сделать его своим царем. Посадив его к себе на шею, они понесли его домой, и скоро он всеми был признан ханом Тибета. Назвали его Нати–Дзамба, что значит «садись на шею».

У Нати–Дзамба было тринадцать сыновей, между которыми он поровну разделил свое царство, но потом эти княжества опять соединились и образовали три провинции Тибета.

Долго еще народ пребывал в темноте. Только 26–й хан Татерин–Нандзан принял настоящее учение, но донести его до народа не был в состоянии. Это, наконец, сделал 32–й хан Срондзон–Гамбо, и он же построил Лхасу^[14]; 38–й царь Дэсэрэн–Дэцэн окончательно укрепил веру Бурхана Бакши. После него до настоящего времени было еще 15–16 царей. Со времени же Нати–Дзамба до наших дней прошло более 2000 лет.

Цари происходят: русский — от Очирвани, тибетский — от Арьябало, маньчжурский — от Мандзышира.

Остальные цари не божественного происхождения. Веру, закон и возможность познать Бога людям дали Бурхан–Бакши, Шигемуни, Дзунхава, Иисус Христос и Магомет. Каждому народу Бог дал особый закон. Магометанам он указал воевать и убивать, монголам он велел жить честно, молиться и никому не делать зла.

Монголам было дано десять заповедей. Те, которые ни разу их не нарушат, переродятся Гегэнами, Хубилганами или ханами. Праведные люди, но грешившие, будут в следующей жизни обыкновенными людьми, еще более грешные, но все же чистые — станут нищими или калеками. Из грешников наиболее легкие попадут в ад, более тяжкие будут Бериты, а самые отчаянные возродятся животными, начиная от слонов и кончая муравьями и вшами. Чем мельче животное, тем наказание строже, так как душе, чтобы получить прощение, надо будет пройти через перерождения всех зверей до самого крупного включительно.

О происхождении русских

Давно, очень давно, на земле был всего один хан — китайский император. У него было сто восемь жен. Они жили по две, и к ним было приставлено по одному евноху и по одной служанке. Кроме этих лиц царицы никогда никого не видели.

Одна из младших жен страстно хотела иметь ребенка, но хан уже давно не обращал на нее никакого внимания. Тогда, хатун^[15] стала принимать разные лекарства, и через год у нее действительно родился ребенок. Узнав об этом, хан страшно рассердился и хотел ее казнить. В ужасе хатун обратилась за помощью к Богдо–Гегэну, и он посоветовал ей

сказать, что она о ребенке молилась Мандзыширу, и он дал ей его. Царица так и сделала, но хан немного усомнился в этом и приказал на необитаемом острове оставить на год живую корову и глиняного быка. Если бы за это время у коровы родился теленок, царица очистилась бы от всяких подозрений. Теленок родился, но хан все же удалил хатун и от себя.

Также подвергся опале и Богдо–Гегэн, который был ее другом. Поместили их вместе, и царица обратилась в служанку Гегэна.

Жили они вместе уже около года. Царица добросовестно исполняла свои обязанности, святой же был всецело погружен в свои книги. Однажды хатун пошла за водой. Сын ее остался дома под присмотром Гегэна, но скоро ему надоело сидеть одному, и он убежал. Святому стало стыдно, что он не сумел его уберечь, и он испугался, как бы с ребенком чего не случилось. Чтобы не причинить царице горя, он слепил из теста мальчика и вдунул в него душу. Но оказалось, что настоящий — не пропал, и вышло только то, что люди стали обвинять и Гегэна и хатун в сожительство. Узнал о появлении второго ребенка и китайский император и страшно рассердился на безнравственного ламу. Немедленно его войска выступили в поход, чтобы наказать Гегэна и хатун. Когда же они подошли, святой нарвал травы и разбросал ее вокруг себя. Трава эта обратилась в людей, которые и разбили войско китайское. После боя Гегэн поручил царице управлять этими людьми.

Они все были с белыми, красными и желтыми волосами — по цвету травы, из которой Гегэн их сотворил. Под предводительством своей царицы новые люди ушли на север и образовали там русский народ.

Предание о происхождении дунган

Много лет тому назад в пределы Китая пришел отряд в две тысячи человек. Воины пришли с Запада. Одеты они были не так, как китайцы, были белы лицом и хотя знали по-китайски, но между собой говорили на никому не известном языке.

Придя в город, они потребовали себе сначала земли, а потом китайских девушек в жены. Сильные воинственные пришельцы внушали китайцам страх, и они не посмели им отказать. Землю дали, но с девицами было труднее, так как ни одна из них добровольно не хотела выходить за них замуж. Тогда начальник пришельцев отправился к китайскому губернатору и решительно заявил, что если им не дадут жен, они их сами добудут. Перепуганный губернатор подумал и сказал: «Скоро в городе будет большой праздник. На площади соберутся все женщины, которые займут три ряда стульев. В первом ряду будут девицы, их вы не берите, во втором будут сидеть замужние женщины, этих тоже не трогайте; наконец, в заднем — будут старухи и вдовы. Среди них вы найдете еще довольно много молодых и красивых. Вы их и хватайте, а потом будет уже ваше дело, как сохранить их за собой». Начальник воинов обещал так и сделать.

Настал день праздника. Весь город собрался на торжество. Женщины так и сидели, как сказал губернатор. Пришли и воины. У каждого под одеждой было спрятано оружие. Прогуливаясь перед зрительницами, они намечали себе невест. Самая красивая была в первом ряду, но некоторым нравились китайки и из второго ряда. Когда выбор был намечен, начальник дал знак, и пришельцы бросились в ряды зрительниц. Китайцы пробовали их защитить, но отступили, увидев оружие. Тогда белые воины уже беспрепятственно схватили своих будущих жен и унесли их к себе.

Пленницы скоро примирились со своей участью, примирились с похищением и их родственники.

Потомки этих воинов почти совсем слились с китайцами, но все же их можно отличить даже и теперь — это дунгане. Они красивее и здоровее настоящих китайцев, и это происходит оттого, что белые пришельцы взяли только красивых и молодых.

Сказание о Джабсан–Дамба–Хутухта

Много веков тому назад в Монголии жил святой лама Джабсан-Дамба, который научил монголов верить в истинного Бога, раньше же они ни в кого не верили.

Домашнее хозяйство ламы вела женщина, у которой был ребенок. Однажды она пошла за водой и попросила святого присмотреть за ее сыном. Но когда она ушла, ребенок убежал, потому что лама был слишком занят своими книгами, чтобы следить за ним. Заметив его исчезновение, он, чтобы не огорчить мать, сделал из теста двойника мальчика и вдул в него душу. Женщина скоро вернулась, ведя своего настоящего сына, и была очень удивлена, найдя второго такого же мальчика.

Скоро по всей Монголии прошел слух, что Дамба–Хутухта нарушил правила веры и прижил со своей служанкой ребенка. Дошел этот слух и до китайского императора, и он, раньше веривший в святость Хутухты, теперь решил его наказать. По его приказанию китайское войско выступило, чтобы схватить святого; но когда оно пришло к его жилищу, на его месте оказалось только озеро — Джабсан–Дамба–Хутухта спасся на границу Халхи. Войска пошли следом и скоро догнали его. Ученики святого, видя себя окруженными, очень испугались, но Хутухта велел им собрать побольше камыша. Когда они принесли целые охапки, он дунул и обратил их в солдат. Произошел большой бой, и китайцы были разбиты. После этого император не посмел больше трогать Хутухту; желтые же люди, сделанные из камыша, ушли на север и поселились рядом с монголами — это и есть русские.

Джабсан–Дамба–Хутухта предсказал, что через три века желтые, сделанные из камыша люди снова придут в Монголию и освободят монголов от китайцев.

Джабсан–Дамба–Хутухта — Чжебцзунь–Дам-ба–Хутухта — второе воплощение Богдо–Гегэна в Монголии, имел огромное влияние на последующую жизнь монголов Халхи, так как уговорил их подчиниться маньчжурскому императору. В то время маньчжуры еще не смешались с китайцами.

СКАЗАНИЯ О МИЛОСТИВОМ ГЕСЕР–ХАНЕ, ИСКОРЕНИТЕЛЕ ДЕСЯТИ ЗОЛ В ДЕСЯТИ СТРАНАХ СВЕТА [\[16\]](#)

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

1. Забытое повеление Будды

В Давние времена, еще перед тем, как Будда Шигемуни явил образ нирваны [\[17\]](#), тэнгри Хормуста отправился к нему на поклонение, и, когда прибыл и поклонился, Будда заповедал тэнгрию Хормусте:

— По прошествии пятисот лет в мире настанут смутные времена. Возвращайся к себе и, когда пройдет пятьсот лет, пошли одного из трех твоих сыновей: пусть он сядет в том мире на царство. Сильные будут пожирать слабых, дикие звери станут хватать и пожирать друг друга. Если отправится один из трех твоих сыновей, он сделается царем, владыкой сего мира.

Смотри только, предавшись своим радостям, не проживи дольше пятисот лет, но пошли сына своевременно, как мною указано.

— Истинно так, — сказал Будде тэнгрий Хормуста и возвратился к себе.

Но, возвратясь, он позабыл повеление Будды и прожил целых семьсот лет.

Вдруг сам собою разрушился — по западному углу, на целых десять тысяч бэрэ^[18], кремль его великого града Сударасун^[19]. Тогда все тридцать три тэнгрия, во главе с самим тэнгрием Хормустой, взяли за оружие и направились к разрушенному месту кремля, недоумевая:

— Кто бы мог разрушить этот наш кремль, раз нет у нас злых врагов? Разве что полчища Асуриев^[20] могли разрушить его?

Но лишь только они приблизились, стало очевидно, что кремль разрушился сам собой, и вот все тридцать три тэнгрия, во главе с Хормустой-тэнгрием, рассуждали между собой, от какой же именно причины мог разрушиться кремль, и тогда за беседой Хормуста-тэнгрий стал вспоминать:

— Еще перед тем, как Будда Шигемуни явил образ нирваны, я был у него на поклонении, и заповедал мне Будда после поклонения ему, чтоб по истечении пятисот лет я послал на землю одного из трех своих сыновей. В мире, говорил он, настанут смутные времена: сильные будут хватать и пожирать слабых; дикие звери станут пожирать друг друга. Но я забыл про этот завет Будды, и вот живу не пятьсот, а уже семьсот лет.

2. Совет на небе

И составили между собою великий совет тридцать три тэнгрия во главе с тэнгрием Хормустой. И отправил Хормуста-тэнгрий посла к трем своим сыновьям.

Посол обратился к старшему из братьев, по имени Амин-Сахикчи^[21], и сказал:

— Любезный мой. Твой батюшка, Хормуста-тэнгрий, послал меня передать тебе его повеленье идти в мир и сесть на царский престол.

Амин–Сахикчи отвечал:

— Я — сын Хормусты-тэнгрия. Однако, хотя бы я отправился, что из этого выйдет? Ведь я не смогу сесть на царский престол. Если же пойдет на землю сын самого Хормусты-тэнгрия и не сможет сесть на царство, то он только уронит тем славу и власть царственного родителя. Я бы очень хотел и не то что отказываюсь идти, но я докладываю так единственно по неспособности своей занять царский престол.

Приняв этот ответ, посол отправился к среднему брату Уйле–Бутугекчи^[22].

— Любезный мой, — сказал он. — Я имею передать тебе повеление твоего батюшки идти в мир и сесть на царство.

Уйле–Бутугекчи отвечал:

— Разве я не сын Хормусты-тэнгрия и разве живущие в мире существа не люди Златонедрой Земли? Я хоть бы и отправился в мир, все равно не смог бы сесть на царство. Наконец, при чем тут я? Ведь есть, кроме меня, старший брат: разве не уместно было бы ему, Амин–Сахикчи, и сесть на царство; или, может быть, младшему брату, Тэгус–Цокто^[23]?

Когда посол отправился затем к Тэгус–Цокто и передал ему то же свое повеление, Тэгус–Цокто отвечал:

— Если судить по старшинству, то надо было бы идти старшему брату, Амин–Сахикчи, или среднему — Уйле–Бутугекчи. При чем же я? Пойти-то я и пошел бы, но вдруг я окажусь неспособным: а разве мне дела нет до славы и власти царственных моих родителей?

Так ответили послу три сына Хормусты, и, приняв их ответы, посол предстал пред тэнгрием Хормустой и тридцатью тремя тэнгриями.

— Вот полностью ответы трех твоих сыновей, — доложил он.

Тогда Хормуста-тэнгрий приказал позвать к себе трех своих сыновей и, лишь только те явились, встретил их такими словами:

— Я посылал вас в мир не по пустому предлогу, уверяя, что в мире наступили смутные времена. Но я посылал вас в силу заповеданного мне повеления Будды. «Не мои ли вы сыновья?» — думал я. Однако выходит, что отцом-то оказываетесь вы, а я — ваш сын. Что ж? Садитесь втроем на мой царский престол и исполняйте все мои обязанности, каковы бы они ни были.

После того, как Хормуста-тэнгрий произнес эти слова, три его сына сняли шапки и, став на колени, поклонились.

— О, царь наш, батюшка! — сказали они. — Зачем изволишь говорить такие слова?

И Амин–Сахикчи продолжал:

— Мыслимо ли не пойти по приказу своего царственного родителя? Однако можно и пойти, но не сумеет сесть на царский престол. А разве к славе вашей будет, если земные люди станут глумиться, говоря: «Как же это так? Явился сын самого Хормусты-тэнгрия, Амин–Сахикчи, и не сумел сесть на царский престол». Ужели мне отправляться с мыслью, что

я лишь по имени сын тэнгрия? И можно ли сказать, что я взвожу напраслину на своего младшего брата, доказывая, что этот Уйле–Бутугекчи все, кажется, может: взять, например, стрельбу из лука на играх по окончании великого пира у семнадцати тэнгриев сонма Эсроа, и что же? Этого Уйле–Бутугекчи не превзойдет никто, он сам превзойдет всех; или, например, когда точно так же затеваются игры с состязаниями в стрельбе из лука или в борьбе у преисподних драконовых царей, опять никто не осилит его. Во всевозможных искусствах и познаниях этот Уйле–Бутугекчи — совершенный мастер. Ужели же отправляться нам с мыслью, что мы лишь по имени сыновья тэнгрия? Ему же хоть и отправиться — будет по силам.

И сказали тридцать три тэнгрия:

— Действительно, во всем справедливы эти речи Амин–Сахикчи. В чем бы мы ни были доблестны и что бы ни затевали — стрельбу ли, борьбу ли — во всем он превосходит и побеждает всех нас. Поистине справедливо сказал Амин–Сахикчи.

Так отозвались тридцать три тэнгрия, и Тэгус–Цокто прибавил:

— Говорить ли о том, что и я могу лишь подтвердить решительно все ими сказанное? Все это — чистейшая правда.³

3. Решено послать на землю среднего сына Хормусты

И опять сказал Хормуста-тэнгрий:

— Ну, Уйле–Бутугекчи! Вот что все они говорят. Что же теперь скажешь ты сам?

— Что я скажу? — отвечал он. — Прикажет царь-батюшка идти — и пойду.

Родитель мой, Хормуста-тэнгрий! Дай мне свой черносиний панцирь, сверкающий блеском росы; дай мне свои наплечники цвета молний; дай мне главный свой белый шлем, на челе которого изображены рядом солнце и луна; дай мне тридцать своих белых стрел с изумрудными зарубинами и свой черно-свирепый лук; дай мне вещь саблю свою с тремя злато-черными перепонками; дай мне всюду прославленный золотой свой аркан. Дай мне большую секиру свою, булатную, весом в девяносто и три гина^[24], а также и малую булатную секиру свою, весом в шестьдесят и три гина. Дай мне и девятирядный железный аркан свой.

Будь же милостив все это полностью мне ниспослать, лишь только свершится мое возрождение в мире.

— Хорошо, дам! — отвечал Хормуста, и Уйле–Бутугекчи продолжал:

— Ниспошли мне на землю трех сестер-хубилганов^[25]: пусть родятся они там в мире из единого чрева со мною и пусть переродитесь в них вы, три тэнгрия, из сонма тридцати трех тэнгриев. Одного же из великих тэнгриев, в моем собственном образе, ниспошли старшим их братом-хубилганом, а остальных тэнгриев твоей свиты ниспошли мне в образе тридцати моих богатырей. Не для собственной своей прихоти домогаюсь я, чтоб вас, тэнгриев, непременно послали в мир, нет: все это я прошу, имея в виду, что если сын Хормусты-тэнгрия, придя в мир, не сумеет сесть на царство и будет превзойден людьми, то чем иным будет это для вашего имени, как не злом? Если же, напротив, он уничтожит докшитов^[26] и возрадует живущих, чем иным это будет, как не благом?

И Хормуста-тэнгрий, и все тридцать три его тэнгрия рассудили так:

— Что же неправильного в этих словах Уйле–Бутугекчи? Разве мы можем хоть чем-нибудь поступиться для успеха его посольства? Мы дадим решительно все.

— Слушаю, — сказал Уйле–Бутугекчи. — Но я полагаю также, что раз ни мой старший брат Амин–Сахикчи, ни младший мой брат Тэгус–Цокто не согласились отправиться на землю, то очередное право наследования родительского престола будет за мною: после того, разумеется, как я потружусь в мире на пользу живых существ.

И снова в ответ было изъявлено согласие.

— Дай мне, родитель мой, и великий твой меч, целиком отлитый из бронзы.

— Дам! — был ответ.

— Милостиво ниспошли мне, когда свершится мое возрождение в мире, и прекрасного коня, которого не превзойти никому из живущих.

— Хорошо, дам! — был ответ.

4. Совет на земле. Предсказание о рождении Гесера

Вслед за тем и на земле, по случаю наступивших смутных времен, собирался сейм возле обо^[27], называемого Куселенг: собирались не только все люди черноголовые, но и птицы, и все — триста языков живых существ — и божественная белая дева Арья–Аламкари, переводчиком.

Трое приготовили для метания жребьи: Моа–Гуши, славный Дангбо, и горный царь, Оа–Гунчид. Говорит им Арья–Аламкари:

— Киньте гадальные жребьи, вы, три волхва, и узнайте: родится или нет такой царь, который будет в силах прекратить в мире смуту?

Бросил жребий Моа–Гуши и сказал:

— Должна родиться Боа–Данцон–Гарбо: тело у нее будет хрустальное, зубы белоснежные, голова птицы Гаруди^[28], волосы — золото-желтыми гроздьями, а по концам волос как будто рассыпаны цветы с дерева Ута^[29]. И если родится она, то будет владычицей вышних тэнгриев.

— Так, — говорит дева. — Бросайте следующий жребий.

Бросил жребий волхв, славный Дангбо, и произнес:

— Должна родиться Арья–Авалори–Удкари, светлосияющая с ликом палево-красным. Верхняя часть ее тела будет как у человека, нижняя — как у змея, царя драконов. И если родится она, то будет владычицей ханов-драконов.

— Так, — сказала дева. — Теперь бросай жребий, ты горный царь Оа–Гунчид!

Жребий брошен.

— Должна родиться белоснежная Чжамцо–Да-ри–Удам, сиянье которой осияет десять стран света. Если ж родится она, то будет владычицей дакинисс^[30] десяти стран света.

— Пусть еще раз кто-нибудь из вас бросит жребий, — говорит дева.

Жребий бросили.

— Должен родиться Гесер–Гарбо–Донруб. Верхняя часть его тела будет исполнена признаков Будд десяти стран света; средняя — признаков четырех великих тэнгриев; Махараджи, стражи 4–х стран света: Вайшравана (С), Дритараштра (В), Вирутака (Ю) и Вирупакша (З), нижняя — четырех великих царей драконов. Если же родится он, то будет милостивым, премудрым Гесером, государем десяти стран света^[31], владыкой этого Джамбутиба^[32].

И еще спросила небесная белая дева Арья–Аламкари:

— Как все они родятся: от одних отца с матерью или же от разных отцов-матерей? И кто именно будет их отцом, а кто матерью?

Снова был брошен жребий и последовал ответ:

— Отцом их будет здесь присутствующий горный царь Оа–Гунчид, а матерью — Гекше–Амурчила, дочь Го–Баяна.

— Итак, — заключила небесная дева, — они родятся от одних отца с матерью, очевидно, для того, чтобы помогать друг другу. Известны, следовательно, их отец и мать, но откуда же последует милость возрождения на земле?

Тогда волхвы отвечают:

— Возродится ли то в мире сын самого Хормусты-тэнгрия, имеющего на то повеление вышнего Будды, на случай смутных времен в мире, это нам неизвестно.

5. Цотон ссылает Санлуна и будущую мать Гесера, Гекше-Амурчилу

В то время улус (народ) состоял из трех округов-отоков: Туса, Донгсар и Лик. В Туса нойоном^[33] был Санлун; в Донгсаре — Царкин и в Лике — Цотон.

Цотон славился хорошими конями: один из них, чалой масти, бежал быстрее водопада, свергающегося в стремнину; другой был светло-буланой масти, мог обгонять бегущую напрямки лису; третий, желторябой масти, обгонял бегущую наперерез серну-цээрэна.

Пока улусное войско этих трех отоков собиралось выступить в поход против Го-Баяна, Цотон, этот злобный предатель, забежал на своем лучшем коне вперед и оповестил Го-Баяна, будто бы уже приближается войско отоков Туса, Донгсар и Лик.

Дочь Го-Баяна, Гекше-Амурчила, спасаясь бегством, в пути поскользнулась на льду и упала. Цотон захватил девушку, у которой

оказалась надорванной подбедренная мышца, отчего она и охромела.

Цотон рассудил так:

— Вздумай только я взять себе в жены этакую вот хромую, куда денется моя добрая слава? Сбуду-ка ее кому-нибудь другому. Но вот что: сдам ее своему старшему брату, нойону Санлуну.

И он действительно отдал ему девушку с тем лукавым намерением, что-де впоследствии ее нетрудно будет и отобрать у него.

Санлун, будучи вынужденный принять девушку, выправил ее ногу, и она стала по-прежнему цветущей и прекрасной.

Тогда Цотон, по злобе своей, сказал народу:

— Известно, как трудно нам было добыть женщину такой удивительной красоты. Известно также и то, что от нее, по предсказанию волхвов, должен родиться необыкновенный сын. Однако этот необыкновенный сын все еще не родился: следовательно, и самые-то смутные времена происходят от мужа с женой, а потому следует изгнать и Санлуна и Амурчилу, отлучив при этом Санлуна от всякого общения с прежней его семьей и наложив запрещение на все движимое и недвижимое имущество его.

Вследствие этого их и приговорили изгнать в пустынную местность при слиянии трех рек, предоставив в пользование им одну лишь черную полуюрту, рябую верблюдицу с рябым верблюжонком, рябую кобылу с рябым жеребенком, рябую корову с рябым теленком и рябую овцу с рябым ягненком, да рябую суку с рябым щенком.

6. Зачатие Гесера

В ссылке старик Санлун стал промышлять ловлей горностаевоготона поблизости от двух-трех голов своего скота. В иной день добывал он по десятку, а в иной и по семивосьми штук. А Гекше–Амурчила собирала топливо. Один раз, отправляясь за ним, видит она — ходит и пристально на нее смотрит такой странного вида ястреб: сверху — птица, а снизу человек. Гекше–Амурчила окликнула его и спросила:

— Почему это ты сверху похож на птицу, а снизу на человека? Что это значит?

Ястреб ответил:

— Сверху я как птица в знак того, что род мой свыше — непостижим. Снизу же я как человек в знак того, что мне надлежало бы

принять тленную плоть. От имени верховных тэнгриев я ищу достойную женщину, чтобы возродиться в мире, и, сколь ни надобно здесь возрождаться, все же я родился бы только у такой достойной женщины. Иначе мне пришлось бы остаться, как я есть.

И, проговорив эти слова, ястреб улетел.

Когда, затем, в восьмую ночь первой луны, Гекше–Амурчила возвращалась домой с топливом, на пути она встретила такого необыкновенного великана, что при виде его со страху упала в обморок... Прележав так некоторое время и придя в себя, она воротилась домой, а рано утром, по выпавшему снегу, она отправилась тою же дорогой, по которой принесла топливо, и найдя, следы своих каблуков, тут же по ним увидела, что уходил человек со следом в целую сажень, алда-дэлим.

«Что же это за человек с таким огромным следом?» — подумала она и пошла по его следам, которые привели ее к пещере в огромной скале. Подойдя настолько, чтобы можно было видеть, что делается в пещере, Гекше–Амурчила заглянула, и вот видит его: сидит он на золотом троне; сидит, облокотись на ручки своего золотого трона, в шапке из рябого барса, в шубе из рябого барса, в сапогах-гутулах из рябого барса. Счищает иней со своей рябо-барсовой бороды и говорит:

— Как нельзя более устал я в эту ночь!

Увидав его, Гекше–Амурчила в испуге поспешно вернулась домой.

* * *

Разошлись по домам все триста языков живых существ, поднялась на небо и белая небесная дева, Арья–Аламкари. Тогда восходят на Куселенгский холм-обо жребьеметатели, Моа–Гуши и славный Дангбо, и ждут знамения: сбудется ли все, что предсказали они?

И в надежде, что сбудется, разошлись и они...

7. Рождение Гесера

Когда Гекше–Амурчила возвратилась домой, она вдруг так располнела, что не в силах была ни стоять, ни сидеть. Пятнадцатого числа утром старик берет свой силок и собирается отгонять скот, но перед самым его уходом Гекше–Амурчила говорит ему:

— Зачем ты уходишь? Во мне как будто бы раздаются детские голоса: я очень боюсь оставаться одна — побыл бы ты сегодня со мною.

— Если я буду все время сидеть около тебя, — отвечает ей старик Санлун, — то кому же добывать оготона и присматривать за двумя-тремя моими скотинами; а не добывать оготона, так чем же и кормиться?

Не согласившись остаться дома, старик ушел, поставил силок и, добыв семьдесят оготонов, принес их на спине в юрту, свалил и, присев, радостно подумал: «По сравнению с прежними днями сегодня я добыл слишком много; должно быть, и в мой дом пришло счастье!»

Санлун прибрал оготонов и опять ушел.

После полудня, уже под вечер, во чреве матери стало вдруг раздаваться пение детских голосов. Один голос поет так:

— Вот возрождаюсь я, Боа–Данзон–Гарбо. Тело мое хрустальное, зубы белоснежные, голова — птицы Гаруди с кудрями злато-желтыми, а по концам волос у меня как будто рассыпаны цветы с дерева Ута. А возродившись, я сделаюсь властнейшею высших тэнгриев.

Другой голос поет:

— Вот возрождаюсь я, Арья–Авалори, все озаряющая ясным светом, палево-красноликая. Сверху я как человек, снизу — как змей, царь драконов. А возродившись, я стану владычицей преисподних драконовых ханов.

Поет затем третий голос:

— Возрождаюсь я, Чжамцо–Дари–Удам–Уткари белоснежная, сиянье которой осияет десять стран света. А возродившись, я буду владычицей фей-дакинисс десяти стран света.

Послышался и еще один голос:

— Возрождаюсь я, Гесер–Гарбо–Донруб. Верхняя часть моего тела исполнена признаков Будд десяти стран света, средняя — четырех великих тэнгриев, нижняя — великих царей драконов. А возродившись, буду я милостивым и премудрым Гесер-ханом, государем сего Джамбутиба.

— Увы мне, горе мне, — стонет мать. — Как это могло случиться, что мною зачаты и рождаются Будды? Мною, которая, по ненадобности и простым-то смертным, изгнана в пустыню у слияния трех рек? Вернее, что зачала я и рождаю демоново отродье.

— Вашему негодному отцу, — продолжает она, — вашему отцу, старику Санлуну, не до того, чтоб еще вас нянчить: его самого-то некому

кормить. И не то что вас вырастить и воспитать, он и меня-то не в силах прокормить в этой черной полуюрте с птичье гнездо.

И она порешила выкопать девятиалданным^[34] железным колом для рытья корней растения гичи-нэнэ яму на всех четырех сразу:

«Вот где я вас убаюкою!» — думала она, как вдруг раздался голос:

— Матушка, пропусти меня! — и из ее темени выпала несравненной красоты Боа–Данцон–Гарбо и тотчас же неуловимо ускользнула от матери. Пока та напрасно пыталась ее поймать, от вышних тэнгриев подали в полной упряжи хрустального слона. Загремели тимпаны и барабаны, зажглись жертвенные пахучие свечи, и под звуки тимпанов и барабанов малютку посадили на слона и унесли в небеса.

— Милая моя оказалась настоящим божеством, — в слезах причитает мать, а в это время опять раздается голос: «Сестрица, пропусти меня!»

Приподняв правую руку, мать сдавливая себе темя, а в это время у нее из правой подмышки выпадает ребенок. И этот ускользает у нее из рук, и его она не может поймать, а тем временем из глубины океана царь драконов подает для него, как и для первого малютки, хрустального полуслона-полульва, также в полной упряжи. Гремят тимпаны и барабаны, возжигаются пахучие жертвенные свечи, и драконов царь уносит малютку и вселяет в глубины океана.

— Сестрица, пропусти меня! — опять раздается голос.

Мать, стиснув подмышки, обеими руками сдавила темя, и у нее из пуповины выпал ребенок, еще прекраснее двух первых, и, так же как и тех, не удержать его матери. Пока она тщетно пыталась это сделать, даकिनиссы десяти стран света подали в полной упряжи бирюзового слона. Зажглись благовонные жертвенные свечи. Ударяя в литавры и барабаны, даकिनиссы десяти стран приблизились к малютке, подхватили его и унесли.

— Увы мне, горе мне! — причитает мать. — Малютки вы мои, что я наделала? Ведь сущю правдой оказались ваши уверения, что вы хубилганы Будд. Как же я посягнула вырыть яму на всех вас четверых? Не то что закопать, но хоть бы одного из вас на прощанье довелось рассмотреть хорошенько, обнять, приголубить! О, детушки мои родимые, что же я наделала?

И во время этих причитаний раздаются слова:

— Сестрица! А каким способом мне пройти?

— Проходи, родимый, положенным путем! — отвечала мать, вскрикнула и тотчас же родила естественным образом.

Родился же вот какой ребенок: правым глазом смотрит искоса, левым — вдаль; правой рукой замахнулся, левую сжал в кулак; правую ногу приподнял вверх, левую — как будто топнул; все сорок пять белоснежных зубов прикусил.

— О горе! Что будет со мной? Как видно, предыдущую тройню я родила настоящими хубилганами Будд, почему и не удержала, а теперь родила я, и, должно быть, удержу вот это лишь демоново отродье, ребенка греха.

— Чем бы тебе, мой родимый, перерезать пуповину? — И с этими словами она достала из-под подушки большой нож с двумя лезвиями и принялась резать его пуповину.

— Этот нож не годится для пуповины! — говорит ребенок. — Тебе, матушка, не справиться с моей пуповиной этим твоим ножом: ее нужно резать черно-острым камнем, который к югу от нас, в море-океане. Этим камнем режь и приговаривай: «Крепче камня будь крепок, родимый мой!» Перевязывай потом белой травкой и приговаривай: «Гуще белой травушки плодись родимый улус у любезного!»

Мать завернула ребенка в полу своего халата и побежала; подняла она со дна морского черно-острый камень и отрезала им пуповину, а отрезая, приговаривала по сказанному. Перевязала затем пуповину белой травой, а перевязывая, сказывала тот самый йороль — слово заветное.

Но, перерезая пуповину, мать отморозила себе мизинец, так как при появлении Гесера на свет вдруг пошел мелкий морозящий дождь. Отморозила и плачет:

— Вот я ознобила себе мизинец из-за пуповины этого злосчастливого ребенка, грехом зачатого.

— Не бранись, родимая, и не плачь! — говорит ребенок. — Опустить свой мизинец в море — посмотри, что будет.

Мать послушалась, опустила палец в море, и он опять приобрел прежний прекрасный вид. Пошла она с ребенком на руках, а на дороге и говорит:

— Где мне баюкать тебя, родимый мой? Убаюкаю тебя вот в этой яме! — Но приподнятый было ребенок вырвался у нее из рук. Мать опять поднимает его на руки, но тот вырывается со словами:

— Родимая моя! Ведь правый-то глаз мой косо смотрит оттого, что я косо смотрю на демонов-элиэ и шимнусов. Левый же глаз мой взглядом

устремлен вдаль потому, что я проницаю вдаль и эту, и будущую жизнь. Правой рукой я замахнулся в знак того, что прочь смахну всех супостатов, а левую сжал в кулак в знак того, что всех я буду держать в своей власти. Приподнял я правую ногу в знак того, что подниму я правую веру, а левой топнул я в знак того, что уничтожу и попру ногами своими всех неправовверных, еретиков. Я родился со стиснутыми сорока и пятью белоснежными зубами в знак того, что окончательно сокрушу я силу и величие злых шимнусов.

— Ах, горе мне! — забранилась мать. — У людей коли родятся дети, так рождаются, бывало, уткнувши два безымянных пальца в нос и с закрытыми глазами. Почему же я-то родила вот этого злого на язык болтуна таким драчуном и спорщиком с самого рождения?

В то время как мать бранится, домой возвращается Санлун, и ему слышится, будто раздается женский голос попеременно с ревом тигра. Санлун возвращается со скотом. На спине он тащит десяток оготонов, а свободной рукой волочит свою девятирядную железную ловушку.

— Что тут такое? — спрашивает он.

Тут напускается на него Гекше-Амурчила:

— Злой черт, иссохшая, несчастная кляча! Не просила ли я тебя побыть сегодня со мной? Сию минуту у меня исчезли кто куда три ребенка: известно, что когда возрождаются настоящие хубилганы Будд, то они или восходят на небо, или ниспускаются к драконовым царям, или восходят в область дакинисс. И эти вот так же: не успела я даже их сосчитать, как они исчезли кто знает куда, упоминая то вышнее небо, то преисподних драконовых царей, то дакинисс десяти стран света. А сейчас вот, негодная ты кляча, не успела я родить вот это демоново отродье, как он уже, кажется, готов схватить меня и съесть. Убери его прочь, совсем!

— Эх, ты! — говорит Санлун. — Как можешь ты знать, что это непременно демоново отродье? Разве же мы Будды? Мы-то, со своими пустыми суждениями? Уж не убить ли собственное детище? Попробуем-ка лучше его вырастить. За нынешний день я добыл восемьдесят оготонов. А эти мои две-три скотинушки, оказывается, по-настоящему затяжелели: от тяжести едва с земли поднимаются. В прежнее время вблизи нашего жилья вовсе не бывало оготона. Сегодня же такую массу я добыл всего на пространстве выстрела от нас свистун-стрелы, годоли, и при этом на такое же расстояние от нас не шел снег. Отроду не случилось

добывать так много ни настоящей ловчей сетью, ни, тем паче, вот этим силком.

— Если б так пошли дела и дальше, то зачем же лишать его жизни? Растить, так попробуем вырастить! — отозвалась мать.

8. Гесер убивает трех оборотней и трех свирепых демонов докшитов

В ту пору некий демон, превращаясь в черного ворона, выклевывал глаза у новорожденных^[35] детей и ослеплял их. Прослышав о рождении Гесера, черный ворон является. Но Гесер распознал его своею чудесною силой. Прищурил он один свой глаз, другой совсем закрыл, а на прищуренный глаз нацелил свою девятирядную железную ловушку, и, как только черный ворон приготовился клюнуть его в глаз, потянул он веревочку своей девятирядной ловушки, поймал оборотня-ворона и убил.

В ту же пору появился под видом ламы Кунгпо-эциге Эркеслунг-демон с козлиными зубами и собачьим переносьем. Возлагая руки на двухлетних детей, он тем временем откусывал у них конец языка и делал их навек немыми. Ведал Гесер и про это, как и про то, что демон уже подходит к нему: сжал он свои сорок пять белоснежных зубов, лежит и ждет.

Приходит мнимый лама и, благословляя ребенка, возлагает на него руки, а сам пальцами пытается разжать его зубы, но не может, пробует разнять трубочкой-ковырялкой — не может.

— Что это? — говорит он. — С языком у вас родился мальчик-то или от рождения такой, со стиснутыми зубами?

— А кто его знает? — говорят ему. — Ревет-то он как следует.

Тогда демон-лама стал всовывать ребенку в рот свой язык, чтобы тот сосал.

— Немного, оказывается, может сосать, — говорит он. — Уже стал сосать мой язык: это хорошо. — И еще глубже всовывает ему сосать свой язык. Тогда Гесер, притворяясь, будто сосет, напроочь откусил у демона язык по самую глотку и таким образом умертвил его.

В ту пору монгольскому народу причиняло вред некое порождение нечистой силы, в виде горностая-оготона, величиной с вола, который изменил самое лицо земли. Как только узнал об этом Гесер, он немедленно явился в образе пастуха овечьих стад со своею секирою и насмерть поразил это чудовище ударом между рогов.

Затем он уничтожил также трех свирепых демонов, докшитов.

9. Цзуру (Гесер) чудесно обогащает Санлуна, которому удается ослабить тяготеющий над ним приговор: ему возвращают прежнюю семью и имущество, но в объединенной семье возникают ссоры

Вскоре объягнилась у Санлуна овца совершенно белым ягненком. Ожеребилась у него и кобыла вещим гнедым жеребенком. Отелилась

корова теленком невиданной железно-синей масти. Оценилась и собака медным щенком-сукой с железной мордой. Но Гесер отпустил всех новорожденных к небесной своей бабушке Абса-Хурцэ, которой так помолился пред воздвигнутым жертвенником:

— Как следует вскорми и взрасти их, моя бабушка, и возврати мне, когда попрошу!

Бабушка приняла их и обещала своевременно возвратить.

* * *

Старик Санлун дал ребенку имя Цзуру, так как в муках он родился у матери его.

Цзуру стал пасти у отца две-три головы его скота, но пасти вот как: вырывает он трижды-семь камышей-хулусу, вырывает трижды-семь степных ковылей-дэресу, выдергивает трижды-семь репейников-хилгана, выдергивает трижды-семь крапивников-харгана. Ковылем стегают он свою кобыленку, стегают и приговаривают:

— До той поры буду стегать тебя трижды-семью ковылями, пока не наплодишь мне белого, как степной ковыль, табуна.

Камышом стегают свою коровенку, стегают и приговаривают:

— Наплоди ты таких добрых коров, чтобы мастью были как камышовое семя, с хвостами наподобие камышового листу.

Репейником стегают он овцу и приговаривают:

— Плодись ты в таком множестве, как и этот славный репейничек.

Точно так же стегают он крапивником и своего шелудивого верблюда...

И вот, по Гесерову велению, стали они плодиться так, что от одной кобыленки наплодился целый табун белых, как степной ковыль, коней... К чему перечислять подробно? Каждую луну, по Гесерову слову, плодился в свою пору весь скот, и развелось таким образом несметное его количество...

Вне себя от радости старик Санлун.

— Это все по моим молитвам, — говорит он. — Вот и сбывается, что «тысячи делаются из одной-единственной единицы».

— Чем же ты неправ? — стала говорить на это Гекше-Амурчила. — Мне-то в особенности хорошо известен результат твоих молитв.

Отменили бы приговор о ссылке — вот это было бы действительно великим результатом твоих молитв. А то и скот-то у нас пасти некому.

Тогда Санлун поехал в главные кочевья своего улуса, явился к Цотону и при всем народе говорит ему:

— От твоей необыкновенной красавицы, которую ты по неприязни изгнал, родился и живет обыкновенный мальчик. Просто ли водворять его и наделять как простого смертного или предоставить ему ханское правопреемство, как благородному? Но, на худой конец, простое-то правопреемство ему принадлежит. Верни же поэтому все мое: и семью и хозяйство.

— Разве же старик Санлун в чем неправ? — в один голос сказал весь улус и присудил полностью вернуть ему и семью, и все его хозяйство.

Старик Санлун забрал все свое и возвратился к себе, в изгнание.

* * *

— Теперь-то, — распоряжается Санлун, — теперь пасите скот вы все трое: Цзаса, Рунса и Цзуру.

И вот за скотом его теперь ходят трое его сыновей. Но Цзуру пасет скот, как истинный хубилган: дальние горы делает близкими, ближние горы делает дальними.

Однажды Цзуру говорит своему отцу:

— Вот ты все не нарадуешься, что по твоим молитвам умножился у тебя скот. Раз так, то почему бы у тебя не построиться и дворцу, белой ставке?

— Что же! — отвечает Санлун. — Ехать так ехать! До лесу авось доберемся, да только хватит ли у нас сил заготовить лес?

И они поехали, добрались до лесу, и всю семью принялись за рубку. Старик срубил и повалил несколько ровных деревьев. Цзуру же чудесным образом воздвигает постройку: за стенными решетками — решетки, за потолочными унинами — унины.

Увидя хорошее прямое дерево, старик Санлун пошел было его срубить, но Цзуру взял и вдруг обратил его в корявое и колючее дерево, так что старик не мог его срубить и вернулся с порезанными руками.

— Сразу видно, что тут окаянный сынок! — ворчит он. — Едва только подошел я рубить, как вдруг хорошее прямое дерево стало корявым и колючим. Только поранил себе руки!

Тогда Цзуру притаскивает вполне годное строевое бревно и говорит:

— Батюшка, зачем же ты бросил срубленное тобою дерево? Я взял вот его и обращаю на постройку.

— Я действительно срубил это дерево, — отвечает Санлун, — но только так, как по пословице: «Опять засадил в землю срубленное дерево». Его-то ты, негодный, должно быть, и своровал.

— Верно, батюшка, — отвечает Цзуру. — И поверь, этого твоего лесу, который я своровал, хватит, пожалуй, на две-три юрты.

— Ты рубишь, а я, как малосильный, строю из готового леса! — и с этими словами он покрыл кровлею готовые юрты.

Со скотом отправлялись все три сына. Мать Рунсы, к которой Санлун был более расположен, по уходе сыновей принималась готовить обед. Для Цзасы и Рунсы она накрывала на стол как следует, а для Цзуру наливала похлебку в поганую чашку, из которой только есть собакам.

Отправляясь на пастьбу, Цзуру брал с собой по три пригоршни белого и черного камня: расставит он по горам белые камешки, и весь скот пасется сам собою; когда же надо возвращаться с пастьбы, кладет он в поясной карман свой черный камешек, и весь скот сам за ним идет.

Однажды, как обычно втроем, братья отправились со скотом на пастбище. Когда, расположившись в виду своего стада, они беседовали, Цзуру произнес:

— Пасем мы такое множество скота, а ходим совершенно голодные: давайте зарежем и съедим хоть одного теленка!

— Зарежем и съедим? — говорит Рунса. — Да ведь отец с матерью заругают нас! Никак этого нельзя!

Цзаса—Шикир сидит, не говоря ни слова, а Цзуру продолжает:

— Я беру ответственность на себя. Цзаса, поймай-ка теленка!

Цзаса поймал, а Цзуру зарезал теленка и содрал с него шкуру в виде мешка. Когда они ели мясо, кости кидали в этот кожаный мешок. Но вот Цзуру дернул этот мешок за хвост, трижды взмахнул рукой, и вдруг теленок ожил и побежал в стадо.

Когда братья вернулись со своим скотом домой и все трое вошли в юрту, то Цзуру уселся на свое место и принялся за еду, а Цзаса с Рунсой стоят.

— Цзуру ест, а вы почему не едите? — спрашивает мать.

— Мы сыты, не хотим! — отвечает Рунса. — Наш младший брат Цзуру зарезал телка и накормил нас телятиной.

Старик Санлун так и ахнул:

— Цзуру, это правда?

— Не стану говорить, что это ложь, — отвечает Цзуру.

Тогда старик схватил кнут и бросился с намерением отстегать Цзуру. Он хочет стегать, а Цзуру хватается за кнут и перебранивается со стариком.

— В чем дело, старина? — спрашивает выбежавшая на шум Гекше-Амурчила.

— Этот негодяй, — говорит Санлун, — зарезал, чертов сын, теленка. Этакая подлость! — И старик никак не может унять своего гнева.

— Ах ты, негодная заблудшая кляча, — забранилась Гекше-Амурчила. — Что же твоим телкам и счета нет, что ли? Ты сначала сосчитай телят: будто у тебя, негодного, уж так много их. А если бив самом деле съел? Эка беда! Как же ты смеешь бить моего мальчика из-за одного-единственного теленка! Похоже, что ты и всерьез думаешь, будто скот и сам по себе будет хорошо разводиться.

Старик выбегает и пересчитывает телят — все оказываются налицо. Вбегая в юрту, набрасывается он тогда на Рунсу:

— Ну, что ты за лгун? Попробуй-ка ты у меня еще раз наврать: не я буду, если я тебя не запорю до смерти.

* * *

На следующее утро все трое опять ушли со скотом, и Цзуру опять зарезал теленка. Тогда Рунса потихоньку спрятал хвост к себе за пазуху. Как и прошлый раз, они ели мясо, бросая кости в мешок; так же потом Цзуру трижды взмахнул рукой, и оживший теленок резво помчался в свое стадо.

Когда пришли со скотом домой, Рунса говорит:

— Покушаем-ка хвоста от теленка, которого зарезал наш младший братец Цзуру! — и он вытаскивает из-за пазухи хвост, на котором еще не запеклась кровь, и, присев к огню, закапывает его в золу.

— Что это значит, Рунса? — спрашивает старик.

— Младший наш братец, Цзуру, зарезал для нас телка, вот я и хочу теперь испечь телячий хвост и покушать! — говорит Рунса.

— Ну, голубчик Цзуру, — произносит Санлун, — как же это ты решился на подобную подлость?

И опять старик берет кнут и хочет отстегать Цзуру, но тот сопротивляется, хватаясь за кнутовище.

— Э, да он совсем из ума выжил! — кричит Цзуру. — Что это он на меня замахивается и лезет в драку?

В это время вбегает мать Цзуру.

— Что это ты, что это ты, старый греховодник? — кричит она.

— Вон, — говорит старик, — вон Рунса жарит телячий хвост, на котором еще не запеклась кровь. Говорит, что Цзуру зарезал телянка. Теперь сама суди: правда ли это?

— Что же ты лезешь драться-то из-за небылиц, которые плетет этот вот твой сынок? Ты лучше бы посмотрел, все ли телята?

Старик пошел и пересчитал телят — все оказались налицо, только у одного из хвоста идет кровь.

— Хвост-то у него обрублен! — кричит старик, вбегая в юрту, и принимается стегать Рунсу, приговаривая:

— Не клевети понапрасну на бедного мальчика! Это тебе и будет: «Пришел бодочей^[36], хотонцам^[37] же его и угощать».

— Такое уж мое счастье! — говорит Цзуру. — Однако чем быть оговариваемому понапрасну, пусть лучше оговаривают меня поделом: и не я это буду, если завтра я у тебя не отравлю изрядное количество скота.

* * *

Отправились три брата со скотом. Цзуру зарезал на этот раз девять валухов из своего овечьего стада, чудом набрал откуда-то огромных котлов и, приведя Рунсу в трепет своим величественным видом, принялся стряпать еду. Потом он вынул готовое мясо, устроил жертвенник и с молитвою обратился ко всем своим гениям-хранителям:

— Ты, мой родимый, верховный Хормуста-тэнгрий и покорные тебе семнадцать тэнгриев сонма Эсроа, и тридцать три тэнгрия свиты твоей. И ты, родимая моя бабушка, Абса-Хурце. И ты, переводчик мой, белая небесная дева Арья-Аламкари, покровительница моя, владеющая тремястами языками. И вы, мои жребьеметатели, Моа-Гуши и славный Дангбо. И ты, земной мой отец, горный царь Оа-Гунчид. И вы, три победоносные сестрицы мои, и вышние мои хранители, Будды десяти стран света и четыре драконовых царя преисподней. Все вы повелели мне отправиться в мир, и вот я родился в мире, и хочу я, ничтожный, явиться

пред вашими очами и молитвенно воззвать к вам, принося предлежащую чистую жертву.

И сказали все его гении-хранители:

— До наших ноздрей доносится сладостный запах: то родился, значит, на Златонедрой Земле наш соплячок, и вот дает нам знать, что родился.

Помолившись всем этим покровителям своим, он поставил пред Цзасой и Рунсой большой стол и предложил им угощение. Цзаса ел вволю, а Рунса, подавленный величием Гесера, сидел и ничего не ел. Созванные же Цзурой его гении-хранители пришли под видом множества людей и съели все дочиста. Встав из-за стола, Рунса поспешил домой, а Цзаса с Цзурой отправились со скотом вслед за ним.

Дома Рунса рассказывает:

— Ваш сынок Цзуру стравил до десяти валухов. Набрав откуда-то котлов, стал он всех баранов варить, а после того, как вынул готовое мясо, давай он все причитать: «Верховные тэнгрии, преисподние драконовы цари!» Все поминал даже Будд, причитывая «Цзу–Цзу», и много болтал он такого, что я и не упомяну. Потом он стал угощать нас обоих мясом, и меня и Цзасу. Но я, с горя о бедных наших баранах, не стал есть... Не знаю, в какие стороны поразбрелся и весь-то наш скот... А в то время, как они ели, стало подходить множество всяких проходимцев. Цзуру же выбегает им навстречу и приглашает: принимает их коней под уздцы и просит пожаловать. Само собой разумеется, что этот сброд дочиста сожрал все угощение.

— Экое нечистое дело вышло! — говорит старик, выслушав рассказ Рунсы; хватает кнут и бежит посмотреть, не видно ли скота. Он поднимается на пригорок и пристально смотрит из-под руки вдаль. Цзуру со всем стадом находится совсем близко от него, но старик не видит ни Цзуру, ни своего скота: затмил ему очи Цзуру своей волшебной силой.

Старик возвращается домой и садится на свое место.

— Просто беда: ничего вдруг не могу видеть! — говорит он. — Погоди, Цзуру: вот я ж тебе!

Но не успел старик и пригрозить, как Цзуру с песнями пригоняет ревущий скот.

— Эге, я тебя узнаю: ведь сынок-то у меня настоящий певец!

Старик хватает кнут и выбегает ему навстречу. Только было он замахнулся, чтобы ударить Цзуру, как тот вырвал у него кнут и забросил. Тогда старик вступает с ним в борьбу.

— Ой-ой, помогите! — кричит Цзуру и, притворяясь, будто падает, перекидывает старика через свою голову.

— Ой-ой! — вопит старик, а Цзуру, в свою очередь, кричит: «Помогите!»

В это время подбегает Гекше–Амурчила.

— В чем дело, старик, в чем дело? — спрашивает она.

— Я думал, — говорит тот, — я думал, что ты родила мне сына, а, оказывается, ты правду говорила, что это настоящее чертово отродье! Зарезал и стравил девять валухов, а когда я попробовал было его наказать, так он вот как перекинул меня через свою башку! Не изуродовал ли он меня, так сильно все болит.

— Жалко, если не изуродовал! — говорит Гекше–Амурчила. — Ведь Рунса и прошлый раз все науськивал тебя, уверяя, что Цзуру режет телят: и что же, правда это оказалось? А теперь он же уверяет, будто Цзуру зарезал девять валухов... Перекинуть-то он, кажется, тебя действительно перекинул, а все же тебе следовало бы и теперь сосчитать своих валухов.

Старик пошел, пересчитал своих валухов и вернулся, убедившись, что они в целости.

— Аи, ай-ай, Рунса! Что же ты делаешь? — сокрушается старик.

Тогда вступается Гекше–Амурчила:

— А ты, голубчик Цзуру, ты чего же смотришь? Выходит по пословице: «Кто дом строил — позади сидит, а кто веточки резал — вперед идет»? Теперь уже ясно, что Рунса задался целью тебя извести. Стоит только теперь ему явиться и наговорить на тебя, а старику по наговору Рунсы приняться бить тебя — и умереть тебе неминуемо под ножом. До коих же пор я буду смотреть на твои злоключения ?

Тут и Цзуру принимается укорять Рунсу:

— Ведь ты еще и не жил здесь, когда я один развел скот и один, не говоря ни слова, пас его. Ведь если б я всякий день резал да ел, то каким образом я умножил бы этот скот? За что же ты ненавидишь меня? Зачем ты постоянными наговорами заводишь между нами ссоры?

Рунса не отвечает ни слова, а Цзаса–Шикир посмеивается.

— Ну, что же? — говорит старик Рунсе. — Разве это не истинная правда? Впредь я тебя, Рунса, буду стегать, лишь только ты откроешь рот.

Поутру старик рассуждает про себя: «Теперь ясно, что у моих ребят втроем дело не ладится. Стану-ка я теперь сам ходить с каждым поодиночке».

И он отправляется на пастьбу, захватив с собой Цзасу. Этот день обошелся без особых происшествий, и вечером старик с Цзасой благополучно пригнали скот домой.

На следующий день старик отправился с Рунсой. Оба они были при скоте, когда волк на их глазах зарезал трех овец. Вернувшись вечером домой, старик рассказывает:

— Я находился около скота, а этот дурень Рунса пас овец и допустил, чтобы на его глазах волк зарезал трех овец.

Присел Цзуру и говорит:

— Случись это со мной, так наверно избил бы вовремя и постарался, чтобы ты меня не взял с собой!

На следующий день старик берет с собой Цзуру, и тот дальние горы обращает в близкие. Идут они краем отары, как вдруг бежит волк.

— Батюшка, — говорит Цзуру, — бежит волк, понимаешь ты, в чем дело?

— Что тут понимать? Должно быть, волк высматривает овцу.

— Тогда, батюшка, стреляй без промаху по этому волку и если попадешь, то имеешь право резать валуха и есть один — мне ничего не давай. А если промахнешься — стреляю я, и, при успехе, режу валуха и ем один — тебе ничего не дам.

Старик, согласившись на это условие, дал выстрел и промахнулся.

— Теперь, батюшка, моя очередь? — говорит Цзуру.

— Правда, твоя! — отвечает старик.

Цзуру выстрелил и насадил волка на стрелу. Отдает он волка старику и говорит:

— Ты, батюшка, человек старый — сделай себе из него теплый набрюшник.

Тогда Цзуру навел на старика страх своим волшебным величием и зарезал девять валухов. Собрав множество котлов, Цзуру хватает барана за бараном. Старику хочется закричать: «Цзуру, что же ты наделал?» — и нет сил подать голоса. Хочет встать и прикрикнуть на Цзуру и не может: молча сидит старик и смотрит.

Тем временем Цзуру вынул из котлов готовое мясо и по-прежнему стал сзывать своих гениев-хранителей: они представились взору старика в виде множества людей, накрывавших на стол и подававших еду.

Подавленный величием Гесера, старик не мог есть; Цзуру же, превращаясь во множество неведомых людей, прикончил таким образом все мясо, и тогда оба они встали из-за стола. Старик тотчас же бросился бежать домой, а Цзуру пошел со скотом. Прибежав домой, печалится своей жене старик:

— Ну, матушка, я сам такое видел, что слова-то Рунсы оказываются чистойшей правдой. Зарезал он девять баранов и один слопал все мясо. Ты, Гекше—Амурчила, совершенно правильно называла его чертом: это или магус, или мангус, и теперь совершенно ясно, что сначала он переведет нашу скотину, а потом прикончит и нас самих.

Пока старик таким образом сокрушается, Цзуру подгоняет к дому весь скот. Старик хватает кнут и с криком выбегает ему навстречу:

— Ты что же это, голубчик Цзуру, тигр ты или волк?

И он намеревается ударить его кнутом, но Цзуру удерживает кнутовище рукой.

— Что ты, что ты, дедушка? — кричит он.

— Ты чего притворяешься, как будто это не ты давеча-то губил баранов?

— Пойдем-ка, — говорит Цзуру. — Мы тут вдвоем с тобой не разойдемся, — пойдем: пусть рассудит нас Цзаса!

Он приводит старика к Цзасе, и старик начинает рассказывать, как было дело.

— Идем мы вдвоем с этим негодным Цзуру, как вдруг около овечьей отары бежит волк. Этот паршивый мальчишка и говорит мне: «Батюшка! Бежит волк, понимаешь ли ты, в чем дело?» — «Да он, должно быть, хочет зарезать овцу!» — отвечаю я. Когда так, давай, говорит, батюшка, с тобой поспорим. Что же, давай, говорю. Стреляй, говорит, в этого волка, и если попадешь, то ты режешь овцу, а мяса не даешь мне и покушать: все ешь сам. Но если ты промахнешься, говорит, то буду стрелять я и уж коли попаду, то совершенно так же буду есть я один. Я согласился, и оба мы стреляли, у меня по старости лет вышел промах, а Цзуру застрелил волка.

И затем он подробно рассказал, как они вдвоем с Цзуру ели баранов. Тогда Цзаса говорит:

— Из всего этого видно, что ты, батюшка, и вчера был не прав, так как окарауливал скот вдвоем с Рунсой и допустил волку зарезать трех баранов, и на этот раз ты явно проиграл — ведь стреляли-то вы на спор! А потому тебе бы, старому человеку, уж помалкивать!

— Совсем особенные понятия у этих моих сыновей, — сказал старик и ушел.

* * *

Поутру старик отправляется на пастьбу с Цзурой. Вот на дерево между табуном и гуртом скота села сорока, а мимо скота бегают лиса.

— Батюшка, понимаешь ли, в чем тут дело? — спрашивает Цзуру. — Почему это сорока и лиса настораживаются около скота?

— Нет, не понимаю! — отвечает старик.

— А я думаю, — говорит Цзуру, — я думаю: не хочет ли сорока расклевать болячку у лошади, а потом она помаленьку доберется до спинного мозга лошади, и та, чего доброго, подохнет? А коровы ведь станут щипать траву, которую грызла лиса, и, пожалуй, передохнут, отравившись ее ядом? Давай-ка мы вдвоем перестреляем их! Кто из нас убьет, тот режет одну корову и одну лошадь, ничего не давая другому даже и покушать.

— Хорошо, — отвечает старик, выстрелил в сороку и промахнулся.

— Батюшка, вот она, лиса! Нацеливайся и стреляй! — говорит Цзуру.

Видит старик, действительно лиса близехонько, и с радостью принимается натягивать лук, но, по волшебному наваждению Цзуры, лук не подается.

— Что за беда! — говорит старик и все силится натянуть лук, но напрасно.

— Скорей же, батюшка! — торопит Цзуру.

Сильно волнуясь, старик выстрелил и промахнулся. Тогда стреляет Цзуру и одним выстрелом убивает и сороку и лису. Отдав старику лису, Цзуру выбрал из табуна жирную кобылу и зарезал; выбрал и зарезал также одну жирную корову из скотского гурта. И на этот раз старик хочет закричать, но не в силах вымолвить ни слова. Между тем, приготовив мясо, Цзуру ставит перед стариком стол и угощает, но тот не в силах есть; Цзуру же, волшебством, приканчивает все мясо один и потом начинает напевать песню:

Хотела клевать лошадиную болячку сорока...

Хотела потравить скотину лисица...

Хотел их обеих застрелить старик...

Можно ли пуще этих троих осрамиться?

Тогда старик поднимается и поспешно уезжает домой.

— Уж теперь, — говорит он жене, — уж теперь мне с ним не сладить; что же будет потом? Потом, прикончив мой скот, он съест и меня самого; по всем его повадкам видно, что если это не черт, так дьявол.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Гесер убивает тигра северной страны

Разносится молва, будто в северной стороне должен быть огромный, как гора, черно-пестрый тигр, хубилган мангуса: длина его туловища простирается на сто миль-бэрэ; из правой ноздри пламенеет огненная стихия, из левой его ноздри дым клубится; замечая человека за сутки пути, он глотает его за полсуток пути.

Является к Гесеру сестрица его Чжамцо-дари-удам, одна из трех родимых победоносных сестер Гесер-хана, государя десяти стран, и говорит:

— Чудодейственно побеждающие три родимые твои извещают, что, по слухам, в северной стороне живет хубилган мангуса, огромный, как гора, черно-пестрый тигр; что не подобает твоим людям, людям сего Джамбутиба, ходить под властью этого тигра и что тебе надлежало б, родной мой, постараться победить его. Известно ли тебе об этом, соплячок ты мой?

— Справедливы указания родимых моих. Я не знал об этом. Теперь иду, чтобы победить!

И он отправляет посла к благородному Цзаса-Шикиру, старшему своему брату, и к тридцати своим богатырям, чтоб он всех их созвал одного за другим.

Все они собрались, и Цзаса-Шикир спросил:

— Зачем ты звал нас, Богдо мой?

Гесер-хан ответил:

— Слышал ли ты, мой Цзаса, что живет, говорят, в северной стороне огромный, как гора, черно-пестрый тигр; замечая человека за сутки пути, он, говорят, глотает его за полсуток пути. Говорят также, что не бывать в его власти красноногим людям! Живя в настоящем образе до пятнадцатилетнего своего возраста, я еще не показал вам, своим близким, ни одного настоящего богатырского дела — идемте же, я покажу вам его!

И государь десяти стран, Гесер-хан, садится на своего вещего гнедого, коня, надевает свой темно-синий панцирь цвета сияющей росы, свои белые наплечники, свой главный белый шлем, на котором выкованы рядом солнце и луна; вкладывает в колчан тридцать своих белых стрел с

зарубинами из драгоценного камня; привешивает свой черно-свирепый лук, свою вещую трехалданную саблю из темного коралла и отдает команду:

— Вслед за мной садись на своего серого крылатого коня, мой Цзаса–Шикир, ястреб среди людей! Надевай свой кольчатый панцирь, надевай на свою благородную голову свой славный шлем Дагорисхой, вкладывай в колчан тридцать своих белых стрел, бери свой черно-свирепый лук, вешай свой славный булатный меч Курми. Стройся, мой Цзаса, непосредственно за мной!

Вслед за моим Цзасой и ты, мой Шумар, беркут среди людей, садись на своего сиво-серого коня. Надевай свой темно-синий панцирь цвета сверкающей росы, вкладывай в колчан тридцать своих белых стрел, бери свой черно-свирепый лук, привешивай свой непритупляемо-острый твердо-булатный меч. Ты стройся в затылок моему Цзасе.

Вслед за ним, за Шумаром, садись на своего доброго иссине-серого коня Бадмараев сын, Бам–Шурцэ. Надевай свой синий вороненый панцирь, бери все свои доспехи и стройся в затылок Шумару.

Вслед за Бам–Шурцэ садись на своего сиво-серого и ты, мой Буйдон, между людьми мой дядя по матери. Бери все свои доспехи. Ты имей за собой тридцать моих богатырей, и все вы держите неразрывную связь, равняясь друг другу в затылок. Сам ты непосредственно следуй за Бам–Шурцэ.

Отдав эти распоряжения, государь десяти стран Гесер-хан выступил в поход с тридцатью своими богатырями. В пути стал высматривать огромного, как гора, черно-пестрого тигра, еще за целые сутки от него. Когда Гесер-хан изволил заметить, что это должен быть огромный, как гора, чернопестрый тигр, то стал разглядывать зверя и старший брат его, благородный Цзаса–Шикир, и сказал:

— Так это он? Кажется, будто стелется по вершине горы туман или дым.

— Да, это он, мой Цзаса–Шикир! — ответил Гесер.

— Где, где? — стали спрашивать в один голос тридцать богатырей.

Тогда Цзаса–Шикир заметил им:

— Не спрашивайте. Куда б ни вели Гесеровы неисповедимые бразды, туда и пойдем мы не глядя.

Государь десяти стран Гесер-хан поскакал хлынцой, а черно-пестрый тигр, огромный, как гора, обратил тыл еще за полдня пути. Тогда государь десяти стран света Гесер-хан пришпоривает своего вещего

гнедого коня и пускается вскачь, и тридцать богатырей Гесерова тыла один за другим следуют за ним. Воспользовавшись тем, что огромный, как гора, черно-пестрый тигр упустил момент проглотить Гесер-хана с расстояния полдня пути, они спешно идут, охватывая его в кольцо. Когда подтянулись тридцать его богатырей, Гесер, с умыслом испытать, кто из них настоящий богатырь, а кто нет, чудодейственно проникает в пасть тигра и располагается так: двумя своими ногами он упирается в два нижних клыка тигра, головой своей касается нёба, а локтями — челюстей.

Тогда Буйдон вместе с тридцатью богатырями обратился в бегство. Видя Буйдона, Цзаса–Шикир громко окликает его:

— Остановись, Буйдон! Позор, что ты сделал?

Но Буйдон так неудержимо бежал, что остановился только на межевых выпасах у главных кочевий улуса. При Гесере же остались, таким образом, только три богатыря: благородный Цзаса–Шикир, Шумар, этот орел среди людей, и Бадмараев сын — Бам–Шурцэ.

Со слезами обращается Цзаса–Шикир к двум своим товарищам-богатырям:

— Моего милостивого Гесер–Богдо–Мерген-хана, искоренителя десяти зол в десяти странах света, проглотил огромный, как гора, черно-пестрый тигр. Негодяй Буйдон бежал с тридцатью богатырями. Если теперь и мы втроем обратимся в бегство, что будут говорить о дорогом имени моего Богдо многочисленные завистники? Что скажут братья между собой, злобные завистники, три ширайгольских хана? Вы, оба мои, как полагаете?

— Нам ли двоим решать? Решай ты, наш Цзаса–Шикир, — отвечают те.

— Предоставляя решение мне, не подразумеваете ли вы решение об участии в пирушке: оставаться — так оставайся, а уходить — так уходи? Усердие ваше очевидно.

И проговорив эти слова, Цзаса–Шикир со слезами на глазах прищпоривает во всю мочь своего серого крылатого коня, обнажает в меру изогнутый булатный меч Курми, но в тот момент, как сделать внезапное нападение, впадает в раздумье:

— Ведь хубилган мой Гесер-хан, государь десяти стран света. Умер он, нет ли, но как бы мне нечаянно не задеть его драгоценного тела!

С этой мыслью он взял в ножны свой острый булатный меч Курми и, внезапно бросившись на тигра, ухватил его левой рукой за кожу на лбу,

той же рукой затем рванул изо всей силы становившегося на дыбы зверя, и тотчас же, отскочив ему в тыл, уцепился за уши тигра и не дает ему пошевелиться. Воспользовавшись внезапным нападением Цзасы, два других богатыря выхватывают свои сабли, спешиваются и подбегают.

Тогда говорит Гесер-хан из тигровой пасти:

— Благородный мой Цзаса, я узнаю тебя. Все же не порти шкуры этого тигра — мы сумеем искусно умертвить его. Как бы нам получить сто шлемов из шкуры его головы, а из шкуры туловища — сто пятьдесят броней? Пусти же его, мой Цзаса!

— Ах, Богдо мой! Что он приказывает? — говорит Цзаса и, смеясь, выпускает тигра.

Тогда Гесер-хан левой рукой стиснул горло зверю, сильно сотрясши его, выхватил правой рукой свой нож для очинки стрел с хрустальной рукояткой, и, целиком всадив его в глотку тигра, вышел наружу. Покончив с тигром, он сказал:

— Разве ты не мастер, мой Цзаса? Выкрой, как по мерке, тридцать шлемов для тридцати своих богатырей из шкуры его головы, а из шкуры туловища выкрой ровно тридцать броней. Остаток раздай лучшим из трехсот хоигучинов передового отряда!

Уничтожив тигра, Гесер-хан со своими тремя богатырями пустился в обратный путь, и вот в дороге Цзаса–Шикир стал ему докладывать:

— О, мой Богдо! Негодный Буйдон с тридцатью твоими богатырями обратился в бегство. Дорогое имя твое...

— Перестань, — перебил его государь десяти стран света, Гесер-хан, и изрек:

— С раннего детства я стал уничтожать докшитов и всегда пользовался Буйдоном как проводником. Кому уподоблю его? Человеку, который в темную ночь не пропустит даже и воткнутой иглы? Вот какой был проводник этот Буйдон! К тому же он так мудр, что постигает языки всяких существ шести разрядов. И будет ему титул Мерген–Тэбэнэ — Мудрая Игла!

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Гесер упорядочивает дела правления Кюмэ-хана китайского

У китайского Кюмэ-хана скончалась — сделалась Буддой, — супруга, и вот по случаю ее кончины вышел ханский указ:

«При таковых моих обстоятельствах пусть плачут все. Кто стоит — плачь стоя. Кто в пути — плачь в пути. Кто еще не в пути — так и плачь. Кто поел — плачь уж поевши. Кто еще не ел — так и плачь!»

Вот какой указ издал хан. Собирается опечаленный народ у приказа ханских сановников, в один голос рассуждает:

— Скончается, бывало, ханша — прах ее предадут земле; собрав лам, закажут им сорок девять суток читать номы; так щедро потом одарят, что не унести; хан по сговору возьмет себе супругу-ханшу и возрадуется, бывало, весь свой народ. А тут выходит, что умерла не одна только ханша: всему народу приходит смерть! К чему же другому поведет этот указ?

И стали тогда все сообща доискиваться, кто бы это смог развеселить хана? Но сколько ни доискивались, не находилось никого. А у этого хана было семь плешивых кузнецов, все семеро родные братья, а между ними старший плешивец, по прозванию шальной-пустомеля; унимать его умела только его жена. Этот плешивый кузнец, отложив свою работу, говорит своей жене:

— Вот ханские чиновники рассуждают о том, кто бы это смог развеселить хана. Но ведь если не сможет развеселить его милостивый Гесер-Мерген-хан, государь десяти стран света, то кто же другой, кроме него, в состоянии развеселить? А эти негодные того и не ведают! Разве не так?

— Ах ты, шальной дурень, — восклицает жена его. — Ах ты, скверный беспутный плешивец! Не ты ли надоумишь ханских цзайсанов в том, чего они не домыслили? Берись-ка за свою давешнюю работу да помолчи!

Зная, что жена его не пустит, шальной плешивец говорит своей жене:

— До смерти хочется есть: сходи-ка по воду, свари обед — поедим!

А у ведра, с которым его жена ходила по воду, он взял и просверлил дно. Услав жену по воду, является он в собрание сайдов-сановников и спрашивает:

— Ну, что, сайды-сановники, нашли вы того, кто мог бы развеселить хана?

— Нет, мы еще не нашли, — отвечают те.

— Кто же может развеселить хана? Государь десяти стран света, милостивый Мерген-Гесер-хан, вот кто может! — говорит плешивый.

— Трудноватое это дело! Разве что ты сам его и позовешь? А уже если и ты не в состоянии, то кто же другой позовет? — отвечали чиновники.

— Что ж тут такого? Ехать — так я, пожалуй, поеду. Давайте мне коня и кетчи-оруженосца!

Лошадь и кетчи предоставили, и плешивый кузнец пустился в путь-дорогу. Подъезжая к Гесер-хану, он спешился, а Гесер-хан чудодейственной силой распознал шального: не успел еще тот спешиться и войти, поразил его благоговейным страхом. Уже и вошел мастер, и не знает: то ли ему садиться, то ли кланяться в ноги; стоит он и растерянно озирается. Обращается к нему Гесер-хан:

— Кто ты таков, негодный? Что ты за плешивый дурак такой, чего без толку стоишь-то, почему не сядешь или не уйдешь?

Кузнец все еще не может выговорить ни слова. Тогда Гесер-хан перестал подавлять его своим величием, и плешивый кузнец, придя в себя и сделав земной поклон, начал ему докладывать:

— Супруга китайского Кюмэ-хана сделалась Буддой, скончалась, и хан повелел: кто стоит — плачь стоя; кто еще не пустился в путь — отложи и плачь; кто тронулся в путь — плачь на ходу; кто не может ходить — плачь сидя; кто поел — плачь поевши; кто не ел — подожди есть и плачь! Таково было повеление. При таком положении ханские цзайсаны с общего согласия послали меня с поручением: не соблаговолит ли государь десяти стран света пожаловать и развеселить хана?

— Ужели же я должен ходить и увеселять всех своих ханов, когда у них умирают супруги? — отвечает Гесер.

Плешивец молчит.

— Ну, хорошо, — продолжает Гесер. — Ехать-то я, пожалуй, поеду, но только вот что:

Есть совершенно белая гора; и на этой горе сам собой издает бляенье совершенно белый ягненок. Доставьте его.

Есть золотая гора; на златой горе сама собою вертится золотая мельница. Доставьте ее.

Есть железная гора; на железной горе сама собою резвится сине-бирюзовая железная корова. Доставьте ее.

Есть золотая гора; на златой горе есть золотая палочка, которая сама собой бьет. Доставьте ее.

Есть медная гора; на медной горе сама собою лает медная собака. Доставьте ее.

Есть золотая гора; на златой горе сам собою жужжит золотой овод. Доставьте его.

Есть золотой аркан, которым можно поймать солнце. Доставьте его.

Есть слиток золота, из песчинок собранный в муравейнике муравьиного хана. Доставьте его.

Есть серебряный аркан, которым можно поймать луну. Доставьте его.

Есть пригоршня сухожилий вшей. Доставьте ее.

Есть рожок крови из клюва черного орла. Доставьте его.

Есть рожок молока из грудей черной орлицы. Доставьте его.

Есть склянка слез из глаз орленка. Доставьте ее.

Есть сочный хрусталь-драгоценность, находящийся на дне океана, хрусталь — величиною с молотильный каток. Доставьте его.

Но если бы всего перечисленного не оказалось, то есть семь плешивых дарханов-кузнецов, все искусные мастера — доставьте головы этих семи мастеров.

Если уж и этих всех драгоценностей не окажется, то я поехать не могу!

Так наказывал Гесер.

— Слушаю, — промолвил плешивый и пустился в обратный путь. Когда он подробно доложил ответ Гесера, то цзай-саны порешили убить семерых кузнецов и передать Гесеру их мозги, рассуждая так:

— Чего же ради нам трудиться добывать так много драгоценностей, когда и одну-то из них, еще вопрос, можно ли добыть. Но раз, по его же словам, можно обойтись выдачей мозга семерых плешивых кузнецов, то это раздобыть можно.

И они перебили всех семерых и послали семь голов с двумя посыльными, а те доставили их Гесер-хану.

— Правильно! — говорит Гесер. — Вы доставили мне головы нужных людей. Хорошо!

И стал он варить в одном котле мясо, наполнив его до краев, а в другом — семь человеческих голов. Сидят два Кюмэхановых посла и со страхом думают:

«А что как этот Гесер-хан нас же и угостит головами наших семерых людей?»

Но он вынул из котла баранье мясо и предложил двум послам в угощение; потом он достал совершенно разваренные головы и выстрогал

из черепов семь чаш-кабала. Послы же сидели до тех пор, пока он не отпустил их со словами:

— Возвращайтесь, я приеду вслед за вами!

Когда два посла уехали, Гесер, пользуясь семью каба́ла как чашами, стал гнать из арьки^[38] — арацзу, из арацзы — хуруцзу, из хуруцзы — ширацзу, из ширацзы — борацзу, из борацзы — такбатикба и марбамирба; изготовив семь хурцза с такими наименованиями, он пропустил их через цедило. Тогда стал он приносить семь напитков в жертву: послал возношение бабушке своей, Абса-Хурцэ, круговоротом ветра. Отведала бабушка его, Абса-Хурцэ, захмелела, взглянула, наклонясь вниз, и спрашивает:

— Не придет ли сюда мой соплячок?

— Хочу проведать тебя, родимая, — отвечает Гесер. — Спусти мне лестницу!

— Ив самом деле, мой родимый! — говорит бабушка и спускает веревочную лестницу.

— Матушка моя! Зачем же ты спускаешь мне веревочную лестницу: ужели ты хочешь, чтобы я упал и разбился насмерть, я, твой единственный внук? Спусти железную лестницу.

Тогда она, спуская, подает ему железную лестницу, по которой Гесер-хан восходит проведать свою бабушку.

— Бабуся моя! — говорит он. — Твоя скверная невестка, а моя жена, Рогмогоа, сказывала, будто бы есть совершенно белая гора, на полуденной ее стороне сам собою блеет совершенно белый ягненок; золотая мельница, железная сине-бирюзовая корова, золотая палочка, медномордая собака, золотой овод, пригоршня сухожилий вшей, склянка крови из муравьиного носа, золотой аркан для поимки солнца, серебряный аркан для поимки луны, рожок крови из клюва черного орла, рожок молока из груди черной орлицы, склянка слез из глаз черного орленка, морской сочный хрусталь-драгоценность.

— Все это, — замечает она, — есть сполна у отца моего, у моего отца Сенгеслу-хана!

— Эти ее рассказы правда или выдумка?

— Родимый мой, откуда же могли оказаться у этого негодного столь многочисленные драгоценности? Пожалуй, они у меня, все полностью.

— Где же они, бабуся? Дай мне их все посмотреть.

— Неужели для тебя, своего родимого, поскуплюсь я? Бери, они находятся вот в том сундуке под замком!

Взял он у бабушки ключ, отпер замок, и, повернувшись к бабушке спиной, вынул все драгоценности и все до единой засунул себе за пазуху.

— Ну, бабуся моя, — говорит он, — проведаль я тебя, теперь пора и домой!

И стал спускаться по железной лестнице. Но еще не успел он спуститься, как бабушка окликает его:

— Милый мой Цзуру! Что ты так торопишься уходить? Не лучше ли скушать с дороги свой суп-шилю, а потом бы и уходить?

— Бабуся моя, — отозвался он, сходя на землю по железной лестнице, — что за невидаль чай и шилу? С тобой-то, родимая, повидался, и того поди довольно с меня!

В то время было в обычае провожать уезжавших, бросая вслед им золу. И бабушка бросила вослед ему золу:

— Благополучного пути, мой родимый!

Говорят, что рассыпающиеся по небу белые облака и есть та самая зола, бросаемая ею на прощанье.

Спустившись в дольний мир, Гесер-хан разложил все драгоценности на разостланную полу свою и стал рассматривать. Почти все драгоценности налицо, недостает только четырех: крови из клюва черного орла, молока из грудей черной орлицы, слез из глаз черного орленка и морского сочного хрусталя.

— Эх, отца его! Второпях не сумел я захватить четырех драгоценностей из тех, что давала мне бабушка. Откуда же мне взять их теперь?

Государь десяти стран света, Гесер-хан, навел сновиденье на черного орла, ходившего в небе. Проснувшись рано поутру, черный орел рассказывает своей черной орлице:

— Не видывал еще я подобного сна с тех пор, как возродился в этом своем теле. Снилось мне этой ночью, будто в истоках реки Найранцза лежит околевшая пестрая корова, тучная от восьмилетней яловости. И снилось мне, будто я прилетел туда и ем ее мясо; как прекрасен был мой сон!

А жена его говорит:

— Существом, ходящим по небу, не подобает, говорят, спускаться за падалью на золотую землю; как не подобает существом, ходящим по золотой земле, восходить на синее небо. В то же время, говорят, что возродился государь десяти стран света, Гесер-хан, и, возродившись, облекся в человеческую плоть. Говорят, что хубилганы его являются в

десяти странах света. Так, может быть, употребляемая им пища и вкушаемое им питье бессмертия — расаяна, показаны в сновиденье твоём? Разве не сведущ в хитростях человек-хубилган? Остерегись, не ходи!

— Но ведь я, — отвечает орел, — я покружусь по небу — посмотрю, нет ли человека, и тогда только спущусь и буду есть. Если же там окажется человек, то я покружусь и вернусь. Мне хочется удостовериться, правдив или ложен мой сон?

И с этими словами он полетел, а жена осталась одна, не смогла удержать его.

Государь десяти стран света, Гесер-хан, у истоков реки Найранцза зарезал пеструю корову, тучную от восьмилетней яловости, и распростер ее тушу. В самую грудь ее он вдвинул свою девятирядную железную ловушку, а сам, выкопав яму, спрятался в ней со шнуром от ловушки в руках. Черный орел подлетает и, описывая в небе круги, смотрит.

— Человека нет! — говорит он, спускаясь; потом, принявшись за еду, он клюет мясо задней части. Но лишь только он проник в грудь и начал было есть, как Гесер потянул за шнур своей девятирядной железной ловушки и поймал птицу. Поймав орла и заставив его биться в ловушке, он набрал склянку крови из разбитого клюва и ждет. А в это время самка его, с плачем летая по небу, говорит своему самцу:

— Разве я не говорила тебе? Теперь, видно, пришла твоя смерть!

Чудесною силой своей постигая, что это с плачем летает самка орла, Гесер-хан говорит ей:

— Ах, черная орлица! Я не собираюсь убивать твоего самца. Ты, черная орлица, дай мне рожок молока из своих грудей, дай мне рожок слез из глаз черного орленка, дай мне тот сочный хрусталь-драгоценность с молотильный каток, что находится в пучине океана. Принеси мне эту тройню, а иначе я заставлю твоего самца метаться и биться в западне, пока не убью.

Отвечает ему черная орлица:

— Я попробую найти, государь десяти областей, грозный Гесер-хан, только не убивай! — и улетела с этими словами.

Не дала она грудей своему птенцу и набрала рожок своего молока; заставила плакать своего птенца и набрала рожок слез его. Раздобыла она и сочный хрусталь-драгоценность с молотильный каток, раздобыла из океана. Доставила она все это, вручила государю — хану десяти стран света и улетела вместе со своим самцом.

Как только со всеми этими драгоценностями Гесер–Мерген-хан отбыл к китайскому Кюмэ-хану, так тотчас и прибыл и уже входит в ханский дом, — а Кюмэ-хан, оказывается, продолжает и дnevать и ночевать со своею ханшей в объятиях. Тогда говорит Гесер-хан:

— Эх, хан! Разве же не преступно ты действуешь? Ведь это, кажется, беззаконие: живому человеку жить с мертвецом! Как бы такое сожителство не оказалось дурным предвестием для живого из двух! Делом живого человека было бы похоронить свою покойницу, пригласить лам для заупокойных служб и совершать благотворения! Когда же ты, хан, обрадовал бы весь свой народ новой женитьбой, то в этом и сказалось бы твое доброе имя, которое станут славить на весь мир.

— Кто таков этот глупый человек? — спрашивает Кюмэ-хан. — Я не покину ее целый год, нет, пока не истечет десять лет, до тех пор и не покину ее!

— В таком случае, как же мне и помочь хану? — И с этими словами Гесер-хан вышел.

Когда хан уснул, Гесер похитил ханшу, находившуюся в его объятиях, и вместо нее подложил дохлую собаку. Встав рано поутру, хан говорит:

— Горе, беда; видно, правду вчера говорил человек: моя-то вот долежалась до того, что превратилась никак в собаку? Возьмите ее и выкиньте!

Когда ее взяли и выкинули, то один привратник и сообщил:

— А выкинул-то ханшу, пробравшись сюда, Гесер! Я ж от страха не мог сказать ему ни слова!

— Горе, беда! — воскликнул хан. — Что этот Гесер-хан выкинул мою ханшу — это бы еще куда ни шло! Но как он смел в мои объятия подкинуть собаку, самое грешное и нечистое из всех животных?

И он, с целью казнить Гесера, взял и кинул его в змеиный ров. Гесер же побрызгал понемногу на всех змей молока из грудей черной орлицы — все змеи и перетравились. Сделав себе из большого змея подушку, а из маленьких змей ковер, Гесер улегся спать.

Рано встает государь десяти стран света Гесер-хан и поет:

— Оказывается, этот хан кинул меня в змеиный ров не с тем, чтобы его змеи умертвили меня, как думал я, а с тем, чтобы я умертвил его змей, на его ханскую потеху!

Так он пел, а страж змеиной ямы пошел к своему хану и рассказал ему, передал сполна все Гесерхановы речи по порядку.

— И человек тот, — добавил он, — вовсе не думает умирать, а лежит и поет, умертвив наших змей всех до единой.

Тогда Кюмэ-хан велит бросить его в муравьиный ад. Гесера берут и бросают. Окропил он всех муравьев кровью из клюва черного орла, и все муравьи перетравились. Истребив муравьев, поет Гесер-хан:

— Бросил Гесера оный Кюмэ-хан в свой муравьиный ад. Я-то думал, что хан хочет умертвить меня; а оказывается — хан хочет заставить меня умертвить своих муравьев ради собственной ханской потехи!

Так он пел, а страж муравьиной ямы пошел к своему хану и говорит:

— Тот человек уничтожил всех наших муравьев, лежит и поет.

Тогда Кюмэ-хан велит бросить его во вшивый ад. Посыпал Гесер-хан во все стороны вшивыми жилками, и все великое множество вшей передохло. Уничтожив вшей, Гесер поет:

— Выходит, что этот хан для потехи заставил меня уничтожить всех своих вшей, а я-то думал, что он бросил меня во вшивый ад, чтобы уничтожить при помощи своих вшей!

Страж вшивого ада пошел к своему хану и докладывает:

— А этот человек убил всех наших вшей, лежит и поет.

Велит хан бросить его в осиновый ад. Гесера берут и бросают в осиновый ад. Но Гесер приканчивает всех ос, напустив на них своего золотого слепня, и поет:

— Бросил меня хан в свой осиновый ад, и я думал, что он велит своим осам меня умертвить; а он вот для своей потехи велел мне умертвить своих ос!

Страж осиновой ямы пошел к своему хану и со всею точностью подробно рассказал все речи Гесер-хана. Тогда снова берут его и кидают в звериный ров. Но Гесер-хан приканчивает весь звериный ад, напустив свою медномордую собаку, и поет:

— Оный царек бросил Гесера в свой звериный ад. Я думал, что это хан, карающий казнью; а оказывается, хан для своей потехи заставил меня покарать смертью свой звериный ад!

Так он пел, а страж ада пошел к своему хану и говорит:

— Тот человек и не думает умирать, но сам умертвил весь наш ад, лежит и поет.

Снова приказывает хан схватить его и бросить в темный ров. А Гесер-хан, при помощи своего золотого аркана для поимки солнца и серебряного — для поимки луны, поймал — заарканил и солнце и луну, осветил свой темный ров и лег спать. Встал Гесер и поет:

— Бросил оный хан Гесера в свой темный ров, и я было подумал, что это смертью карающий меня хан, а оказывается — хан для своей потехи осветил свой темный ров силою Гесера!

Так он пел, а страж ямы пошел к своему хану и подробно передал ему все речи Гесера. Снова приказывает хан схватить его и бросить в океан-море. Гесера схватили и бросили. Гесер же, погружаясь в воду, обнял свой сочный хрусталь-драгоценность с молотильный каток, и, от погружения его, море расступилось надвое и высохло. Танцует и поет Гесер около своего драгоценного хрусталя:

— Бросил Гесера оный хан в свое море-океан: я думал, что хан хочет покарать меня смертью, а оказывается, он хочет потешить весь свой народ безводьем, осушив свое море силою Гесера!

Так он пел, а страж при море пришел к своему хану со словами:

— Этот человек и не думает умирать, но, высушив море, ходит и поет вот какие песни.

Тогда вновь приказывает хан: казнить его, усадив верхом на медного осла, вокруг которого заставить четырех дюжих раздувальщиков мехов раздувать пламя. А Гесер-хан незаметно покрыл все свое тело углем при помощи своего черного угля без трещины, угля с лошадиную голову, и ждет. Подходят раздувальщики мехов и, разведя с четырех сторон огонь, начинают раздувать пламя, и вот огонь уже охватил Гесера. Тогда он незримой чудодейственной силой источает из своего тела множество воды и совершенно гасит огонь; а, загасив пылавший на нем огонь, Гесер по-прежнему поет. Пошли раздувальщики мехов и говорят:

— Этот человек и не думает умирать и вот что поет.

Тогда хан опять отдает приказ:

— Изрубить его острыми мечами.

Принялись было колоть-рубить Гесер-хана, но он при помощи золотой палочки чудодейственно переломал все их вооружение. Не могут его умертвить; пошли к своему хану и жалуются:

— Что это за человек греха? Не остается теперь у нас никакого средства умертвить его. По крайней мере, мы не можем умертвить его. Ваше ханство, сами ведайте, как теперь быть!

Тогда хан решает:

— Вот как его умертвить: соберите множество копий и повесьте его на острия их!

Гесер-хана уводят, а он, захватив с собой свою золотую мельницу, нарочно говорит:

— На это дело нет у меня больше средств! Теперь пришла моя смерть!

И ждет. Дочь Кюмэ-хана Кюнэ-гоа — сама хубилган — поняла.

— Плохо это! — молвит она. — Доколе же ты будешь терпеть эти муки?

Тогда Гесер-хан делает вид, что посылает попугая послом к себе домой. Привязав к ноге попугая тысячу златошелковых нитей, он держит в руках шнур, к которому они привязаны, и громким голосом приказывает своему попугаю, который сел на городской башне:

— Лети, лети, моя птица-попугай! Китайский Кюмэ-хан убил Гесер-хана, государя десяти стран. Позови трех моих богатырей, которые выше меня, позови трех моих богатырей, которые одинаковы со мной, позови трех моих богатырей, которые ниже меня! Пусть будут за ними вослед и тридцать моих богатырей. Пусть придут мои девять богатырей, пусть разрушат стольный город того хана и самого хана казнят лютейшею из казней. Пусть обратят в пепел все, что может видеть глаз, пусть обратят в черный уголь все, что можно окинуть оком! Пусть полонят весь народ его! Лети же, моя птица-попугай!

И полетела его птица-попугай, а Гесер-хан держит в руках конец шнура и ждет. Услыхали Кюмэ-хан и все его приближенные и воскликнули:

— Горе, что делать? Мы не смогли умертвить и одного-то Гесера. Ясно, что от нас и праха не останется, если теперь придут девять его богатырей!.. Ах, Гесер-хан, призови свою птицу — мы дадим тебе все, чего ты ни потребуешь!

— Птица моя улетела далеко, никак невозможно! — отвечает он.

— Каково б ни было твое пожелание — все мы исполним по твоему повелению! — говорят они и все земно кланяются ему.

— Хорошо! — соглашается Гесер-хан. — Ты должен отдать мне свою дочь Кюнэ-гоа, тогда я попробую призвать свою птицу.

— Отдам! — говорит хан. — Разве для тебя пожалею чего?

— Сюда, мой попугай! — чудодейственно поманил Гесер и принял птицу на руки, потянув за шнур, к которому была привязана тысяча златошелковых нитей.

Пригласив Гесер-хана в свой дом, Кюмэ-хан устроил большой пир. Тихонько он спрашивает свою дочь Кюнэ-гоа:

— Милая Кюнэ-гоа, я собираюсь выдать тебя за Гесера. Если ты, чего доброго, не согласишься, то он, пожалуй, убьет меня, а тебя заберет силой.

— Беда, батюшка мой! — отвечает она. — Раз это нужно для Гесер-хана, государя десяти стран, то неужели мне не соглашаться и ждать, пока он убьет моего батюшку?

— Справедливо, — сказал хан и выдал Кюнэ-гоа за Гесера, государя десяти стран.

Три года прожил Гесер-хан со своей женой Кюнэ-гоа. По прошествии же трех лет говорит он Кюнэ-гоа:

— Усладил я покоем твоего отца и вот около тебя жил, пока не исполнилось три года. Теперь я хочу возвратиться к себе и, навестив свое хозяйство, приехать обратно.

Отвечает ему Кюнэ-гоа:

— Что за речи изволишь говорить, государь мой Гесер-хан? Лучше бы жить здесь, а нет — так поехала б и я с тобой. Что мне жить здесь в одиночестве?

— Справедливо, поедем вдвоем! — соглашается Гесер. — Едем, не откладывая, за город.

И с этими словами Гесер садится на своего вещего гнедого коня, а Кюнэ-гоа — на своего сине-лысого мула; выехав вдвоем на ночлег за город, они уговариваются:

— Если справедливы твои слова и следует нам с тобой вдвоем жить здесь, — говорит Гесер, — то пусть мой вещий гнедой конь и твой мул оба после ночевки повернутся в сторону города. Если же твои слова несправедливы, а мои справедливы, то пусть мой вещий гнедой конь повернется в сторону моего дома!

Согласились и оба заночевали. Рано поутру встал Гесер-хан, государь десяти стран света, смотрит: и мул и конь оба стоят, повернувшись в сторону города.

— Что же это ты, мой вещий конь гнедой? — окликнул его Гесер. — Повернись в сторону моего дома! — Тогда повернулся вещий гнедой конь

в сторону своего дома.

Будит Гесер Кюнэ-гоа:

— Рассвело уж, вставай! Загадали мы с тобой этой ночевкой по коню и мулу увидеть, чья правда выходит, а чья — неправда!

Пошла Кюнэ-гоа, взглянула и говорит:

— Выходит твоя правда, а моя неправда: в своей поездке ты волен! Ехать — так поезжай, государь мой Гесер-хан!

И оба они сели верхами.

Проводив Кюнэ-гоа до города, так как она была одна, государь десяти стран света Гесер-хан изволил отбыть. По дороге, доехав до одной очень высокой горы, он присел и говорит:

— С того времени и до сей поры много я дел переделал: посижу-ка теперь в дияне-созерцании!

Спускается тогда к нему сестрица его Боа–Данцон–Гарбо, одна из трех его родимых побеждающих, и говорит:

— Милый мой соплячок! Верхняя часть твоего тела исполнена признаков Будд десяти стран света, средняя часть твоего тела исполнена признаков четырех великих тэнгриев, нижняя часть — четырех драконовых ханов. От гнева твоего — грехи спадают, от смертной твоей, кары — души спасаются. Разве ты не Гесер-хан, государь сего Джамбутиба? Или ты сидишь в созерцании, чтобы обрести перерождение какого-нибудь Будды, еще выше того?

— Справедливо наставление моей родимой сестрицы, но присел я оттого, что и конь и сам я утомились. Ворочусь же!

И с этими словами Гесер-хан сел на коня и пустился в путь-дорогу. Подъезжает он рано поутру, а Рогмо-гоа спит, укутавшись в соболье одеяло.

— Рогмо-гоа моя! Чем лежать, как лежит укутавшись в мураве красный теленок-третьячок, встала б ты рано поутру, как сизая лань, ходящая по вершинам гор, и ходила бы, озираясь туда и сюда! — говорит Гесер.

Встает Рогмо-гоа, одевается и будит домашнего своего раба по имени Нанцон:

— Вставай, мой мудрый Нанцон! Бегом уходи, вскачь приходи! Златокромным аргалом подбивай, среброкромным аргалом покрывай! Вода словно матушка — побольше лей. Как племянник соль — поменьше клади. Слово батюшка чай — поменьше клади. Молоко словно дядя по матери — побольше лей. Масло как барин-нойон — поменьше клади.

Кипение уподобляй волнам молочного моря. Многократное сливание уподобляй сонму монахов-ху-вараков, читающих номы — писания. Питье уподобляй золотой чечотке, которая входит в свою норку. Видно, подъезжает к дому милый мой Богдо, искоренитель десяти зол в десяти странах света. Поторопись же сварить чай!

Докладывает мудрый Нанцон госпоже:

— Что такое ты изволишь приказывать? Хоть и похожа ты с виду на золотой ларец, но похоже также, что внутри он набит сухожилиями. Хоть и похож я с виду на мешок из лошадиного брюха, но похоже также, что внутри-то я набит затканной парчой, называемой ха-гуй-я. Не собираешься ли ты порадовать государя десяти стран света Гесер-хана одной чашей чаю? Дай-ка знать дядюшке его Арслану, кочующему у истоков Арслан-реки! Дай-ка знать дядюшке его Цзану, кочующему у истоков Цзан-реки! Дай знать старшему его брату Цзаса-Шикиру! Дай знать тридцати богатырям и тремстам его хошучинам. Дай знать трем отокам улуса его! Пригласи их всех к нему на великий пир!

— Может быть, неправильны мои речи? — земно поклонился он.

— Эти твои речи правильны, Нанцон мой! — ответила Рогмо-гоа. — Извести их всех на почтовых: пусть пожалуют к своему Гесер-хану!

Мудрый Нанцон послал извещения на почтовых, возрадовал их всех, и свиделись они со своим Гесер-ханом на великом пиру. Потом великое собрание разошлось по домам.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

Гесер и Хутухту-лама-чародей

Жил Гесер в радости и веселии, пока не появился таинственный один оборотень десяти сильного мангуса под видом великого чудотворца Хутухты-ламы. Въезжая, он вез с собой целые сокровища драгоценных камней.

— Этот лама — великий Хутухта! — говорит Рогмо-гоа Гесеру. — Пойдем к нему на поклонение!

— Если он пришел с добрыми намерениями, то, полагаю, зайдет ко мне, — отвечает Гесер. — Сам же к нему не пойду. А ты, если хочешь поклониться, иди себе и кланяйся.

Рогмо-гоа согласилась с ним и поехала одна. Прибыла, поклонилась и приняла благословение четками.

Благословив ее, лама достал свои несметные драгоценности и все их стал показывать Рогмо-гоа.

— Откуда же у такого ламы такое множество драгоценностей? — спрашивает она.

— У твоего мужа, — отвечает лама, — у твоего мужа, государя десяти стран, Гесер-хана — целые сокровища драгоценных камней. Отчего же им не быть и у меня?

Рогмо-гоа откланялась и возвратилась домой.

— У этого ламы, оказывается, — целые сокровища драгоценных камней! — рассказывала она Гесеру. — Мне хотелось бы, чтобы ты побывал у него на поклонении.

— Что ему до меня? — говорит Гесер. — Иди ты и кланяйся, хоть со всем улусом вместе.

Отправилась Рогмо-гоа на поклоненье вместе со всем улусом.

После поклонения лама щедро и поровну наделил из своих сокровищ решительно всех, начиная с самой Рогмо-гоа. А покончив раздачу, лама повел такую беседу с Рогмо-гоа:

— Согласна ли ты, Рогмо-гоа, стать моей женой?

— Но сможешь ли ты осилить Гесера? — говорит та. — Если сможешь, то я не прочь стать твоею женой.

— Я? Как я могу? Ты сама сможешь осилить его как-нибудь хитростью. Замани его, допустим, ко мне, а я притворюсь, будто возлагаю на него послушание и... превращу его в осла.

Рогмо согласилась и уехала. Приезжает домой и почтительно уговаривает Гесера:

— Ах, какой великий чудотворец этот хубилган-лама! Что говорить обо мне? Из своих сокровищ он щедро и поровну наделил всех наших бедняков и нищих. Необыкновенно сердобольный великий Хутухта-лама. Обязательно едем! Поклонимся и примем от него святое посвящение.

— Ну, хорошо! — соглашается Гесер. — Раз такое дело, поклонимся, а принимать — примем.

Отправился Гесер. Приехал и поклонился. Но лишь только Гесер стал принимать посвящение, мангус достал и возложил на его маковку изображение осла. Таким способом он и превратил Гесера в осла.

Тогда десяти сильный мангус забрал к себе Рогмо, а на Гесере стал возить тяжелый груз — скотские порчи.

* * *

Так поступил мангус с превращенным в осла Гесером. Между тем Уцзесхуленгту–Мерген-хя, старец Царкин, сын Цзасы, Лайчжаб, и все люди Гесерова отока рассуждают между собою:

— Лама, мангусов оборотень, превратил нашего Гесера в осла. Кто бы из нас мог его осилить? Не иной кто, как ханша Ачжу–Мерген: та, пожалуй, осилит!

И послали к ней Уцзесхуленгту–Мерген-хя адъютанта. В месяц он прошел путь, который надобно бы пройти в десять месяцев. Приехал Уцзесхуленгту–Мерген-хя и стал подробно рассказывать ей, как все у них произошло.

— Кто такой этот Гесер-хан? И кто такой этот Уцзесхуленгту–Мерген-хя? — перебила его Ачжу–Мерген, ушла в юрту и плотно захлопнула за собой дверь.

Ждал Уцзесхуленгту–Мерген-хя, пока не прошло семнадцать суток. Между тем подъехал и сын Цзасы, Лайчжаб.

— Горе, беда, — говорит он. — Так как на моем дядюшке, Ачиту–Мерген-хане Гесере, государе десяти стран света, возят единственно зловредную скотскую порчу, то уж при смерти он: надрываются ослиные легкие. Горе, беда! Что тут делать, как пособить в такой беде? Ах, если б ты поскорее отправилась, невестка моя, Ачжу–Мерген!

Мало-помалу, слушая рассказ Лайчжаба, Ачжу–Мерген растрогалась до слез. Растрогалась и впустила этих двоих к себе.

* * *

Целый месяц чистит Ачжу–Мерген копьё свое, целый месяц чистит и налаживает все свои боевые доспехи, один за другим.

Теперь Ачжу–Мерген готова в путь-дорогу.

— Ты, мой Лайчжаб, — говорит она, — ты оставайся здесь. По малолетству не сможешь ты вынести до конца мой поход. Но и ты, Уцзесхуленгту–Мерген-хя, сможешь ли ты вынести до конца мой поход?

— Думаю, что смогу! — отвечает тот, но не успел он проговорить это, как она со словами: «Нет, и ты не сможешь до конца вынести моего дела!» — трижды махнула рукой и обратила Уцзесхуленгту–Мерген-хя в морскую раковину; сунула ее в дорожную суму и поехала.

Подъезжая к ставке мангуса, обернулась она старшей его сестрой. Глаза у нее выпучились на сажень, ресницы повисли до груди, а грудь повисла до колен. С оскаленными зубами, опираясь на девятисаженный черный свой посох, остановилась она у ворот мангусовой ставки и обращается к привратнику:

— Я буду старшая сестра десятиильному мангусу! Говорят, что наш-то подавил Гесера. Вот я пришла его проведать... Поди-ка ты, человек, передай эти мои слова моему младшему братцу!

Тот пошел и стал сказывать. Когда же он сказывал, мангус стал допытываться у него о наружности старухи, и на вопросы его тот подробно описал эти самые ее приметы. Тогда мангус сказал:

— Выходит — в самом деле моя старшая сестрица. Впусти ее!

Опираясь на свой черный посох, старуха вошла. Мангус же вышел к ней навстречу и с приветствиями посадил ее на почетное место. Уселась старуха и говорит:

— Родной мой! Ну, теперь посмотрю, какова из себя эта самая ханша, Гесерова жена, которую ты у него отнял.

— Ладно, — отвечает мангус; выводит Рогмо-гоа и велит ей представиться. Осмотрела ее старуха и дивуется:

— Так это и есть та самая Рогмо-гоа, которая превосходит всех фей-дакинисс, всех девяти видов. Что за прелесть! Ну, моя невестушка, познакомимся: теперь я — твоя тетушка.

И они стали беседовать. Потом мангус предлагает:

— Ты, сестрица, прибыла издалека. Не уезжай, не осмотрев всего у меня. Выбери себе, что только пожелаешь из моей добычи.

Старуха отправилась осматривать. Осмотрела решительно все его богатства и, воротясь в дом своего младшего брата, говорит:

— Милый мой, что у тебя за прелести. Я, твоя старая тетушка, довольна и тем, что все у тебя перевидала. Теперь поеду.

— Сестрица! Мне хочется, чтоб ты выбрала себе что-нибудь по душе из этой моей добычи.

— Мне, старухе, ничего этого не надобно: дал бы ты мне только своего осла на обратный путь.

— Что ему сделается? Дам, сестрица.

Но тут вмешалась Рогмо-гоа:

— Ах, муженек! Ты хоть и мангус, а, видно, не понимаешь: не таков ли Гесер, что траву увидит — в траву обернуться может, что бы только ни

увидел — в то и обернется. Может быть, она-то и есть Гесеров оборотень? А не Гесеров — так Ачжу–Мергенов.

— Так, значит, — закричала старуха, — так, значит, чужая баба тебе дороже меня, твоей единоутробной родни?

Упала и катается по полу.

— Встань, сестрица, — упрашивает мангус. — Неужели из-за осла тебе помирать? Я тебе его дам.

Старуха поднялась.

— Разве ты не знаешь, — говорит мангус, — разве ты, сестрица, не знаешь, что этот осел — оборотень Гесера?

И не потому ли я и не даю его, что неведомо, в кого он вздумает обернуться?

— А мне-то, пожалуй, ведомо! — отвечает старуха. — Потому-то я и хочу, чтоб ты дал мне этого кровного врага.

— Ну, ладно! Коли такое дело, бери его, сестрица.

И отдал. После того как он отдал, Рогмо-гоа опять настаивает:

— Отдал так отдал — пусть так. Но я советую тебе обернуть одного из твоих гениев-хранителей парюю воронов, да велеть им проследить за ней.

Мангус одобрил и дал распоряжение. Ведет старуха под уздцы осла, а пара воронов неотступно следует за нею даже и на остановках. Ведет под уздцы осла и подходит старуха к ставке старшей сестры мангуса. Только что осел передом вошел в ворота, а зад еще оставался снаружи, как пара воронов возвращается и докладывает мангусу:

— Все как следует быть: она проехала в свою ставку.

— Ну и прекрасно! — говорит мангус. И успокоился.

* * *

Тем временем старуха, проведя своего осла дальше, остановилась на самом деле у других мангусовых людей. Назвалась мангусовой старшей сестрой и приказала хорошенько кормить и поить своего осла. В ту же ночь она прочистила ослу брюхо, рано утром поднялась и тронулась в путь к своему отцу, хану драконов. Прибыв туда, она стала давать ослу всевозможный благословенный корм. И до тех пор давала, пока он не превратился в смуглого щупленького ребенка. Потом принялась купать

его в святых водах и кормить святыми яствами. И опять привела она его в подлинный облик Гесер–Богдо–Мергена, государя десяти стран света.

* * *

Исцеленный Гесер стал каждое утро вдвоем с Ачжу–Мерген ходить на охоту за зверем, чтобы испытывать и восстанавливать свои силы.

Однажды утром, на охоте, Ачжу–Мерген говорит Гесеру:

— За этим вот желтеющим перевалом попадетя лысый светло-желтый марал. С подходящего расстояния бей его прямо в лысину на лбу, да, смотри, не промахнись!

Пока она так говорила, подбегает тот самый марал. С подходящего расстояния Гесер выстрелил ему прямо в лысину на лбу. И угодил так, что железный наконечник стрелы вышел у марала через зад. Со стрелой в теле марал бросился бежать и вскочил в ставку мангусовой старшей сестры. Гесер с Ачжу–Мерген гнались за ним пешком и уж совсем было настигли его у ворот ставки, как вдруг ворота захлопнулись. Тогда Ачжу–Мерген своей огромной, в шестьдесят и три гина, булатной секирой разбила ворота вдребезги, и они вошли. Войдя же, тотчас обернулись прекрасными юношами. Смотрят, а старуха, старшая сестра мангуса (это оказалась она), стоит дыбом на задних лапах, а из зада у нее выходит стрела, насквозь пронзившая ее через маковку. И говорит старуха юношам:

— То ли это стрела асуриев, то ли стрела драконовых ханов, то ли стрела тэнгрия? Но, увы! Может статься, это стрела Гесера. Как знать?

— Бабушка! — предлагает один. — Я готов вынуть из тебя стрелу. Но, если я выну, — согласишься ты стать моею женой?

— Хорошо, я согласна стать твоей женой, — отвечает та.

— Но поклянись!

Та поклялась, и юноша вынул стрелу. Но не успел он вынуть, как старуха тотчас же проглотила обоих: и Гесера и Ачжу–Мерген. Тогда говорят те:

— Разве же ты не давала клятвы? Как же ты посмела нас проглотить? Не выпустишь? Ну, так мы пролезем через твои почки и выйдем наружу сквозь твои подошвы.

— Ив самом деле! — решила старуха. И она отрыгнула их обратно.

Женился Гесер на мангусовой старшей сестре и тогда-то выступил на мангуса, в его ставку. Но вот, увидев приближавшегося Гесера, мангус обернулся волком и бросился наутек. Гесер тотчас погнался за ним, обернувшись слоном. Только стал настигать, как тот оборачивается тигром и бежит дальше. Гесер, обернувшись львом, продолжает его преследовать. И уж стал было настигать его Гесер, как мангус рассыпается множеством комаров... Пробует Гесер переловить мошкарку посредством валов из золы, но, проползая там и сям, мошкара ушла в ставку мангусовой старшей сестры...

* * *

А мангус-то опять превратился, превратился опять в великого Хутухту-ламу, у которого было пять тысяч учеников— шабинаров. И живет себе... Разузнал Гесер, где находится этот лама. Разузнал и навел на него сонное видение. И в сонном видении ему было указано так:

— Завтра, рано поутру, явится к тебе шаби, умом глубокомудр и из себя необыкновенно красив; таков этот шаби. Если он придет, прими его с подобающей лаской. Это будет наилучший твой ученик.

Вот какой сон навел на ламу Гесер, и затем, поднявшись рано утром, он является к ламе в назначенное время. Лама сразу понял: вот оно, что предрек мне сон прошлой ночью!

И сделал его лама первым из пяти тысяч своих учеников.

На Гесерову землю лама заготовил всевозможные заклятия, которыми навлекались всякие беды: «Пусть не переводятся у них болезни, мор, черти-албины и черти-читкуры!» — говорилось в них. Эти заклятия он приказал произнести своему главному ученику. Но тот, вместо этого, призвал великое благословение на Гесерову землю, а на мангусову землю накликал так:

— Пусть там, у мангуса, всякие несчастья и дьявольские наваждения обложат голову ламы и никогда не прекращаются на всех его людях!

Один шабинец подслушал эти слова, пошел и передал ламе:

— Этот шабинец поступил против твоего приказа: благословения он направил туда, а проклятия-то — сюда!

Когда пришел первый его ученик, лама говорит ему:

— Давеча один шабинец сказывал про тебя, сказывал, будто бы ты произнес благословения на ту, тибетскую сторону, а на нас послал

проклятия.

— Как бы не так! Конечно же я сотворил проклятия туда, а благословения — сюда, на своих.

— Стало быть, это он из зависти к тебе, из-за того, что ты над ними старший! — решает лама. — Пусть только он попробует и впредь наговаривать мне, я без обиняков прокляну его.

* * *

Тем временем Хутухту-лама стал говорит своему лучшему ученику:

— Собираюсь я строить себе келью для уединенных созерцаний: не сумел бы ты мне ее построить?

— Я, пожалуй, особенно горазд строить! — ответил тот.

— Вот и кстати, строй!

Тогда шаби построил ему келью из камыша. Каждую камышину обматывал он хлопчатым войлоком, пропитанным маслом. Сделал как следует и двери и дымник. И все сделал так плотно, что не оставалось щелочки, куда можно было бы просунуть кончик иглы.

— Келья готова! — докладывает он. — Теперь, лама, вам остается только въехать.

— Старые скверные шабаинцы завидуют тебе! — говорил ему лама. — Прогони-ка ты их всех отсюда, не оставив из пяти тысяч ни одного.

Следуя наставлению своего ламы, первый шабинец изгнал их всех до единого.

— В свое время ты сам подавай мне кушанье и чай! — говорит лама.

— Ну, так что же? Ладно! — отвечает тот.

Сидит лама в своей келье и предается созерцательной молитве. Тут-то Гесер и подпалил со всех концов камыш, и вспыхнуло огромное пламя.

Обратится лама в человека — вопит. Обратится волком — воет. Обернется мухой — жужжит.

Так и спалил он его дотла и искоренил его мангусово племя.

Доведя это дело до полного конца, государь десяти стран света, Ачиту-Гесер-Мерген-хан, прибыл в родное урочище Нулум-тала и воздвиг там ставку ханскую из драгоценного камня.

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

Где моя матушка? — спрашивает Гесер. Отвечает ему сын Цзасы, Лайчжаб: «Матушка твоя уже давно обрела святость Будды. Когда тебя обратили в осла, у нее нарушилось кровообращение, и она впала в беспамятство».

Зарыдал Гесер, и от рыданий трижды перевернулся его дворец из драгоценных камней. Перевернулся и опять стал на свое прежнее место.

Садится тогда Гесер на своего вещего гнедого, берет свой волшебный кнут, привешивает свой девятиалданный меч; надевает на свою благородную голову белый шлем свой Манлай, на котором чредою поставлены солнце и месяц; темно-синий свой панцирь, как блистающая роса; свои наплечники, сверкающие, как молнии; вкладывает в колчан тридцать своих белых стрел с бирюзовыми зарубинами; берет свой черно-свирепый лук; свою огромную секиру булатную весом в девяносто и три гина; свою малую булатную секиру весом в шестьдесят и три гина; золотой аркан для уловления солнца, серебряный аркан для уловления луны; свой железный посох в девяносто и девять звеньев. Все это берет он с собой в путь-дорогу.

Взлетел он на небо и явился к отцу своему, тэнгрию Хормусте. И доложил ему:

— Милостиво выслушай меня, батюшка мой Хормуста-тэнгрий! Не видал ли ты души земной моей матери?

— Нет, не видал я! — последовал ответ.

Тогда отправляется Гесер наведаться у тридцати и трех тэнгриев. Но ответили и те, что не видывали. Осведомился у бабушки своей, Абса-Хурце, — и она не видала. Спросил у трех своих победоносных сестер.

— Откуда ей и быть тут? — сказали они. — Нет, не видали мы.

Спросил у отца своего, горного хана Ова-Гунчида; тот тоже не видал.

Тогда Гесер спускается на землю, обернувшись царственной птицей Гаруди. А спустившись, направляется он к царю ада, Эрлик-хану. Хочет войти, но оказываются крепко заперты врата восемнадцати адов.

— Отворите!

Не отворяют.

Тогда он разбивает адские врата и входит. Стал спрашивать привратников восемнадцати адов, но ничего от них не добился.

Тогда, оставаясь у ворот ада, Гесер наслал на Эрлик-хана домового душисть его во сне. Но оказалось, что душой Эрлик-хана была мышшь. Распознал это Гесер и обращает свою душу в хорька. Поставил он у входа в дымник свою золотую петлю вместе с хорьком; а сверху дымника наставил свою серебряную петлю. Он рассчитал, что если мышшь полезет снизу, то попадет в золотую западню и не вырвется; а если полезет сверху — угодит в серебряную ловушку, и ей не уйти.

Таким-то способом Гесер и поймал Эрлик-хана.

Связал его по рукам и припугнул своим железным посохом в девяносто и девять звеньев.

— Сейчас же говори и показывай, где душа моей матушки?

Отвечает ему Эрлик-хан:

— Души твоей матушки видом не видывал, слухом не слыхивал.

И опять говорит Эрлик-хан;

— Разве что спроси у привратников восемнадцати адов!

Пошел Гесер и опять стал спрашивать привратников.

— Не было ее вовсе! — отвечают те. — Разве мы не доложили бы Эрлик-хану, если б в самом деле пришла Гекше-Амурчила, мать самого Гесер-хана, государя десяти стран света? Нет ее здесь!

Тогда выступает один из привратников, седовласый старик, и говорит:

— Конечно, мы не знавали матушки Гесер-хана. Но есть тут какая-то старуха. Все время она зовет кого-то: «Соплячок мой Шилу-тесве!» Зовет и у всякого прохожего, направо и налево, все просит воды, но, конечно, напрасно. И тут же принимается рвать полынь и ест.

— Увы, что это он говорит! — вскричал Гесер. — Пойдите поскорее и найдите ее!

— Да она, должно быть, и сейчас находится вон там, в полынях.

Бросился Гесер в полынь. Смотрит, и оказывается, мать его здесь...

Так Гесер разыскал душу своей матери и взял ее. Старика же он убил. Перебил и всех привратников восемнадцати адов.

И сказал Гесер плененному им Эрлик-хану:

— Раз ты самовольно заточил в ад мою мать, то, значит, и всех-то смертных ты заточаешь в ад и правдой и кривдой!

— Видом я того не видывал, слухом я того не слыхивал. А если б и знал, то за что же заточил бы в ад твою мать?

Просит тогда Гесер своего вещего гнедого:

— Покажи-ка себя иначе, мой вещий гнедой конь! Белым горным конем, конем с волшебной поступью! Привесь-ка к себе на грудь острые мечи! Высоко держи свою львиную голову, покажи свой грозный вид! Трижды выполощи свой рот из ключа святой воды — расаяны, трижды глотни святой воды. А потом закуси зубами душу моей матери и отомчи ее к отцу моему, Хормусте-тэнгрию. Там знают, что она была моей матерью, когда возродился я в Джамбутибе!

Мчится конь, направленный в путь со всеми этими наставлениями, а навстречу ему выступают три победоносные сестры Гесеровы. Уж близко конь. Подлетает, грозно храпя, как будто приготовился разить несметных врагов привешенными к груди его острыми мечами. Вот с каким видом приближается. Изумлены видом коня встречающие его три победоносные сестры:

— Должен бы иметь такой вид наш соплячок Цзуру, который возродился в нижнем мире, Джамбутибе.

И приняли они душу изо рта вещего коня. Приняли и говорят коню:

— И сами все ведаем мы, Гесеровы победоносные сестры! Ты возвращайся к Гесеру!

Потом три победоносные сестры его отправились к Хормусте-тэнгрию с душой матери Гесера и сказали:

— Возрождаясь в Джамбутибе, соплячок Цзуру вошел в ее чрево. Поэтому Гесер посылает к тебе ее душу и просит возродить ее среди верховных тэнгриев.

* * *

Тогда отец его, Хормуста-тэнгрий, созвал со всех десяти концов света лам. А собрав лам, велел им читать святыя номы о водворении ее души. И тогда душа Гесеровой матери стала принимать образы бесчисленных Будд.

И опять заставил читать номы, бить в литавры и барабаны, зажигать курительные свечи и лампы. Тогда душа обратилась в драгоценный лазурь-камень Вайдурья.

И опять заставил читать номы. И вот, во время призываний Будд всех концов света, обратилась душа Гекше-Амурчины в царицу фей-дакинисс.

* * *

Спрашивает Гесер воротившегося коня:

— Ах ты, вещей мой конь гнедой! Исполнил ли ты свое дело?

— Как же я вернулся б туда, откуда отправлен, если б не исполнил всего?

— Ну, хорошо, спасибо, мой вещей гнедой!

* * *

Отпускает потом Гесер и Эрлик-хана. Отпускает и говорит ему:

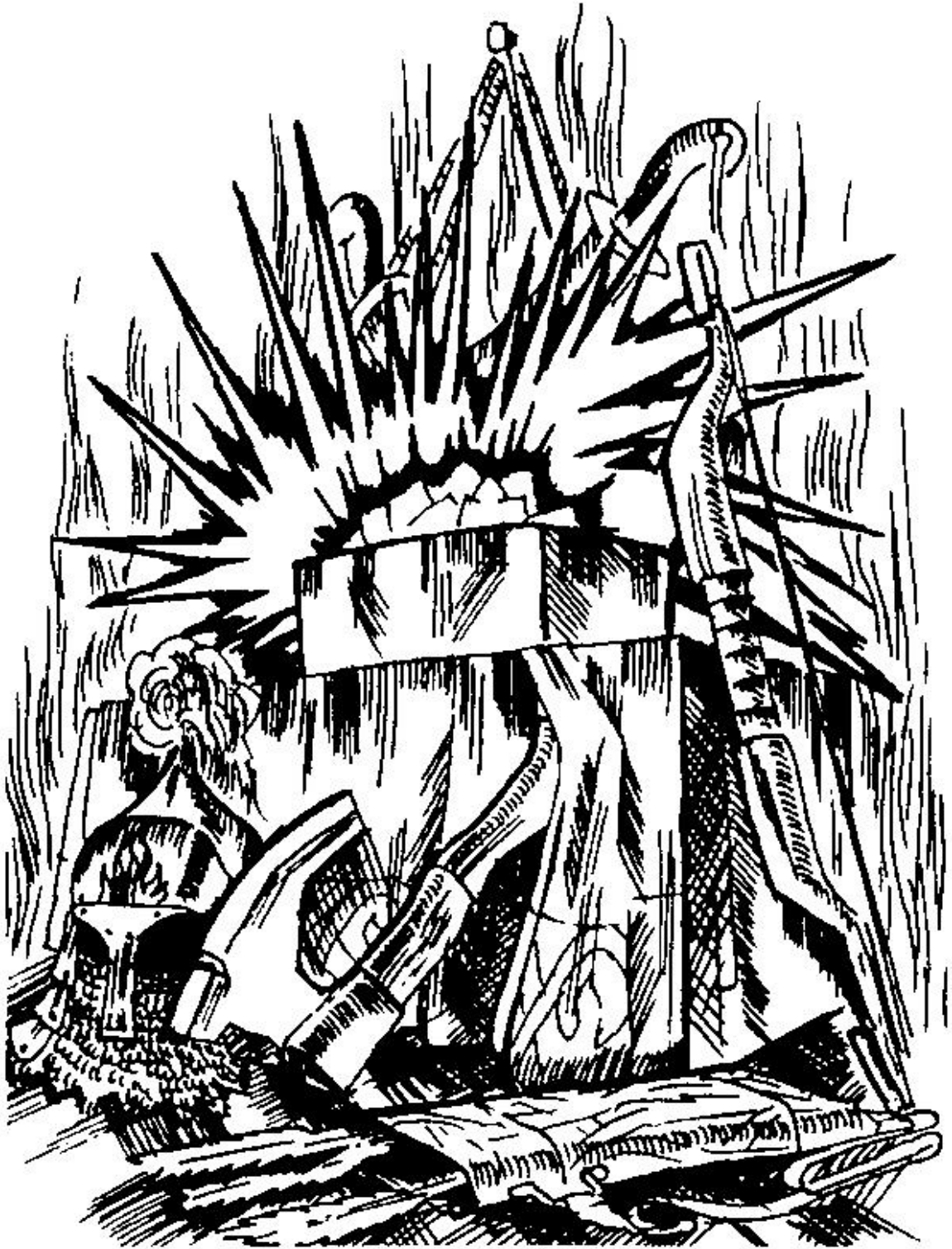
— Эрлик-хан! Впредь тебе следует заключать людей в ад только тогда, когда взвесишь: праведен или грешен. А на этот раз вышло у тебя неправосудие.

Потом поклонился ему Гесер-хан и добавил:

— Ия поступил с тобой неправосудно, мой старший брат, Эрлик-хан.

Отвечает ему Эрлик-хан:

— С твоей матерью вышло что-то неладное. Ведь нельзя же было заключить ее в ад по произволу, без всякого законного основания? Так рассудил я и посмотрел в свое «зерцало судьбы». И вот оказалось, что, когда родился Гесер-хан, то его мать Гекше–Амурчила, не будучи в состоянии решить, демон это или бурхан, выкопала восемнадцатисаженную яму и хотела его туда бросить. Из-за этого-то помысла она и попала сама в восемнадцатиярусный ад. Вот что оказалось!

Пустился Гесер в обратный путь, в свои родные кочевья. Воротясь домой, сдал он Рогмо-гоа одному нищему. Сдал же ее вот в каком виде: на один глаз слепую, на одну ногу — хромою.

Потом прибыл он на урочище Нулумтала. Изукрасил свой тринадцатиалмазный храм-сумэ и стал жить в радостях и веселии. В кремле своем, по всем четырем углам полным редкостей. Были тут и волшебная драгоценность Чиндамани, и уголь без трещины, и всевозможные драгоценные камни.

КХМЕРСКИЕ МИФЫ, ЛЕГЕНДЫ И ПРЕДАНИЯ

Перевод Н. Фошко

Почему бывают гром и молния

Есть на свете демон по имени Римисоу и небесная принцесса Меклиа. В давние-давние времена оба они служили у великого и необычайно могущественного волшебника и учились у него магическим наукам. Служили ревностно, не за страх, а за совесть, и непрерывно соревновались между собой, стараясь завоевать сердце своего хозяина. И при всем том по уму и способностям были они совершенно равны, так что великий волшебник любил их обоих, никому не оказывал предпочтения. Но вот закончился срок их службы и обучения, и пришла пора волшебнику выяснить, кто же из них в конце концов был его лучшим учеником. И сказал он им:

— Возьмите по кувшину и наполните их росой, росу эту я превращу в магический кристалл, обладатель такого кристалла может выполнить любое свое желание.

Римисоу принялся собирать росу с древесной листвы и травы. Каждое утро бродил он по лесам и полям, но кувшин его наполнялся очень медленно. Что же касается Меклиа, то она сразу смекнула, что нужно сделать. Она отыскала в лесу трухлявое дерево, выломала сердцевину и, пользуясь этой сердцевиной как губкой, в одно утро обобрала росу с множества листьев и травинок, после чего осталось ей только выжать трухлявую сердцевину в свой сосуд. Таким образом, в тот же день принесла она полный кувшин росы своему учителю.

Похвалил ее волшебник за быстроту ума, превратил росу в магический кристалл и обратился к Меклиа с такими словами:

— Возьми себе этот камень и владей им и знай, что обладает он замечательной силой. Если возникнет у тебя какое-нибудь желание, подбрось этот камень вверх, и желание твое исполнится: ты сможешь свободно летать по воздуху, парить в облаках, уходить в землю и передвигаться под землей, подобно земляному червю.

Возликовала Меклиа, подбросила камень, взвилась в небо и весело полетела над океаном.

Между тем Римисоу, демон усердный и упорный, продолжал трудиться и набрал-таки полный кувшин росы. Однако, когда он явился со своим сосудом к учителю, тот сказал ему:

— Ты опоздал, бедняга. Магический кристалл достался Меклиа, а волшебные науки не позволяют превращать росу в кристалл дважды.

Услышав это, Римисоу впал в отчаяние. Он зарыдал и принялся крича, кататься по земле. Сжалившись над ним, волшебник сказал:

— Не убивайся так, еще не все потеряно. Тебе дозволено попытаться отобрать кристаллу Меклиа. Возьми вот этот топор. Меклиа летает в воздушном океане и купается в дождевых тучах. Как только тучи начнут проливать дождь, брось этот топор вслед Меклиа, и она выпустит из рук магический кристалл. Только не забудь, бросивши топор, закрыть глаза.

Схватил Римисоу топор, взмыл в воздух и полетел искать Меклиа. Но небесная принцесса вовремя заметила демона и тотчас разгадала его намерения. Подбросив кристалл, она взвилась в поднебесье. Ослепленный блеском кристалла, демон зажмурился и изо всех сил швырнул топор вослед небесной принцессе. И полетел топор, со страшным грохотом вспарывая воздушные волны, но не достиг цели.

Много веков минуло с тех пор, а Римисоу все гоняется за Меклиа, и когда в темном грозном небе полыхают молнии и грохочет гром, надлежит нам всем помнить, что это блещет магический кристалл в руках небесной принцессы и гремит в воздушных волнах топор, брошенный ей вослед незадачливым демоном.

И не потому ли все камни, схожие формой с лезвием топора или секиры, люди называют «ронтех» — «молния»?

Откуда пошли кошки

В давние времена жил на горе Вутхивыт некий отшельник А надо сказать, что в том краю было четыре озера — к востоку, к югу, к западу и к северу от горы. Вода в этих озерах была удивительно чистая, и росли на воде красные и белые лотосы, и необыкновенно прекрасны были цветы и травы на озерных берегах. И хотя от жилища отшельника до любого из этих озер было довольно далеко, не менее яотя^[39], он ходил туда по воду каждый день.

И вот однажды сидел отшельник у порога своего жилища погруженный в размышления, и вдруг ясно прозрел он внутренним взором, что в лотосе, распустившемся на северном озере, где не бывал он уже девять дней, как раз девять дней назад родилась богиня. И, увидев это, отшельник вновь ушел в себя и предался размышлениям, и проникся твердым убеждением, что надлежит ему взять новорожденную богиню и вырастить ее в своем доме. Он отправился к северному озеру, остановился на берегу и сразу же увидел высокий лотос, в котором сидела девочка-богиня. Он сорвал этот лотос и принес его домой, и с того дня девочка стала жить у него. Когда она немного подросла, он нарек ее Уттара Бопха, что означает Северный Цветок.

Так она росла и росла, и отшельник заботился о ней как родной отец, но была она совсем одинока, ибо не с кем ей было поиграть и порезвиться, и потому печален был ее вид. Очень жалел ее отшельник, и, когда ей исполнилось пятнадцать лет, он даже решил было взять еще один цветок лотоса и заклинанием вызвать к жизни еще одну девочку-богиню, но тут же справедливо рассудил, что эта вторая девочка должна получиться точной копией первой, а это противно естеству и может вызвать на обеих гнев богов. «Нет, — решил он, — необходимо, чтобы одиночество ее разделило существо, ею же рожденное». И, призвав к себе Уттару Бопха, он сказал ей так:

— Скоро одиночеству твоему придет конец, ты уже почти взрослая, и вот-вот у тебя начнутся месячные. Ты отдашь их мне, и я сотворю тебе из них подругу для игр.

Услышав эти слова, Уттара Бопха обрадовалась. Вскоре действительно пришло у нее время месячных, она их собрала и отдала отшельнику. И отшельник сказал ей:

— Ступай спать, завтра вас уже будет двое.

Конечно же Уттара Бопха всю ночь не могла сомкнуть глаз в ожидании утра. А между тем отшельник заперся в своей келье, сосредоточился и стал читать над месячными девушки необходимые заклинания, и, когда забрезжило утро, из месячных возникла кошка. И тогда отшельник отпер дверь и призвал к себе Уттару Бопха.

Он протянул ей кошку и сказал:

— Зная, что этот зверек называется кошкой, люби его и играй с ним.

Эта первая кошка была говорящей и хорошо воспитанной, Уттара Бопха привязалась к ней всей душой. Она обнимала кошку, словно это был ее собственный ребенок или младшая сестра, ласкала, прижимала к своей груди, всюду носила с собой и вела с ней нескончаемые беседы. Когда же Уттару Бопха исполнилось семнадцать лет, отшельник преподал ей наставление, которое надлежало ей и всем женщинам страны кхмеров исполнять неукоснительно:

— Поскольку кошка — это существо, рожденное от женщины, то женщина не должна бить ее ни рукой, ни веником, не вправе пинать ее или перешагивать через нее. А ударившая кошку или перешагнувшая через нее унизит себя, повторившая же такой поступок утратит многое от своего человеческого образа и приблизится к несмышленным зверям.

Через четырнадцать месяцев кошка родила котенка, и от этих двух кошек начался на земле весь кошачий род.

Теперь оставим на время отшельника, девушку-богиню и их кошек и расскажем о короле по имени Саот, который правил в королевстве Таксила. Он получил трон от отца в счастливом возрасте двадцати одного года, был еще не женат и любовным утехам предавался со своими наложницами. Но был он человек горячий и подвижный, развлечений с женщинами было ему мало. Однажды ночью нестерпимо захотел король отправиться в большой охотничий поход. Едва рассвело, он призвал к себе всех своих министров и объявил им:

— Повелеваем выступить завтра в леса на охоту. Надлежит вам приготовить охрану, коней и слонов и позаботиться о съестных припасах.

В тот же день все было сделано согласно высочайшему повелению, а на следующее утро король со своей свитой и охраной на конях и слонах выступил в путь. Шли три дня, а на четвертый вступили в лес, и король приказал раскинуть лагерь. Затем король повелел всем пировать, петь и веселиться, а когда наступила ночь и все погрузились в сон, сам он долго не мог заснуть в своем шатре, слушая голоса ночных птиц. Ему стало грустно, охотиться расхотелось. Утром в сопровождении двух

приближенных он отправился бродить по лесу и неожиданно вышел на берег озера, в водах которого родилась Уттара Бопха. Глянув на чистую и прозрачную воду, на прекрасные травы и цветы, король почувствовал, как странное беспокойство наполнило его душу. И он сказал приближенным:

— Попасите здесь наших коней, а мы искупаемся в этом озере, дабы освежить тело и облегчить душу, а затем снова двинемся в путь.

И король искупался, и прохладная вода освежила его, и он переменял одежду и повелел приближенным следовать за ним вдоль озерного берега. И вдруг он увидел тропинку и остановился. «Кто протоптал тропинку в этом густом и безлюдном лесу?» — подумал он. И повелел приближенным:

— Ждите меня здесь, мы же пойдем по этой тропе.

Король пошел по тропинке и вскоре увидел хижину и решил, что здесь поселился какой-нибудь одинокий охотник. И он направился к хижине (а это было жилище отшельника и Уттары Бопха). Как раз в это время отшельник сидел за утренней трапезой, а девушка прислуживала ему. Она вышла из хижины по какому-то делу, как вдруг увидела короля и в страхе убежала обратно. И отшельник спросил ее:

— Что случилось, кто испугал тебя?

Девушка тихо ответила:

— Кто-то незнакомый пришел к нам.

Отшельник глянул в окно и тоже увидел короля, а тот взошел в хижину и вежливо поприветствовал хозяина.

— Откуда ты? — спросил отшельник.

— Я из королевства Таксила^[40], — ответил король.

В тот же миг понял отшельник, кто его гость, и спросил:

— Что же привело короля в наши глухие места?

Король начал рассказывать ему о своем охотничьем походе, а отшельник уже постиг, что Утtare Бопха суждено стать королевой Таксилы, и он кликнул ее и приказал приветствовать короля. И Уттары Бопха сделала все, как велел отшельник, и они с королем уже не могли отвести глаз друг от друга, и взаимная любовь запылала в их душах. А отшельник, который конечно же все видел и понимал, молвил как бы между прочим:

— В прошлом своем существовании^[41] эта девушка была супругой короля. А почему король один, без свиты?

— Я взял с собой всего двух приближенных, — ответил Саот, — они ждут меня на берегу северного озера. Но из ваших слов я понял, что мне

суждено жениться на этой прекрасной девушке. Я с готовностью и радостью выполню это предназначение.

— Вот и прекрасно, — сказал отшельник, — но сначала королю предстоит построить новый дворец, а кроме того, должен он собрать цветы семи разных цветов, сплести из них венок и вручить его мне. Этим венком благословлю вас на свадебной церемонии, и тогда вы будете навсегда счастливыми супругами.

Саот почтительно выслушал отшельника, попрощался и вернулся к озеру, где его ждали приближенные, а затем вместе с ними возвратился в свой походный лагерь. Там по его повелению был воздвигнут роскошный дворец, а когда все было готово, Саот в сопровождении пышной свиты и лучших музыкантов отправился за Уттарой Бопха. На пороге хижины была совершена брачная церемония, отшельник прочел заклинание и разбросал над молодыми семицветные цветы, пожелав счастья молодым супругам^[42]. В тот же день король и юная королева собрались в обратный путь, и Уттара Бопха проливала слезы, потому что никогда раньше не покидала отшельника, которого она почитала как родного отца, а теперь не знала даже, удастся ли им когда-нибудь свидеться. А отшельник на прощание вручил ей кошку и сказал:

— Прежде чем переступить порог дворца, ты должна с этой кошкой на руках трижды обойти дворец. После этого входи смело, и счастье и благополучие не покинут тебя в новом жилище.

Нечего и говорить, что Уттара Бопха самым старательным образом выполнила это последнее наставление. И она была счастлива со своим мужем-королем до конца дней своих.

Даже те кхмеры, которые не знают этой истории, выполняют наставления отшельника. Возведя новый дом, они, прежде чем войти в него, непременно обходят его трижды с кошкой на руках.

Как удав без яда остался

В давние-давние времена удав был самой ядовитой змеей на свете. И вот однажды шли по дороге некие муж с женой в гости к своим родителям. А когда они прошли, выполз на дорогу удав, увидел их следы и облизал их. И так ужасна была сила его яда, что муж и жена мгновенно умерли, едва переступив порог родительского дома. Заплакали и запричитали отец с матерью и все родственники и принялись устраивать церемонию прощания с телами погибших.

А удав, который никогда не упускал случая похвастаться силой своего яда, небрежно осведомился у ворона:

— Эй, ворон, отчего это люди в деревне подняли такой шум?

— А это они радуются, — ответил хитрый ворон, — ведь всем известно, какой у тебя страшный яд и что только стоит тебе лизнуть чей-нибудь след, как оставивший этот след умирает. А на этот раз люди, следы которых ты облизал, остались живы и здоровы. Как же им после этого не радоваться?

Очень огорчился и встревожился удав. «Как же так, — подумал он, — неужели могущество мое ослабело? Нет, пусть я выпущу на эти следы весь яд до последней капли, но добьюсь того, что эти люди погибнут!»

Сказано — сделано. Стал удав поливать ядом следы мужа с женой, а шум в деревне все не прекращается. Так и выпустил глупый удав свой яд без остатка.

Весть об этом облетела лес, и все твари, обитавшие в нем, устремились к луже яда, чтобы вооружиться им. Одни взяли много яду, другие поменьше, а третьим вообще ничего не досталось, потому что они явились слишком поздно. Больше всех набрали себе яда змеи пролыт, тянтромом, дей, прень, трей, ксаекоу, кук, пхкабобух и сомлапконгкаеп^[43]. Но по скупости своей и помня, что произошло с удавом, они расходуют этот яд неохотно и понемногу, так что укус их не грозит человеку смертью.

Другим змеям — кобрам, ваек сронгае, ваек ронием, ваек кроны, снаонсаонг, поплаок^[44] — яда досталось поменьше, они его не жалеют, хотя и кусают очень редко. Но от их укуса человек умирает немедленно.

Прочие же твари — скорпионы, тысяченожки, муравьи, осы и пчелы — пришли чуть ли не позже всех, и яду им едва хватило, чтобы обмакнуть кончик жала. А вот рыбам кромом и типоу^[45] яда не досталось вообще. От горя и разочарования у них хлынули слезы, и рыдали они так долго и безутешно, что у них безобразно раздулись морды. Как раз в это время их увидела рыба сандай и не могла удержаться — расхохоталась. И так она хохотала, что разорвала себе рот. С тех пор у рыб кромом и типоу толстые и опухшие морды, а у рыбы сандай необыкновенно длинный рог.

Удав, лишившись яда, утратил все свое могущество, а человек возрадовался, что удав уже больше не грозит ему смертью. Благодарить же за это, как вам теперь известно, нужно ворона.

Почему комары такие маленькие

Когда Шива^[46] — творец всего сущего — создавал людей и животных, он создал и комаров.

В те далекие времена комары были огромного роста, больше даже грифов, у них были огромные пасти, отличались они необыкновенной прожорливостью и питались исключительно людьми. От человека, на которого нападали эти крылатые чудища, в один миг оставались только обглоданные кости.

Многие мечтали тогда найти способ избавления от комаров, но никому это не удавалось, и комары без устали летали над людьми, выискивая жертву, и тогда люди, чтобы не дрожать всю жизнь в ожидании неминуемой смерти, решили бросать жребий, кому быть съеденным комарами в следующую ночь. И тот, чей черед наступал, с вечера прощался с родными и плакал.

И вот в те времена в семье одного сетхэя выросла дочь — девица отменно острого ума. Она всегда очень жалела тех, которым приходилось выходить ночью на погибель, и вот она подумала: «Ежели так пойдет и дальше, комары пожрут всех людей до единого, и на земле не останется ни одного человека, и раз никто не может придумать, как избавиться от этого зла, то это следует сделать мне». Решив все про себя, она явилась перед своими родителями и объявила им:

— Я нынче же пойду вместе с теми, кому выпал жребий стать пищей для комаров.

Услыхав эти слова, родители сначала онемели от изумления и ужаса, а затем закричали наперебой:

— Уж не сошла ли ты с ума? Все жители нашего королевства мечтают только о том, как избежать этой ужасной участи, а ты сама лезешь в самую пасть смерти.

Долго родители убеждали свою дочь, прося ее одуматься, но она твердо стояла на своем и требовала, чтобы ей разрешили присоединиться к тем, кому было предназначено погибнуть этой ночью. В конце концов, выведенные из себя ее упорством, родители пришли в ярость и закричали:

— Раз ты не слушаешь, что тебе говорят, то иди, непокорная дочь, и пусть наши глаза больше никогда не увидят тебя.

Получив таким образом родительское разрешение, девица обрадовалась и сейчас же отправилась к тому месту, куда слетались комары для ночных пиршеств. Она подошла к людям, покорно ожидавшим часа гибели, и сказала им:

— Всем, кто хочет избежать смерти, надлежит выслушать меня и выполнить мои приказания беспрекословно. Пока еще светло, собирайте сухие сучья и сухие листья, несите сюда и складывайте кольцом. Когда налетят комары, мы встанем внутрь этого кольца и подожжем его. Мы окружим себя стеной пламени, и комары не смогут прорваться к нам.

Все было сделано так, как повелела мудрая девица. И когда наступила ночь и слетелись к людям прожорливые комары, разом вспыхнули уложенные кольцом сухие листья и сучья, и комары в растерянности отступили перед бушующим пламенем. Тогда они собрались в стороне и принялись толковать между собой:

— Отныне и впредь невозможно нам будет налетать на людей в открытую, потому что люди, заметив нас, всегда будут отгонять нас огнем. Если мы не хотим погибнуть голодной смертью, надо нам придумать способ добираться до людей незаметно. Пойдемте же и попросим создателя Шиву, чтобы он сделал нас маленькими, как мухи, и даже меньше, и тогда мы сможем по-прежнему беспрепятственно питаться человеческой плотью и кровью.

И, решив так, они всей гурьбой полетели в обитель Шивы и, почтительно поприветствовав его, обратились к нему со своей просьбой. И Шива внял их просьбе и сделал комаров совсем крошечными — такими, какими мы их видим в наше время. Едва лишь желание их было исполнено, они горячо поблагодарили Шиву и в предвкушении обильной пищи кинулись обратно к людям. Но не тут-то было. Комариные рты тоже сделались очень маленькими, они оказались просто неспособными прокусить человеческую кожу, и люди беспощадно избивали комаров, одних сразу до смерти, других калеча, а сами оставались невредимыми. И радовались люди, что с комарами теперь так легко можно справиться и что навсегда ушла от них смертельная угроза.

Тогда уцелевшие комары снова бросились на совет.

— Теперь люди совсем стали недоступны для нас, — говорили они. — С такими ртами, как у нас сейчас, нам нечего и думать справиться с ними. Надо снова лететь к Шиве и упросить его, чтобы рты он нам сделал в виде тонких и острых, как игла, трубочек. Только тогда удастся нам насыщаться людской кровью быстро и незаметно, чтобы люди не успевали спохватиться.

И снова они полетели к Шиве и обратились к нему с новой просьбой. И сказал им бог Шива:

— Хорошо, я дам вам такой рот, как вы просите, и отныне вы снова сможете насыщаться человеческой кровью. Но помните, что все равно теперь люди сильнее вас.

Получив желаемое, комары вернулись к людям и разлетелись по всему королевству до самых отдаленных его уголков и всюду жалили людей, но многим это не проходило безнаказанно, как это им положил бог Шива.

Почему собаки видят духов умерших

Старики утверждают, что если в деревне, где-нибудь в глухой провинции, ночью вдруг начинают лаять и выть собаки, это означает, что кто-нибудь из жителей деревни непременно умрет или заболеет или случится еще какое-нибудь несчастье. А все дело в том, что в это время собаки видят духа умершего, который прокрадывается в деревню, чтобы отомстить кому-то из живых. О том, как собаки получили способность видеть духов, рассказывает следующая история.

Давным-давно это было, и жил в те времена один человек, которому запала в голову блажь подглядеть, что делают души умерших при церемонии лиенг арак^[47]. И вот в один из дней, когда проходила эта церемония, отправился он в лес на высокий холм, где было кладбище. И едва взошел он на холм, как услышал голос:

— Вернись в деревню, зайди в тот дом и скажи моей жене, чтобы немедленно шла сюда.

Человек сразу понял, что с ним говорит дух умершего, но он не испугался и спросил в свою очередь:

— Но ведь вы, духи, невидимы, как же я ей скажу что-нибудь, если она мне не видна?

— Тогда возьми вот это, — сказал дух, и в руке у человека оказался кусок пратеалья^[48] — волшебного средства, обладатель которого обретает способность видеть духов умерших.

И едва человек зажал пратеаль в руке, как сразу увидел, что лес вокруг него кишит духами умерших, но не испугался их, а спокойно отправился выполнить поручение. Он вошел в дом, который указал ему дух, и увидел там покойницу; она угощалась едой, выставленной для нее согласно церемонии лиенг арак. И человек сказал ей:

— Торопись, твой муж требует тебя к себе.

Удивленная покойница спросила:

— А как это ты меня увидел?

Человек показал ей пратеаль и ответил:

— Твой муж дал мне это, и потому я вижу тебя.

И тогда покойница кинулась на него, чтобы отобрать пратеаль, и они начали бороться, и человек закричал, зовя на помощь, но сбежавшиеся соседи остановились в недоумении, ибо увидели просто одного человека, производящего нелепые телодвижения. Тут покойница ударила человека с такой силой, что кулак его разжался и пратеаль упал на землю. Но едва покойница наклонилась за ним, как к пратеалу подскочила какая-то собака и мигом проглотила его.

Говорят, что с тех пор собаки и видят духов умерших, и если деревенские псы поднимают глухими ночами вой и лай, это означает, что духи умерших вышли из могил и бродят по улицам и домам. Кое-кто в это верит и мечтает заполучить для себя волшебное средство — пратеаль.

Откуда пошли мечехвосты

Удивительный вид у мечехвостов, а еще более странным кажется то, что у мечехвостов самец живет, прилепившись к спине самки. Про мужчину, который по лености своей живет за счет жены или любовницы, принято в стране кхмеров говорить «живет, как мечехвост». Откуда пошли мечехвосты и как повелся у них такой образ жизни, издревле рассказывают такую историю.

Жил некогда король, и была у него супруга — женщина удивительной красоты. И жили бы они счастливо, но только не было у них сына. И призвал король к себе гадалщиков и повелел им справиться с их книгами и применить все средства их науки с тем, чтобы исполнилось желание его сердца и королева принесла наконец ему наследника. Представ перед королем, гадалщики отдали ему положенные почести, а затем объявили, что сына король получит, если принесет богам щедрые жертвы и совершит при этом необходимые церемонии. По этому совету и поступил король, и действительно, скоро у него родился сын. Был он прекрасен, и ежедневно и ежечасно радовались сердца его царственных родителей при виде его.

Но вот однажды в недобрый час, когда принцу исполнилось уже семь лет, вздумалось королеве совершить прогулку по дворцовому парку. Известив об этом своем желании супруга-короля, она в сопровождении многочисленной свиты отправилась на прогулку. И надо же было

случиться так, что как раз в это время страшная птица гаруда^[49] пролетала над теми краями в поисках пищи. И, пролетая над дворцовым парком, она узрела под собой толпу разряженных людей, камнем рухнула в эту толпу и, схватив принца, снова взмыла в небо. Невозможно представить себе чувства матери, сына которой постигла такая судьба. Но что могла сделать она? Плача и стеноя, смотрела она вслед страшной птице, уносящей в когтях ее ребенка, пока та не скрылась из виду, после чего бросилась к супругу своему — королю и поведала ему о случившемся. Долго молчал король, охваченный грустью и горем, а затем вновь приказал вызвать к себе гадалщиков и спросил их о судьбе своего сына. Гадалщики посмотрели в свои книги, посоветовались и единодушно сказали:

— Жизнь принца пока не оборвалась. Гаруде он не достанется.

Услыхав эти слова, король воспрянул духом и повелел изготовить огромный барабан, и ударить в него, и бить в гонги, и созвать смелых и сильных людей, которые отважились бы отправиться на поиски принца. И конечно же в окрестностях дворца таких людей не нашлось, и барабан и гонги слуги уносили все дальше и дальше и принесли наконец на берег моря. И вот тут неожиданно на королевский призыв откликнулась местная девушка по имени Нам Крых. Она объявила глашатаям, что готова хоть сию же минуту выйти на поиски принца, и глашатаи тотчас доложили об этом королю. Растроганный король выразил Нам Крых благодарность за ее смелость и верность и пообещал ей в случае успеха ее предприятия большую награду. И с тем Нам Крых отправилась в путь.

Между тем гаруда, сжимая принца в когтях, летела через море. Но когда она пролетала над одним островом, на нее обрушился необыкновенной силы ураган. Борясь с напором ветра, страшная птица разжала когти, и принц камнем полетел вниз. Но ветер смягчил силу падения, и принц, угодив на песчаный берег острова, не разбился, а только лишился сознания. И вскоре утренняя роса привела его в себя. И тщетно голодная гаруда кружила над морем в поисках утерянной добычи, она так и не смогла найти место, над которым выпустила принца из когтей.

Тем временем Нам Крых нашла людей, заметивших, в какую сторону летела гаруда с ребенком в когтях. Узнав направление, она не стала мешкать, а смело вошла в морские волны и поплыла, и в положенное время добралась до острова, где и увидела принца, одиноко сидевшего на песчаном берегу. Девушка все ему объяснила, а затем

посадила к себе на спину и поплыла в обратный путь. Но на середине пути в море поднялось волнение, у Нам Крых развязался кбен^[50] и запутался у нее в ногах, и она перевернулась на спину, чтобы завязать его, и в тот же момент волна залила принца, он захлебнулся и испустил дух. И то ли от страха перед королем, то ли от скорби по маленькому мальчику, но Нам Крых тоже умерла в ту же минуту. Так они и погрузились в пучину.

И там в морской глубине они превратились в мечехвостов. Вот почему самцы мечехвостов такие маленькие и всю жизнь свою проводят, вцепившись в спину самок, и питаются тем, что добывают самки. И еще рассказывают, что если самец мечехвоста отвалится от спины своей самки, то он издыхает в самом скором времени.

Как тигр съел ребенка отшельника

Давным-давно жил старец, которого звали Тапох Прей, что означает Лесной Отшельник. Был он очень беден, и жил он тем, что работал на своем рисовом поле вместе со своей женой у подножия горы. А потом прошло много времени, и у них родился сын, за которым они нежно ухаживали и кормили, пока ему не исполнился год. И вот в один несчастливый день отшельник с женой покормили ребенка, положили его спать, как они делали уже много раз, не боясь, что может случиться беда, а сами взяли коромысло для переноски тяжестей, серпы и отправились с раннего утра и до полудня на поле. А когда отшельник и жена ушли, пришел в те места один большой тигр, который жил в лесу на горе. Влез тигр к ребенку, увидел его спящего, схватил и съел. Ребенок же даже не закричал и не заплакал, потому что он был слишком мал и еще ничего не понимал.

А в это время отшельник с женой собирали урожай риса, несмотря на жар солнца, и не смели даже прервать свою работу для отдыха. А в полдень, не в силах больше терпеть полуденный жар, они сделали связки риса, положили их в коромысло, отшельник взвалил себе рис на плечо, и они с женой медленно отправились домой. А когда они пришли и не увидели своего спящего ребенка, оба затряслись от ужаса. И они подошли ближе и увидели громадные следы тигра и кровавый след от места, где спал их сын, до самого леса. И тогда отшельник и жена поняли, что тигр съел их ребенка, и они заплакали и закричали, им было жаль своего маленького сына, который еще ничего не понимал. И так они

плакали от полудня до поздней ночи, и когда отшельник и жена перестали плакать, стали обсуждать свое горе:

— Если мы будем только плакать да причитать, никакой пользы не будет. Мы должны не рыдать, а придумать, как отомстить жестокому тигру.

А когда наступило утро, жена встала с рассветом, приготовила еду, принесла горсть риса, бамбуковое ведро с водой, арековых^[51] орешков, положила все в суму и дала мужу, чтобы он шел искать, а потом убил тигра, который оборвал жизнь их маленького сына.

А отшельник, после того как жена приготовила ему рис, арековые орешки и суму, отправился в путь к лесу — на одном плече сума с продуктами, а в другой руке топор. И шел он без боязни и в поисках тигра облазил гору от подножия до вершины, осмотрел каждую лощину, каждый большой и маленький камень, прошел лес и равнины, проходил равнины и снова входил в лес, и так каждый день. И так отшельник искал тигра весь сухой сезон, пока не начался сезон дождей^[52]. А в сезон дождей вода затопила рисовые поля, затопила леса и подошла к самому подножию горы. И все животные, обитавшие в том лесу, в страхе и панике стали забираться на вершину горы, потому что они боялись, что вода поднимется и потопит их. И вот однажды отшельник встретил тигра, который съел его ребенка. Отшельник понял, что это и есть тот самый тигр, который загубил их маленького сына, потому что следы, которые он тогда увидел, и следы этого тигра были совершенно одинаковыми. Да еще не было больше такого большого тигра, а был этот — вожак стаи, и только он мог осмелиться войти и съесть ребенка среди бела дня. Отшельник решил про себя: «Я не смогу справиться с этим тигром силой, значит, я должен перехитрить, а затем убить его». И тогда отшельник закричал так громко, чтобы тигр услышал его:

— На тонкую лиану подвесим котелки, а к толстым лианам привяжем и детей, и взрослых, и родственников своих и подвесим всех на дерево.

Кричал он так, а сам смотрел по сторонам, правой рукой сжимая топор. Крики его донеслись до тигра, и тот пришел к отшельнику и спросил его:

— Старик, зачем ты рвешь лиану, что ты хочешь привязать к ней?

— Я вырываю лиану, — ответил отшельник, — потому что хочу привязать к ней котелки, детей моих и родственников и подвесить все это

к высокому дереву, потому что уже через семь дней вода затопит этот лес и эту гору, и все люди погибнут, и ты погибнешь тоже.

Услышав слова отшельника, тигр так испугался смерти, что стал просить отшельника, чтобы он тоже подвесил его на дерево. Но отшельник сказал ему:

— С чего это я буду беспокоиться за тебя, тигр, да еще подвешивать тебя к дереву, пусть лучше вода затопит тебя и ты умрешь. Кстати, если ты мне не веришь, то залезь на тот высокий камень и оглянись вокруг. Ты увидишь, что вода обступила со всех сторон гору и все время прибывает.

Тигр, как сказал ему отшельник, влез на высокий камень, посмотрел вокруг и увидел плещущиеся воды, все как сказал ему отшельник. И он безмерно испугался и побежал обратно к отшельнику и стал настойчиво умолять его подвесить себя на дерево. У отшельника «смягчилось» сердце, и он сказал:

— Я согласен, только у меня есть лишь тонкие лианы, и ты все равно упадешь и умрешь.

Тигр опять страшно испугался и опять стал упрашивать отшельника, он умолял и кланялся ему. Отшельник решил, что достаточно, и сказал тигру:

— Не волнуйся, вот я найду толстую лиану и привяжу тебя.

И тигр был счастлив. А потом отшельник приказал тигру лечь, взял толстую лиану и связал ею все четыре лапы тигра, а потом приготовился привешивать его к дереву. Отшельник пошел искать большую палку. Но тут тигр увидел, что отшельник рубит дерево и делает из него толстую палку. Подозревая что-то неладное, он спросил отшельника:

— Что это ты делаешь из этого дерева, отшельник?

И отшельник ответил:

— Из этого дерева я сделаю коромысло, а потом отнесу его домой.

А когда палка была готова, отшельник стал избивать тигра. И отшельник бил тигра с утра до вечера, и он сломал тигру кости, так что не осталось ни одной целой. А отшельник все бил тигра и приговаривал:

— Вот тебе, негодный тигр, за то, что ты съел моего ребенка.

А тигр все терпел. Тогда отшельник разжег костер, подвесил над ним тигра и стал палить его шерсть и жечь его кожу. Он жег на костре тигра до тех пор, пока веревки, на которых тот был подвешен, не оборвались. Тигр бросился стремглав в лес. А отшельник вернулся к себе домой и рассказал обо всем своей жене. И стали они опять счастливо жить друг с другом до конца своей жизни.

С тех пор все тигры по своему виду отличаются от всех остальных зверей. Когда тигр ложится, кажется, что у него нет совсем костей. Шкура тигра осталась полосатой, после того как ее опалил костер. По сей день все тигры по семь раз в день молятся, чтобы им не встретиться с человеком, потому что они боятся всех людей с тех пор, как отшельник отомстил за смерть своего ребенка.

Как ворона и цапля поссорились

Рассказывают, что в древние времена все птицы были одного цвета и различались только своим телосложением и потому их часто путали, особенно когда видели их в полете. В конце концов птицам это надоело, они собрались все вместе, чтобы решить, как положить конец этой путанице. Долго они толковали между собой, а затем решили:

— Следует каждой из нас выкраситься в свой особенный цвет, только позаботиться надо, чтобы цвета у нас были разные и ни у кого не повторялись, а тогда уж нас легко будут отличать друг от друга.

Порешив на этом, птичье собрание определило в художники-маляры цаплю, и вот цапля стала ходить между птицами, расспрашивать каждую, в какой цвет та желала бы выкраситься, и раскрашивала их соответственно. И в конце концов осталась нераскрашенной только ворона да сама цапля. И спросила цапля ворону:

— А ты в какой цвет хочешь покраситься?

И ворона льстиво ответила:

— О цапля, ведь ты художник, я всецело полагаюсь на твое мнение, только прошу тебя, раскрась меня покрасивее.

А дело было к вечеру. Цапля сказала, подумав:

— Давай сделаем так. Пока еще светло, выкраси меня ты, потому что я боюсь красить себя в темноте, ведь тот цвет, который кажется красивым ночью, может выйти совсем неприглядным при дневном свете. А когда ты выкрасишь меня, я покрашу тебя, и дело наше будет закончено.

На том и порешили. В очень красивые цвета выкрасила ворона цаплю, а тем временем стемнело. Торопясь закончить дело, цапля распустила в котле черный уголь и старательно обмазала ворону этой краской всю до последнего перышка. Ворона в темноте не видела, что с ней делает цапля, да и цапля не видела, на что стала похожа ворона, и расстались они глубокой ночью вполне дружелюбно и исполненные взаимной благодарности.

Каково же было возмущение вороны, когда рассвело и она увидела себя выкрашенной в мрачный черный цвет! В гневе кинулась она искать цаплю, чтобы потребовать с нее ответа за это злое деяние, цапля же при виде такого страшилища в ужасе бросилась наутек, но, поскольку сама-то она была выкрашена в цвета светлые и сияющие, ей нелегко было укрыться от мести вороны, и спаслась она только тогда, когда забилась в самую глухую лесную чащобу.

Вот с тех пор и тянется непримиримая вражда между воронами и цаплями. Стоит воронам обнаружить цаплю, и они всем скопом налетают на нее и стараются заклевать до смерти. Поэтому цапли ищут себе пропитание только по ночам, когда вороны спят и не могут их видеть, а днем прячутся в лесах.

Как птицы короля выбирали

В стародавние времена все люди на земле были равны, никто никого не слушал, и потому был среди них великий разброд. Надоело это им, собрались они все вместе и выбрали себе короля, которого нарекли именем Самот, и стал Самот править людьми. Прознав об этом, все твари, существе в нашем мире: звери, птицы и рыбы, — немедленно решили последовать примеру людей. Звери избрали своим королем льва, ибо лев есть животное сильное и умное, в поступках своих справедливое. Рыбы выбрали себе королем ананду^[53], поскольку ананда по размерам своим превосходит всех других рыб. И звери и рыбы были очень довольны своими королями, и все они слушались своих избранников.

Что же касается птиц, то с самого начала пошло у них не все гладко. Они разделились: одни хотели королем ворона, другие требовали сову. Ворон и сова, со своей стороны, тоже очень хотели стать королями. И они принялись толкаться среди птиц, расхваливая себя и браня своего соперника.

— Какой же дурак хочет, чтобы королем стала сова, — каркал ворон. — Да, действительно, глаза у нее велики. Но она же всех вас придавит, так что вы пикнуть не посмеете! Кто не верит, пусть только заглянет в ее глазища, и тогда он сразу поймет, что я говорю правду, это жестокая и лживая тварь.

А сова нашептывала:

— Вы видите, какой ворон черный? Так вот, черный он весь не только перьями, но и душой. Если он станет королем, он затравит всех

птиц без всякой жалости. Вы же сами знаете, что он добывает пропитание не честным путем, а ворует пищу у других, а уж став королем, он будет просто всех обирать...

Так они каркали и нашептывали наперебой, и все птицы перессорились и только и делали, что насакивали друг на друга и кричали без всякого толка. Однако пришел день, когда всем это надоело, и они собрались и дружно выбрали своим королем лебедя, самую красивую и величественную из птиц.

Ворон же и сова остались ни с чем. С тех пор они терпеть не могут друг друга и даже пропитание себе ищут в разное время: один — днем, а другая — ночью.

Откуда пошли дельфины

Рассказывают, что в стародавние времена рос где-то в стране кхмеров баньян^[54]. Был тот баньян таким могучим и высоким, что люди испытывали к нему страх и уважение. Посему неподалеку от него местные жители построили небольшую хижину, а в ней установили каменные изваяния мужчины и женщины. С тех пор стали сходиться в те места все окрестные жители для молитв о ниспослании счастья и удачи и подносили тем статуям богатые дары.

А в том самом могучем баньяне обитал дух^[55], охранявший жизнь этого дерева. Дух жил там так давно, что не осталось на земле человека, кто бы помнил, когда он там поселился.

Шло время. И вот однажды в одной семье, которая почитала дух баньяна, в положенный срок родилась дочь, за которой родители нежно ухаживали и заботились, пока не вышли дочери совершенные годы. И вот в один счастливый день отправилась девица эта к баньяну. На дорогом подносе несла она различные яства, чтобы принести их в дар дереву, которому неустанно поклонялись ее родители. И в тот самый момент, когда девица подносила дары священному дереву, дух узрел ее и почувствовал сразу в сердце своем неведомую до того времени тревогу. Догадался наконец дух, что с первого взгляда влюбился в молодую девицу, и хоть он твердо знал, что никогда до того счастливого дня не видел ее, но сердцем чувствовал, что когда-то давно они уже принадлежали друг другу, потом расстались и вот теперь, наконец, встретились вновь. Так необычны были эти чувства для духа, так он мучился и так хотел побороть их, но не мог, что в конце концов решил, не

медля больше, лететь к царю богов, чтобы сам Индра {Индра — верховный бог ведийского пантеона, бог грозы и войны. Верховный бог кхмерского буддийского неба.} открыл причину его страданий и положил конец его недугу. Приняв такое решение, дух тут же взлетел в небо и полетел в обитель царя богов — Индры. Индра принял духа и внимательно выслушал, а потом погрузился в себя и предался глубоким размышлениям, и пришло потом к нему твердое убеждение. Тогда Индра сказал духу такие слова:

— Было это давно. В одном из прошлых своих существований была сия девица твоей законной супругой. Были вы очень счастливы друг с другом и не хотели никогда расставаться. Вознесли вы к богам горячие мольбы, чтобы в следующих существованиях снова быть законными супругами. Но ты изменил своему слову, дух! Ощутил ты однажды непреодолимую тягу к отшельническому бытию, оставил свою несчастную супругу и уединился навсегда для постов и молитвословий. В том существовании ты больше никогда не видел свою супругу. Прошло время, ты умер и возродился в духе, а супруга твоя в прекрасной небесной деве. И опять вы не встретили друг друга. Потом опять прошло время, небесная дева умерла и возродилась дочерью одной бедной женщины. Ее-то ты недавно и встретил, дух. И потому ты ощутил в сердце своем волнение, дотоль неведомое тебе, что прежде всем сердцем любил эту девицу, когда была она тебе верной и заботливой супругой. Ты, дух, еще можешь вернуться к этой девице, но тебе придется для этого молить о смерти и возрождении в человеческом обличье.

Вот какую историю рассказал духу баньяна царь богов Индра.

Выслушал свою историю дух и погрузился в тяжелые размышления, но в конце концов пришел к такому заключению: «Нельзя мне, духу, просить царя богов о смерти и возрождении в обличье человеческом^[56]. Жизнь простых смертных весьма коротка. Сейчас уже моя бывшая супруга достигла совершенных годов, а пока я умру, пока смогу возродиться в обличье человека, она станет совсем старой. Не должно ведь молодому брать в жены старуху. Но как же тогда вновь соединиться со своей супругой?» И дух баньяна снова погрузился в глубокие размышления. Но, наконец, внутренним взором ясно увидел он выход. «Надлежит мне, — решил дух баньяна, — самому явить себя той девице, бывшей законной супруге. Надлежит мне сказать ей, что у нее есть я, дух, супруг, данный ей самим богом. Поэтому не должно ей смотреть на других мужчин, не должно и выходить замуж, потому что

этим поступком она унижит себя, утратит многое от человеческого образа и тем самым приблизится к неразумным зверям». И так все взвесив, дух баньяна обратил себя в огромного удава и поздней ночью, когда все местные жители разошлись по домам и легли спать, явился в дом к той девице и предстал перед ней в своем страшном змеином обличе. При виде огромного удава девица в страхе заметалась по комнате, но удав заговорил с ней вдруг на человеческом языке, и она понемногу пришла в себя. Рассказал девице удав всю свою историю от начала до конца, ничего не скрывая и не приукрашивая, и просил ее поверить ему на слово. Бедной девушке очень хотелось поверить, но никак она не могла свыкнуться с мыслью, что удав этот совсем даже не удав, а дух священного баньяна, а сама она уже не простая бедная девушка, а жена могущественного духа. И если он действительно дух, то почему явил себя в таком ужасном обличе? И удав уступил тогда девице, сказав:

— Ты не поверила мне, ну что же, тогда смотри!

И с этими словами удав превратился в прекрасного духа. Стоило только девице увидеть духа, как она влюбилась без памяти в него и сразу поверила, что он действительно дух священного баньяна, потому что красивее его она не видела никого на свете. Дух тем временем преподал ей наставление, которое надо ей выполнять неукоснительно:

— Ни сестрам, ни братьям, ни соседям твоим не должно знать, кто я есть на самом деле, говори им, что муж твой удав. Приходить к тебе я буду только под покровом ночи, когда никто не будет меня видеть. И только ночью буду снимать я страшное обличе змеи и превращаться в духа священного баньяна.

Долгое время провел удав-дух со своей молодой женой, перемежая ласки с беседами, а тем временем наступило утро. Родители девицы проснулись и сразу же услышали, что их единственная дочь разговаривает с каким-то мужчиной. Не долго думая, подкрались они к двери, дабы узнать, кого принимает она в такое неподобающее для честной девицы время, и заглянули в комнату. Но тут, к своему неописуемому ужасу, увидели они только огромного удава, ласково обвившего ноги их единственной дочери. И родители заплакали и закричали, им было жаль свою дочь, а удав тем временем проскользнул в дверь и исчез.

Родители, наконец, пришли в себя и стали допрашивать бедную девицу. И так они ругали ее, такие страшные обвинения бросали ей, что, не выдержав, девица расплакалась и рассказала родителям всю эту необыкновенную историю от начала до конца, ничего не преувеличивая и

не приукрашивая. Выслушав свою дочь и поверив в ее невиновность, родители только тяжело вздохнули и спросили:

— А где же сейчас твой удав-дух?

— Днем его никто не должен видеть, — ответила девица, — будет приходить он ко мне только в ночное время. Муж мой взял с меня клятву, что никому я не скажу, что на самом деле он дух баньяна. А если нарушу я клятву, то постигнет меня страшная кара. Помните об этом! Говорите всем, что бедная дочь ваша сочеталась брачными узами с огромным и страшным удавом. И тогда все мы будем счастливы.

Наступила глубокая ночь. Удав снова приполз к своей молодой жене и, как и обещал, сбросил с себя змеиную шкуру и превратился в прекрасного духа. Жена зажгла свечи, чтобы при ярком свете любоваться красотой своего мужа-духа. Своими ласковыми и нежными речами девица нарушила сон своих родителей, те, как и в прошлую ночь, незаметно подкрались к двери. Но тут их любопытство было вознаграждено. Увидели они перед собой прекрасного духа, до той поры не видели они никого величественнее и красивее молодого мужа их единственной дочери. Дух же почувствовал, что кто-то подсматривает за ними в дверную щель, и в ту же минуту снова ужасный удав обвивал ноги девицы.

А тут опять забрезжил рассвет, и дух-удав, перед тем как покинуть свою жену, сказал ей такие слова:

— Следует тебе отвести твоих уважаемых родителей в лес. Там увидишь ты большой термитник, рядом с ним вы отроете большой клад.

С этими словами удав-дух исчез, будто его здесь и не было.

А наутро девица отвела родителей своих в лес к термитнику, и все случилось так, как сказал ей муж. Нашли они и серебро, и золото, и бриллианты, и стал у них дом полной чашей, и было у них все, что может пожелать человек, и даже с избытком. С тех пор стала девица и ее родители самыми богатыми и уважаемыми людьми во всей округе.

Такое богатство, как с неба свалившееся на бедную крестьянскую семью, не осталось незамеченным для окрестных жителей. Думали они, гадали, откуда привалило им такое несметное богатство, но ничего не придумали. И тогда собрались они все вместе и пришли в дом к девице. Да только как зашли они в дом, к ужасу своему, увидели огромного удава, который извивался у ног девицы.

А теперь оставим духа-удава, его молодую жену и ее родителей и расскажем о других бедных муже и жене, живших в том краю. Была у них

дочь, которая тоже достигла совершенных годов, и пора уже было подумать о ее свадьбе. Надо сказать, что мать девицы этой была необыкновенно жадной и завистливой женщиной. А тут, на несчастье, дошла до нее весть о несметных богатствах жены удава, и не стало больше жизни в доме. С утра до вечера корила завистливая женщина своего бедного мужа:

— Ну и повезло же той ничтожной девице! Раньше была голая и босая. А теперь посмотри, какой у нее дом, какие деревья растут в парке, а уж коровам, быкам, лошадям, слонам, рабам нет и числа. Раньше были они простые крестьяне, как и мы с тобой, а теперь посмотри, стали знатными сетхэями^[57], и все уважают и считаются с ними. И знаешь, как это им все удалось? Выдали они свою единственную дочь за ужасного удава. Он-то для них и ползает по лесу, ищет клады и домой приносит. Вот как умные люди живут!

Муж слушал свою скупую жену, тяжело вздыхал, но не говорил ни слова в ответ, а ночами не спал, мучился, стараясь придумать что-нибудь такое, чтобы угодить жене и дочери. Жена заметила, что слова ее не остались у мужа без внимания, и в один прекрасный день обратилась к нему:

— Супруг мой! От почтенных стариков стало мне известно, что удав, который нам так необходим, совсем не похож на других змей. Он очень длинный, и его сразу заметишь в лесу. А еще почтенные люди мне открыли такой секрет: если увидишь удава, свернувшегося в огромный круг, знай, это он охраняет клад, несметные богатства той презренной девицы.

Все взвесив и обдумав, муж сказал:

— Завтра же утром, не откладывая, сваришь мне побольше риса, а я пойду на поиски удава, если тебе этого так хочется. Как найду и принесу домой, так сразу же и сыграем свадьбу нашей дочки. А куда удава еще нет, ты никому ничего не болтай лишнего. Так будет лучше.

Завистливая женщина была вне себя от радости. На следующее утро сварила она рис, налила в кувшин воды, и муж отправился на поиски удава. Бродил он по лесу без боязни много дней и ночей и вот однажды забрел в глухой непроходимый лес и там среди колючих кустарников и лиан увидел громадного удава, свернувшегося кольцом. Трудно передать радость бедного крестьянина при виде удава, которого он так долго искал, и вот теперь пришел конец его скитаниям по лесу.

А надо сказать, что удав этот приполз в те места уже много дней назад, у него так долго не было никакой еды, что шкура на нем совсем обвисла и он едва шевелил хвостом. Крестьянин вырвал лиану и принялся расталкивать удава, но тот даже не пошевелился. «Этот удав наверняка охраняет клад, раз он даже не шевелится от удара палкой», — смекнул крестьянин. Крестьянин вырвал толстые лианы и стал ими связывать удава, но тот опять даже не пошевелился, потому что совсем лишился от голода сил. И так бедный крестьянин взвалил громадного удава на плечо и отправился в обратный путь, все время останавливаясь и отдыхая от непосильной ноши. И опять он шел много дней и ночей и наконец добрал до своей деревни. На его крики из хижины выбежали жена и дочь и помогли втащить удава в комнату. Когда же удава положили на пол, муж перевел дух и объяснил жене своей:

— Змей этот очень покладистый и во всем слушается человека. Если ты не боишься, то ткни его палкой, и ты увидишь, что он даже не шелохнется. Ты была права, жена. Скоро дочь единственная наша станет самой богатой и уважаемой женщиной.

Скупая жена пнула удава, но тот только прикрыл глаза и облизнулся, будто бы хотел проглотить кого-нибудь, да мешали крепкие лианы.

Муж приказал жене и дочери тут же зарезать кур, варить рис и приступить к приготовлению свадебных блюд. Сам же отправился за вином, подобающим такому большому празднику, а тем временем жена его приготовила жертвенную еду для духов предков и созвала на свадебное пиршество родственников и соседей. Одни соседи, у которых ума было побольше, толковали между собой о том, что невеста вместе с родителями лишилась остатка разума, другие просили у неба милости для несчастной девицы, а третьи были довольны, что можно прийти на свадьбу, досыта поесть, выпить и повеселиться от души. Пришло время свадебной церемонии. Гости сели к столу, а связанного удава положили на покрывало и велели невесте сесть рядом с ним. Удав, как и раньше, от голода совсем не мог двигаться. Отец невесты приказал поставить на большой поднос жертвенную еду и зажечь свечи в честь духов предков. После этого, как требуют того обычай, совершили троекратное возлияние жертвенного вина, всю еду положили в большую чашу и поставили перед домом, чтобы духи предков могли ею полакомиться. Потом поднос с жертвенной едой внесли в дом, потому что духи уже наелись досыта. Свадебная церемония подошла к концу. Отец потушил свечи и приказал дочери идти к жениху-удаву.

Бедная девица была в ужасе от удава, но как она могла послушаться своих родителей? Страх перед гневом родителей заставил бедную девицу идти к своему ужасному жениху. Девица утешала себя: «Конечно, очень страшно стать женой удава. Но ведь надо потерпеть, ничего не поделаешь. А потом, может, и правы окажутся родители, и мне будет действительно хорошо с ним».

Несчастливая, дрожащая от страха невеста отправилась в комнату к жениху, а тем временем начался настоящий свадебный пир. Гости и родители невесты ели кур, пили, шумели и веселились неподалеку от дома.

В то время, пока гости веселились, ели и пили, удав неподвижно покоился на брачном ложе. Наступила полночь. Устав от обильной пищи и вина, гости стали расходиться. Наконец все стихло. И тут вдруг огромный удав зашевелился, потом распрямился. Своим сильным хвостом он зажал руки своей невесты, обвил ее тело, а потом открыл свою страшную пасть и заглотал ноги бедной девицы. Сначала девица даже не поняла, какое несчастье случилось с ней, она надеялась, что жених ласкает и играет с ней, и поэтому не издала ни звука. Да и как она могла сразу поверить в свою страшную участь, если до той самой минуты жених ее был скромным, таким тихим и не делал ей ничего дурного. И она терпела, а удав добрался тем временем до колен. И вот тут-то сомнения закрались в душу несчастной. «Наверное, змей хочет пожрать меня», — с ужасом подумала она. Девица попыталась вырваться и убежать, но руки ее были накрепко стиснуты хвостом удава. И тогда мужество покинуло несчастную невесту, и она закричала во весь голос:

— Спасите! Удав хочет меня проглотить.

Мать услышала вопли своей дочери, рассвирепела и принялась кричать:

— Ты, как я вижу, совсем лишилась последнего рассудка. Жених ласкает тебя, а ты орешь во все горло.

Отец же несчастной невесты тоже не вступился за дочь, потому что после ухода гостей спал беспробудным сном. Тем временем удав уже добрался до пояса, и девица не вытерпела и опять стала молить о помощи:

— Мама, помоги своей несчастной дочери, этот ужасный удав заглотал меня до самого пояса.

И опять жадная и завистливая женщина не поверила словам дочери. Принялась она браниться:

— Ах ты, вредная девчонка, совсем потеряла всякий стыд, подумала бы, что скажут о нас соседи. Не успела еще положить голову на брачное ложе, а уж молишь о помощи.

А дочь все плакала и кричала:

— Помогите, удав добрался до самой груди.

Потом снова взмолилась:

— Спасите меня, он заглотал меня по шею.

А потом несчастная девица замолчала, и мать решила, что она наконец заснула. Но тут удав добрался до головы несчастной девицы, и она крикнула в последний раз:

— Прощайте, жестокие родители мои. Вы не захотели спасти свою несчастную дочь, и вот теперь я умираю!

Услыхала жадная мать хриплый стон своей дочери. Потом все стихло, но сомнения уже закрались в душу женщины, и она зажгла свечи и тихонько вошла в комнату дочери. Невозможно передать горе матери, когда, войдя в комнату, она нашла только огромного, раздувшегося от только что пожранной жертвы удава. Ее единственное дитя погибло.

Мать зарыдала и стала звать на помощь соседей. От крика и рыданий проснулся муж, побежал по домам, и скоро люди столпились в комнате несчастной девицы. Соседи схватили и связали удава, а потом достали длинный резак и распорол брюхо убийцы. Мать вынула дочь свою, она уже не дышала, но была теплой. Невеста вид являла собой печальный: ноги, руки, голова — все было испачкано змеиными нечистотами и издавало зловоние.

Соседи принесли холодной воды и вылили на девицу, но грязь не отмылась. Тогда принесли теплой воды, но результат был прежний. Наконец соседи нагрели чан воды и вылили его на несчастную. И чудо! Девушка пришла в себя. Она поднялась и увидела вокруг себя толпу родственников и соседей. А потом заметила она, что все тело ее испачкано зловонными удавьими нечистотами. От нестерпимого стыда схватила она кувшин для воды и, ни слова не говоря, бросилась бежать к берегу моря. И она сразу бросилась в воду и стала отмываться от грязи, но грязь все не смывалась и продолжала источать невыносимое зловоние. И тогда девица подумала: «Что же мне теперь, несчастной, делать, куда деваться от стыда?» И она поплыла от берега в открытое море и там решила: «Нет, не перенесу я этого позора, остается мне только одно — смерть!» И несчастная девица надела себе на голову кувшин для воды, захлебнулась и пошла ко дну. В ту же секунду возродилась она

дельфином, тем самым дельфином, что резвится и играет в волнах и питается рыбешкой.

Обеспокоенные долгим отсутствием дочери, родители побежали вслед за ней на берег моря. Долго искали девицу родители, но, конечно, не нашли. И стали тогда они оплакивать свое погибшее единственное дитя. Но потом они вспомнили об убийце-удава и повернули к дому. Там связали они страшного змея и потащили обратно в далекий лес. И они решили было, что удав уже издох, и хотели уже бросить его и уйти, но тут заметили, что ветер смерти еще не коснулся его могучего тела. И тогда в ярости принялись они резать и рвать удава на куски, пока тот наконец не издох.

Но после смерти удав снова возродился в своем облике. Только с той поры удав решил, что не будет поедать людей и животных, на которых нет волос или шерсти. Именно с тех пор и пошла эта привычка в роду удавов.

А род дельфинов пошел от несчастной девицы, невесты удава. Голова у дельфина совершенно гладкая, как тот самый кувшин, который перед смертью надела себе на голову девица. По разуму своему дельфин весьма близок человеку, да и тело его похоже на человеческое, только без рук и без ног.

Откуда взялась птица сат коун лоук

Есть в кхмерской стране птица, которую называют сат коун лоук^[58], что означает в переводе дитя человеческое. С виду она похожа на дрозда, только покрупнее, и перья ее отливают красным. Водятся они по большей части в горных лесах, но можно их встретить и на равнине в глухой чаще. Исстари повелось считать, что птица эта пошла от человека, а как это произошло — рассказывает старинная история.

Давным-давно была одна крестьянская семья: муж с женой да три маленькие дочери. Старшая дочь ходила по воду и готовила еду, средняя — смотрела за младшей, а младшая — бегала и резвилась.

В один недобрый день муж умер, и осталась его вдова с тремя малышами. Жила она тем, что рубила в лесу дрова и собирала лесные плоды и относила все это на продажу.

Как-то раз повстречала она незнакомца, а тот был вором и гулякой, сбывал ворованное и на вырученные деньги вволю услаждал себя

самыми вкусными кушаньями и вином. Заступив вдове дорогу, незнакомец этот обратился к ней с примерной речью.

— Издалека ли вы идете, почтеннейшая, — осведомился он. — И почему не муж ваш, а вы, слабая женщина, тащите на себе эти дрова и тяжелую корзину с плодами?

Вдова ответила:

— Муж мой умер, почтенный, и мне приходится трудиться самой, да только денег мои труды приносят мало, их едва хватает, чтобы прокормить моих трех дочерей.

Услыхав эти грустные слова, вор сразу прикинул, что женщина эта хоть и вдова и изнурена тяжелым трудом, но все еще хороша собой и в ее доме было бы приятно устроиться. И, сообразив все это, он протянул вдове горсть медяков.

— Очень мне жалко вас, почтеннейшая, — сказал он. — Вот вам десять кахапанов^[59], купите на них каких-нибудь лакомств для детей.

Вдова с радостью приняла деньги, а затем, распродав дрова и плоды, пошла домой. Вор же неотступно следовал за ней и таким образом дошел до порога ее дома. А когда наступил вечер, он вошел в дом, да так там и остался. И стали вор и вдова жить как муж с женой, и вор уходил на день-два на свой преступный промысел и возвращался с деньгами и другой добычей, и снова уходил, и снова возвращался. Никогда прежде не было у вдовы столько вкусной еды и красивых одежд, и голова у нее закружилась от этого небывалого достатка, и стала она себя вести так, как не подобает себя вести честной женщине.

Понравилось ей и вошло в привычку каждый день таскаться с любовником на рынок и напиваться там допьяна, а маленькие дети сделались для нее великой досадой. При одном только виде их она приходила в ярость и временами даже хваталась за нож, угрожая зарезать всех троих. Еду она готовила для любовника и себя, и бедным малышам оставалось только довольствоваться объедками. И спали они где попало, а чаще всего на дворе под открытым небом, где их одолевали комары и москиты. И они боязливо прятались по углам и вздыхали свободно только по утрам, когда злая их мать, разрядившись в пух и прах, удалялась с любовником пьянствовать на рынок.

Но однажды вор сказал своей любовнице:

— Мне надоело, что ты все время ходишь со мной и напиваешься до бесчувствия, так что мне стыдно появляться на рынке. Впредь сиди дома, занимайся хозяйством и детьми.

Вдова смолчала, но про себя подумала так: «Не иначе как он намерен избавиться от меня и приволокнуться на рынке за кем-нибудь другим. Мужчина он в соку, и какая-нибудь недостойная женщина непременно разлучит его со мной. Нет, одного его отпускать на рынок нельзя, а чтобы у него не было повода для попреков, надобно мне поскорее избавиться от моих дочерей».

А был месяц писак^[60], и непрерывно шли дожди. И мать сказала своим дочерям:

— Когда жив был ваш отец, в эту пору он всегда водил Меня к озеру в лесу возле горы, и мы там сеяли рис. И жили мы там в шалаше, он, наверное, сохранился до сих пор. Завтра я отведу вас туда, вы посеете рис и останетесь там стеречь посев, чтобы его не склевали птицы.

На следующее утро злая мать отвела детей на берег озера в глухой лесной чащобе и сказала им:

— Посейте рис в этой запруде и сидите здесь, пока не пойдут ростки, а если вы вернетесь домой до этого времени, житья вам не будет.

И, сказав так, она ушла, оставив им ровно столько еды, сколько хватило бы один раз поесть одному человеку: три чашки риса, горсть кукурузных зерен, земляной орех, щепотку соли и каплю прахока^[61]. «Либо их сегодня же сожрет тигр, — думала она, — либо они через несколько дней умрут от голода». Так она вернулась домой, а вечером ее любовник вернулся с воровского дела и спросил:

— А где же дети?

И она ответила, не моргнув глазом:

— Я послала их караулить рис, и они придут, когда поднимутся ростки.

Между тем девочки высадили рис и терпеливо сидели у запруды, отгоняя птиц, а когда наступила ночь, забрались в шалаш. Но спать им не пришлось, потому что рев слонов, волчий вой, бешеный лай диких собак привел их в ужас. Они прижимались друг к другу и тряслись как в лихорадке, а младшая девочка громко плакала, и старшие все время зажимали ей рот в страхе, что плач ее наведет на их шалаш какого-нибудь хищника. Но не спали и духи, обитавшие в этом лесу.

«Злая мать бросила этих детей на съедение волкам и тиграм, — сказали они, — надлежит нам выручить их этой ночью, а утром доложить обо всем великому Индре — царю богов».

Жутким воем и уханьем разогнали они всех хищников в округе, а когда наступило утро, полетели на северо-восток к богу Варуне^[62],

рассказали всю историю бедных детей и попросили его донести эту историю до Индры. Но Варуна ответил им так:

— Не стоит беспокоить великого Индру такими пустяками. Предопределено, что несчастные дети эти превратятся в птиц. Вам же надлежит охранить их от хищных зверей и уберечь от голода, для чего вы запустите в озеро в изобилии рыбу крымтонсай^[63] и съедобных улиток.

Духи вернулись в свой лес, приступили к выполнению повеления Варуны. Но поначалу дело их пошло не так хорошо, как они задумали. Несчастные дети караулили рис три дня и три ночи. Еду, которую им оставила мать, они съели в первый же день, и младшая девочка все время плакала от голода. Старшие дети собирали съедобные растения и ростки сахарного тростника, но еда была очень скудная, и младшая продолжала плакать и проситься домой.

Тем временем озеро закишело рыбой крымтонсай, и сестры ловили ее голыми руками, но огонь, который мать оставила им, потух в первый же день, и детям пришлось есть сырую рыбу. Тогда плакать и проситься домой стала и средняя сестра, и, хотя старшая очень боялась ужасных наказаний, которыми грозились их мать, ей все же пришлось уступить, и она повела сестер домой.

Мать, увидев их, пришла в бешенство. Не помня себя, она принялась ругаться, едва девочки переступили через порог:

— Явились все-таки, дрянные девчонки! Я—то надеялась, что вы давно уже издохли, а вы опять тут. Нет, я этого не потерплю. Я задушю вас прямо здесь, на месте.

Дети взмолились:

— Пожалей нас, мама, младшая все время плачет от голода. Три дня мы едим древесную листву, огонь наш потух. Если ты не хочешь видеть нас, мы уйдем, только дай нам немного риса и огонь...

И младшая добавила, по-детски коверкая слова:

— Сестлы поймали сай...

Разъяренной же матери послышалось вместо «сай» «заяц». И она взбеленилась еще пуще.

— Дрянные притворы, — завизжала она, — жалуются на голод, а сами поймали и съели целого зайца! Почему вы не принесли этого зайца сюда в подарок матери!

И она принялась избивать бедных детей и гнать их обратно в лес. А дети все не могли поверить, что мать их вправду желает им гибели. Они только плакали и кричали:

— Мама, мамочка!..

И еще старшая просила:

— Дай нам хоть немножко поесть...

Но злодейка-мать, совершенно уж ожесточившись, била их изо всех сил. И тогда старшая дочь поняла, наконец, что мать действительно желает их смерти. Схватив сестер за руки, она побежала обратно в лес, а мать гналась за ними, изрыгая ругань и осыпая их побоями, и уже в лесу, в глухой чаще, избила их до бесчувствия, после чего, удовлетворенная, вернулась домой.

В ужасе склонились лесные духи над бесчувственными телами детей. Но что они могли сделать? Разве что пролить на них небесную воду. Дети очнулись, в досталь наплакались, потом вернулись к озеру. Снова стали ловить рыбу и собирать съедобных улиток, но теперь уже ели их прямо сырыми. Рыбы было много, улитки тоже не переводились. В солнечные дни духи выбрасывали рыбу на берег, и она провяливалась на солнце, а не протухала, и тогда девочки лакомились вяленой рыбой. И старшая сестра говорила младшим:

— Сестры мои, нам надо забыть о своей матери. У нее теперь новый муж, и мы мешаем ей. Если мы снова появимся ей на глаза, она непременно убьет нас. Никто нам не поможет, одежда наша скоро истлеет и рассыплется, и будем мы ходить голые, как звери. Такая уж наша судьба, ничего не поделаешь.

Впрочем, смерть от голода им не угрожала. Рыба и улитки были в озере в изобилии, а вскоре созрела и кукуруза, которая взошла из зерен, рассыпанных детьми на берегу. Ни свиньи, ни обезьяны и близко не подходили к этой кукурузе, ибо лесные духи охраняли ее, и никогда не появлялись на берегах озера свирепые хищники.

А через полгода произошло то, что было предопределено. Тела девочек покрылись красноватым оперением, руки вытянулись и превратились в крылья. Губы их выпятились, затвердели и превратились в клювы. Они обнаружили, что умеют летать, и теперь им ничего не стоило подниматься на самые высокие деревья и вкушать съедобные плоды. Они еще думали о себе как о людях, но уже не могли говорить на человеческом языке и переговаривались между собой по-птичьи. Однако человеческий разговор они понимали по-прежнему. Тем временем произошло вот что. Любовник их матери продолжал заниматься воровством и грабежами, но в один прекрасный день по доносу соседей был схвачен и предан казни. Лишившись любовника, вдова вдруг

опомнилась, стыд и раскаяние охватили ее, и она отправилась в лес на поиски своих детей. И когда она вышла к берегу озера, то увидела у шалаша три странных создания — как будто бы и детей, но в красноватом оперении, крылатых и с птичьими головами. И тогда она поняла, что это ее дочери, и завопила:

— Дети мои! Я пришла за вами, вернитесь ко мне! Я не хочу, чтобы вы жили в лесу.

Но птицы-дочери, увидев ее и услышав, что она говорит, подумали: «Вот наша мать, и она пришла, чтобы убить нас. Слова ее лживы, и спасение наше в том, чтобы улететь от нее». И они разом взлетели и сели на верхушку высокого дерева у нее над головой. И оттуда они крикнули:

— Уходи от нас, мы больше не дети человеческие, теперь мы птицы!

Но это была не человеческая речь, а птичий крик, и мать услышала только два слова: «коун лоук» — «дитя человеческое». Плача подбежала она к дереву, умоляя их вернуться, но они перелетели на другое дерево, и она слышала их птичьи крики, в которых различала все те же два слова: «коун лоук».

Она звала и звала их, обливаясь слезами, пока не лишилась сил. Так она и оставалась на берегу этого озера, пока не умерла наконец от истощения.

В стране кхмеров известно, что птица коун лоук питается улитками, а когда видит человека, то поспешно улетает от него с этим вечным плачущим криком «коун лоук» — «дитя человеческое». И тем же печальным криком сат коун лоук зовут друг друга в тихие ясные вечера.

О том, как поссорились дикий буйвол с домашним

Жили в давние времена два буйвола, один дикий, а другой домашний. Никогда они не расставались, и ели вместе, и спать ложились тоже вместе, потому что уж очень они любили друг друга.

А как раз в тех местах жил один заяц, и был тот заяц животным необыкновенно хитрым и злонамеренным. И вот однажды прознал тот заяц о дружбе двух буйволов и решил непременно ее расстроить. В один прекрасный день увидел он обоих друзей и закричал во всю глотку:

— Эй, буйволы! Не советую я вам есть, пить и гулять вместе, увидит вас какой-нибудь крестьянин, схватит обоих и впряжет в одну упряжку.

Поверил словам зайца дикий буйвол и страшно напугался, не приучен он был к жизни такой. С того самого дня перестали друзья-

буйволы встречаться, но очень грустили друг без друга, потому что уж очень долго были они всегда вместе.

Прошло много времени, и наконец забыли буйволы о своей дружбе. Заяц тем временем узнал, что друзья расстались и думать забыли друг о друге. Однажды отыскал он в лесу дикого буйвола и стал дразнить его:

— Эй, дикий буйвол! Слышал тут я, как какой-то буйвол хвалился, что будто нет буйвола сильнее, чем он, и будто готов он сразиться и победить любого.

Опять поверил глупый дикий буйвол словам хитрого зайца, пришел в неописуемую ярость и проревел:

— Знай, заяц, под этим небом я — самый сильный и могучий. А теперь отыскался какой-то ничтожный буйвол, который похвается своей силой да еще утверждает, что сильнее меня. Нет, я этого не потерплю! Приведи его сюда, и мы померимся с ним силой.

Побежал заяц к домашнему буйволу и сказал ему:

— Эй, домашний буйвол! Дикий буйвол очень сердится на тебя. Приказал он мне привести тебя к нему, чтобы померились вы силой и узнали, кто же из вас самый сильный.

А потом заяц вскочил на спину домашнему буйволу и стал показывать ему дорогу к дикому буйволу. А как только добрались они до места, дикий буйвол с яростью набросился на своего бывшего друга. Долго сражались буйволы, но так и не смогли выяснить, кто же из них сильнее. И так они и разошлись: один вернулся в деревню, а другой остался в лесу.

Именно поэтому с того самого дня никогда не увидишь вместе дикого и домашнего буйволов, если они и увидят друг друга, то сразу же расходятся в разные стороны.

Почему у аиста голова лысая

Когда видишь аиста, то невольно удивляешься, почему он весь покрыт красивыми перьями, только голова совершенно лысая. Исстари повелось считать, что собрались как-то птицы и так долго клевали аиста, что в конце концов вырвали все его перья на голове. А вот почему и как все это произошло, рассказывает старинная история.

Рассказывают, что в давние времена жил один очень старый аист. Отправился он однажды на поиски пропитания, да только по старости своей был он уже совсем слепой, а потому шел не разбирая дороги, а уж

небольших животных и совсем не видел. И так бродил он по зарослям тростника и раздавил нечаянно перепеленка, который сидел там и поджидал свою мать. А потом вернулась перепелка, увидела убитого аистом своего младенца и от отчаяния и гнева хотела было броситься на него, но потом поняла, что с ее небольшими силами и малым ростом никогда не одержать ей победы над такой большой птицей. И решила тогда она пойти искать справедливости у умных животных. Долго бродила по зарослям несчастная перепелка, пока не встретила наконец с жабой. И жаба спросила у нее:

— Куда идешь ты, перепелка?

Увидела перепелка жабу и очень обрадовалась. «Вот кто восстановит справедливость», — решила она. И несчастная мать рассказала жабе всю историю от начала и до самого конца, а когда рассказала, то почувствовала, что легче стало ей на сердце. Тем временем справедливая жаба выслушала историю несчастной перепелки и уже вызвала к себе аиста. Жаба обратилась к нему с таким вопросом:

— Как посмел ты, аист, лишить жизни маленького и беззащитного перепеленка?

— Да, я раздавил перепеленка, — ответил аист, — но не хотел я его смерти. Страх лишил меня зрения и разума. Увидел я серую цаплю, увидел, как она вынимает свою острую саблю, и решил, что враг настиг меня. Не разбирая дороги бросился я спастись, вот тут и раздавил перепеленка.

Жаба выслушала объяснения старого аиста и призвала к себе серую цаплю. И справедливая жаба спросила у цапли:

— Почему ты, цапля, обнажила свою острую саблю и испугала старого аиста, который от страха раздавил перепеленка?

— Я вытащила свою саблю, — не задумываясь ответила серая цапля, — потому что увидела, как баклан поднимает свое бесчисленное войско, и сама напугалась до смерти.

Пришлось жабе призывать к себе баклана и задавать ему все тот же вопрос, который до этого она задавала аисту и цапле.

Баклан пояснил:

— Да, это верно, я поднял свое войско по тревоге. И сделал это я потому, что услышал, как тлом бьет в свой барабан. Решил я, что враг напал на нас, и привел в готовность свое войско.

Пришлось жабе вызывать тлом. Но и та быстро оправдалась:

— Я ударила в барабан, когда увидела, что пеликан спасается бегством на своих кораблях. Испугалась и дала сигнал тревоги.

Вызвала жаба пеликана, и ответил пеликан справедливому судье так:

— В тот день, как всегда, искал я себе еду в тех самых зарослях тростника. И вдруг увидел этого старого аиста, который куда-то уж очень спешил. Решил я тогда, что, несомненно, что-то произошло очень плохое, а потому не медля стал спасаться на своих кораблях.

Все птицы, присутствовавшие на суде, повскакали с мест и закричали наперебой:

— Во всем виноват один только аист!

Жаба опросила всех птиц, чтобы вынести справедливое наказание. Все птицы единодушно постановили:

— Следует нам исклевать как следует ему голову, чтобы неповадно было бы больше топтать ни в чем не повинных перепелят!

Решив так, все птицы набросились на старого аиста и стали изо всех сил клевать его голову. Даже жаба исхитрилась, подпрыгнула и укусила его за голову. Вот тогда-то птицы и выдрали все перья с головы старого аиста.

Все это случилось в давние времена, да только с той поры у аистов голова лысая.

Откуда взялось дерево пхлаы ниенг

Когда слышишь название «пхлаы ниенг», что означает «девичье бедро», невольно возникает вопрос, откуда могло взяться такое название. Но стоит увидеть это дерево, и начинаешь восхищаться белизной его коры и гладкостью и округлостью ствола и понимаешь, что название свое это дерево получило не зря. И действительно, вот что рассказывает об этом дереве древняя история.

Жил некогда король. Имя его до нас не дошло, потому что много веков прошло после его царствования, однако известно, что было у него множество наложниц и детей от этих наложниц. Случилось так, что в один прекрасный день король воспылал страстью к девице по имени Тян. Отличалась эта девица необыкновенной красотой, и хотя оставалась она бездетной, король любил ее больше всех остальных женщин. Кроме всего прочего, умела эта Тян искусно готовить для короля его самые любимые кушанья, за что и пожаловал ее король званием главной наложницы. Рассказывают также, что у девицы Тян ногти на руках были очень

красивые, продолговатые и изогнутые наподобие маленьких ложечек. Она и пользовалась ими как ложечками, когда готовила для короля кушанья: черпала ими соль, прахок и другие специи, и получалось как раз в меру, так что кушанья выходили необыкновенно вкусными и каждый раз радовали короля.

Не удивительно, что особое отношение короля к Тянь возбуждало ревность и зависть у остальных наложниц, и в конце концов они воспылали к счастливой сопернице непреоборимой ненавистью.

— Эта простолюдинка Тянь завладела всеми мыслями и чувствами нашего повелителя, и на нас он больше не смотрит, терпеть это невозможно, надо найти способ раскрыть глаза правителя на эту особу, дабы он изгнал ее из дворца, и тогда мы снова будем счастливы.

Способ нашелся быстро. Все наложницы собрались вместе, предстали перед королем и сказали ему так:

— Мы пришли к тебе, наш царственный повелитель, дабы открыть глаза тебе на твою главную наложницу Тянь. С высоты положения твоего и в своем царственном величии не видишь ты и не замечаешь, что эта Тянь всегда была и остается грубой и грязной неряхой. Подумай только, повелитель, когда она готовит тебе любимые кушанья, она пользуется не лопаточками из слоновой кости, как надлежало бы почтительной и аккуратной служанке, а своими грязными ногтями. И если вы, наш добрый и прекрасный повелитель, не верите нашим словам, то пошлите кого-нибудь из верных слуг подсмотреть за этой Тянь на кухне.

Выслушав этот донос, король возмутился и тут же повелел одному из своих слуг подсмотреть, правда ли, что его любимая Тянь, готовя ему кушанья, оскорбляет его своей нечистоплотностью. И когда слуга, вернувшись, полностью подтвердил все, что было сказано наложницами, он повелел схватить девицу Тянь и предать ее казни.

Случайно Тянь узнала, что гнев короля пал на нее, и в страхе бежала из дворца, дабы спастись от смерти. Палач, не найдя ее, доложил королю о ее бегстве, и король повелел разослать стражников, найти и схватить беглую наложницу. Много дней скрывалась Тянь, но слишком дурные поступки совершала она в своих прошлых существованиях, чтобы избежать возмездия в нынешнем. Ее взяли и сказали, чтобы она готовилась к казни. И что только не передумала Тянь о несчастной своей судьбе, которая сначала осчастливила ее положением любимой наложницы короля, а потом ввергла ее в руки палача. И она не могла никак понять, почему так случилось, ведь она всегда так любила короля и

намеревалась любить его до последнего вздоха. И тут пришла ей счастливая мысль, и воззвала она к духу вьюнковых растений:

— Нынешней жизни моей приходит конец, и приходит конец самой преданной любви, которую знал мой повелитель. Мой король не захотел ни увидеть меня, ни выслушать моих оправданий, но я не желаю уходить из его памяти, как уйду из жизни. Выполни же мое последнее желание, дух! Пусть все растения, которым ты покровительствуешь, с момента моей смерти назовутся по тридцати двум частям моего тела^[64]. Тогда король, встречая повседневно эти названия, никогда обо мне не забудет. И выполни еще одно желание: пусть дерево крысна, прекрасный аромат которого так нравится королю, получит мое имя.

Девуцу Тянь казнили. Но по ее просьбе дерево крысна с той поры стало называться тянь крысна (так в стране кхмеров называют сандаловое дерево), а другие растения получили названия по частям тела несчастной девушки — волокна кукурузных початков стали называть волосами, латанию^[65] — мясом, траву маам^[66] — волосами на теле. И неудивительно, что небольшое дерево с белым гладким стволом получило название «пхлаы ниенг», или «девичье бедро».

Как соединились известь, бетель и арековыи орешек

Жили некогда два брата по имени Сода и Содха, и жили они мирно и дружно. Когда старшему брату Соде исполнилось девятнадцать лет, а младшему Содхе было шестнадцать, узнали они, что в соседнем королевстве живет знаменитый мудрец, и пожелали они отправиться к нему и поклониться, чтобы обучил он их всем наукам. Жили братья одни, родители их давно уже умерли, и спрашиваться им было не у кого, поэтому, не долго думая, они собрались и отправились в путь. Путь их был некороткий и нелегкий, но в конце концов добрались они до жилища мудреца и обратились к нему со своей просьбой. Поскольку они оба были парни здоровые и сильные телом, мудрец согласился обучать их, однако с тем условием, чтобы все время обучения они обслуживали его и выполняли все работы по дому. Мудрец был хорошим учителем, братья были прилежны и старательны, и мудрец передал им свои знания в течение двух лет. За это время он так привязался к своим ученикам, что отдал замуж за Соду свою любимую дочь Мони, прекраснейшую из девушек, которой как раз тогда исполнилось пятнадцать лет.

И все бы было хорошо, но, женившись, Сода очень сильно охладел к своему младшему брату. Он целыми днями работал, мечтая добиться больших чинов, высокого положения и королевских милостей, а вернувшись домой, сразу же уединялся со своей молодой женой для нежных бесед. Младшего же брата своего он совсем перестал замечать.

Горестно стало на душе у Содхи, равнодушие старшего брата терзало его, никак не мог он понять, чем оно вызвано и что ему теперь делать. В конце концов печаль и обида так переполнили его сердце, что однажды утром он потихоньку собрал свои вещи и ушел навсегда из дома куда глаза глядят. Шел он, сам не зная куда и нимало об этом не заботясь, поглощенный своими грустными мыслями, пока не выбился из сил, и тогда он присел отдохнуть под сенью большого дерева баньян на берегу реки. Сидел он и думал, куда направить стопы дальше и где искать приюта, а тем временем наступил вечер, и бедный Содха, немного поев, улегся спать под баньяном.

Но едва он заснул, как появился перед ним великан ужасного вида с огромной дубиной в руке. И великан взревел:

— Ты, ничтожный из ничтожных, как ты осмелился вступить в мои владения и не воскурить в мою честь благовонные свечи? Как осмелился ты не воздать мне почести и не склониться передо мной?

Дрожа от ужаса, Содха пролепетал:

— Простите меня, господин! Невежество мое не от недостатка почтительности, а от большого горя. Соблаговолите выслушать мою печальную историю, и тогда вы пожалеете меня и, может быть, снизойдете до того, что поможете мне.

— Ну уж нет, — заревел великан. — Жалеть тебя, да еще помогать тебе, тебе, осквернившему мою землю? Нет, тебя надо уничтожить!

С этими словами он протянул свою ужасающую дубину в сторону Содхи и выкрикнул страшные заклинания. В тот же миг несчастный Содха обратился в глыбу белого камня, а великан исчез, словно его тут и не было.

Между тем старший брат Соды узнал, что Содха бежал из дома неизвестно куда, и как бы очнулся от долгого сна. Всю ночь вспоминал он о детских годах, как бедствовали они с братом после смерти родителей, как учились они вместе у мудреца и как он, Сода, забыл о младшем брате после женитьбы на Мони. К утру стыд и раскаяние охватили его и стали нестерпимы, и тогда он, оставив дом, жену и тестя, отправился на поиски Содхи. Он обходил леса, карабкался по горным кручам, останавливался в

деревнях, но брата нигде не было. Он расспрашивал о нем всех, с кем встречался, но никто ничего не мог сказать ему. И вот однажды Сода очутился на берегу реки у большого баньяна, под которым высилась каменная глыба необыкновенной белизны. Без сил опустился Сода на этот камень и закрыл глаза, и сейчас же появился перед ним чудовищный великан со страшной палицей.

— Ты, ничтожный из ничтожных, — заревел великан, — как ты осмелился вступить в мои владения без моего разрешения?

Сода задрожал от страха и смиренно произнес:

— Прошу прощения, господин. Униженно прошу простить меня и разрешить мне отдохнуть здесь всего одну ночь. Я иду издалека, все ищу и никак не могу найти своего младшего брата. Может быть, вы, господин, знаете, где он и что с ним случилось?

Громадные глаза великана сверкнули, и он разразился громовым хохотом.

— А, так ты ищешь своего младшего брата, — проревел он, — ну что ж, придется простить тебя! Мало того, я помогу сейчас встретиться тебе с ним, а заодно уж и сделаю так, чтобы вы больше никогда не разлучались. Знай, что камень, на котором сидишь ты, это и есть твой младший брат.

С этими словами чудовище подняло дубину, устремило в сторону Соды и рявкнуло заклинание. Пронесся порыв сильного ветра, и в то же мгновение несчастный Сода обратился в арековую пальму, раскинувшуюся рядом с каменной глыбой, а великан исчез, словно растворился в воздухе.

Тем временем Мони, не вынеся разлуки с любимым мужем, тоже покинула дом и отца и пустилась на розыски. Долго бродила она одна-одинешенька по пустынным равнинам и диким лесам, где кишели свирепые хищники, и в свое время вышла на берег реки к высокому баньяну, рядом с которым белела каменная глыба и высилась стройная арековая пальма. Мони совсем обессилела после долгого и трудного пути, опустилась в траву под пальмой, где уже лежали упавшие арековые орешки, прислонилась спиной к пальмовому стволу и тут же заснула. И явился перед ней великан с дубиной и грозно проревел:

— Готовься, ничтожная, сейчас я предам тебя смерти!

Мони взмолилась:

— Не убивай меня сейчас, дай мне перед смертью повидаться с любимым мужем и его братом!

Великан разразился громовым смехом, от которого затряслась земля, и гаркнул:

— А, в этом я готов тебе помочь! Знай, что арековая пальма у тебя за спиной — это и есть твой муж, а белый камень рядом с пальмой — это брат его, и да будешь ты навеки вместе с ними!

И он поднял дубину, и несчастная Мони в тот же миг обратилась в побег бетеля^[67], который стал сейчас же расти, вытягиваться и тянуться ввысь, обвивая ствол арековой пальмы. Великан же исчез без следа.

Много-много лет спустя, после того как это случилось, попал в эти места король, который странствовал по стране, набирая людей в свое войско. И вот увидел он на берегу реки огромный баньян, и рядом с ним глыбу белоснежного камня, и склонившуюся над ним арековую пальму, обвитую бетелем. Красота этого зрелища поразила его, и он повелел найти кого-нибудь, кто смог бы рассказать историю этого странного места. Скоро обнаружился крестьянин, который своими глазами видел, как тут все произошло.

Выслушав эту историю, король задумался, а потом повелел набрать арековых орешков и листьев бетеля, смешать и истолочь их на каменной глыбе и полить вином. Когда вино пропитало эту смесь, из нее полилась красная жидкость, похожая на кровь. И сказал король:

— Эти трое очень любили друг друга, и счастье их, что в своем новом существовании они опять вместе.

В память о любви и страданиях, перенесенных этими неизвестными ему людьми, король повелел впредь при молении о славе и победах, при празднованиях рождения ребенка и свадеб, при церемониях почитания усопших непременно потреблять смесь арековых орешков, листьев бетеля и вина. А потом, уже много позже, кому-то пришло в голову прокалить на огне осколки белого камня. Так получилась известь, ее стали смешивать с бетелем и арековыми орешками и жевать. В наше время этот обычай распространен повсеместно.

Известно, что арековая пальма и бетель растут всегда вместе, причем побеги бетеля всегда обвиваются вокруг пальмовых стволов. И это неудивительно, потому что до превращения своего в растения бетель и арековая пальма были любящими супругами.

История о древокорне и дереве тиел

Рассказывают, что в древние времена древокорень рос в горах, а дерево тиел^[68] произрастало по берегам рек, озер и ручьев и осенью страдало от паводков. В сезоны дождей деревья тиел гибли во множестве, а те из них, которым удавалось выжить, чахли и болели. Мучения их были непереносимы, и вот однажды деревья тиел собрались все вместе и решили:

— Больше так продолжаться не может, каждый год в сезон дождей мы страдаем и гибнем, а остальное время проводим в горестных воспоминаниях об испытанных страданиях и в ужасе перед страданиями предстоящими. Мы слишком слабы для такого образа жизни, и надлежит нам перебраться в более высокие места, иначе скоро не останется больше на земле ни одного дерева нашего рода. Надо, чтобы какие-нибудь другие деревья, из тех, что живут на возвышенных местах, уступили нам место. Обратимся же с просьбой к древокорню, пусть поменяется с нами местами, ведь он могуч и никакие паводки ему не страшны.

Все деревья тиел согласились с этим решением, и они послали самых красноречивых своих собратьев договариваться с древокорнем.

Вначале древокорень и слышать не хотел об обмене, всю жизнь рос он на горных склонах, и ему никогда в голову не приходило спуститься в низины. Но деревья тиел продолжали убеждать его и в конце концов сказали так:

— Ты не должен забывать, что, обменявшись с нами местом, ты совершишь деяние, угодное небу, а потому небо осыплет тебя своими милостями. Мы же обещаемся в твою честь ежегодно в один и тот же день сбрасывать с себя всю листву в знак того, что обязаны тебе вечной благодарностью.

Древокорень был честолюбив, и, кроме того, у него было доброе сердце, и он жалел деревья тиел. Поэтому, поупрямившись еще немного для виду, он согласился на обмен. И вот деревья тиел поднялись на склоны гор, а древокорень спустился в низины и расселился на тех местах, которые занимали раньше деревья тиел, — на берегах рек, озер и ручьев. Так они и живут с тех пор: деревья тиел — на вершинах и на склонах, а древокорень — в низинах у воды. И с тех пор каждый год деревья тиел разом сбрасывают с себя всю листву, словно бы принося ее в дар древокорню.

Между прочим, угнездившись по берегам рек, озер, ручьев и морей, освоившись и попривыкнув к новым соседям, древокорень стал оказывать весьма настойчивые знаки внимания гвоздичному дереву.

Гвоздичное же дерево поначалу старалось не обращать на него внимания, однако ухаживания древокорня с каждым днем становились все назойливее, и тогда гвоздичное дерево, потеряв терпение, посадило между собой и древокорнем алоэ, оградив себя от непрошеного ухажера острыми колючками. Впрочем, древокорень сразу нашелся. Поскольку алоэ все-таки ниже древокорня, оно не смогло помешать ему перекинуть ветви к гвоздичному дереву через себя. С тех пор часто можно видеть эту тройцу вместе — древокорень, колючее алоэ и гвоздичное дерево.

И еще надо сказать, что у древокорня корни мощные и сильные, и потому расти он может и в земле и в воде, и длинные его ветви тянутся рядами, как висячие мосты. И конечно же никакие паводки ему не страшны.

История дерева ролоух миех

Ролоух миех относится к коралловым деревьям, хотя и не дает цветов. Примечательно оно своей листвой, которая в течение года меняет свой цвет. Листья его по форме похожи на листья орхидеи, и вначале они совершенно белые, а затем, через два-три месяца, становятся ярко-красными и еще через четыре месяца — зелеными, как у всех остальных деревьев. Неудивительно, что в стране кхмеров деревья ролоух миех с их необычайной и прекрасной листвой охотно высаживают перед домами и в садах. А старые люди рассказывают об этом дереве такую историю.

Жил некогда человек по имени Колия с женой Каеу Кесей и дочерью Кол Кесей. И еще жил по соседству некий бедняк, который трудился с женой на своем маленьком рисовом поле. В свое время жена этого бедняка понесла и разродилась от бремени прямо на поле во время жатвы. Родившегося сына родители нарекли именем Кодомпи, что означает Не знающий Нужды. Прошли годы, и Кодомпи вырос в красивого юношу, одним видом своим внушающего любовь женщинам. И неудивительно, что влюбилась в него и молодая соседка Кол Кесей, дочь Колия. Стали они встречаться тайком от родителей, и пришлось им, спасаясь от родительского гнева, бежать из родных мест.

Пробираясь через дремучий лес, повстречались они со стадом диких зверей и в страхе пустились бежать куда глаза глядят, и таким образом очутились в далеком кхае[69]. Надо сказать, что жители этого кхаеа добывали себе пропитание не честным трудом, а грабежом и разбоем на больших дорогах, и дома их были наполнены не утварью и рабочими

орудиями, а различными предметами, служащими для заклинаний и гаданий. Поначалу Кодомпи и Кол Кесей никого не встретили в этом кхаете, но вот случилось им вступить в срок^[70], где даже староста был заодно с разбойниками. Там на них напали и схватили Кодомпи, но Кол Кесей удалось бежать, а поскольку женщина она была смелая и решительная, то явилась к самому старосте, поднесла свой драгоценный перстень и попросила, чтобы грабители отпустили Кодомпи. И староста приказал грабителям:

— Отпустите этого человека, ибо он и эта женщина — мои родственники.

Когда это было исполнено, Кодомпи и Кол Кесей поклонились старосте и попросили его и его жену взять их к себе приемными детьми, и те сразу согласились, ибо своих детей у них не было, годы их были преклонные и не знали они, кому передать состояние. Так они и зажили вчетвером, а вскорости староста и его жена умерли, и Кодомпи и Кол Кесей унаследовали богатство своих приемных родителей, а Кодомпи стал старостой этого срока. Зажили они богато, обзавелись рабами и слугами.

Новый староста стал со всей строгостью преследовать грабежи и разбой, и вскоре весь срок зажил честным трудом. С течением времени Кодомпи настолько округлил свое богатство, что стал почитаться именитым сетхэем, а тут как раз Кол Кесей родила ему дочь, которую нарекли они именем Комарика. За добродетели ее в прошлых существованиях росла она самой красивой и самой доброй девочкой в этом сроке, и душа ее была исполнена стремлением к правде и добру.

В те дни, когда Комарике исполнилось семь лет, появилась в том сроке некая вдова с двумя дочерьми. Была она женщиной распущенной и завистливой и сразу поставила себе целью завлечь сетхэя Кодомпи, а затем найти способ избавиться от его жены Кол Кесей. И ей удалось добиться своего. Кодомпи стал ее любовником, и при каждой встрече она принималась нашептывать ему на ухо, что будто бы Кол Кесей ему неверна. Сначала Кодомпи не верил, потом стал прислушиваться и в конце концов принял в свою душу клевету любовницы.

И вот однажды Кодомпи позвал с собой Кол Кесей на реку для того якобы, чтобы ставить рыболовные сети. Там на берегу он и предъявил ей обвинение в неверности и, как она ни оправдывалась, столкнул ее в воду и утопил. После смерти Кол Кесей за доброту и любовь к своей дочери обернулась в рыбу домрей^[71].

А Кодомпи вернулся домой, и Комарика спросила его о матери.

— Не твое это дело, — отвечал отец, — и нечего тебе знать эту историю.

— Как же так, — испуганно спросила Комарика, — ведь пошли вы на реку вдвоем, а вернулся ты один и ничего не хочешь объяснить мне.

Ничего не ответил ей отец, и Комарика отправилась на реку за матерью. Не найдя ее и выбившись из сил, она села на берегу и горько заплакала. И тут из воды поднялась рыба дом-рей и поведала всю историю от начала и до конца. А затем сказала:

— Я очень голодна, принеси мне немного еды.

С того дня Комарика стала носить своей рыбе-матери рисовые отруби и всякую другую пищу. Тем же временем она отреклась от старого имени и нарекла себя именем Моронамида^[72], что означает Дочь Умершей Матери. Однако так продолжалось недолго. Жестокая любовница отца проследила за Моронамидой и сразу смекнула, кто такая эта рыба домрей. Она приказала своим дочерям поймать эту рыбу и сделала из нее суп. Но боги не оставили без награды доброту и совершенные поступки Моронамиды, и вот белая мышь принесла девочке две чешуйки от сваренной рыбы. Та высадила чешуйки в землю, и из них вырос баклажан, за которым она заботливо ухаживала. И снова подглядела за этим злая любовница и приказала вырвать и растоптать баклажан, но и тут волею богов кошка спасла и принесла девочке два баклажановых корешка. И девочка высадила эти корешки, и из них сейчас же выросло два высоченных дерева ролоух, которые, впрочем, отличались от остальных коралловых деревьев необыкновенной красотой листвы.

Как-то в один прекрасный день проезжал по тем местам король. Было очень жарко, и он остановился на отдых в тени одного из этих деревьев. Деревья эти так понравились ему, что он повелел найти их хозяина и спросить его согласия на то, чтобы деревья эти были перенесены в его дворец. Явилась Моронамида, с первого взгляда король влюбился в нее без памяти, но не открылся ей сразу, а повторил свою просьбу. Девушка сразу же согласилась. Стали королевские слуги выкапывать деревья, но никак не могли вытащить их корни из земли. Тогда король, который кое о чем уже догадывался, обратился за помощью к Моронамиде. И девушка, подойдя к деревьям, склонилась перед ними и обратилась с молением к духу матери. И деревья вдруг сами собой поднялись на воздух и поплыли над землей до королевского дворца и там сели в золотые вазы. Нечего и говорить, что король взял Моронамиду с собой во дворец и сделал своей супругой. А деревья эти стали с той поры называть «ролоух миех», что означает «золотое коралловое дерево», ибо первые такие деревья стояли в золотой вазе.

Как белая мышь стала королевой мышей

Многие удивляются, почему первый год циклов летосчисления называют именем мыши^[73], этого едва ли не самого невзрачного животного. Но вот что рассказывает о мыши древняя история.

Жили некогда муж и жена, и ничего у них не было, кроме бедной хижины и семнадцати дочерей. Жизнь они вели голодную и беспросветную и вот как-то раз сказали себе: «Как мы ни бьемся, а детей нам не прокормить и не вырастить. Для их же пользы следует нам предоставить их самим себе, тогда, может быть, счастье им еще улыбнется. Отведем их подальше в лес и оставим там на милость богов». Они созвали дочерей и объявили им:

— Дети, в деревне у нас еды не осталось, пойдете искать фрукты в лесу.

И они повели дочерей в лес и шли очень долго, чтобы завести их подальше, а затем остановились как бы передохнуть и сказали:

— Не расходитесь и держитесь друг друга, если найдете что-нибудь съестное, делите поровну. Ждите нас здесь, а мы пойдём искать фрукты.

И сказав так, родители со вздохами и слезами отправились обратно к себе в деревню. Долго ждали их дочери, не дождались и отправились на поиски. Конечно же они заблудились в незнакомом лесу и через несколько дней оказались во владениях якка^[74].

Надо сказать, что якк этот был еще очень молод, однако родителей у него уже не было, и жил он вместе с младшей сестрой. В один из дней, о которых идет речь, он приказал сестре сварить побольше клейкого риса и отнести на лесную поляну. Так та и сделала, после чего вернулась домой, а тем временем на кучу клейкого риса набрали семнадцать полумертвых от голода девочек и, конечно, сейчас же все съели. Тут на поляну явился якк и схватил их. Он отвел их к себе домой и сделал своей черной прислугой. Трудно им пришлось, жили они впроголодь, одежда на них истлела, и спали они под домом^[75]. И еще не знали они того, что якк ждал, чтобы они подросли и сделались бы пригодными для сытного обеда.

Как-то раз якк стал все чаще уходить из дому на поиски развлечений, и при этом он строго-настрого запретил девочкам бывать на юге и востоке своих владений. Сначала девочки не решались нарушить это запрещение, но любопытство брало свое, и однажды они потихоньку отправились к востоку. Шли они недолго и увидели дворец, войдя внутрь, обнаружили там огромные глиняные сосуды. Сосуды были наполнены золотой и серебряной водой. Каждая девочка попробовала золотую воду указательным пальцем, и каков же был их ужас, когда они поняли, что золотая краска с пальца не стирается. В страхе, что якк сразу поймет, где они были, девочки завязали указательные пальцы тряпицами, но

любопытство все еще мучило их, и они, покинув дворец, направились к югу. Там они обнаружили огромное помещение, в котором горами валялись человеческие кости. Только тогда они поняли, для чего они предназначены, и решили было бежать, но побоялись. Они вернулись в дом якка, стали выполнять прежнюю работу, и страх и тоска терзали их души.

Вернувшись, якк только взглянул на них и тут же спросил:

— А почему это у вас завязаны пальцы?

— Мы порезались ножами, — сказали девочки, дрожа от страха.

— Врете, — сказал якк, — ну-ка, снимите эти тряпки, я сам посмотрю, что там случилось.

Делать нечего, девочки повиновались. Якк увидел позолоту на их пальцах и яростно взревел:

— Так вы осмелились ослушаться меня, дрянные девчонки. Ну, пришел ваш конец. Сейчас я снова отведу вас туда, куда вас уже раз завело любопытство.

Как ни плакали и ни умоляли испуганные девочки, разъяренный якк потащил их обратно во дворец и одну за другой побросал в золотую воду. Затем, решив, что они захлебнулись, вытащил из сосудов и бросил на пол. Кожа девочек с головы до ног светилась и сверкала, как настоящее золото, но они были живы, хотя каждая из них думала про себя: «Вот сейчас он убьет нас и сожрет».

Но якк решил не торопиться.

— Будете жить здесь, пока не понадобится, — объявил он и ушел, тщательно заперев дверь.

И они остались жить во дворце, и время от времени якк приходил и приносил им еду и снова уходил, оставляя их взаперти.

Надо сказать, что жила в этом дворце одна белая мышь. Она видела все, что произошло, ей стало очень жалко девочек. Однажды ночью она вышла к ним и сказала:

— Якк откармливает вас для того, чтобы съесть. Бежать сами вы отсюда не сможете, и рано или поздно это случится. Если вы хотите спастись, то надо сделать так. Мы, мыши, пророем вам под землей путь из владений якка. Вы же из той еды, что якк вам приносит, уделяйте немного нам и откладывайте запас на дорогу.

— Мы сделаем все, как вы говорите, — ответили девочки. — Только помогите нам спастись.

Белая мышь скрылась, а девочки после той ночи стали каждый день откладывать еду для мышей и делать для себя запас съестного. Прошло полгода, и белая мышь появилась снова и объявила им, что путь прорыт.

— Дорогу до норы мы обозначили для вас ветками деревьев, вы можете бежать хоть сейчас же.

И снова скрылась белая мышь. Ночью девочки по знакам, оставленным мышами, добрались до норы и убедились, что нора светлая и достаточно широкая, но бежать сразу не решились из опасения, что им не хватит еды на дорогу.

Все-таки однажды ночью, сразу же после того, как якк покинул дворец, они пустились в путь. Они шли поспешно, стараясь не задерживаться ни одной лишней минуты. Они выбились из сил, и у них уже почти не осталось еды, и наконец через три месяца они оказались уже в другом королевстве на берегу озера.

От счастья, что они наконец на свободе, они бросились в воду, купались, резвились и смеялись, а потом вернулись на берег и прилегли в траве отдыхать. Как раз в это время пришел на озеро за водой один из слуг тамошнего короля, увидел их и стремглав побежал докладывать королю.

— Там, на берегу озера, — рассказал он, — я видел семнадцать девушек с кожей, сверкающей, словно золото. Они там отдыхают на берегу, и на них нет никакой одежды.

Выслушав слугу, король взволновался и повелел ему немедленно звать девушек во дворец. Однако девушки отказались.

— Как мы можем войти во дворец голыми, — возразили они.

Когда слуга доложил об этом королю, тот немедля приказал наложницам отнести девушкам одежду. И конечно, в скором времени он женился на всех семнадцати^[76].

Став женами короля, они попросили своего повелителя отыскать их несчастных родителей. Это было сделано, и родителям вручили богатое состояние. И еще семнадцать жен короля попросили отыскать белую мышь, которая помогла им спастись. Было сделано и это. И мышь оставили при дворе и возвели в звание королевы мышей.

Так что не приходится удивляться, что первый год каждого цикла нашего летосчисления носит название года мыши.

Почему двенадцатый год называется годом свиньи

Жил в стародавние времена некий богатый сетхэй, и была у него жена. Долгое время не было у них детей, и это очень огорчало их, но вот наступил день, когда жена его наконец понесла. Очень радовались они и с нетерпением ждали рождения ребенка. Каков же был их ужас, когда в назначенный срок жена разродилась от бремени сыном, который оказался, однако, не человеком, а поросенком. Делать было нечего, и принялись они его воспитывать, и воспитывали они его, как подобает в почтенной богатой семье. Боровок быстро научился ходить, заговорил на человеческом языке, а в учении оказался чрезвычайно прилежным и выказал большие способности. Когда же достиг он совершенных годов, то стал во всем помогать своим родителям, и те нарадоваться не могли на его усердие и примерное поведение и даже забывали иногда о его облике. И при всем том не знали ни отец, ни мать и не ведали, что их сын-боров наделен неким волшебным свойством, а он ни словом, ни знаком об этом своем свойстве никому не проговаривался. Что это за свойство — история наша расскажет в свой черед, а до того дело обстояло так.

В один прекрасный день сын-боровок явился перед своей матерью, вежливо и почтительно склонился перед ней и сказал ей:

— Почтеннейшая матушка, я уже вырос, и надлежит мне, как и всем прочим людям в моем возрасте, жениться. А потому припадаю к вашим стопам с просьбою подыскать мне жену по вашему усмотрению.

Мать в растерянности побежала к мужу и рассказала ему о просьбе сына, и оба они снова вышли к сыну, и отец сказал ему:

— Сын мой! Только что обратился ты к почтенной родительнице своей и моей супруге с просьбой найти тебе жену. Ты у нас — единственное дитя, и тебе ли не знать, что вся жизнь и надежды наши сосредоточены в одном тебе и что нет в мире никого дороже для нас, нежели ты. И богаты мы, и уважаемы в людях, и все наше богатство и уважение от людей мы надеемся передать тебе. Но подумай сам, чего ты просишь от нас сейчас! Как осмелимся мы при таком твоём облике, каким наказало тебя небо, войти в какую-нибудь почтенную семью и посватать за тебя достойную девицу? Ведь нас с позором погонят прочь и поднимут на смех в целой округе. Мы с матушкой, конечно, понимаем твои желанья, и если бы ты мог удовлетвориться супругой свиной породы, то мы были бы только счастливы помочь тебе в этом, ибо решительно ничего не стоило бы подыскать тебе в жены самую лучшую свинью, какая только нашлась бы в целом свете.

Почтительно выслушав отца, сын-боров, однако, возразил:

— Это никак невозможно, отец, жена-свинья не нужна мне, ибо не имею я к свиньям склонности, и если небо не откажет мне в милостях своих, то женой моей будет женщина. Но я понимаю теперь, какое огорчение причинил я вам этой своей просьбой, очень раскаиваюсь в своей опрометчивости и почтительно прошу вас забыть об этом деле. Уведомляю вас, однако же, что от намерения своего я не отказываюсь и буду искать жену сам.

И вот по прошествии некоторого времени вознес он молитвы к духам и обратился к ним с покорнейшей просьбой о покровительстве:

— О духи! Если есть под небом женщина, молодая или старая, прекрасная или безобразная, добрая или злая, но предназначенная судьбою стать супругой моей, умоляю я вас: станьте моими руководителями, осените меня покровительством вашим и поведите сердце мое туда, где эта женщина пребывает.

И, поручив себя таким образом попечению неземных сил, он тайно, не сказавшись родителям, вышел из дому и отправился в путь куда глаза глядят.

Родители хватились сына в тот же вечер, долго ждали его возвращения, и места себе не находили от тревоги и беспокойства, и в конце концов не выдержали и стали искать его, и, не найдя, предались унынию и скорби. Но история наша не говорит о них, а возвращается к их сыну-борову.

А он, покинув дом, углубился в лес и странствовал по лесу много дней, не опасаясь ни диких зверей, ни злого человека, не замечая ни жары, ни холода, питаясь плодами лесными и утоляя жажду из ручьев и источников. И случилось так, что духи привели его однажды утром к лесной поляне, где он увидел пожилую женщину, которая медленно брела, согнувшись, что-то выглядывая в траве под ногами. И боров подошел к ней и спросил:

— Позвольте узнать, почтеннейшая, что вы тут ищете столь внимательно?

Женщина, конечно, очень удивилась тому, что боров заговорил с ней на человеческом языке, и поначалу даже испугалась немного, но ответила:

— Я собираю бататы^[77], но вот пока еще не нашла ни одного, видно, бататы в этом году не уродились.

— Но почему же, почтеннейшая, — спросил боров, — вы вышли в лес одна? Почему не вышел вместе с вами ваш почтенный муж или ваши

достойные сыновья?

И женщина ответила:

— Я всегда выхожу за бататами одна, ибо муж мой давно умер и оставил меня вдовой с двумя дочерьми, а сыновей у меня нет. Хижина моя здесь неподалеку, места наши глухие, так что дочери мои, хотя уже и взрослые, случая выйти замуж так и не нашли, и потому даже зятьев у меня нет, чтобы помогать мне в лесу.

Услыхав, что у этой женщины есть две незамужние дочери, боров сразу проникся надеждой и рассказал ей все о себе, о своих намерениях и своих долгих блужданиях по лесу, а затем попросил у нее позволения быть отныне при ней. И подумала женщина: «Как ни странна эта история, но этот необыкновенный боров, по всей видимости, говорит правду. Он умеет разговаривать на человеческом языке, он все понимает, он следует правилам вежливости и ведет себя с достоинством, да вдобавок еще родители его — богатые сетхэи. Бедным же дочерям моим все равно не суждено найти себе мужей в наших глухих местах, и если какая-нибудь из них приглянется этому странному борову и со своей стороны не будет испытывать к нему отвращения, то я, пожалуй, ничего не буду иметь против хотя бы и такого зятя».

И подумав так, все рассудив и взвесив, она ответила борову:

— Позволю я остаться при мне или нет — там видно будет, а пока помоги мне набрать бататов.

Боров с радостью согласился и пошел по лесу, безошибочно определяя по запаху, где под землей скрываются бататы, и сразу же вырывая их своим сильным рылом, и дело у него шло так скоро и быстро, что женщина еле успевала складывать вырытые бататы в свою корзину. Между тем боров попутно с той же ловкостью и сноровкой нашел для женщины еще и множество ямса^[78] и маниоки^[79], и солнце еще не успело подняться в полдень, как обе корзины женщины были уже полны. Тогда боров попросил женщину взвалить эти корзины ему на хребет и почтительно предложил ей возвращаться. И женщина направилась домой к своей хижине, а боров трусил за ней следом с тяжелыми корзинами на спине.

Когда они приблизились к хижине, их вышли встретить обе дочери этой женщины и очень удивились, увидев при матери борова с корзинами, и еще больше удивились, когда боров вежливо их поприветствовал на человеческом языке. Женщина же велела им взять

корзины и отнести в хижину, а дочери, исполнив это, тихонько у нее спросили:

— Откуда взялся этот удивительный боров и почему он говорит по-человечески?

Тогда мать подробно рассказала им все, о чем ей поведал боров, после чего его позвали в хижину, и он там поселился.

Был он хорошим помощником в семье, при нем не переводились у них ни бататы, ни другие лесные плоды, а поскольку воспитание он получил хорошее и образован был превыше всех похвал, всегда был добродушен, весел и услужлив, то девушки очень скоро прониклись к нему дружескими чувствами, и не было у них времяпрепровождения радостней и приятней, чем в те часы, когда он развлекал их занятными и поучительными историями, прочитанными им когда-то в мудрых книгах древних писателей.

Так они жили, не ссорясь и не препираясь, дружно и весело, а между тем мать внимательно следила за их отношениями друг к другу и потихоньку радовалась, что дело, ею задуманное, развивается как будто успешно. И вот, улучив минуту, она призвала к себе дочерей и прямо спросила их, не согласится ли кто-нибудь из них сочетаться с боровом брачными узами. Старшая дочь подумала немного и сказала с сожалением, что это ей никак не подходит, младшая же потупилась и ответила:

— Вы же знаете, матушка, что я полностью в вашей воле. Известно вам также, что я готова на все, лишь бы сделать вам приятное. А поскольку чувствую я ваше намерение принять борова в семью нашу, то я с радостью и удовольствием выражаю желание свое выйти за него замуж.

Выслушав ответ младшей дочери, мать похвалила ее за почтительность и тут же сообщила обо всем борову. От этой вести тот пришел в восхищение: сокровенное желание его исполнилось, девица, предназначенная ему в жены, обнаружилась, и он тут же вознес к духам горячую благодарственную молитву.

Медлить со свадьбой не стали, и женщина устроила для своей младшей дочери и жениха-борова приличную свадьбу со всеми обрядами и церемониями, какие приняты были в те времена в тех краях, после чего молодые поселились в новой, специально для них отстроенной хижине в ближайшей деревне.

Зажили они спокойно и счастливо и с каждым днем любили друг друга все крепче и крепче. И так прошло полмесяца, и вдруг деревню

облетела весть, что в их края приехали танцоры и музыканты и дают представления в местечке неподалеку. Такие развлечения в тех краях были очень большой редкостью, и немудрено, что все жители деревни, мужчины и женщины, молодые и старые, в первый же вечер отправились на представление. Молодой жене борова тоже, конечно, захотелось пойти вместе со всеми, но она понимала, что борову идти туда неприлично, и она обратилась к нему с просьбой, чтобы он разрешил ей сходить одной. И боров сказал ей:

— Разумеется, ступай и обо мне не заботься, я посижу дома.

Обрадованная разрешением, молодая жена выбежала из хижины и вместе со всеми отправилась на представление. Боров же, подождав некоторое время, сказал себе: «Теперь она ушла достаточно далеко. Пора».

И вот тут-то и пришло время нашей истории вспомнить о никому не известном волшебном свойстве, которым обладал боров, сын богатого сетхэя. Дело в том, что он мог при желании покидать свою свиную шкуру и принимать человеческий образ и снова обращаться в борова. Но не наступило еще время, когда бы смог он распроститься со своей свиной шкурой навсегда, и он не знал, когда это время наступит.

Вот и на этот раз, выждав время, чтобы дать жене удалиться от дома на достаточное расстояние, он обернулся человеком и окольными путями, но очень быстро, чтобы обогнать жену, побежал к месту, где давалось представление. Там он сразу же обратился к музыкантам и танцорам и сказал им:

— Разрешите мне выступать вместе с вами, музыкальное и танцевальное искусство мне хорошо известно, и я обещаю вам, что нареканий от зрителей не будет.

Музыканты поверили ему и приняли его к себе, и, действительно, поскольку в родном доме он получил отменное образование и умел играть и танцевать как заправский музыкант и танцор, выступление его всем очень понравилось.

Когда же концерт стал подходить к концу, он незаметно покинул сцену и поспешил домой, чтобы быть там к возвращению жены. Там он снова обратился в борова и, когда жена вернулась, спросил ее:

— Понравился ли тебе концерт? Хорошо ли там танцевали и играли?

И жена ответила:

— О да, все было очень хорошо и красиво. Но особенно выделялся там один молодой музыкант. Он был так прекрасен собой, так искусно

играл и танцевал так изящно, что невозможно было отвести от него глаз, и все, кто там был, не могли налюбоваться на этого музыканта.

И боров сказал, усмехнувшись:

— А, знаю, это тот, который был одет в голубое и красное.

— Верно, — воскликнула пораженная жена, — но ты-то откуда знаешь? Ты же не был на представлении.

Ничего не ответил боров и только усмехнулся снова. И жена его стала приставать к нему, как это сделали бы на ее месте многие другие женщины, и они занялись обычными вечерними делами и больше не вспоминали об этом предмете. Очень они друг друга любили и никогда не докучали друг другу.

А на следующий вечер вся деревня снова отправилась на представление, и снова жена борова попросила у мужа разрешения пойти со всеми, и снова, как и в прошлый раз, разрешение ей было дано. И снова муж принял человеческий облик и участвовал в представлении, затем вернулся прежде жены и снова обернулся боровом.

И снова он спросил жену:

— Как тебе понравилось представление сегодня?

— О, сегодня представляли еще лучше, чем вчера, — ответила жена восторженно.

— А тот, кто сегодня играл лучше всех, — усмехаясь, сказал боров, — был наряжен в голубое и белое, не так ли?

— Все так, — сказала пораженная жена. — Только странно мне, откуда это тебе известно.

На третий вечер жена снова отпросилась на представление, однако, выйдя из дому, не пошла вместе со всеми, а, крадучись, обежала дом и притаилась за задней стеной у щели, сквозь которую ей было видно все, что происходит дома. По примеру двух прошедших вечеров она поняла, что ее муж-боров что-то от нее скрывает, и твердо решила во что бы то ни стало узнать, какая у него тайна. И, подглядывая в щель, она своими глазами с превеликим изумлением увидела, как ее муж вышел из свиной шкуры, отбросил ее ногой и стал облачаться в одежды, приличествующие бродячим артистам, и узнала в нем того самого прекрасного юношу, который столь пленил всех зрителей, выступая во вчерашнем и позавчерашнем представлении. Она крепко любила мужа даже и в обличье борова, и можно себе представить, какие чувства охватили ее, когда она увидела его в новом обличье. Была она женщина решительная и долго не раздумывала. Прежде чем муж успел выйти за порог, она

вбежала в дом, схватила свиную шкуру и тут же объявила мужу, что никогда больше не позволит ему спрятаться снова в нее. И сын богатого сетхэя понял, что время навсегда расстаться с обликом борова для него наступило. Со слезами радости он обнял жену и попросил ее только запрятать свиную шкуру куда-нибудь подальше и в надежное место. Так она и сделала, и с того вечера они зажили так счастливо, как только можно пожелать.

То ли жена не удержалась и рассказала обо всем этом своим подружкам, то ли проговорился сам муж, беседуя за чаркой вина в кругу друзей, но только история эта распространилась по всей стране, и толковали о ней и в хижинах бедняков, и в дворцах богачей. И когда в скором времени ушел из нашего мира король, правивший в той стране, придворные чиновники сразу согласились между собой пригласить на трон этого необыкновенного человека, ибо справедливо узрели в судьбе его знак благоволения со стороны неба и небесных сил. Вот как получилось, что сын сетхэя, который всю жизнь до того провел в облике грубого животного, взошел на престол и стал править этой страной.

Правил он мудро и справедливо, никому не причиняя обид, вознаграждая добродетели и строго карая пороки, а по прошествии половины месяца он призвал к себе своих министров и повелел им отыскать родителей его и представить их перед его лицом. Сделать это было нетрудно, и вот наступил день, когда сетхэя и его супругу ввели в дворцовую залу и поставили перед королевским тронем. После обычных приветствий и расспросов о дороге король спросил:

— А теперь скажите мне, почтенные, наградило ли вас небо детьми?

И с тяжелым вздохом сетхэй ответил:

— Был у нас один сын, повелитель, но за грехи наши наказан был он обликом борова. Правда, он умел говорить и получил от нас приличествующее нашему состоянию образование и воспитание, однако страшный облик его помешал ему найти супругу, и, удрученный этим, он ушел из дому и так и не вернулся, и мы не знаем даже, жив он сейчас или нет.

И тогда король сошел с трона, и обнял родителей своих, и открылся им, и рассказал им о себе. Надо ли говорить, как счастливы были отец и мать, когда поняли, что этот царственный красавец, осыпанный всеми милостями неба, и есть их несчастный сын, которого в последний раз перед этим они видели несколько лет назад в жалком и неприглядном облике борова.

Король поселил их во дворце рядом с собой, а также призвал ко двору мать своей возлюбленной жены, и все они зажили счастливо и беспорочно.

И была у этого короля всего одна слабость, впрочем весьма понятная, очень он почитал свиней и никому не позволял в своем королевстве обижать их. И столь далеко зашел он, потакая себе в этой слабости, что указал мудрецам назвать последний, двенадцатый год цикла, принятого для летосчисления, годом свиньи^[80]. Так этот год называется и в наше время.

Легенда о храме Ангкор

В шестисотом году жил в провинции Сиенхай некий китаец по имени Лым–Сенг. Было ему тогда под пятьдесят, и был он очень беден.

Раз Лым–Сенг одолжил у одного торговца шесть наенов^[81], обязавшись долг отработать. Торговец велел ему расчистить место недалеко от реки и посадить там цветы. Когда цветы расцвели, Лым–Сенг собирал их и относил торговцу.

Но вот как-то сошли на землю из храма Индры пять небесных дев, увидели садик Лым–Сенга с его цветами, озаренными солнцем, и принялись там играть и резвиться. Пахли цветы прекрасно, и одна из дев по имени Типсутать, не удержавшись, шесть цветков сорвала. Прочие же девы хоть резвились и играли вволю, однако цветов не коснулись.

Возвратившись в обитель царя богов, они поведали Индре, что Типсутать украла цветы. Тот призвал к себе провинившуюся и повелел ей так:

— Тебе надлежит искупить твою вину. Ступай на землю к людям и стань женой Лым–Сенга на шесть лет.

Мучаясь стыдом, Типсутать слетела на землю, предстала перед Лым–Сенгом и сказала:

— Я украла у тебя шесть цветов, и Индра повелел мне в наказание на шесть лет стать твоей женой.

— Как я могу взять тебя в жены, — возразил Лым–Сенг, — когда я беден и едва могу прокормить себя самого?

— Я научу тебя ремеслам, которых никто не знает, и ты разбогатеешь, — ответила небесная дева, — а если ты не женишься на мне, Индра меня покарает. Сжался же надо мной!

Лым–Сенгу очень понравилась Типсутать, ведь она была прекраснее всех земных женщин. Он согласился взять ее в жены и скоро полюбил ее.

Увидев, в какой нужде живет ее муж, Типсутать прониклась к нему состраданием и спросила:

— Сколько ты задолжал?

— Шесть наенов, — ответил он.

— Тогда займи еще четыре наена, — сказала небесная дева, — и мы получим на них большую прибыль.

Лым–Сенг послушался, занял у торговца еще четыре наена и отдал их Типсутать, а та попросила мужа закупить на эти деньги шелковичных коконов. Затем она напярля шелку, а из шелка сшила красивые сампаты^[82], украшенные изображениями древесных листьев, различных животных и иными рисунками. В наше время таких сампотов уже не сшить никому.

Нашив сампотов, небесная дева велела мужу отнести их к торговцу. Увидев их, торговец пришел в восхищение, ибо и раньше никто не умел шить с таким искусством. Он наговорил Лым–Сенгу много похвальных слов, заплатил ему пятьдесят наенов и вдобавок простил ему старый долг. А потом торговец прислал учеников, чтобы Типсутать посвятила их в тайны своего ремесла.

Типсутать снова накупила шелковичных коконов и принялась обучать учеников прядению и шитью. И вскоре Лым–Сенг разбогател и стал весьма уважаемым человеком.

Между тем через год Типсутать родила сына. Мальчик рос на удивление непоседливым. Едва научившись ползать, он принялся копать в земле, едва научившись стоять, он принялся лепить из земли фигурки людей и зверей. И все говорили о нем: «Любит землю, неутомим и беспокоен». По желанию матери нарекли его именем Прехписнука.

Но вот, когда мальчику исполнилось пять лет, день в день миновал срок, на который Индра послал Типсутать к людям на землю, чтобы искупить вину перед Лым–Сенгом. В тот же день небесная дева вознеслась обратно к Индре, оставив на память Лым–Сенгу шесть цветков у изголовья постели.

Вернувшись домой к обеду, Лым–Сенг забеспокоился, не найдя жены, но, увидев шесть цветков у своего изголовья, все понял. Велико было его горе, и все соседи от души жалели его, а маленький Прехписнука бегал в поисках матери по всему околотку, звал ее и плакал вместе с отцом.

В это время умер король, не оставив наследника престола. Было объявлено, что трон будет пустовать, ибо после его смерти остались лишь Кронг Ху и Край Ху, связанные с покойным монархом весьма дальними родственными узами.

В то же самое время некий бедняк скитался по лесу, снискивая себе на пропитание сбором и продажей лесных плодов. Случилось, что в один из дней его странствий разразился сильный ливень, и бедняк спрятался от него в какой-то хижине. Тут мы и оставим его.

А тут как раз произошло следующее. Царь богов Индра снизошел на землю и обернулся черной и белой курицами. Черная курица осталась между сваями, а белая взлетела на крышу той самой хижины, где прятался от дождя бедняк. Вскоре белая курица закудаhtала. Тогда черная курица произнесла человеческим языком:

— Неужто ты так могущественна, что осмеливаешься кудаhtать над моей головой?

— Могущество мое велико, — отозвалась белая курица. — Ведь тот, кто съест меня, станет королем.

Черная курица присовокупила:

— Это верно, нам беспокоиться нечего. Тот мужчина, который съест мою голову, станет верховным бхикху^[83]. Та женщина, которая съест мою гузку, станет царицей. А тот мужчина, который съест мою грудку, станет королем.

Белая курица исчезла, а черная осталась на сваях хижины.

Бедняк поймал ее, тут же убил и принес домой. Похвалившись перед женой своей волшебной находкой, он приготовил из курицы несколько блюд, и они уже совсем собрались приступить к трапезе, как вдруг муж предложил:

— Мы с тобой, жена, вот-вот сядем на трон. Не лучше ли, жена, взять эту еду и пойти с нею к реке? Там мы искупаемся, помоемся, переоденемся во все чистое, а тогда уже и пообедаем нашей драгоценной курицей.

Так они и сделали. На реке они разделись и принялись купаться и резвиться в воде, но когда вышли обратно на берег, еды на месте не оказалось.

Дело в том, что как раз в это время некий погонщик слонов по имени Та пригнал слона к реке на водопой. Увидев на берегу посуду с едой, он очень удивился и решил показать их бхикху, бывшему настоятелем соседней пагоды. Бхикху волшебные свойства мяса этой курицы были

известны, но погонщику Та он не обмолвился о них ни словом, а предложил ему и его жене съесть вместе с ним найденный обед. Сам он съел голову, грудку отдал Та, гузку дал съесть жене. Отобедав, Та и его жена вернулись домой. Бедняк же и его супруга решили, что кто-то их обокрал.

А через три дня после этого королевские чиновники собрались, чтобы обсудить вопрос, кому в стране быть королем. И вот что они решили после долгих споров: «До сих пор нет короля в нашем королевстве, и надлежит нам вверить трон богам, для чего будет выпущен к подданным слон, который, следуя воле богов, отыщет достойного человека^[84], преклонит перед ним колени, а затем возьмет его к себе на спину и доставит сюда. И тогда мы возведем этого человека на королевский престол».

Придя к такому решению, они украсили слона и отправили его в путь.

Слон явился к дому погонщика Та, преклонил колени перед ним и его женой, поднял их к себе на спину и вернулся в королевский дворец. Согласно обычаю, чиновники совершили надлежащие церемонии и обряды и возвели Та и его жену на престол. При этом погонщику Та было присвоено святое имя Те-вонгата, что означает Божественная Семья. Только Кронг Ху и Край Ху остались недовольны, отказались признать нового короля и бежали в Паган, что в провинции Потхисат, где и построили храм.

Заметив, что у супруги нового короля нет ребенка, Индра сказал:

— Наследником этой четы и подлинным королем, который увековечит славу кхмеров, будет человек божественного происхождения.

И вот однажды, когда новый король с королевой выходили из храма, к ним снизошел Индра. Люди его не видели, им виден был лишь голубой свет, озаривший небеса. Всех охватил ужас, все обратились в бегство. Индра же, бросив в королеву букетом цветов, вновь покинул людей. В тот же час королева забеременела и в положенное время разродилась сыном, которого нарекли святым именем Прех Кетомиалпа, что означает Свет Букета Цветов.

Между тем Прехписнука продолжал искать свою мать, не ведая, что на земле ее нет. Отчаявшись, он вернулся к отцу и спросил его:

— Кто моя мать?

— Твоя мать — небесная дева, — ответил отец. — Только шесть лет могла она жить среди людей, а потом пришлось ей вернуться к богам на

небеса, и я не знаю, каким путем туда надо идти.

Ничего не сказал на это мальчик, лишь утвердился в решимости найти свою мать во что бы то ни стало, даже если отец запретит ему поиски. И он снова отправился в путь через леса и луга, питаясь дикими плодами, и одежда на нем превратилась в лохмотья, но он не останавливался.

Однажды на лесной лужайке он увидел прекрасных женщин, которые резвились и рвали цветы. Это были небесные девы, сошедшие на землю, и среди них была Типсутать. При виде их Прехписнука подумал: «Уже много лет прошло, как я покинул людей и брожу по диким местам. Одежда моя обратилась в лохмотья, и лишь листьями могу я прикрыть свою наготу. Кто эти прекрасные девушки? Может быть, они и есть небесные девы?»

Они были совсем близко от него, но Прехписнука все не мог решиться выйти к ним и принялся молиться: «Если нет среди вас моей матери, прошу вас, улетайте отсюда и возвращайтесь к себе на небеса. Если же мать моя среди вас, пусть она останется здесь». Так помолвившись, Прехписнука вышел из своего убежища.

Заметив юношу, небесные девы взлетели и исчезли, и на лужайке осталась лишь Типсутать, которая взлететь не могла. И она вскричала:

— Зачем ты здесь? Я искупила свою вину и оставила людей! Почему люди опять преследуют меня?

— Мама! — взмолился Прехписнука. — Это я, твой сын! С тех пор как ты нас покинула, я безутешно плачу и ищу тебя. Отец, увидев в изголовье шесть цветков, понял, что ты вернулась на небеса. Самым несчастным из людей стал он, и все соседи плакали от жалости к нам. Я покинул отца и ищу тебя уже столько лет. Я решил лучше умереть от усталости, чем отказаться от поисков. И вот я встретился с тобой, и я умоляю тебя вернуться к нам.

Типсутать поняла, что перед нею действительно ее сын. Она заплакала и сказала:

— Я бежала не от отца твоего, и я все время мечтала вернуться к вам. Но ведь я принадлежу небесам! Я не в силах жить долго среди людей. Я служу Индре ежедневно и ежечасно. Я умоляла его быть милостивым к тебе и к отцу, я молилась, чтобы ваш король был милостив к вам! Мало того, я молилась Индре, чтобы он принес счастье всему вашему народу! Я не могу жить среди людей, Но мы сделаем так. Сейчас я возьму тебя в небесный храм. Ты искупаешься в благовонном бассейне

в саду Индры, и влага бассейна очистит тебя от человеческой скверны. Затем я приведу тебя перед лицо Индры.

Небесная дева дала сыну набедренную повязку вместо его лохмотьев, посадила себе на бедро и взлетела с ним на небо. Она искупала его в благовонном бассейне, привела к себе и облачила в чистые одежды, после чего ввела в небесный храм Индры. Прехписнука был счастлив, все в храме его восхищало, но от робости у него затряслись руки и ноги.

Войдя в храм, Индра увидел юношу и осведомился:

— Что он делает в моем храме?

И Типсутать ответила:

— Государь, это мой сын. Я родила его от Лым–Сенга, когда жила среди людей.

И Индра произнес:

— Встань, юноша.

Он отвел Прехписнуку в свои царственные покои и принялся расспрашивать его о людях, среди которых тот жил. Ответы юноши понравились Индре, и Типсутать поспешила добавить:

— Господин! Мой сын умен и талантлив. Он умеет рисовать, лепить фигурки зверей и людей, строить дворцы и храмы, все восхищались его мастерством. Но, к несчастью, ему не пришлось учиться, и он все делает наудачу.

— Вот как? — произнес Индра. — Посвятивший себя искусствам и ремеслам должен иметь учителя, иначе его таланты пропадут втуне. Надлежит послать этого юношу к Небесному принцу, пусть Небесный принц обучит его и отправит обратно на землю. Рожденному от человека не место среди нас.

И Прехписнуку поручили заботам Небесного принца. Юноша стал отменным мастером строительного дела, художником и, кроме того, рисовал, лепил и занимался музыкой, глубоко познав эти искусства. Он научился также строить корабли, чеканил по серебру и золоту и знал сплавы, а кроме того, владел тайной смещения вод, посредством которых земля обращается в камень. Прехписнука усвоил все, чему обучил его Небесный принц. Небесный принц говорил ему:

— Ты узнал то, что знаю я, но власть у нас будет различна. Твои постройки смогут простоять тысячи лет. Мои же знают лишь время жизни одного властителя. Так, если король попросит меня построить храм, я построю ему храм. Но храм этот исчезнет, едва умрет король.

Настал день, когда Небесный принц доложил Индре о блестящих успехах Прехписнуки. Индра был очень доволен.

— Этот юноша стал мастером, — сказал он, — и он обучит мастерству всех, кто исповедует веру в Будду.

Затем Индра повелел:

— Тот, кто обратится к Прехписнуке с просьбой что-либо построить, да принесет ему в дар бутылку вина, один бат^[85] серебра, четыре грозди бананов, листья бетеля, арековые орешки, пять локтей материи и меру риса, тот, кто уклонится от принесения даров Прехписнуке, да не откроет глаз и не увидит солнца.

Выразив так свою волю, Индра полетел в страну кхмеров. Была тогда ночь, и люди, проснувшись и увидев свет в небе, спрашивали друг друга: «Кто это осветил небо над нами?»

А Индра снизошел в королевский храм. Стражники прибежали к королю и доложили:

— В храм с неба спустился некто, похожий на человека, но весь голубой и сияющий огненным светом.

Король, поспешив в храм, сразу понял, что перед ним Индра, и склонился до земли. Индра спросил:

— Понял ли ты, что твой наследник — плоть от моей плоти?

— Я не знал этого, — ответил король. — Мы видели только голубой свет, озаривший небеса, потом на королеву упал букет цветов, и в положенное время у нее родился сын. Сейчас этот сын уже вырос.

— Это мой сын, — сказал Индра, — и я беру его на небеса.

Король немедленно позвал сына, после чего Индра повелел юноше сесть и объявил ему следующее:

— Некогда меня звали Мокхоминопом, я строил дороги, плотины, сала^[86], мосты, я щедро раздавал милостыню, и за все это я удостоился родиться Индрой. Я много думаю о стране кхмеров и жалею ее, потому что я не видел здесь ни одного могучего человека, никого, кто прожил бы сто лет. Тебя я беру в свой храм, буду купать тебя в волшебных водах и сделаю тебя счастливым и могучим долгожителем.

Индра взял принца к себе на небеса. В своем саду он семь дней подряд купал принца в волшебных водах по семь раз в день. Затем он пригласил семь брахманов, которые совершили над принцем магические обряды, сообщившие ему долголетие. Только после этого Индра взял принца и облетел с ним вокруг своего небесного храма, чтобы тот мог увидеть этот храм во всем его великолепии.

— Что тебе здесь понравилось? — спросил затем Индра.

— Государь, — ответил принц. — Все, что я здесь вижу, наполняет меня восторгом.

Тогда Индра произнес:

— Я отдаю тебе страну кхмеров. Если тебе нравится мой небесный храм и тебе захочется воздвигнуть такой же на своей земле, мы найдем строителя.

В те времена принцу было всего двенадцать лет, и он трепетал перед Индрой. Он думал: «В моем королевстве я не должен строить дворец прекраснее дворца Индры. Если я построю такой же, он непременно обидится». Решив так, Прех Кетомиалпа произнес:

— Да, я хотел бы воздвигнуть дворец у себя на земле, украшенный, как твой коровник.

Индра рассмеялся:

— Быть по-твоему, раз мой коровник так тебе приглянулся!

Тогда Индра послал за Прехписнукой и выразил ему свою волю:

— Ты — человек, и тебе не годится жить среди нас, небожителей. Я посылаю тебя в страну кхмеров, и там надлежит тебе воздвигнуть дворец для моего сына, такой же, как мой коровник. Как только дворец будет построен, мы почтим своим присутствием церемонию возведения принца на королевский трон.

Дав Прехписнуке время досконально изучить свой небесный коровник, Индра повелел перенести его вместе с принцем обратно в страну кхмеров.

Прехписнука начал строить храм в шестьсот двадцатом году. Он разметил участок и расставил вокруг прекрасные скульптуры. Во время работ он неустанно обучал подручных строительному делу. Много разных происшествий случилось за время строительства. Однажды, оставив вместо себя своего лучшего ученика по имени Совон, Прехписнука отправился на лодке в море за раковинами, чтобы выжиганием добыть из них известь, необходимую для работы. Раковин он набрал в изобилии, но на обратном пути в днище лодки открылась течь, и все раковины выпали обратно в море. С тех пор у Сомронг Саена раковинам нет числа. Жители этих мест добывают их для выжигания извести, но до сих пор их там очень много.

Спустя несколько дней Прехписнука вновь вышел в море за раковинами. Он набрал огромное количество раковин, а потом решил три парусных корабля загрузить кунжутом. Вдруг разразилась буря, и один из

парусников перевернулся возле острова Комнхан. Прехписнука забрал с него кунжут, но часть осталась, окаменела и была выброшена волнами на остров. Вот почему и поныне остров Комнхан весь черный от кунжута и лишен растительности. Из двух оставшихся парусников выгрузили кунжут и пропитали им земляные постройки. Тотчас земля превратилась в камень.

Затем Прехписнука украсил дворец прекрасными статуями, как в коровнике самого Индры. И столь понравился дворец принцу, что обратился он к Прехписнуке с просьбой строить подобные храмы по всей стране.

Тут спустился на землю Индра, возвел принца на королевский престол и дал ему святое имя Аротхпулпеарсо^[87], а когда праздник коронования был закончен, Индра вознесся к себе на небеса.

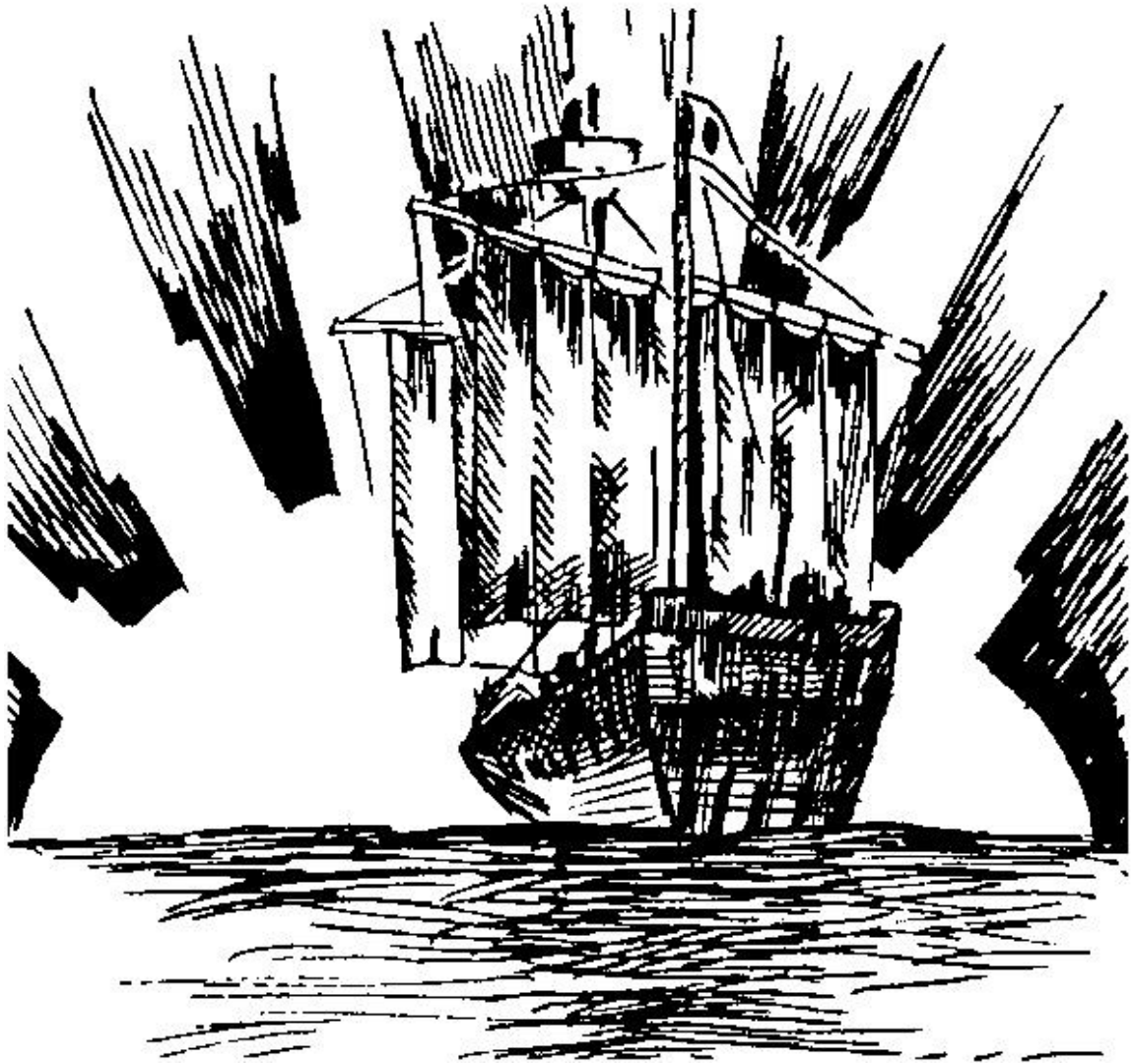
Некоторое время спустя новый король заметил, что верхушка дворца покосилась, и повелел Прехписнуке выпрямить ее. Прехписнука же сказал:

— Велите женщинам забрать оттуда тыквы, которые они туда наносили, и вершина выпрямится.

Король впал в гнев и закричал:

— Ты позволяешь себе несуразные речи! При чем здесь тыквы, ведь вершина каменная!

Прехписнука тоже рассердился, но из уважения к королю сдержал себя и смиренно попросил собрать на верхушке побольше тыкв с другой стороны, после чего верхушка выпрямилась.

Как-то раз король повелел Прехписнуке выковать меч — символ королевского могущества — и дал ему для этой цели три хапа^[88] железа. Прехписнука расплавил железо и долго трудился над ним, и получился у него меч небольших размеров, но с острием более тонким, нежели лист риса. Лезвие вышло остроты необыкновенной. Если разрубить им человека пополам, то и сам этот человек не заметит ничего и будет продолжать не только жить, но и разговаривать, и, только толкнув его, удивишься, что человек распался на две части. Если разрубить им пополам глиняный кувшин с водой, то воды не вытечет ни капли, и, только толкнув его, удивишься, что кувшин распался на две части и вся вода вылилась.

Когда же Прехписнука преподнес этот меч королю, тот в присутствии своих чиновников и министров сердито воскликнул:

— Из трех хапов железа получился такой маленький меч? Ты украд мое железо и продал его!

Выслушав это, Прехписнука пришел в ярость и, взмахнув мечом над головой короля, закричал:

— Довольно, я покидаю твою страну и уезжаю в Китай!

Когда он удалился, захватив с собой меч, король заметил, что мечом порезан весь его пол. Он спешно послал за Прехписнукой, но тот отказался вернуться. На середине Тонле–Сапа он бросил меч в воду, а сам сел на парусник и уплыл в Китай.

Вот какова история Прехписнуки, и знают ее немногие. Горожане верят в это сказание и считают, что Ангкор^[89] — творение небожителей.

Легенда о горе Сомпаы

На западе, в яоте от Баттамбанга, находятся горы Сомпаы, Тронг Муан, Тронг Тиа и Рамсай Сок. Исстари об этих горах рассказывают такую легенду.

Некогда страной кхмеров правил король Риеть Кол. Дворец его стоял на горе Данграек. Однажды король увидел бедную девуцу Совоннамосие, прекрасную лицом и телом, и сразу же воспылал к ней нежной страстью.

А еще задолго до этого девица эта как-то нашла яйцо. Что это за яйцо, она не знала, но со всей осторожностью принесла его домой и поместила в теплое место. Когда же наступил срок, яйцо разбилось, и из него вылупился крокодил. По доброте своей девица решила выходить этого крокодила и стала всячески беречь его и ухаживать за ним. Крокодил рос необычайно сильным и умным, а когда вырос, то сделался настоящим великаном среди других крокодилов. Девица так и назвала его Атхон, то есть Великан. Надо ли говорить, что крокодил этот беззаветно привязался к девушке и служил ей, как может служить самый верный друг.

А король Риеть Кол, после того как бедная девушка ответила ему взаимностью, на некоторое время приблизил ее к себе, но вскоре она ему наскучила, и он объявил своим родителям:

— Конечно, эта Совоннамосие прекрасна, но ведь она простолюдинка и сделать ее королевой я не могу.

Родители поняли, что сердце короля охладело к Совоннамосие, и принялись хлопотать о том, чтобы подыскать сыну девушку высокого рода. Очень скоро им стало известно, что у влиятельного князя города Тонборей есть дочь по имени Рамсай Сок, то есть Дева с Распущенными Волосами. Назвали ее так не без причины. Знала она одно волшебство: стоило ей захотеть, и она, отбросив на спину волосы, могла превратить море в сушу, а сушу — в море.

По обычаю родители короля Риеть Кол послали к князю города Тонборей сватов с письмом, в котором изложили свое дело. Князь Тонборей согласился, но, в свою очередь, написал родителям короля Риеть Кол такое письмо:

«Буде король любит действительно мою дочь, пусть прибудет к нам с богатыми подарками».

Когда придворные возвратились и доложили обо всем родителям короля Риеть Кол, король обрадовался и тут же повелел готовить корабль с богатыми подношениями для плавания в Тонборей.

Прослышав об этих событиях, обманутая Совоннамосие пришла в неистовую ярость. И когда корабль с королем Риеть Кол и свадебными подарками вышел в море, она приказала своему другу Атхону напасть на корабль и затопить его. Крокодил бросился в море и поплыл стремительно, как стрела. Король Риеть Кол первым увидел его и воскликнул:

— Это ты, Атхон? Заклинаю тебя, не трогай нас!

На это крокодил, ухмыляясь, ответил:

— Не волнуйся, гость за столом — благословение для хозяина. А сегодня я обедаю у тебя.

Между тем при виде громадного крокодила все, кто был на корабле, в страхе закричали и заметались. Некоторые принялись швырять в волны тыквы и клетки с курицами и утками в надежде на то, что Атхону этого будет достаточно и он оставит корабль в покое. Но Атхон ни к чему не притронулся, и тогда король Риеть Кол обратился с мольбой о помощи к богам.

На его счастье, мольбы дошли до ушей повелителя богов — Индры. Индра мигом передал все княжне-невесте Рамсай Сок.

Дева забросила волосы за спину, и сейчас же море под кораблем превратилось в сушу.

Тяжело опустился на землю крокодил Атхон, и тень смерти осенила его. Он ударил хвостом, судорожно дернулся, последний вздох вырвался

из его пасти.

Тело его превратилось в огромную гору, которую до сих пор называют Пхном Кропы, то есть Крокодиля Гора. Там, где он ударил хвостом, и на том месте, куда он ткнулся носом, возникли два озера — Контуй Кропы и Тромух Кропы, или озера Крокодиля Хвоста и Крокодиля Носа.

Корабль же превратился в громадную скалу. Она даже по форме похожа на корабль, накренившийся в бушующих волнах, ее так и называют Пхном Сомпаы, или Корабельная Гора.

Когда Великан подплывал к злосчастному кораблю, сломалась мачта и вместе с парусом обрушилась в волны, а затем сделалась скалой, которую называли Кдаонг Сомпаы, то есть Парус Корабля.

Клетки с курами и утками, которые были брошены с корабля крокодилу, тоже обратились в скалы Тронг Муан и Тронг Тиа, или Куриные Клетки и Утиные Клетки.

А на том месте, где княжна-невеста Рамсай Сок творила свое волшебство, забросив волосы за спину, появилась Пхном Рамсай Сок, то есть Гора Распущенных Волос, и находится она к югу от Корабельной Горы.

Когда море высохло и опасность миновала, король Риеть Кол, соблюдая королевские обычаи, послал своих людей с дарами в Тонборей. Была отпразднована свадьба, и король Риеть Кол вместе с королевой Рамсай Сок и со своими придворными решил возвратиться во дворец. Царственные супруги воссели на слона и в сопровождении свиты и охраны отправились в обратный путь. И тут король увидел Корабельную Гору и Крокодилю Гору, вспомнил о Совоннамосие и вспылал гневом.

— Коль сердце ее столь коварно, — вскричал он, — то она заслуживает смерти.

И он тут же приказал схватить Совоннамосие и предать ее в руки палача. Совоннамосие была схвачена и обезглавлена. Голова ее превратилась в гору, которую так и называли Горой Отрубленной Головы, то есть Пхном Сонг Кбал.

Известно, что за горой этой расположена равнина — Виел Тиньтром Пух, или Равнина Внутренностей: именно здесь палач бросил внутренности Совоннамосие. А на месте ее лона возникла гора, которую когда-то так и называли — Пхном Кропией Ниенг, или Гора Лона Девушки. Но в наши дни ее называют Пхном Бонтией Ниенг, или Гора Девичьей Крепости.

Что же касается короля Риеть Кол и королевы Рамсай Сок, то родители их благословили, и долгие годы они жили благополучно.

Легенда о статуе Прома в пагоде Нокор Батей

Если ехать из Пномпеня по седьмому тракту, то, не доезжая семидесяти пяти сэнов до центра Кампонг Тяма, можно свернуть на грунтовую дорогу, которая ведет к западу. Проехав по этой дороге примерно семь с половиной сэнов, можно увидеть крепостную стену, сложенную из камня байкрием^[90]. Крепость эта построена в стародавние времена, ворота ее разбиты и обрушены, а местность, над которой господствовала эта крепость, именуется Вот Нокор Батей, или, как произносит это название простой народ, Вот Нокор. А далее к западу от Вот Нокора расположена еще одна крепость, имеющая форму квадрата, ворота которой обращены на четыре стороны света. Местами внешняя крепостная стена обвалилась, но ворота сохранились хорошо. Вдоль стены с внутренней стороны тянется галерея, которая тоже сохранилась довольно хорошо и обрушилась всего в нескольких местах. Кроме внешней крепостной стены здесь имеются еще две внутренние, причем третья, последняя стена охватывает крытый двор с конической крышей, какую обычно устраивают над надгробиями. Двор этот тоже имеет форму квадрата со стороной примерно в половину сэна, и в нем, под крышей, возвышаются четыре статуи Будды, обращенные ликами к крепостным воротам. Между второй и третьей стеной к югу и северу от центра крепости стоят по две пары пагод, а к юго-восточному углу крытого двора примыкает еще одна пагода, тоже с четырьмя статуями Будды. У восточной стены этой пагоды можно увидеть вход в небольшую пещеру. В пещере этой установлены три статуи Будды. Две из них — вероятно, наиболее почитаемые — изображают Будду, стоящего во весь рост, третья же изображает Будду в сидячем положении: он сидит, скрестив ноги, на высоком сиденье и как бы приветствует поднятой рукой паломника, входящего в пещеру. Крепость эта называется Нокор Батей, а о статуях в пещере существует старинная легенда.

В стародавние времена жил в стране кхмеров некий князь. Как-то раз тоска и скука овладели душой его, и он отправился в поездку по своим землям в поисках развлечений. Во главе огромной свиты из чиновников и советников объезжал он кхаот за кхаотом и вот в один прекрасный день оказался на берегу речки, недалеко от места впадения ее

в большую реку, как раз там, где ныне стоит город Кампонг Тям. В те времена города, конечно, не было и в помине, и местные жители снискивали себе пропитание изготовлением сетей и верш, при помощи которых они ловили рыбу. Красота природы и прекрасная погода настолько поразили князя, что он немедленно приказал воздвигнуть там для себя загородный дворец. И он поселился в этом дворце со своими многочисленными наложницами и проводил время, любуясь рекой и вдыхая ароматы ее чистых вод.

А надо сказать, что старостой местных жителей — рыбаков в тех местах была одна молодая красавица по имени Паы. Прознав, что князь выстроил дворец и поселился у нее по соседству, она тут же приказала своим слугам приготовить самые вкусные кушанья для подношения высокородному повелителю. Когда дары были приготовлены, Паы умастила свое тело благовониями, надела лучшие одежды и отправилась во дворец, грациозно шествуя впереди своих слуг. При этом рука ее покоилась на вазе, которую нес рядом с ней маленький мальчик, и золотой браслет на этой прекрасной руке ослепительно сиял на солнце. Представ перед лицом князя, она склонила голову и обратилась к нему с такими словами:

— Яви нам милость свою! Только что узнала я, что повелитель мой избрал недостойные места наши для своего отдыха. Как староста местных жителей приготовила я подношения и прошу милостиво их не отвергнуть.

— Ну что же, девушка, — отвечивал князь. — Я рад, что у тебя такое щедрое сердце. Разрешаю оставить у меня твои подношения.

Паы приказала сложить блюда у ног князя, снова поклонилась и попросила разрешения удалиться.

Князь улыбнулся.

— Ну что же, можешь идти, девушка, — сказал он. — Но я повелеваю тебе посещать меня почаще.

Паы выразила радостную готовность повиноваться этому повелению и вернулась домой.

Но после этой короткой встречи князь уже не мог ни о ком думать, кроме как о красавице рыбачке. Грациозная и изящная фигурка Паы все время стояла перед его глазами, и он больше не мог глядеть на женщин, которые его окружали. Поистине сам бог любви поразил его сердце, и все прочие радости мира перестали для него существовать.

Он провел бессонную ночь, а едва забрезжил рассвет, он призвал к себе советников и слуг и объявил им, что желает видеть Паы своей возлюбленной. И советники и слуги немедленно отправились к ней домой, чтобы объявить ей волю повелителя. Родители Паы ушли в иной мир еще несколько лет назад, и красавица приняла посланцев князя сама. Она приняла их достойно и учтиво и так же достойно и учтиво выслушала волеизъявление своего повелителя и поздравления советников.

Надо ли говорить, что Паы сразу же покорились воле князя. Князь сторал от любви. Каждый вечер посещал он красавицу Паы и проводил с нею время, а его музыканты услаждали их слух самыми изысканными мелодиями. И любовь их сложилась так, что вскоре князь не мог обойтись без своей новой наложницы ни единой минуты.

Шло время. По приказу князя неподалеку от его дворца была сооружена трехстенная крепость, в ней поселились советники и слуги князя, и кругом была расставлена охрана. И князь зажил со своей возлюбленной в самом центре этой крепости, которой он дал название Нокор Батей, потому что местные жители именовали своего повелителя Батей Баар.

Два года спустя Паы родила князю сына, и было у младенца такое умное и веселое лицо, что князь привязался к нему всем сердцем и ежедневно возился с ним.

Когда же сыну исполнилось четыре года, князь решил, что сын его должен стать самым образованным человеком в стране кхмеров. Поскольку в те времена средоточием всей мудрости азиатских стран был Китай, было решено отправить княжеского сына для обучения в эту страну. Получив многочисленные наставления от родителей, княжеский сын взошел на борт корабля, и паруса понесли его по морским волнам в далекий Китай.

Расставшись с сыном, Паы забыла, что такое счастье. От тоски по любимому ребенку она непрерывно лила слезы и увядала, подобно цветку под жарким солнцем. Да и князь, ее высокородный возлюбленный, был не так здоров и силен, как в былые времена. Болезни изнуряли его, он слабел изо дня в день, и наконец, спустя два года после отъезда сына, он умер. На торжественной церемонии прощания с телом усопшего присутствовали не только советники и слуги князя, но и князья соседних владений.

А после того как кончились все траурные церемонии, новый князь, вступивший во владения этим кхаетом^[91], покинул Нокор Батей и перенес княжеский дворец в другое место. Не осталась жить в Нокор Батее и овдовевшая Паы. Она покинула крепость и вернулась в свое прежнее жилище.

А теперь речь пойдет о Проме, княжеском сыне, который к тому времени давно уже жил в Китае. В один печальный день его навестили китайские чиновники и сообщили ему о том, что родителей его уже нет больше в живых, а крепость, единственное наследство, оставшееся ему от отца, покинута людьми и пришла в запустение. И в довершение всего, сказали ему китайские чиновники, новый князь преследует всех родственников покойного Батей Баара за то, что Батей Баар при жизни якобы преследовал семью нового князя.

Разумеется, сообщение это было ложью, искусно перемешанной с правдой. Дело было в том, что китайские чиновники уже успели оценить быстроту и остроту ума юного Промы, поняли, что, войдя в зрелые года, он станет большим ученым и превосходным военачальником, заметили в нем гордое и смелое сердце и потому решили приложить все усилия, чтобы он остался в Китае.

Услышав эти горестные вести, Пром погрузился в пучину отчаяния, но мощный дух его возобладал над горем. Вопреки надеждам китайцев любовь к родине не покинула его. С еще большим усердием, чем прежде, он занялся науками, не давая себе ни дня отдыха. В возрасте двадцати лет он удостоился ученого звания, и его назначили советником в китайское войско. Но и тут он не отказался от изучения наук и продолжал учиться у одного знаменитого китайского ученого, имя которого дошло и до наших дней. Еще десять лет спустя Пром сделался настолько искусственным во всех науках и военном деле, что некий китайский ван^[92] пригласил его на должность советника при своей особе. К этому времени слава о Проме распространилась по всему краю. Не было в том краю ни мужчины, ни женщины, которые бы не чтили его глубоко и не чувствовали к нему благорасположения. Он получил даже почетное имя Сиеспавоконг, которое можно перевести фразой «Мудрец, помогающий в любой беде». И недаром: Пром, не щадя своих сил, творил добро и справедливость, где бы он ни находился. И каждый китаец знал, что Пром нужен его стране.

Став советником вана, Пром однажды испросил разрешение объездить провинцию, чтобы обследовать деятельность местных властей. Разрешение было дано, кроме того, Прому было предложено взять солдат

для личной охраны. Но Пром от охраны отказался. Он отправился в путь один, переодетый сборщиком риса. Все чиновники, состоящие при особе вана, оценили хитрость нового советника, которая давала ему возможность следить за действиями местных властей и узнавать истинные нужды народа, оставаясь неузнанным. Так Пром ездил по провинции, движимый стремлением к справедливости и любовью к простому народу.

Погода в те дни стояла прекрасная, и прекрасно было настроение Прома. Иногда он останавливался в какой-нибудь деревушке и объявлял, что умеет предсказывать будущее, и все жители сбегались к нему, прося погадать им. А поскольку он был действительно весьма искушен в науке гадания, предсказания его были очень точными и нелицеприятными. Слава об удивительном сборщике риса, который умеет так хорошо предсказывать судьбу, быстро распространилась по всему краю.

И вот однажды Пром остановился на ночлег в лачуге какого-то немощного старика. Ему не спалось, и вдруг он впервые за последние годы вспомнил о своей родине, о стране кхмеров. «Да, мои родители умерли, — подумал он, — но неужели я никогда не увижу свою кхмерскую землю, не встречу с кхмерским народом, не вступлю в дом, где я родился?» Грусть охватила его, лицо сморщилось, как от боли, сердце заныло. Какая она, страна кхмеров? Он ничего не знал о ней. Он даже не помнил лица своей матери.

И тогда он решился. Он тайно бежал из Китая и вскоре добрался до страны кхмеров. Там он укрылся в маленькой деревне и принялся усердно изучать кхмерский язык. Ведь он был кхмером по рождению и очень скоро овладел родным языком, как им владеет любой кхмер. И имя у него было кхмерское — Пром, так что все местные жители, которые имели с ним дело, не сомневались, что пред ними прирожденный кхмер.

Прошло еще семь месяцев, и Пром очутился в Кампонг Тяме. Он не стал разыскивать своих родственников, потому что считал, что родители его давно умерли, и кроме того, он боялся преследований со стороны нынешнего князя. Но родные места понравились ему, и он поселился в доме одной пожилой женщины, которая тоже потеряла всех своих родственников и жила одиноко с немногочисленной прислугой. Женщине этой было около пятидесяти лет, но у нее была прекрасная фигура, гладкая и чистая кожа, в волосах ее не было седины, а зубы были белые и чистые, как у молодой девушки.

Молодой жилец приглянулся женщине, она стала заботиться о нем, как о родном человеке. А Пром вскоре влюбился в свою хозяйку и предложил ей разделить с ним ложе. И женщина уступила ему, потому что она устала от одиночества и от вечной тоски по своему единственному ребенку, сгинувшему где-то на чужбине, и по покойному мужу.

Они счастливо прожили довольно долгое время, но вот женщина загрустила и попросила Прома отыскать ее сына, который был увезен в Китай в возрасте четырех лет.

Выслушав свою возлюбленную, Пром спросил удивленно:

— И ты с тех пор ничего не слыхала о своем сыне? А кем был твой муж?

Женщина склонила голову и грустно сказала:

— Мы расстались с сыном больше тридцати лет назад, и я ничего о нем не знаю. Что же до моего мужа, то он был не простым человеком. Он был князем и властвовал в этом кхае. Он построил замечательную крепость, которая опустела после его смерти. Ты знаешь озеро неподалеку от нашего дома — муж называл его Тонле Ом, то есть Место Для Катания На Лодке, потому что он каждый вечер привозил меня сюда, и мы с ним катались на лодке.

И тут Пром все вспомнил. Он упал на колени, наклонил голову и протянул руки к женщине, которую сделал своей любовницей.

— О всепрощающая! — воскликнул он. — Знаешь ли ты, что я и есть твой сын? Это меня увезли в Китай, когда мне было четыре года. Китайцы сказали мне, что вы с отцом умерли много лет назад, и я понятия не имел, что ты живешь и здравствуешь. Тяжка вина моя, и я приму любое наказание.

Тогда Паы обняла своего сына и возлюбленного, но долго была не в силах сказать хоть одно слово. А когда оправилась от волнения, то сказала следующее:

— Если ты хочешь искупить свою вину, то я знаю, какое ты должен понести наказание. Когда я умру, надлежит тебе воздвигнуть в крепости Нокор Батей усыпальницу и схоронить в ней мои останки, а вокруг усыпальницы надлежит тебе установить четыре статуи Будды. Когда же наступит черед умереть тебе, укажи ученикам своим изваять из камня твою статую с приветственно поднятыми руками, и пусть эту статую установят возле моего захоронения так, чтобы лицом она была повернута

в мою сторону... И тогда преступление твое не так тяжело отзовется на твоих будущих существованиях.

И Пром поклонился и сказал:

— Можете быть спокойной, матушка, я все сделаю, как вы хотите.

Через два года Паы умерла. Стараниями Прома в крепости была построена усыпальница, и он перенес в нее останки матери, а затем установил вокруг нее четыре статуи Будды. Эту усыпальницу и эти статуи можно увидеть в крепости и в наши дни.

Вскоре после смерти родительницы Пром тяжело заболел от тоски и тоже умер. Но перед смертью он отдал своим ученикам необходимые распоряжения, и вскоре его каменное изваяние в виде сидящего Будды с поднятой рукой было установлено в пещере у западной стены усыпальницы лицом к месту успокоения Паы. Эта статуя и по сей час находится там.

Что же касается вана, при особе которого состоял в свое время Сиempавоконг, то, встревоженный исчезновением своего мудреца, он разослал на поиски целую армию чиновников. Один из них, вспомнив, что Сиempавоконг был кхмером, отправился в страну кхмеров. Но, пока он ездил по стране и отыскивал Сиempавоконга, Пром уже умер. Чиновнику осталось только поглядеть на его статую и вырезать на ней почетное имя на китайском языке. Эта вырезанная надпись сохранилась до наших дней.

Статуя Прома почитается всеми местными жителями с тех незапамятных времен. Каждый год в дни кхмерских и китайских праздников к статуе стекаются жители со всей округи, возжигают курительные свечи и молятся перед ней. Многие считают, что моление перед статуей предотвращает несчастья и приносит успех.

Следует отметить еще одно обстоятельство. В 2470 году^[93] тайские торговцы, хозяйничавшие тогда в Кампонг Тяме, решили развернуть статую лицом на юг, как этого требовали их обычаи. И когда это было сделано, среди местных жителей начались поварьные болезни, причем многие из них умерли^[94]. И вскоре после этого дух Прома появился в деревне Сонтхан и сказал:

— Верните меня в прежнее положение. Лицо мое должно быть обращено на запад, в сторону усыпальницы моей матери.

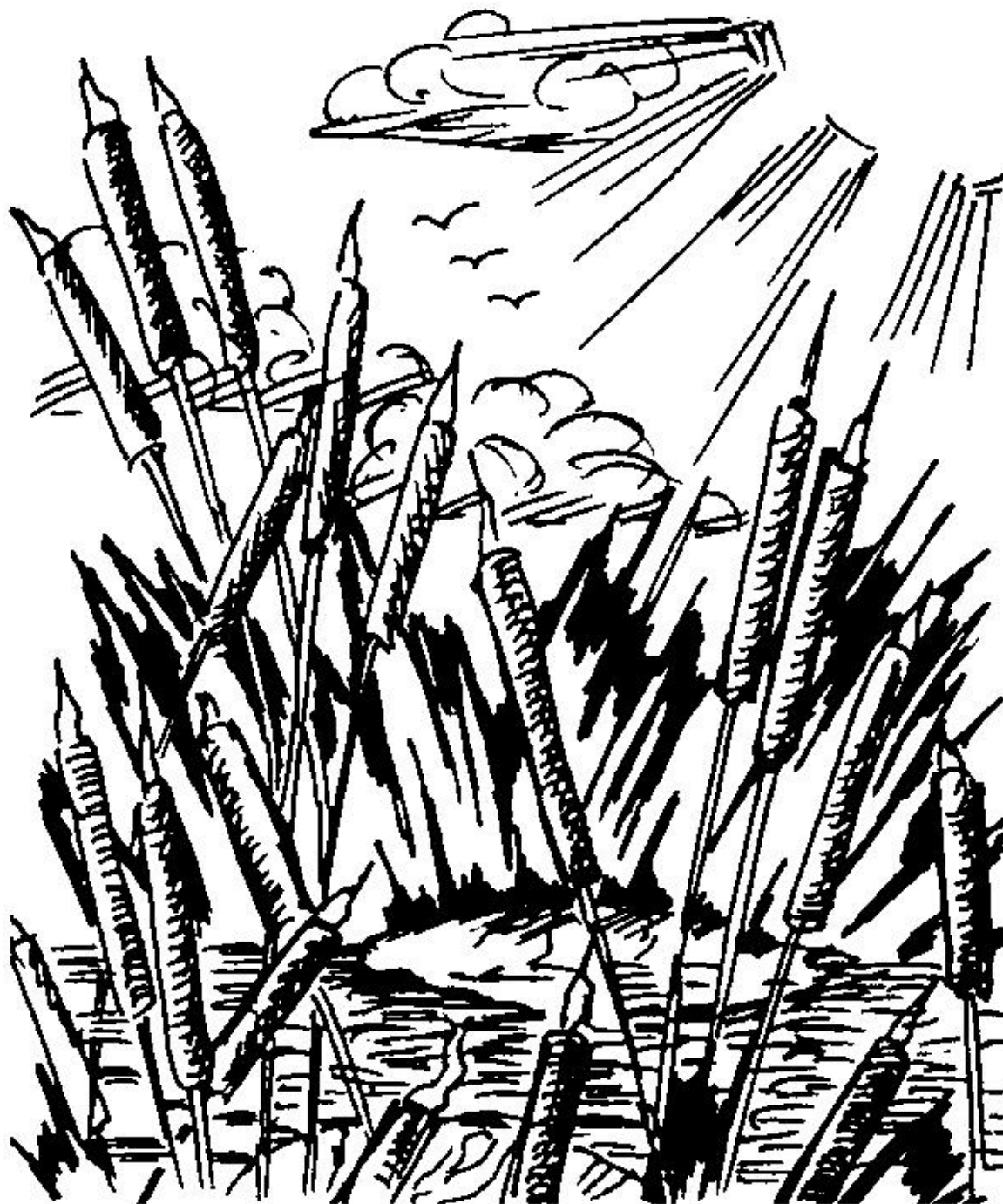
Местные жители немедленно собрались и вернули статую в прежнее положение. Так она и стоит с тех пор до наших дней.

Легенда об озере Те

В кхуме Сонгаесат срока Тпонг, что в кхае Кампонг Спы, есть одно озеро, которое жители именуют озером Те. Оно невелико — всего два с лишним сэна, однако природа его столь необычна, что привлекает внимание не только приезжих, но и окрестных жителей.

Прежде всего доступ к этому озеру очень затруднен. Его окружает полоса болотистой почвы, заросшая густым камышом. Болото это являет собой местами настоящую трясику, и продвигаться по нему следует с большой осторожностью. Заросли камыша там столь плотны, что, в свою очередь, представляют собой серьезное препятствие для всякого, желающего выйти на озерный берег.

Далее, как ни мало это озеро по размерам, оно не имеет сплошного водяного зеркала, ибо на дне его скрывается затопленный лес, и на самой середине озера — в верхушках и сучьях потопленных деревьев скопилось множество ила, который образовал как бы небольшой островок, покрытый травой. Ил этот настолько плотный, что вполне выдерживает вес человека.

В свое время французская администрация решила перекинуть через озеро мост, причем средние сваи моста, естественно, стали вбивать в почву срединного островка. И вот при этих свайных работах возникли два любопытных обстоятельства. Во-первых, когда первая свая пробила илистый островок и стала углубляться в дно озера, со дна стали подниматься сквозь воду клубы дыма явно вулканического

происхождения. Во-вторых, при исследовании дна озера под верхним слоем почвы было найдено множество круглых камней красного цвета. По внешнему виду эти камни напоминали минерал байкрием, на разломе которых обнаружили сердцевину очень чистой кристаллической структуры, отличавшейся снежной белизной.

Как известно, в стране кхмеров обычное на каждом шагу тесно переплетается с необыкновенным, а среди необыкновенных мест и явлений сплошь и рядом встречаются такие, относительно которых народная память и народное воображение составили легенды, представляющие для современного исследователя несомненный интерес. Одна из таких легенд посвящена истории озера Те.

В глубокой древности жил некий сетхэй, владевший большим богатством, целой деревней и обширным прудом. Была у него также повозка, выложенная золотом и драгоценными камнями, было у него пять сотен ездовых слонов и лошадей, а число слуг его и рабов тоже достигало пяти сотен человек. Вода в пруду у него была на удивление чистая и свежая, и в ней проживал огромный крокодил, которого сетхэй содержал от своих щедрот. На холме же возле пруда обитал дух, охранявший жизнь крокодила, и к холму этому сходились домочадцы сетхэя и окрестные жители для молитвословий о ниспослании счастья и удачи.

У сетхэя была жена, а также сын и дочь, которых он очень любил. И можно было бы сказать, что живет он осыпaeмый милостями неба за добродетели свои и своих предков, если бы не то, что при всех своих огромных богатствах, при том, что дом у него был полная чаша и было в нем все, что может пожелать человек, и даже с избытком, сетхэй этот был необыкновенно скуп, и сердце у него было жестоким к страданиям бедных людей. Никому в семье не позволял он тратить свыше самого необходимого, а задолжавших ему бедняков преследовал злобно и неумолимо.

И вот однажды, обзрев в очередной раз свои огромные богатства, он вошел к своей жене и сказал ей так:

— Вот что я решил, супруга моя. Дети наши выросли, и пора нам сына женить, а дочь выдавать замуж. Но, если мы женим сына даже на самой достойной девушке со стороны, нам придется выделить ему часть нашего состояния. И тем более, если мы выдадим дочь за постороннего человека, еще большая часть наших богатств уйдет с нею за приданое. Есть, однако, способ избежать такого ущерба: надлежит нам женить нашего сына на нашей дочери.

Жена сетхэя была под стать своему мужу необыкновенно жадной и скупой женщиной. Решение мужа конечно же пришлось ей по вкусу, и она сразу с ним согласилась. Был назначен день свадьбы, оповестили гостей, достойных присутствовать на церемонии, стали готовиться к свадебному пиршеству. И вот тут жадность и скупость с еще большей силой одолели жену сетхэя. Как она ни прикидывала, как она ни рассчитывала, все равно, по ее мнению, расход мяса на приготовление свадебных блюд получался огорчительно велик. Днями и ночами мучилась она, стараясь придумать что-нибудь такое, чтобы избежать этого расхода, и наконец придумала и обратилась к своему мужу:

— Супруг мой! Ты, конечно, понимаешь, что на свадебном пиршестве нет никакой возможности обойтись без мясных блюд. Покупка этих блюд стоит очень больших денег. Еще больше мы потеряем, если зарежем быка и изготовим эти блюда сами, потому что бык может еще очень много лет работать на нас и приносить нам хорошие доходы. Но вот что я хочу предложить тебе: в пруду за нашим домом живет огромный крокодил, который издавна кормится от твоих щедрот. На мой взгляд, пора ему отплатить тебе за даровое кормление. Надлежит нам зарезать его и пустить его на мясные блюда для предстоящей свадьбы. Его хватит на всех с избытком, мы ничего на этом не потеряем и даже наживем, ибо разве помогал он когда-нибудь нам в добывании доходов?

Выслушав жену, жадный скупой сетхэй даже прослезился от радости. Он кликнул слуг и приказал им тут же выловить и зарезать крокодила и приступить к приготовлению из его мяса свадебных блюд.

А надо сказать, что кормлением крокодила уже несколько лет изо дня в день занималась служанка по имени Ти, и была она девушка скромная, добронравная и миловидная. Крокодил привык к ней, и она привыкла к крокодилу, и забота по кормлению крокодила была ей совсем не в тягость. Когда убили ее питомца, она горько плакала и проплакала весь день, пока не заснула от утомления. И вот во сне к ней явился дух с холма, который охранял жизнь крокодила, и дух этот сказал ей:

— Несмотря на все наши старания, жадность и скупость сетхэя погубили крокодила. Из всех людей в доме одна ты любила его и горюешь о его гибели. Завтра будет свадьба, и на пиру хозяева и гости будут пожирать блюда из крокодильего мяса. Ты же на свадьбу не ходи, ибо все, кто отведает крокодильего мяса, будут жестоко наказаны.

Проснувшись, девушка Ти не сказала о своем сне никому ни слова, а тут стали съезжаться на свадьбу гости, и она убежала из дому. В

праздничной суматохе этого никто не заметил. Да и кому какое дело было до служанки, которая приставлена была к крокодилу, если крокодила этого уже разделявали на кухне! Свадебная церемония шла своим чередом, начался пир, и вдруг, в самый разгар пиршества, земля под домом сетхэя провалилась и поглотила бесследно и его самого, и его жену, и его несчастных детей-молодоженов, и всех гостей до единого человека. Все это произошло на глазах у девушки Ти, и когда на месте провала возникло болотистое озеро, она только всплакнула о детях сетхэя, потому что те были всегда добры к ней и никогда ее не обижали. Но тут же она вспомнила о духе, предупредившем ее во сне о смертельной опасности, и сердце ее преисполнилось благодарности. Надлежало ей совершить подношение духу-спасителю, но ничего у нее не было, и решила она поднести духу свои прекрасные волосы. Она спустилась к пруду и тщательно вымыла волосы в его свежей прозрачной воде, и снова всплакнула, вспомнив о крокодиле, который так недавно жил здесь. Между прочим, местные жители еще и в наше время называют этот пруд Кок — Пруд, Где Мыли Волосы. Покончив с этим делом, Ти поднялась на холм и, почтительно встав на колени, обрила себе голову. С того дня, как прекрасные волосы Ти упали в траву на вершине холма, холм этот получил название Туал Коусок Ниенг Ти — Холм, Где Обрила Волосы Девица Ти (ныне Коусок Та Ти — Холм, Где Обрилась Ти).

Совершив подношение, Ти не покинула этих мест, как сделала бы всякая другая женщина. Напротив, храня в памяти доброту и невинность своих молодых хозяев и оплакивая их, она поселилась неподалеку от берега заболоченного озера, возникшего на том месте, где стоял прежде дом скупого и жадного сетхэя. В скором времени появился в тех местах один человек и посватался к Ти, и стали они мирно жить, зарабатывая себе на пропитание выращиванием овощей. Но недолго длилась семейная жизнь Ти. Когда она была беременной на шестом месяце, муж ее ощутил вдруг непреодолимую тягу к отшельническому бытию, оставил Ти и уединился для постов и молитвословий на горе Кхтяул.

А Ти благополучно проносила плод под сердцем положенное время и родила мальчика. Соседки, сошедшиеся к ней для вспоможения, приняли ребенка и с согласия матери нарекли его именем Боткома, то есть Сынок. И зажила Ти вместе с сыном и растила его строго и заботливо, но вот мальчику исполнилось тринадцать лет, и он спросил мать свою, где же его отец. И мать ответила:

— Твой отец был очень хорошим человеком, он был добр ко мне, и мы жили счастливо, но небо призвало его к монашескому служению, и он покинул меня и удалился на гору Кхтяул и живет там в лесах святым отшельником. Надлежит тебе, поскольку ты сам вспомнил о нем, идти и отыскать его и выслушать, что он скажет тебе, и поступить так, как он повелит. А в доказательство того, что ты его сын, ты расскажешь ему мою историю. И она рассказала сыну всю свою историю с начала и до конца, после чего Боткома простился с матерью и ушел.

Долго бродил он по лесам горы Кхтяул, но вот однажды на-брел на бедную хижину и возле нее увидел сидящего на камне под деревом согбенного старца, отрешенного от мира и совершенно седого. Боткома почтительно приветствовал его и рассказал ему все, как рассказала его мать Ти. Спокойно и внимательно внимал его рассказу мудрый старец, но поверил не сразу и решил про себя: «Сейчас я ударю этого юношу ладонью, и если он действительно мой сын, то он взлетит и опустится на мое плечо». И он протянул руку и хлопнул юношу ладонью, и тот неожиданно для самого себя взлетел на воздух и упал отшельнику на левое плечо. Так мудрый отшельник окончательно удостоверился, что перед ним действительно его родной сын.

Отшельник оставил сына при себе и принялся обучать его всевозможным наукам, и Боткома усердно учился ежедневно с утра до поздней ночи и через несколько лет превзошел все науки, которым отцу его угодно было его обучить. И когда обучение было закончено, отец-отшельник повелел сыну вернуться к матери. На прощание он сказал ему так:

— Мы расстаемся с тобой навсегда, но нет у меня ничего, что я мог бы передать тебе, кроме знаний, которыми ты уже владеешь. Впрочем, возьми вот эти три огуречных зерна, они принесут тебе славу. Высади их на берегу озера, где живет твоя мать, и первые плоды, которые произрастут от этих зерен, поднеси королю. Еще запомни следующее: передай всем людям, что озеро это надлежит им впредь называть озером Ти, в честь твоей матери.

Произнеся эти слова, мудрый отшельник благословил сына, а тот почтительно простился с отцом и пустился в обратный путь. Мать его была уже старой и очень обрадовалась его возвращению. Он же сделал все так, как повелел ему на прощание отец. История умалчивает о том, как три огуречных зернышка привели его на дорогу славы, но озеро то с

тех пор действительно стали называть озером Ти или, по современному произношению, озером Те.

Предание о Пномпене

В давно прошедшие времена, еще в четырнадцатом веке, жила в стране кхмеров некая богатая старая женщина по имени Пень. Жила она одиноко на берегу реки, а дом свой она поставила на холме, потому что река эта часто выходила из берегов. И вот однажды, в один прекрасный день, после сильного ливня река эта, как всегда, вышла из берегов и затопила низины. И захотелось вдруг Пень спуститься к самому берегу и посмотреть на разлив реки. И она вышла на берег и тут увидела могучее дерево коки^[95], которое вертелось, как щепка, в бушующих волнах. Задумала тут же Пень вытащить дерево из воды, но сама сделать это, конечно, не смогла, а потому, не теряя времени, отправилась звать на помощь своих соседей.

Соседи не отказали старой Пень, собрались все вместе, набросили на коки веревки, а потом легко вытащили его из бушующих волн на берег. Дерево так понравилось старой Пень, что она тут же решила почистить его от водорослей и грязи. И чудо! В дупле коки она вдруг увидела четыре небольшие бронзовые статуи Будды, да еще вдобавок одну большую каменную статую какого-то божества. Каменное божество стояло во весь рост, волосы его были убраны в тугий узел, в одной руке оно держало раковину, а в другой — палицу. И сама Пень и соседи ее решили, что фигурки Будды, несомненно, дар неба и поэтому надлежит поклоняться им. Статуи внесли в дом Пень, потому что именно она первая обнаружила их в дупле коки. В тот же день соседи по просьбе Пень построили небольшую хижину, где решили временно хранить драгоценную находку. Но на другой день старая Пень опять позвала своих соседей и сказала им, что надлежит построить большую гору на западе от ее дома.

Соседи помогли ей и в этом.

А потом дерево коки распилили и сделали из него алтарь, который водрузили на самой вершине только что сделанной горы. Туда-то как раз и поставила старая Пень четыре бронзовые фигурки Будды. А каменную статую Пень приказала поставить прямо у восточного подножия горы, потому что решила, что божество это похоже на лаосское и приплыло,

несомненно, именно из этой страны. А потом Пень нарекла его Нек Та Прех Тяы. И имя это сохранилось до нашего времени.

Пришло время, Пень пригласила бхикху поселиться у западного подножия своей горы. Монастырь, который вскоре после этого построили

в тех местах, назвали Вот Пхном Доун Пень, или Монастырь на Горе Госпожи Пень. Сейчас, правда, называют его короче — Вот Пхном. А всю местность вокруг того монастыря назвали Пхном Пень, что означает Гора Пень.

А четыре бронзовые и каменная статуи с тех пор считаются священными. Люди приходят к ним молиться и подносят им дары. Вот это и есть история города Пномпеня, который уже через шестьдесят лет после этих событий стал столицей страны кхмеров.

МИФЫ И СКАЗАНИЯ НАРОДОВ ФИЛИППИН

Перевод Р. Рыбкина

Отчего бывает затмение луны

Давным-давно, когда мир был еще молод, уже была огромная птица минокава. Птица эта была величиной с целый остров. У нее был стальной клюв и стальные когти, зеркала вместо глаз и острые мечи вместо крыльев. Она жила на востоке, по ту сторону неба, и все думала, как бы ей съесть луну, когда та после своего подземного путешествия появлялась в тех местах. Очень хотелось ей съесть и солнце.

Однажды минокава поймала луну и проглотила. Люди испугались и стали громко кричать:

— Минокава проглотила луну! Минокава проглотила луну!

Минокава посмотрела на землю, чтобы узнать, отчего так шумят люди, и нечаянно раскрыла клюв. Луна сразу выскочила наружу и побежала, радуясь, что спаслась от минокавы.

После этого луна проделала в восточной стороне неба восемь дыр — туда, в какую-нибудь из них, она входит, когда начинает свой путь. А чтобы выходить, она сделала восемь дыр на западной стороне неба. Она пробила дыры, потому что минокава все время подстерегает ее, чтобы съесть. Каждый день огромная птица поджидает луну у какой-нибудь из дыр на востоке, и луна очень боится попасться ей.

Если минокава проглотит луну и солнце, она сможет спуститься на землю и съесть людей. Каждый раз, как минокава заглывает луну,

багобо поднимают крик и начинают бить в гонги и барабаны. Тогда минокава смотрит на землю и раскрывает клюв, чтобы лучше слышать, и луна тут же выскакивает из клюва минокавы и убегает.

Все багобо знают про минокаву и верят, что лунное затмение бывает тогда, когда луну проглатывает большая птица.

Времена Моны

Вначале небо висело совсем низко, так низко, что можно было достать до него рукой. Однажды старуха по имени Мона рушила рис. Каждый раз, как она поднимала пест, верхним концом его она ударяла в небо.

— Хоть бы ты поднялось — ведь из-за тебя я не могу хорошо порушить свой рис! — сказала Мона небу.

Небо поднялось. С той поры оно высоко, и нам до него не достать.

Мона была первой женщиной на земле. Иногда ее называют также Туглибунг. Первого мужчину звали Туглай. Были тогда на земле только один мужчина и одна женщина. У них родились дети. Старшего сына они называли Малаки, а старшую дочь — Биа. Они жили посередине земли.

Туглая и Туглибунг создал бог, а уж они потом создали все, что есть на земле. Они жили богато и были счастливы.

Там, где они жили, была змея. Эту змею тоже создал бог. Змея стала искушать Туглая и Туглибунг и дала им плод.

— Если съедите этот плод, ваши глаза откроются, — сказала она.

Они послушались и съели плод. Бог рассердился на них, и с тех пор никто его больше не видел.

Как появились обезьяны

Жил когда-то жестокий и злонравный царь. У его жены, царицы, нрав был такой же злой, как у него, и их подданные в душе ненавидели царя и царицу. Однако показать это они не смели и были с царем и царицей очень почтительны. Царь и царица были богаты. Царь любил вкусно поесть и повеселиться. Они с царицей часто устраивали пиры и приглашали на них тех, кто им был по душе. Как ни жестоки, ни злонравны были царь с царицей, все же находились люди, которые любили их — те, кого царь и царица часто приглашали на свои пиры.

Однажды во дворце у царя целый день шел пир. В саду стояли три больших стола, и за ними сидели гости. Они ели, пили, смеялись и весело разговаривали с хозяевами.

Вдруг к одному из столов подошла старуха в грязных лохмотьях и попросила у пирующих милостыню. Гости прогнали ее. Старуха подошла к другому столу, но и тут ей отказали в милостыне и прогнали ее.

Наконец, она подошла к столу царя и царицы.

— Пожалейте меня, — сказала им старуха, — дайте мне чего-нибудь поесть, я очень голодна.

Но царица тоже оттолкнула старуху и сказала:

— Убирайся прочь — этот пир для знатных людей, а не для нищих, как ты!

И ости захохотали и начали бросать в нищенку ножи. Царь тоже смеялся.

— А ну-ка, — сказал он, — давайте посмотрим, кто из вас лучше бросит нож в ее крепкую голову! Кто попадет ей в макушку, получит награду.

Старуха растерялась: никто не хотел защитить ее. И вдруг, в самый разгар веселья, там, где она только что стояла, вспыхнул ослепительный свет, старуха исчезла, а вместо нее появилась прекрасная женщина в белой одежде. Пирующие окаменели от ужаса.

— Вы жестокие и жадные люди, — сурово сказала женщина. — Ни в одном из вас нет доброты, которая должна быть в человеке, и поэтому вы превратитесь теперь в зверей с человеческими лицами.

Как только она сказала это, ножи, брошенные ими, полетели обратно, прилипли к их задкам и превратились в хвосты. Красивые одежды превратились в длинную шерсть, руки удлинились, а когда они пытались заговорить, из их ртов вырывалось только: «Курррааа!»

Им стало стыдно своего вида, и они убежали в лес, где и живут с той поры. Вот откуда появились первые обезьяны на Филиппинах.

Откуда появились луна и звезды

Жил когда-то человек по имени Гинтудан^[96]. Ему надо было кормить большую семью, но он был очень беспечный.

Как-то раз он пошел по берегу реки и увидел в воде угря. Угорь сказал ему:

— Гинтудан, может, ты поешь с нами? Посмотри, какая вкусная у нас еда!

Гинтудан посмотрел и увидел разную еду — жареную, вареную и печеную. У него прямо слюнки потекли, и он остался у угрей и ел с ними две недели. Когда он собрался уходить, ему пришлось распустить посвободней набедренную повязку, потому что он потолстел.

Гинтудан пошел дальше вдоль берега и увидел в реке боль-пгую рыбу икан. Рыба икан тоже позвала Гинтудана поесть, и Гинтудан спросил:

— А чем вы меня угостите?

Рыба ответила:

— Иди, сам увидишь!

Гинтудан пошел к рыбам и пропировал у них много дней и только потом вспомнил, что ему надо идти дальше. Он пошел дальше и дошел до пруда. У рыб палиленг в пруду был в это время большой праздник, и Гинтудан провел у них три недели, пробуя все вкусные кушанья, какие только там были. К концу третьей недели он так растолстел, что под складками жира не стало видно набедренной повязки, и Гинтудан казался голым. Он не мог идти дальше, и ему пришлось повернуть к дому.

Гинтудан едва добрался до селения. Подходя к нему, он услышал звон медных гонгов: был праздник. Гинтудан сразу подумал о том, сколько, должно быть, наготовили разных вкусных вещей, и пошел переваливаясь туда, откуда доносилась музыка. Увидев, какой он толстый, люди так и покатались со смеху. Очень рассердился на них Гинтудан и решил им отомстить.

Одному из гостей захотелось посмешить собравшихся, и он стал просить Гинтудана, чтобы тот потанцевал. Гинтудан сказал ему:

— У меня нет ни золотой повязки на голове, ни браслетов, ни бус, а что за танцы без них? И ведь вы только сейчас смеялись надо мной из-за того, что на мне не видно набедренной повязки.

Но люди стали упрашивать Гинтудана, дали ему свои браслеты и бусы, а хозяин — свою собственную золотую повязку с головы, лишь бы Гинтудан тапцевал. Из медных гонгов выбрали лучший, с самым чистым звуком, и дали Гинтудану, и теперь он уже не мог отказаться.

Люди стали в круг, и Гинтудан в середине круга начал бить в гонг и танцевать. Он кружился и кружился, а потом вдруг стал подниматься в воздух, все выше и выше. Люди начали кричать:

— Гинтудан, вернись! Отдай нам наши браслеты! Отдай нам наши бусы! Верни золотую повязку!

Но Гинтудана уже не было видно: наступила ночь, и небо было совсем черное. И вдруг на ночном небе появился свет, которого до этого никто никогда не видел: золотая повязка на голове у Гинтудана стала луной, браслеты — большими звездами, а бусы — маленькими.

Откуда появились горы

Когда-то земля, на которой жили набалои, была совсем ровной. Людям, если они отправлялись в другие места, трудно было потом найти дорогу домой, потому что равнина казалась везде одинаковой. Они часто попадали к врагам, и те убивали их.

И вот однажды Кабуниан^[97], придя в селение Кабаян, увидел, что людей там совсем мало. Он спросил:

— Почему здесь так мало людей?

Старики ответили:

— Когда наши сыновья идут куда-нибудь, они не могут найти дорогу назад, потому что земля ровная и везде одинаковая.

На это Кабуниан сказал:

— Ну и что? Разве они не знают, что солнце восходит на востоке и заходит на западе, и разве оно не показывает им путь?

Но старики снова сказали:

— Все равно это не помогает им найти дорогу домой.

Старики поспорили с Кабунианом, что ему не найти человека, который, отойдя на два дня пути от Кабаяна, мог бы отыскать дорогу назад. Кабуниан сказал, что, если поспорит, он сделает на их земле горы.

Кабуниан решил отправить в путь из Кабаяна человека, жившего в подземном мире. Он уговорился со стариками: если этот человек найдет дорогу назад, он станет хозяином над душами набалои.

Человек, которого послали, взял с собой заостренную палку и пошел, втыкая ее в землю, чтобы за ним оставались ямки. На третий день он повернул назад и пошел в Кабаян, отыскивая дорогу по ямкам, которые сам же сделал.

Люди из Кабаяна, гостившие в других селениях, увидели, что он возвращается, и поставили посреди дороги кувшин тапуя^[98], а сами спрятались неподалеку в траве. Когда человек из подземного мира увидел тапуй, он выпил его весь до капли и опьянел. Тогда люди взяли свои боло

и убили его. Он так и не вернулся в Кабаян. Кабуниан увидел, что проспорил, и ему пришлось, как он обещал, сделать горы на земле набалои.

Как появились гром и молния

Кабуниан долго не женился, и луна из-за этого все время над ним смеялась.

Однажды, придя в селение Лутаб, Кабуниан увидел там красивую девушку, женился на ней, и они стали жить в доме ее отца. Но другие женщины селения тоже хотели выйти замуж за Кабуниана и стали ревновать его к жене. Одна из них сказала:

— Давайте привяжем козла под домом, где спит с женой Кабуниан. Он подумает, что зловоние исходит от его жены, бросит ее и женится на одной из нас.

Так они и сделали — стали каждую ночь привязывать под домом козла. Однако вскоре Кабуниан понял их хитрость, очень рассердился и решил уйти из Лутаба домой, на небо, взяв с собой и жену. Вскоре после того как они отправились в путь, у его жены родился сын, и им пришлось на три дня остановиться. Через три дня Кабуниан с женой пошли дальше и пришли к скале, такой большой, что женщина не могла через нее перебраться. Она сказала Кабуниану:

— Давай вернемся, я не могу идти дальше.

Кабуниан на это ей ответил:

— Ты, если хочешь, можешь вернуться в Лутаб, но сына я возьму на небо.

Жена Кабуниана заплакала, потому что хотела оставить сына себе. Кабуниан рассердился, выхватил боло и разрубил ребенка на две части. Одну половину он взял себе, а другую дал жене. Из своей половины он сделал молнию и пошел дальше. Отойдя немного, он обернулся и увидел, что жена, не в силах оживить свою половину ребенка, горько плачет. Кабуниану стало ее жалко, и он превратил другую половину ребенка в гром.

Больше Кабуниан не спускается с неба к набалои, но время от времени он посылает молнию посмотреть, что они делают, и гром, чтобы тот бранил их, когда они поступают дурно.

Откуда появились деревья

В давние времена на земле не было деревьев и люди делали себе дома из травы и бамбука. Тогда жили двое людей, которых звали одинаково — Кабигат, только один из них жил в верховьях реки, а другой в низовьях. Как-то раз Кабигат с верховьев гнался за оленем. Олень остановился напиться воды, и в это время на него напал скрывавшийся в траве крокодил. Крокодил убил оленя и уже начал его пожирать, когда появился вдруг Кабигат. Кабигат замахнулся на крокодила копьем, но крокодил сказал:

— Не убивай меня, и я научу тебя, как вырастить здесь деревья — тогда ты во время охоты сможешь преследовать оленя в тени.

Кабигат с верховьев никогда еще не видел деревьев и не знал, что это такое, но поверил крокодилу и согласился не убивать его. Тогда крокодил сказал Кабигату:

— Иди за мной.

И они пошли по берегу реки к ее низовьям. Весь первый день крокодил полз, а Кабигат шел за ним следом. Вечером Кабигат остановился приготовить себе пищу, поел и сказал:

— Я вернусь, потому что я устал и мои ноги изранены.

Крокодил ответил:

— Река здесь глубокая, дальше мы можем плыть.

Но Кабигат на это сказал ему:

— Я не умею плавать.

Тогда крокодил сказал:

— Садись ко мне на спину, и я поплыву с тобой к низовьям.

Кабигат сел к нему на спину, и через четыре дня они доплыли до хижины Кабигата, жившего в низовьях. Кабигат с низовьев спросил:

— Зачем ты пришел сюда?

Кабигат с верховьев ему ответил:

— Меня привел сюда крокодил — он сказал, что научит меня выращивать деревья.

Кабигат с низовьев тогда сказал:

— Вот пещера, войди в нее, и ты придешь к хижине Масекена, того, что живет в подземном мире. Жители подземного мира едят людей и съедят тебя, если узнают, что ты человек; но если ты будешь делать, как я скажу, и возьмешь для меня оттуда небольшое деревце, то сможешь вернуться.

Кабигат с верховьев согласился. Тогда Кабигат с низовьев взял собачий хвост и привязал его Кабигату с верховьев, а потом выкрасил

ему брови травяным соком в зеленый цвет и сказал:

— Когда вечером остановишься в пещере отдохнуть, разожги огонь, чтобы от дыма твои глаза покраснели.

На другой день Кабигат с верховьев пришел к хижине Масекена и увидел, что у Масекена и у всех его соплеменников зеленые брови, красные глаза и хвост. Кабигат сказал Масекену:

— Я слышал, тебе нужен кто-нибудь, кто приносит бы тебе дрова. Я могу это делать.

Масекен согласился, и Кабигат вместе с жителями подземного мира пошел за дровами в лес. В лесу он стал вырывать с корнями молодые деревца, чтобы взять их с собой наверх, но вдруг услышал, как подземные жители позади него говорят:

— Это человек, давайте уьем его и съедим!

Они догадались, что Кабигат человек, когда увидели, что его хвост висит и он им не размахивает. Кабигат испугался и бросился бежать к выходу из пещеры. Выскочив наконец наружу, он подкатил к выходу большой камень и завалил им пещеру. После этого он пришел к дому Кабигата с низовьев и отдал ему часть деревьев, взятых в подземном мире; однако сосну и дуб он оставил себе и отнес к своему дому в верховьях. Там он посадил их, и вскоре после этого вокруг уже зеленели густые леса.

Сотворение человека

Вначале людей на земле не было. Лумавиг^[99] спустился на землю и нарубил тростника. Срубленные тростинки он связал попарно и разнес по всем уголкам земли. Тростинки сразу превращались в людей, по одному мужчине и по одной женщине в каждой паре.

— Говорите, — приказывал Лумавиг людям.

И люди говорили, но речь одной пары была непохожа на речь другой.

Прошло некоторое время, и людей на земле стало много. Дети говорили на том же языке, что и их родители, — вот почему в каждой стране свой язык.

Лумавиг увидел, что люди на земле во многом нуждаются. Тогда он создал в одном месте соль и сказал людям, жившим там, чтобы они ели ее сами и продавали своим соседям. Но люди, жившие там, не поняли его, и, когда Лумавиг снова пришел туда, он увидел, что вся соль лежит

там, где он ее оставил. Тогда он взял ее и отнес народу маинит^[100]. Маинит послушали его совета, и с тех пор они владеют солью, а люди из других мест у них ее покупают.

Потом Лумавиг отправился к бонтокам.

— Возьмите глину, — сказал он им, — и лепите из нее горшки и кувшины.

Бонтоки послушались его, но лепить они не умели, и поэтому горшки и кувшины получались у них уродливыми.

— Отныне, — сказал им тогда Лумавиг, — вы будете покупать горшки и кувшины, нужные вам для приготовления пищи, у других народов.

Лумавиг пошел к самоки^[101] и сказал, чтобы горшки и кувшины делали они. У самоки они получились очень красивые, и Лумавиг был доволен.

— Отныне горшки и кувшины будете делать вы, и вы будете продавать их людям из других мест, — сказал он самоки.

Так Лумавиг научил людей на земле работать. Он дал им все, что нужно для жизни.

Монг-о

Когда-то давно в селении Бонток жили муж и жена. Их маленькая хижина стояла на самом краю селения. Они жили счастливо, хотя и были бедны. Жена родилась здесь, в Бонтоке, а муж был родом из Пингада.

Однажды муж отправился, как всегда, работать в поле и стал переходить вброд ручей. Вдруг к его ногам подкатился круглый камень. Человек обошел его и зашагал дальше, но камень покатился за ним следом, догнал его, снова преградил ему путь и сказал:

— Я добрый дух, а зовут меня Монг-о. Раньше я жил в Пингаде, твоём родном селении, но со мною там плохо обращались, и я перекатился в Бонток. Ты приютишь меня?

Доброму человеку стало жалко камень, и он не пошел на свое поле, а подобрал Монг-о и понес к себе домой. Жена удивилась, что он вернулся так скоро, но еще больше удивилась она, когда муж рассказал, что за камень он принес. Ей тоже стало жалко камень, и она поселила Монг-о в лучшем углу хижины.

Монг-о был очень доволен своей жизнью, а муж и жена после того, как он у них поселился, зажили счастливей прежнего. Во всем им

сопутствовала удача — они стали собирать большие урожаи на своем поле, быстро разбогатели, и у них родилось много детей. И наступило время, когда семья их стала самой богатой во всем Бонтоке.

Муж и жена состарились и умерли, и тогда Монг-о взяли к себе их дети. Они так же любили камень и заботились о нем, как их умершие родители, и он гостил у каждого из них по очереди.

Однажды в Бонтоке начался пожар, и все селение сгорело. Монг-о провалился сквозь горящий пол, упал на землю и откатился в сторону. Ему хотелось быть около людей, и, увидев, что у ручья кто-то стоит, он покатился туда. По пути, однако, Монг-о ударился о другой камень, больше и тяжелее его, и разлетелся на куски. Монг-о очень опечалился, потому что лишился дара речи и не мог сказать людям, кто он, а люди ходили по его осколкам и не узнавали его.

Потом один мальчик, младший сын тех, кто приютил Монг-о, узнал камень и заговорил с ним, но камень не ответил. Тогда мальчик взял корзину, собрал в нее осколки и отнес старшим братьям, а те с почтением перенесли Монг-о в рисовый амбар. Там и пребывает он по сей день. Каждые четыре года, в большой праздник, Монг-о выносят наружу, чтобы он одарил тех, кто его почитает, всеми благами, какими одарил когда-то добрых мужа и жену.

Бог Чача и бог Кедьем

Жили когда-то бог-воин Чача и бог-кузнец Кедьем. Они были добрыми соседями. Однажды Чача заметил, что хотя время уже позднее, его двоих сыновей нет дома.

— Где наши сыновья? — спросил бог Чача у жены.

— Наверно, они в соседней хижине, у кузнеца Кедьема, — ответила жена, — я видела, как они туда вошли.

Бог Чача подумал, что сыновьям давно уже пора быть дома, зажег факел, чтобы осветить себе, и пошел к Кедьему.

Когда Чача вошел к соседу в хижину и спросил про сыновей, Кедьем, занятый своей работой, даже не посмотрел на него, а только сказал:

— Они все лезли ко мне и мешали работать — что я ни сделаю, они ломают. За это я отрубил им головы.

И он показал на два обезглавленных тела в одном углу хижины и на две головы в другом. Чача взял тела и головы сыновей и соединил

каждую голову с ее телом. Головы сразу приросли, и мальчики ожили, но, прежде чем уйти вместе с ними, Чача сказал Кедьему, что завтра они вдвоем должны встретиться в лесу для поединка.

Невиданный бой разгорелся на другой день между двумя богами. Оба принесли с собой все свое оружие, а когда его больше не осталось, начали вырывать из земли и швырять друг в друга деревья и вырывали до тех пор, пока не выкорчевали весь лес.

Однако ни один не мог осилить другого, и они решили продолжать бой на другой день. Теперь боги стали драться в реке. Они побросали друг в друга все камни, какие только в ней были, но ни одному не удалось убить или хотя бы ранить другого. Опять наступила ночь, и тогда бог-воин сказал богу-кузнецу, что лучше им помириться и дружить снова как прежде.

— Отныне, когда я буду есть рис, ты тоже будешь есть вместе со мной и будешь знать, что тебе не надо меня бояться, — сказал Чача богу-кузнецу. — А когда я закурю трубку, ты тоже будешь курить ее и не будешь ждать от меня зла.

Кедьем с радостью согласился, и они позвали других богов, чтобы те были свидетелями их примирения. С той поры так и повелось: когда два враждующих народа мирятся, все знают, что можно без страха есть, пить и курить с прежним врагом — он больше не нападет.

Потоп

Золотой век

Рассказывают, что до потопа земля была совсем ровной, если не считать двух больших гор — Амуяо на западе и Калавитана^[102] на востоке. Землю покрывали дремучие леса, а люди жили по берегам реки, протекавшей посреди равнины между двух гор.

Тогда все было лучше, чем сейчас. Люди были полубогами и жили счастливо. Срежешь стебель бамбука — внутри него полно риса, надо только сварить. А стебли сахарного тростника были полны баияха^[103] — проделай отверстие в стебле и пей сколько твоей душе угодно. Рыбы в реке было столько, что ее можно было ловить руками, и охотиться на оленей и кабанов было куда легче, чем сейчас. Рис в те времена был крупный — одной пригоршней можно было накормить целую семью.

Возникновение гор

Настал один год, когда пришло время дождей, но дожди не начинались. Шли месяцы, а дождя все не было и не было. День за днем река мелела и мелела и наконец высохла совсем. Люди стали умирать, и тогда старики сказали:

— Если мы не достанем воды, то скоро все умрем. Давайте копать землю там, где прежде была река, потому что река умерла и ушла в могилу. Может быть, мы найдем душу реки и спасемся от смерти.

Они начали копать и копали три дня. На третий день, когда яма стала глубокой, из нее ключом забила вода — так не ожиданно, что несколько человек утонули, не успев выбраться из ямы.

Люди очень обрадовались воде и устроили большой пир. Но пока они пировали, небо потемнело и пошел дождь. Вода в реке стала подниматься все выше и выше и наконец вышла из берегов. Люди испугались и хотели остановить воду, но не смогли. Тогда старики сказали:

— Пойдемте в горы — боги воды разгневались, и мы все здесь утонем.

Люди бросились в горы, но всех, кроме двоих, настигла вода. Спаслись брат и сестра, которых звали Виган и Бутан. Виган взобрался

на гору Амуяо, Бутан — на гору Калавитан. А вода все прибывала и прибывала и наконец покрыла всю землю, кроме вершин двух гор.

Вода долго не спадала — от времени посева до времени сбора урожая. И все это время Бутан и Виган жили, питаясь плодами деревьев на вершинах двух гор. У Бутан был огонь, и этот огонь ярко светил ночью с вершины горы Калавитан. Виган увидел его и понял, что не только ему, но и еще кому-то удалось спастись. У Вигана огня не было, и ему было очень холодно.

Наконец вода спала. Брат и сестра очень удивились, когда увидели, что земля изрезана хребтами — теми самыми, которые на земле и теперь.

Новое появление людей на земле

Когда земля высохла, Виган пошел на Калавитан и увидел там свою сестру Бутан. Они очень обрадовались встрече и вместе спустились с Калавитана. Долго шли Бутан и Виган и наконец попали в прекрасную долину, где теперь живет род банаволь. Здесь Виган построил хижину. Когда хижина была закончена, Бутан стала жить наверху, а Виган внизу. Оставив сестре все необходимое, Виган пошел посмотреть, нет ли на земле других людей. Целый день ходил он и вернулся только поздно вечером. Так он ходил три дня, а вернувшись на третий день, сказал себе, что не осталось, видно, людей на земле, кроме него и Бутан, и только они могут снова заселить людьми землю. Прошло немного времени, и Бутан почувствовала, что у нее будет ребенок. Она горько заплакала, проклиная себя, и побежала, ничего не видя перед собой, вдоль реки на восток. Наконец, изнемогая от усталости и по-прежнему плача, Бутан присела отдохнуть на берегу реки, а потом, успокоившись, встала и огляделась вокруг. Как же испугалась она, когда увидела на камне неподалеку старика с длинной белой бородой! Старик подошел к ней и сказал:

— Не бойся, дитя! Я Маканонган^[104], и я знаю, как ты сейчас горюешь. Я пришел сказать, что тебе не нужно печалиться.

Пока старик говорил, пришел Виган, который следовал вдогонку за своей сестрой. Маканонган сказал:

— Боги благословляют ваш союз. В том, что вы сделали, нет дурного, потому что благодаря вам на земле снова будут люди. Возвращайтесь к себе домой и, когда вам будет трудно, приносите жертвы богам.

Его слова успокоили Бутан и, попрощавшись с Маканонганом, брат и сестра вернулись домой.

Прошло время, и у Вигана и Бутан родилось девять детей — пять сыновей и четыре дочери. Четверо старших сыновей женились на четырех дочерях, и от них произошли все люди на земле. У младшего сына жены не было.

Принесение в жертву Игона

Пришел год, когда урожай был очень плохой. Люди стали болеть от голода, им всем угрожала смерть. Виган вспомнил совет Маканонгана и приказал своим детям искать животное для жертвоприношения. Они поймали мышь и принесли в жертву, но никому от этого лучше не стало; тогда они пошли в лес, и поймали большую змею, и принесли ее тоже в жертву богам, но все больше людей болело и по-прежнему нечего было собирать на полях. Тогда Виган сказал: — Боги не услышали нас, потому что наши жертвы слишком ничтожны. Возьмите вашего брата Игона, у которого нет жены, и принесите его в жертву!

Люди взяли Игона, связали, и принесли в жертву, и стали молиться богам. И тогда к ним пришли Маканонган и другие боги. Они прогнали болезни, наполнили амбары рисом и умножили кур, свиней и детей. И Маканонган сказал людям:

— Вы поступили дурно, пролив человеческую кровь, — этим вы принесли в мир войну и насилие. Разойдитесь теперь в разные стороны, на север, юг, восток и запад, и больше не сходитесь вместе. И, когда вам понадобится принести жертву, пусть это будет не мышь, змея или ребенок, а курица или свинья.

Один сын Вигана пошел на север, другой — на юг, третий — на восток, а четвертый — на запад. От них и произошли все люди на земле, и они поныне враждуют и убивают друг друга — так же, как когда-то они убили Игона.

Как появился рис

В прежние времена люди не знали риса. Они ели плоды лесных деревьев, корни, рыбу и дичь. Люди тогда не умели обрабатывать землю и не умели разводить скот.

Когда там, где они жили, не оставалось больше корней или плодов и не удавалось больше наловить рыбы или убить дикого зверя, они переходили на другое место.

Они были довольны своей жизнью. Пока мужчины с собаками охотились в лесу, женщины и дети ловили рыбу, собирали плоды или охотились с луками и стрелами за дичью. Любую пищу, которую удавалось достать, делили на всех.

И вот однажды в погоне за диким кабаном несколько охотников забрели в горы. Они очень устали и решили отдохнуть в тени большого дерева. Солнце к этому времени поднялось совсем высоко, и они уже немного проголодались.

Не успел еще высохнуть пот на их телах, как они увидели: с вершины горы спускаются необычные мужчины и женщины. У них была гордая осанка и красивые лица, и от этих лиц исходил свет. Охотники испугались: они сразу поняли, что к ним идут боги, живущие на этой горе. Люди встали и почтительно приветствовали богов. Богам понравилась их почтительность. Они ответили на приветствия охотников и позвали их к себе на пир — к нему как раз готовились в это время на вершине горы. Охотники взвалили на плечи туши убитых зверей и пошли следом за богами.

На вершине горы охотники увидели, как слуги богов готовят пищу, и захотели им помочь. Они разрубили туши, которые принесли с собой, и грудой свалили куски в огонь. Тогда один из богов подошел к ним, взял бамбуковую палочку, нанизал на нее один за другим куски мяса и показал охотникам, как нужно жарить мясо, чтобы оно не подгорало.

Потом охотники увидели, что слуги берут из огня колена бамбука, разбивают их и высыпают из них белые зерна. Зерна они клали на банановые листья, разостланные на бамбуковом столе. К каждой кучке зерен слуги богов клали куски жареного мяса, снятые с бамбуковой палочки, а также корни и плоды; и еще они ставили рядом бамбуковые сосуды. Охотники думали сначала, что эти сосуды наполнены прозрачной водой, но оказалось, что это не вода, а вино богов.

Охотников позвали к столу, и тогда один из них сказал:

— Мы не едим червей.

Боги стали смеяться.

— Эти белые зерна, что лежат кучками на листьях, вовсе не черви, — сказал один из богов. — Это рис, зерна травы, которую мы здесь выращиваем.

— Садитесь к столу и попробуйте пищу богов, а тогда уж решайте, есть вам рис или не есть, — сказал другой бог.

Люди послушались богов и сели к столу. Как вкусны оказались маленькие зерна! Они не только насытили охотников, но и придали им силы.

После пира люди поблагодарили богов и подарили им свою добычу.

За это боги дали каждому из них по мешку золотистых зерен.

— Это нешелушенный рис, — сказали они охотникам. — Поручьте пестом в ступе несколько мешков риса и отвеите его хорошенько. Потом промойте очищенный рис, положите в сосуды из бамбука, налейте воды и варите на огне, пока он не станет таким же мягким, как рис, который вы ели здесь. Больные, когда поедят риса, начнут поправляться, а ваши родные — радоваться. Оставшиеся зерна, когда придут дожди, посадите в разрыхленную землю, и летом вы снимете урожай. Соберите его весь до последнего зернышка, покажите зерна вашим друзьям и научите их тоже обрабатывать землю и сажать рис. Если вы сумеете все это сделать, ваша жизнь станет спокойнее и счастливее, и вы сможете жить на одном месте.

С той поры люди и стали обрабатывать землю, разводить скот и строить жилища.

Как люди получили огонь

Когда-то у людей огня не было. Единственный огонь, который горел на земле, охраняли два великана. Огонь людям был очень нужен, но ни у кого не хватало смелости попросить у великанов хотя бы искорку.

Нашелся один смелый человек по имени Лам-анг, который придумал, как добыть у великанов огонь. Он дружил с разными зверями и рассказал им о своем замысле. Звери выслушали его, подумали и обещали ему помочь.

Лам-анг посадил на землю недалеко от селения лягушку, немного дальше поставил дикую лошадь, недалеко от нее — дикую кошку, недалеко от кошки — дикую собаку, а за ней, близ жилища великанов, поставил льва.

Вдвоем великанам было скучно, и они любили, когда к ним приходили гости. Лам-анг это знал. Он объяснил каждому из зверей, что тот должен делать, и пошел в гости к великанам.

Великаны очень обрадовались приходу Лам-анга и стали с ним разговаривать. Лам-анг сказал:

— Людям очень нужен огонь. Не могли бы вы дать им хоть один тлеющий уголек?

Великаны покачали головами и ответили:

— Мы должны охранять огонь и не можем дать никому даже маленькой искорки.

Выслушав их, Лам-анг подошел к окну и выглянул из него. Это был условный знак, о котором он договорился со своими друзьями. Сразу зарычал лев, залаяла собака, замыкала кошка, заржала лошадь, заквакала лягушка. Они подняли такой шум, что великаны испугались и выскочили из дому посмотреть, что случилось.

Тогда Лам-анг, не тратя зря времени, схватил красный уголек и побежал. Великаны увидели уголек у него в руках и бросились в погоню. Быстрее ветра помчались они за Ламангом, и уже казалось, что они вот-вот догонят его, но в этот миг Лам-анг добежал до льва, бросил на землю уголек и крикнул:

— На, друг, уноси скорее!

Лев подхватил уголек и огромными прыжками понесся прочь. Великаны не отставали, и уже казалось, что они вот-вот догонят льва, но тут лев добежал до дикой собаки, бросил уголек на землю и крикнул:

— На, друг, уноси скорее!

Дикая собака подхватила уголек и побежала прочь. Великаны не отставали, и уже казалось, что они вот-вот догонят ее, но тут собака добежала до дикой кошки, бросила уголек на землю и крикнула:

— На, друг, уноси скорее!

Дикая кошка схватила уголек и помчалась дальше. Великаны не отставали, и уже казалось, что они ее вот-вот догонят, но тут кошка добежала до лошади, бросила уголек на землю и крикнула:

— На, друг, уноси скорее!

Дикая лошадь подхватила уголек и поскакала. Великаны не отставали, и уже казалось, что они вот-вот догонят ее, но тут лошадь добежала до лягушки, бросила уголек на землю и крикнула:

— На, друг, уноси скорее!

Лягушка подхватила уголек и запрыгала к селению, но великаны догнали ее и схватили за хвост. От страха глаза у лягушки чуть не вылезли. Собрав последние силы, она прыгнула еще раз — и плюхнулась прямо в толпу людей посреди селения, оставив свой хвост в руках у великанов.

Так люди получили огонь, но у лягушки с той поры нет хвоста, а глаза ее так и остались выпученными.

Почему море соленое

Когда-то, давным-давно, когда мир был еще молод, на земле жил великан по имени Анг-нгало — единственный сын бога строительства. Анг-нгало был трудолюбив и любил странствовать по свету. Он жил в горах и выкопал там много пещер. Эти пещеры он защищал от гнева Ангин, богини ветра, обрывами и кряжистыми деревьями. Взбираясь в одно ясное утро к самой высокой из своих пещер, Анг-нгало увидел по ту сторону океана (а океан в то время был прозрачен — это были слезы богинь) прекрасную девушку. Она махала ему черным платком и знаками звала к себе, и Анг-нгало пошел к ней вброд через океан. Глубокие ямы в океане — это его следы.

Прекрасная девушка была Сипгнет, богиня тьмы.

— Мне надоел мой темный чертог в небесах, — сказала она великану. — Ты — великий строитель, и я хочу, чтобы ты построил мне на земле дворец из белых кирпичей.

Анг-нгало не смог найти совсем белых кирпичей. Тогда он попросил помощи у властителя царства соли Асина, и тот дал ему кирпичей из чистой, ослепительно белой соли.

Анг-нгало построил сотни бамбуковых мостов через океан. Миллионы людей день и ночь переносили белые кирпичи с одного берега океана на другой. Наконец терпение океана истощилось, ему надоело, что люди нарушают его глубокий и спокойный сон, и однажды, когда те несли по мостам кирпичи из белой соли, океан послал к ним большие волны и разрушил мосты. Носильщики соли и их груз были погребены в морской пучине.

Со временем соль растворилась, и поэтому вода в море теперь соленая.

Как появился первый вулкан на Филиппинах

Когда-то правил на одном острове старый царь. Он был добрым и умным правителем, и подданные ему беспрекословно повиновались. Они жили богато и часто устраивали празднества — праздновали сбор больших урожаев и победы над жителями других островов, нападавшими на них.

Однажды старый царь созвал свой народ на большое поле и сказал:

— Дорогие мои подданные! Я собрал вас всех, чтобы объявить: с этого дня я запрещаю вам всходить на ту гору, — и он показал на зеленую гору неподалеку от места, где они собрались.

— Запомните и соблюдайте мой запрет, — сказал в заключение старый правитель.

— Да, — ответили люди, и каждый поднял руку в знак того, что клянется выполнить повеление царя.

И вдруг они застыли от изумления: старик бесследно исчез у них на глазах.

Прошло много дней, но старый царь так и не появился. Однако долго после этого люди жили в мире и достатке, собирали богатые урожаи, и жители других островов не тревожили их. Шло время, и люди позабыли запрет царя. Им очень хотелось узнать тайну горы, и они наконец взобрались на ее вершину.

Как же они изумились и обрадовались, когда увидели на вершине горы большую яму, до краев наполненную драгоценностями! Глаза их чуть не ослепли от блеска рубинов, топазов, изумрудов, алмазов и золота.

Люди любовались несметными богатствами, а многие уже собрались драгоценности уносить, когда раздался вдруг подобный грому голос старого царя:

— Вы нарушили мой запрет, и за это будете наказаны. Пусть разразятся землетрясение, гроза и буря!

Не успел он договорить эти слова, как послышался грохот и с вершины горы полетели во все стороны огромные камни.

С той поры эта история передается из поколения в поколение, а гору называют первым вулканом на Филиппинах.

ВЬЕТНАМСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Перевод Н. Никулина

Сказание о Дам Зи

Широко раскинулось богатое селенье, домов в нем столько, сколько травинок на холмах. Разный люд там живет — и бедный и богатый. На трех холмах стоит селенье, на трех холмах, которые поросли буйной травой, и подступают к нему с трех сторон джунгли. А за оградой, которая возведена вокруг селенья, в куну свалены шелуха от рисовых зерен, очистки батата и маниоки. Гуляют по селенью парни и девушки, путники из далеких и ближних мест, их великое множество, будто пчел, которые покинули улей. Каждый знает — и кто на западе живет, и кто на востоке живет, как богато селенье Дам Зи, как здесь много гонгов из бронзы, узорчатых кувшинов — все знают, что здесь в изобилии рис и вино. Дом, где живет сам Дам Зи, стоит посредине. По широкой лестнице, которая ведет в дом, непрерывной чередой движутся люди — одни идут вверх, другие вниз. Помост из толстоствольного бамбука сделан, а ниже помоста — доска, на ней барабан стоит со стропилами вровень. Сверкают огнем кувшины из меди, а котлов, больших и малых, столько, что ступить некуда. Свиной во дворе — будто камней в горах, кур — словно листьев в лесу. Выйдут гуси и утки на озеро, белым становится озеро. Огромные стада быков и буйволов на пастбищах пасутся, прирученным слонам в лесах нет счету. Люди селенья из года в год досыта едят, из месяца в месяц пьют вдоволь. В гонг ударят в доме Дам Зи — стропила обрушатся, бронзовый барабан загремит — столбы покосятся. Обезьяны в джунглях на ветках заслушаются, забудут о цветах и о сладких плодах.

Дам Зи и его братья, которые ростом стали с отца, и их сестра, которая с мать сделалась ростом, весь день и всю ночь отдыхали. Дам Зи был могуч, словно старый баньян, он первым вырос и давно возмужал. Второго брата звали Син Мын, третьей в семье была сестра Бера Этан, за ней шел младший брат по имени Син Мэнга. Дам Зи и его братья добыли себе сверкающие кхиены, добыли мечи. Все трое уже в тот возраст вошли, когда сила есть, чтоб кхиен метнуть ловко и с мечом в руке оборонить от врага селенье. Братья часто охотились в джунглях на носорогов, не раз ходили на тигров, а диких кабанов, оленей, ланей и других тварей, которых они перебили, которым головы свернули, не счесть. Красавцами уродились три брата и именами звучными родители их нарекли. Были братья стройными и проворными, как дикие лани. Взор ясный, как у попугая, меткий и острый, как у осы. Повязки на бедрах дивно расшиты. Шагнут братья шаг — украшенья звенят. Кинжалы висят у пояса, до самых бедер спускаются, мечи по земле волочатся.

Голову братья держат горделиво, будто лесная птица, у губ упрямые складки пролегли.

Сестра их Бера Этан тоже слыла красавицей. Во всем обширном крае второй такой не сыщешь. Волосы на лоб ниспадают, сверкают белые зубы, лицо овальное, будто яйцо из-под несушки. Тело округлое, точно корзиночка, в которую девушки украшения кладут и на ночь у изголовья прячут. Кожа розовая, как цветок оран, и блестящая, словно цветок кэнок. Сядет она — деревья и травы вянут в изумленье. В лес зайдет — птицы умолкнут, забудут о спелых плодах. Волосы у нее в большой пучок собраны, и медная шпилька из него торчит. В маленькие пучки шпильки из серебра понатыканы. Станет она наверху, а волосы по самым нижним балкам дома рассыпаются. Стан тонкий, словно муравей, груди дивно изогнуты, будто котлы медные, ягодицы круглые, будто яйца, что пташка лесная снесла. Юбка и кофта на ней цветами расшиты, бахрома развеивается, с ветром играет, будто догнать его хочет, украшения звенят. Ходит она плавно, легко, мерно покачиваясь, будто хобот слоновый. Ступит шаг — никто не услышит, как не слышно плеска рыб под водой.

Взглянешь на Беру Этан и не поверишь, что мать с отцом ее на свет родили. Будто славный умелец вылепил ее искусной рукой или отлил из бронзы. Посмотришь на нее издали — глаз не отведешь, вблизи она — еще краше, еще милее. За одно ее слово целого буйвола можно отдать, за улыбку — и слона не жаль. Засмеется она — каждый обрадуется.

Во всех селеньях, на западе и на востоке, возносят хвалу Бере Этан. Раскроет она губы в улыбке, зубы сверкают, словно цветок дамзэ, раскрывший поутру лепестки. А станет она ткать или вышивку сделает — никто в проворстве рук не сравнится с ней. На шее два ожерелья сверкают: из серебра и из золота. На свете нет краше Беры Этан.

Трех сыновей и дочь народили на свет мать и отец. Мать на рассвете вставала и весь день трудилась. Порвется у детей одеяло, она другое ткет, прохудится рубаха — она кладет заплаты.

Выросли дети, ума набрались, сыновья вышли в поле работать, стали в лесу на птиц охотиться, дочь начала для матери ткать, для отца вышивать набедренные повязки. И вот как-то утром, когда в поле больше не было дела, мать сказала сыну:

— О Дам Зи! Я родила вас, моих сыновей, вы выросли, ростом догнали отца. Я родила вас, мои сыновья, я вас вырастила. А теперь вы должны выполнить то, о чем я вас попрошу. Вы приносили вдоволь рыбы и мяса, я варила и жарила, но рыба и мясо мне приелись. Хочу я узнать, вправду ли сладок и вкусен чудо-тростник гуон, который растет в

далеких джунглях. У вашей матери ноги ослабли, руки дрожат, сохнет тело, как сохнет и вянет от тумана табачный лист...

И отвечает Дам Зи:

— О матушка! Ты хочешь узнать, вправду ли сладок и вкусен чудо-тростник гуон, который растет в дальних джунглях?

— Хочу, сын.

— Завтра же мы, твои сыновья, отправимся в джунгли за тростником. Стара наша матушка стала, немощен наш батюшка.

Солнце все ниже и ниже клонилось. Куры уже уселись на насест, вернулись с пастбищ буйволы и быки. Тогда Дам Зи и взошел на крыльцо, и бросил клич людям селенья, чтобы рассудить вместе с ними, как завтра в путь отправиться за чудо-тростником.

Вскричал Дам Зи:

— Эй, слушайте, рабы! Всех вас скликаю я. Поешьте рису, воды напейтесь и ко мне спешите. Рассудим одно дело.

Тут раб пришел и спрашивает:

— О господин наш, о Дам Зи! Мы слышали твой зов. Что приключилось?

Отвечал Дам Зи:

— Не ради забавы кинул я клич. Вот люди придут, все как есть расскажу, без утайки.

Люди селенья едва слышали клич, тотчас к Дам Зи поспешили. Даже малые дети пришли, старцы с посохами приковыляли. Огромная толпа собралась, тогда и молвил Дам Зи:

— Слушайте, рабы, слушайте, люди селенья! Мы подожгли шелуху от рисовых зерен, костер развели, в костер побросали очистки бататов, чтобы дымом вам подать знак. Слушайте же, люди, меня.

Отвечали рабы и люди селенья:

— Мы слушаем тебя, о господин наш!

— Завтра мы отправимся в джунгли, чтобы добыть чудо-тростник.

Пусть пойдут с нами все — и стар и млад!

Отвечали рабы и люди селенья:

— Нам давно хотелось добыть чудо-тростник, но некому было повести нас в джунгли, а ты вызвался, и завтра мы все пойдём за тобой.

Молвил Дам Зи:

— Раз так, припасите рису и соли побольше. Никто не ведаёт, долог ли, короток ли будет наш путь. А вы, юноши, с милыми девушками

проститесь, прежде чем в джунгли уйти, а у кого есть жена, с женой распрощайтесь.

Отвечали юноши:

— О господин наш, напрасны наставленья твои. Мы знаем обычаи предков и строго их соблюдаем.

Все разошлись по домам, чтобы припасти еду и все остальное, что в пути надобно бывает. А юному Син Мэнге, младшему брату Дам Зи, никак не сидится дома, тянет его со двора. Ведь он вырос, ума набрался, он хочет теперь, чтобы к ним в дом женщина пришла, которая бы рис для него варила, ткала рубахи и расшивала узорами набедренные повязки. И спрашивает он сестру:

— Скажи-ка мне, сестра! Вот я вырос, ростом стал с отца, умею джунгли корчевать, в поля их превращать. Хочу, чтобы к нам в дом женщина пришла, которая бы рис для меня варила, ткала рубахи и расшивала узорами набедренные повязки. Ты не слыхала, не живет ли в селенье на западе или на востоке девушка, которая в одиночестве коротает дни и ночи? Где бы такую найти, чтоб красивой была, хоть сядет, хоть встанет, чтобы округлой была, как тюк, хлопком набитый?! Где бы такую найти, чтобы ровней была мне, словно вино одного урожая? Где бы такую найти, что со мной родилась в один день, в один час?

Отвечала Бера Этан:

— О брат мой Син Мэнга! Ни в селеньях на западе, ни в селеньях на востоке, ни в деревнях, что раскинулись возле реки, ни в селах на склонах гор не найти такой девушки. Но есть одна, которая придется тебе по нраву. Зовут ее Хэбиа Сун, а живет она у реки Эзон. Взглянет она на тебя прямо, потом посмотрит сбоку и полонит твое сердце.

— Видно, права ты, сестра, — отвечал Син Мэнга.

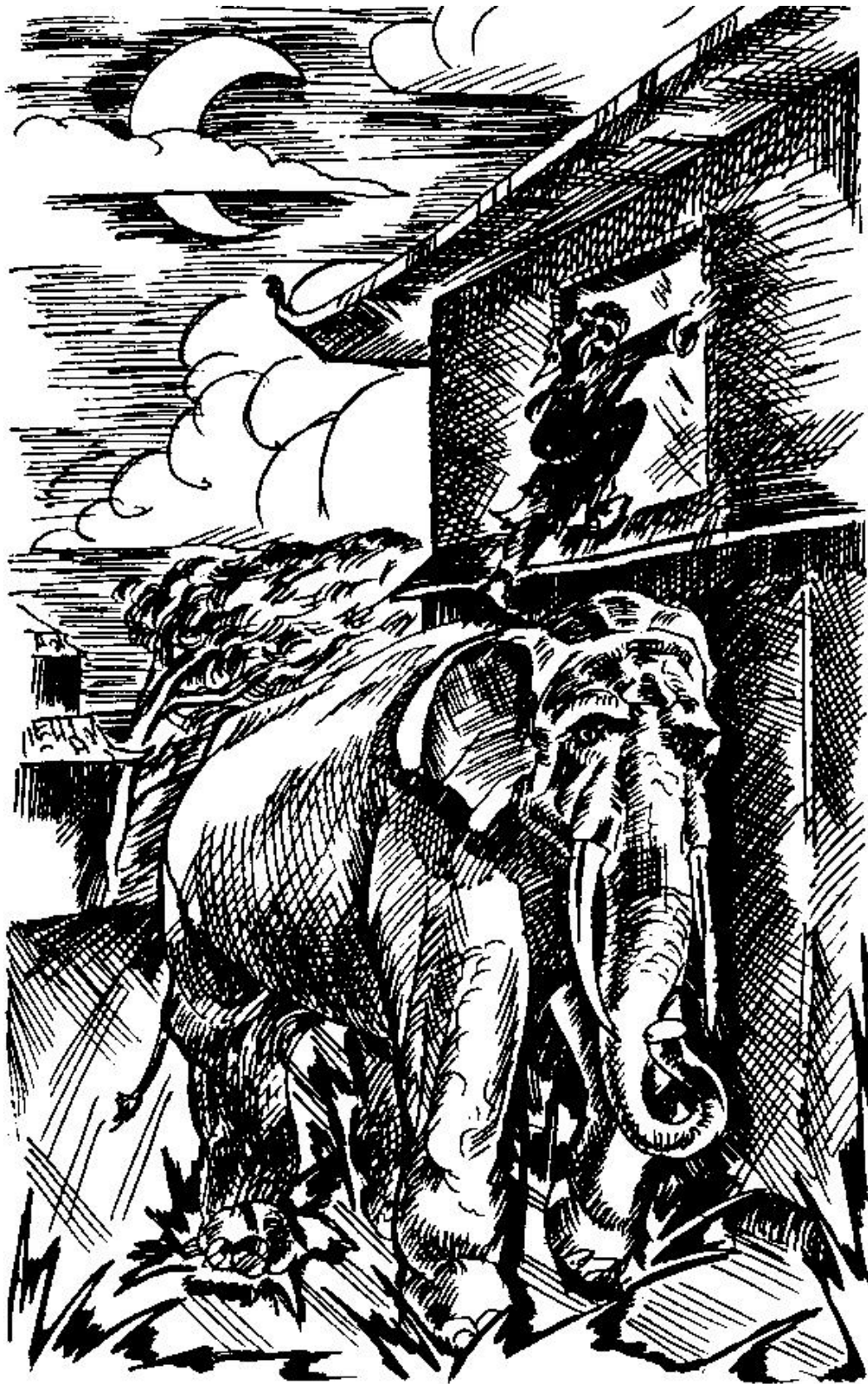
Назавтра, только солнце стало клониться к закату, Син Мэнга надел на бедра повязку, самую лучшую выбрал, цветами вышитую, красной и синей бахромой украшенную. Шагнет Син Мэнга, а бахрома вьется, вслед летит. Надел он рубаху с красным шитьем на груди, голову повязал шелковым платком. Сияет тот платок, переливается, точь-в-точь как перья у птицы диеу. Вышел Син Мэнга из дому и отправился к тому селенью, где жила Хэбиа Сун. Подошел Син Мэнга к дому красавицы и задумался.

— Как в дом войти? Поднимешься прямо по лестнице — в очаг угодишь, где мать развела жаркий огонь, проберешься в дом с другой

стороны — опять в очаг угодишь. Можно бы в окошко влезть, да не знаю, спустит ли мне красавица лестницу.

Юноша подошел было к окошку Хэбиа Сун, но слон, который дом сторожил, учуял чужака и прогнал его. Син Мэнга побежал прочь, тихонько приговаривая:

— Эй, слон длиннохвостый. Твои бивни огромны и могучи. Не гони меня. Я пришел сюда, чтобы увидеть красавицу Хэбиа Сун. Дай срок, я воздам тебе заботой и лаской.

Как услышал слон эти слова, так успокоился, не гнал больше Син Мэнгу, захлюпал хоботом, слезы потекли у него из глаз. Опустился он на все четыре ноги. Син Мэнга проворно взобрался к нему на спину, тогда слон опять на ноги встал, и юноша впрыгнул прямо в покои прекрасной Хэбиа Сун, вошел, осторожно ступая. Красавица почивала, и снились ей сладкие сны. Была она прекрасна, словно браслет из серебра, кем-то забытый на узорной циновке. Остановился юноша и не знает, что делать, как ему девушку разбудить.

— Как же мне быть теперь? Позовешь ее громко, разбудишь — станет гневаться. Дотронешься до лица — укусит, чего доброго. Возьмешь за ногу — ногой ударит. Возьмешь за руку — ударит рукой. Поглажу-ка ей груди — тогда она рассмеется.

Так он и сделал.

Шевельнулась легонько красавица, изогнулась, словно змея, и спрашивает:

— Кто это здесь? Не Син Мын ли?

— Нет, я не Син Мын.

— Так, может, это Дам Дероан?

— Опять не угадала.

— А, теперь знаю. Син Мэнга пришел.

— Да, это я, Хэбиа Сун.

— Где же ты бродишь, Син Мэнга, что за весь год твоя нога в первый раз ступила на лестницу моего дома, что за весь месяц ты в первый раз поднялся ко мне на помост?

Отвечал Син Мэнга:

— Хочешь знать, где я брожу? Нынче буйвол ищет нежную, молодую траву, юноши эдэ выросли и набрались ума, им надобно иметь свой дом и поле на горном склоне.

Сказала прекрасная Хэбиа Сун:

— Тебя обуяли дерзкие мысли. Как же посмел ты коснуться моих одеял и циновок?

— У меня крепкие ноги, потому я отважился пройти по поперечным стропилам в твоём доме, у меня широкие бедра, потому я отважился пройти по продольным стропилам в твоём доме, дерзнул коснуться твоих циновок и одеял. Истинную правду тебе говорю, а если солгал, пусть обрушатся на меня горе и беды.

Молвила Хэбиа Сун:

— О Син Мэнга! Лошадь, которая пасется на лугу, возвращается в стойло, буйвол, мучимый жаждой, смиренно склоняет голову перед ручьем. Я хочу, чтобы был у меня в доме мужчина, который умел бы деревья в джунглях валить, засеивать поле и сторожить его от лесных птиц и зверей. Если ты согласен на это, будешь мне мил.

— Правду ли ты говоришь, о прекрасная Хэбиа Сун?

— Правду! Но прежде скажи мне, сколь велика была твоя храбрость, когда шел ты в мой дом?

— Когда шел вниз, мимо свай, под помостом, моя храбрость была величиной с золотую чашу, когда я к тебе поднимался, она стала величиной с серебряный таз, а когда я вошел в твои покои, моя храбрость стала велика, как кувшин вина, который слона стоит.

— Правду ли ты говоришь, о Син Мэнга?

— Правду!

И сказала тогда Хэбиа Сун:

— О Син Мэнга! Одного я боюсь, что дома тебя ждет жена, а ты хочешь обзавестись еще и подружкой. Боюсь, что в каждом роду у тебя есть подружки, и в роду ние, и в роду шкоро. А сюда ты пришел лишь затем, чтобы развеять свою печаль, чтобы позабавиться.

Отвечал Син Мэнга:

— С тех самых пор, как я покинул материнское лоно и отец нарек меня именем, ничего такого, о чем ты говоришь, со мной не случилось. Я вырос, ума набрался, но не гулял по селеньям на западе, не бродил по деревням на востоке. Нынче ночью я хочу лесную лиану эпанг разорвать, оторвать макушку у дерева мдин в горах, изломать банановую пальму и изрубить сахарный тростник. Хочу подарить тебе медный браслет. Но если лицо мое тебе не по нраву и статью я не вышел, тогда попусту мы с тобой толкуем.

Ответила Хэбиа Сун:

— Смотри же не отрекись от своего слова. Ты обещанье дал, которое навеки юношу с девушкой связывает. И если в один прекрасный день ты заведешь себе другую подружку, пусть дом, где живут твои отец и мать, в прах превратится, пусть развеется пеплом по ветру.

Отвечал Син Мэнга:

— Если такое случится, я откуплюсь, семь слонов приведу тебе, о Хэбиа Сун! Но если в один прекрасный день ты заведешь себе парня из дальних или ближних селений, пусть дом, где живут твои мать и отец, в

пепел и прах превратится, а всех людей твоего селенья, от мала до велика, я истолку в ступе.

— Пусть будет так! — молвила Хэбиа Сун. — Завтра ты пойдешь в джунгли добывать чудо-тростник. Знай же, Син Мэнга! Если нынешней ночью ты принесешь мне кувшин с деревянной подставкой, если ты принесешь мне кувшин с крышкой из листьев, я не обрадуюсь. Лучше добудь мне дощечки из дерева пры, изукрась их узорами, и подари мне дощечки из дерева мша, их ты отделай резьбой. Да не забудь припасти для меня узорчатых досок и досок с искусной резьбой.

Прекрасны юноша Син Мэнга и девушка Хэбиа Сун! Когда они рядом идут, их можно принять за пару чудесных рыбок кзоа, что скользят в подводном гроте; когда сядут они, кажется, будто две птицы тихонько клюют плоды на баньяне.

Сказала Хэбиа Сун:

— О Син Мэнга! Отведай моего табаку. Я рубила его топором, нарезала его мечом, он жесткий, как конский навоз, он жесткий, как слоновый навоз. Кури же, отведай моего табаку!

И ответил Син Мэнга:

— Милая! Когда матушка для меня нарежет табак, тараканий дух от него идет, когда батюшка для меня нарежет табак, он гнилью воняет, когда ты для меня нарезаешь табак, ароматен он, как цветы горчицы.

Молвила Хэбиа Сун:

— Потолковали мы с тобой, все рассудили, пора и почивать. Руки мои остыли, ноги остыли, и лишь в твоей воле нынче ночью согреть их.

Отвечает ей Син Мэнга:

— Никто не учил рыбу искусно плавать, никто не учил обезьяну проворно взбираться на пальму. Мне давно ведомо то, о чем ты сказала сейчас. Нынче ночью мы крепко прижмемся друг к другу — бедро к бедру, нос к носу. О милая! О Хэбиа Сун! Открой мне свое лицо, я его поцелую. И колени твои поцелую, что крабами пахнут, и бедра твои поцелую, что бетелем пахнут, и шею твою поцелую, что пахнет медом, который пчелы с цветов собирают.

Сказала Хэбиа Сун:

— О Син Мэнга! О мой милый! Взгляни на груди мои, посмотри на сосцы. Они изогнулись, как бивни слона. Целуй же меня, целуй. И не забудь в дальних краях, как ты груди мои целовал.

Сказал Син Мэнга, улыбаясь:

— О милая! Не оставляй свои груди округлые у ручья, куда по воду ходят, не оставляй свои груди, изогнутые, словно бивни слона, на тропе, по которой в лес за хворостом ходят, оставь их лучше мужу.

Ответила Хэбиа Сун:

— Странно мне слышать такие твои шутки. Или я тебе наскучила?

Отвечал Син Мэнга:

— О милая Хэбиа Сун! О прекрасная Хэбиа Сун! Нынче ночью лягушка взберется на жабу, нынче ночью жаба взберется на лягушку. Нынче ночью к тебе заберется моя улитка.

И в лад ему говорила Хэбиа Сун:

— О милый! О Син Мэнга! Мы ровня с тобою, мы как вино одного урожая. Я слаба и мала, ты носил бы меня на плечах, если б я ходить не умела, ты бы кормил меня, если б я есть сама не умела. Мы нынче браслетами обменялись, ты подарил мне ожерелье из бисера и юбку, а я тебе рубаху поднесла. Соединимся же с тобою и восстанем с ложа, лишь когда осыплются с дерева мкиа все плоды, когда переспеют манго, когда небеса разверзнутся.

Услышав эти слова, Син Мэнга снял с девушки расшитую цветами юбку — плотно прилегала она к девичьим бедрам, — положил ее под голову и вместе с Хэбиа Сун возлег на ложе.

Прокричал во дворе царь петухов Дам Дери, потом на самом краю селения запел царь петухов Медеранг. Возвестили начало дня те петухи, у которых гребни на клюв ниспадают, а те петухи, у которых гребни до неба достают, подали знак, что луна еще светит. За тех петухов мать и отец Хэбиа Сун отдали медный котел.

Красавица Бера Этан взяла медный котел, весь в латунных заклепках, потом принесла котел с узорчатым дном рису сварить для братьев, чтобы досыта наелись они перед тем, как в джунгли отправиться. Стала рис высыпать — зашумело вокруг, будто капли дождя застучали по листьям, вот вскипела вода в котле, — зашипела, как рис, который в ступе толкут, стала девушка пену снимать — пар поднялся, все окутал вокруг, словно туман. Не успела Бера Этан изжевать свой бетель, а рис уже готов. Вынула она рис из котла, положила на блюдо, изукрашенное цветами кэтам, — рис дымится! Положила она рис на блюдо, изукрашенное цветами кэбон, — дивный запах от риса пошел. А рис белый-пребелый, как цветок эпанг. В котле с похлебкой столько речных креветок, сколько цветов на дереве пэт.

Кликнула братьев Бера Этан:

— О братья! Рису поешьте и в путь отправляйтесь.

Сели братья, стали есть. Рис горстями берут, а каждая горсть величиной с лисью голову, каждый ком риса — как голова кошки. Кабана в три приема съели, буйвола проглотили, никто до трех сосчитать не успел. Быстро справились с рисом.

И сказала Бера Этан:

— О братья, не съедите ли еще чего-нибудь? Не в ближний путь отправляетесь. Найдете ли вы очаг, чтобы рису сварить?

Ответили братья:

— Мы сыты, сестра. Животы у нас не пустые корзины, чтоб их набивать, не утробы диких ненасытных зверей. Ешь, пей, да знай меру. За три года мы один банан съедим. Одним стеблем сахарного тростника наедемся досыта.

Проснулись птицы в лесу, запели и возвестили, что пора котлы на огонь ставить, рис мыть. А когда они во второй раз запели, пришло время

завернуть вареный рис в широкие листья, открыть ворота и тронуться в путь. В том караване, который снарядили охотники, были слоны с широкими бивнями, были слоны с длинными бивнями, до самой земли, были слоны, которые трубят громогласно. У слона-самца на спине цветное седло, у слонихи — седло из индийского тростника, а у слоненка — седло из бамбука.

Дам Зи кинул клич, и караван тронулся. Путь был нелегкий. Шли по крутым извилистым тропам. Пики и копья белели, как хлопок, и ярко блестели, луков было не счесть, как ветвей на раскидистом дереве, колчанов со стрелами — будто тыкв в огороде. Шли богатыри с бородами, длинными, точно листья кукурузы. Их было великое множество, как термитов, как муравьев. Сотня впереди шагала, тысяча — позади. Растянулись они цепочкой по всей тропе, будто пчелы, покинувшие свой улей.

С горы на гору взбирались они, с Мозолистой скалы поднялись на Совиную гору, потом на Барабанную гору; в одну сторону обернулись, видят — качается, к земле клонится тонкоствольный бамбук, много его — целый лес. В другую сторону оборотились, смотрят — толстоствольный бамбук растет, много его — целый лес, в том лесу цикады поют свои печальные песни, дождь накликают, ветер свистит там и кричат птицы: птица пут и птица кэчао. Голые камни, и крутые скалы, да глухие пещеры могли нагнать тоску даже на белку-летягу, которая живет в бескрайних лесах. Налево посмотришь — река Шоа течет, направо взглянешь — река Шу несет свои воды, а вдалеке белеет берег реки Ба.

В лесах множество длинных-предлинных лиан и сочных плодов, у деревьев стволы как ствол у бамбука — с коленцами. На ветках резвятся обезьяны. Бамбук там стеною растет, толстый, как кость у слона. Отовсюду пенье доносится — это девушки ходят по берегу, собирают в корзинку травы и песни поют. По реке снуют челноки, то всплывают, то тонут стволы бамбука, те, которые поток унес из леса. Слышится смех киньских ^[105] девушек — они вышли к реке, чтобы сети расставить. Вот у ручья показались девушки, у них за плечами корзины — эти девушки по берегам рек собирали травы, искали траву «язычок лани». Караван перешел через низенький холм, потом на высокую гору взобрался, и путники увидели селенья Дут и Кэрен, которые рядом стоят. Всего в тех селеньях тридцать семь очагов, а живут в них одни девушки. Ворота там на редкость красивы. Внизу они из медных прутьев сделаны, вверху — из

железных. На воротах синяя бахрома и красная бахрома на ветру развеваются. Караван подошел к воротам и остановился: его путь лежал через это селенье. И крикнул Дам Зи что есть мочи:

— О девушки! Отоприте ворота! Мы в горы идем добывать чудо-тростник, собирать на холмах тростник гуонтоак.

А девицы в тот час сидели за прялками. Заслышали они зов Дам Зи, перестали пряжу прядь, выглянули на улицу, спрашивают:

— Кто это нас кличет? Не ты ли, Дам Зи?

— Да, я, — отозвался Дам Зи.

— Куда же ты путь держишь, о Дам Зи? Как забрел в наше селенье, где одни только девушки живут? Ведь приходишь ты к нам всего раз в году, когда цветет хурма, когда земля и вода внимают пенью птицы кэток.

— Наш путь не так уж далек, — Дам Зи отвечал, — год минет, еще месяц промчится, мы одолеем высокие горы и добудем чудо-тростник, чтобы мать и отца потешить.

И сказали девушки:

— Погодите немного, откроем врата. Но мы еще нить не кончили прядь, в прялках еще пряжа осталась!

Вскричал Дам Зи:

— Не пойму! Что же вы медлите?

И сказал Син Мэнга:

— О Дам Зи! Надобно моление вознести небесным духам, попросить их, чтобы сломали прялки. И тогда девушки отопрут нам ворота.

Обратился Дам Зи к духам:

— Внемлите, о духи! Меня услышьте, о божества! Я поднимаю семь пальцев, обращаясь к тебе с мольбой, о Мэза, Крокодил священный, я поднимаю пять пальцев и взываю к тебе, о Небо! О птицы лесные, летите к духам и божествам! Коль боги почивают, разбудите их, пусть услышат наши молитвы, пусть по их велению вырастет шерсть на прялках, чтобы девушкам прядь стало труднее, пусть прялки у них развалятся, тогда девушки выйдут и отопрут нам ворота.

Молится старший брат духам и божествам, а девы будто ничего и не слышат, прядут все усердней, прядут все проворней.

Вот настал черед молиться среднему брату, Син Мыну, но над ним девицы еще пуще насмеялись. Стал тогда возносить молитву Син Мэнга, меньшей брат.

— О горные духи! — вскричал Син Мэнга. — О божества ручьев и рек! Я поднимаю семь пальцев, я обращаюсь к тебе с мольбой, о Мэза, я

поднимаю пять пальцев, я взываю к тебе, о Небо. Пусть девицы сами сломают прялки, а нам отопрут ворота!

И только умолк Син Мэнга, как девушкам стало труднее прясть. Прутки, по которым пряжа скользила, сломались.

Подивились девушки:

— Отчего это у нас нынче пряжа все рвется и рвется? Эй, прялки! Худо вам будет! Мы и без вас обойдемся! Разве мало матери наши оставили нам хлопку в корзинах? Разве мало ткани припасли для нас? Вон посмотрите, сколько всяких платьев, красных и синих, сушится во дворе! Все мы сызмальства приучены к забавам и шуткам. Но от вас, прялки, шуток не потерпим!

Сказали они так, вскочили, схватили ножи, изрубили прялки. Щепы до самого потолка громоздились. Побежали девицы, надели юбки, цветами расшитые, с алой бахромой, что по ветру развевалась, и прически себе сделали: у одних черные волосы, будто ужи, до самых пят извиваются, у других — пучки круглые, словно яйца лесных пташек, в маленьких пучках медные шпильки торчат, в большие пучки шпильки из серебра воткнуты. В ушах серьги из слоновой кости, на шее ожерелья сверкают. Смех у них звонкий, голос серебристый, как у птиц, встрепенувшихся на рассвете. Бедра у дев округлые, словно полная луна, походка легкая. Прекраснее дев и не сыщешь. Подошли они к воротам и вознесли молитву божествам, чтобы ниспослали они удачу и счастье трем братьям:

— О божества! Пусть пташки лесные отнесут вам наши молитвы. Если бог-супруг почивает, пусть богиня-супруга разбудит его, если богиня-супруга забудет о наших молитвах, пусть бог-супруг напомнит о них. Если ждет трех братьев удача в походе, если возвратятся они целы и невредимы, пусть сейчас громким криком отзовется лес возле ручья, куда мы ходим по воду, пусть упадет на землю засов с ворот.

И в тот же миг с грохотом свалился на землю засов, а лес у ручья громким криком отозвался. И двинулся караван Дам Зи в путь. Идет Син Мэнга и любитесь девушками. Краешком глаза, чтобы никто не приметил: до чего же хороши! Особенно одна ему приглянулась. Обменяться бы с ней браслетами, но караван ведь не остановишь. И спросил самого себя Син Мэнга:

— Кто даровал этой девушке дивную красоту? Не доведется мне нынче обменяться с ней браслетами и ожерельями, кофту и юбку ей подарить. Пусть бы хоть поцеловать себя дозволила, хоть разок крепко

поцеловать. О девушка! Покажи мне свое лицо, дай наглядеться на тебя, щеку мне свою благоуханную подставь, я ее поцелую.

Так шел Син Мэнга, сам с собой толковал и начал потихоньку от каравана отставать. Говорит ему тогда старший брат:

— Поспеши, Син Мэнга! Надобно нам поскорее добратся до гор.

Отвечает Син Мэнга:

— Вы продолжайте путь, а я ненадолго к девам зайду погощу.

И говорит одна из дев:

— Поднимись к нам в дом, Син Мэнга. Если тебя мучит жажда, напьешься воды, если хочешь курить, мы поднесем табаку. Гости приходят к нам лишь однажды в год, лишь весною приходят киньские юноши, поднимаются на наше крыльцо. Войди же, о Син Мэнга!

Поднялся Син Мэнга по лестнице, в дом вошел, уселся у очага, напился воды, выкурил трубку и с девушками разговор завел. О том поговорили, о сем потолковали, даже о полях и посевах поговорить не забыли. А потом, как водится, повели речь о том, что часто между парнями и девушками случается. Но тут сказал Син Мэнга:

— Долгий мы с вами разговор затеяли. Пора мне в путь трогаться.

Девушки сказали ему на прощанье:

— Да будет твердым твой шаг, да будет крепкой твоя рука!

Син Мэнга пробирался сквозь темные мрачные джунгли, переплывал глубокие реки; лесами шел Син Мэнга. В малом лесу высятся горы из птичьих костей, в большом лесу громоздятся груды оленьих костей, а бескрайние джунгли Лайза все скелетами усеяны, так что ступить негде. Вошел Син Мэнга в редколесье — залюбовался плодами, которые давно спелели и с веток свисали, заслушался пенья птиц между землею и небом. Син Мэнга шел и шел, не зная отдыха, и догнал наконец караван слонов, который Дам Зи вел в дальние края. Караван переправился еще через семь рек, перешел еще пять ручьев. Добрался до леса, где резвятся и поют песни птицы кэток и таовао, поднялся на холм Хэлун и остановился. Все диву дались, такая здесь была красота. От скал на землю темная тень падает, чудные водопады с высоты низвергаются. А на холме, что супротив путники увидели, птицы поют, лакомятся плодами баньяна и смоковницы. Залюбовались путники всей этой красотой; вдруг смотрят: на дальней горе растет, упирается в самое небо тростник тоак. И говорит тут Дам Зи:

— О младший мой брат Син Мэнга! Мне этот холм по нраву, поставим здесь наши хижинки!

За ним вслед сказал Син Мэнга:

— Пусть отдохнут наши ноги.

Вскричал тут Дам Зи:

— Эй, рабы! На землю тюки положите и хижины ставьте!

Отвечали рабы:

— Раз ты велишь, мы мигом скинем тюки.

И тотчас все разбрелись кто куда, людьми наполнились джунгли и горы. Все снуют, все хлопочут: валят деревья, рубят тростник, срезают бамбук и косят высокие травы. Каждый валит по одному дереву, каждый по одной лиане срезает. И вот посреди холма, где было безлюдно и пусто, выросли хижины, красивые, просторные. А людей вокруг стало столько, сколько муравьев в муравейнике. Кто веером обмахивал Дам Зи, кто рис варил, а кто отправился в долину, чтобы набрать съедобных трав, или к ручью, чтобы наловить рыбы, или в лес, чтоб настрелять птиц и разной дичи.

И говорит тут Син Мэнга:

— О Дам Зи, мой старший брат! Завтра надобно пораньше встать и отправиться в джунгли за чудо-тростником гуон и за бананами.

Наутро, только солнце осветило хижины, рабы засуетились, стали еду готовить и питье. Все вдоволь поели риса, напились воды и пошли в горы. Впереди шел Дам Зи, за ним по стопам рабы следовали.

И говорит Дам Зи:

— Нынче надобно нам подняться в горы, нарубить побольше тростника гуон, запасти тростник гуонтоак, лишь тогда мы сможем возвратиться на ночлег!

Огляделся Дам Зи и видит: вокруг растет чудо-тростник гуон, зеленеет чудо-тростник гуонтоак. Хотел Дам Зи сам его нарубить, да не поспевал за рабами. А братья его, Син Мэнга и Син Мын, то проворно спускались к ручью, то ловко взбирались на холм. Куда ни посмотришь, везде следы человеческих ног: кто-то раньше прошел здесь и все повырубил. Спустится Дам Зи с одного холма, на другой поднимется — никак не найдет хорошего тростника, приходится ему срубить то, что оставили Син Мэнга и Син Мын. Не знает Дам Зи, кто его обогнал, и ругается:

— Что за мерзкие твари порубили весь мой тростник, подобрали бананы? Покарай их, о Небо!

Наконец все собрались в условленном месте. Син Мэнга и Син Мын последними пришли. Едва дотащились, так была тяжела их ноша. Рабы

стали спрашивать:

— Откуда это вы принесли такой чудесный тростник? Где он растет? Скажите нам, не таитесь.

— Этот чудесный тростник растет на горах, в густых зарослях, он растет в глухих джунглях, в самой чащобе.

Подивились рабы:

— Мы сил не щадили, взбирались на крутые горы, переходили глубокие ручьи, в джунгли пробирались, где ходят стадами слоны и рыщут кровожадные тигры. Везде побывали, но не смогли собрать столько тростника. Кто-то до нас там прошел, — мы видели следы человека.

Вот настала пора отдыхать, и все по хижинам разошлись. Сколько здесь было людей — не счесть. Тут говор, там смех, кажется, будто птицы поют свои звонкие песни над капоковым деревом с могучим стволом и раскидистыми ветвями. Юноша Син Мэнга всех обошел. Видит: у одних много тростника, у других мало, и тем, у кого мало, решил помочь — вместе с ними отправился в джунгли. А когда вернулся, сел на камень у ручья. Сидел-сидел и вдруг заметил семь нежных лиан эпанг, которые обвили сосну. Лианы совсем молодые, но их не обхватишь.

Юноша молвил:

— О старший брат, о Дам Зи! Я не видел лиан чудесней, чем эти. Они плотно сосну обвивают, лианы — совсем молодые, но их не обхватишь. Тростника мы мало добыли, давайте же срубим эти лианы.

Ответил Дам Зи:

— О младший брат! Ты верно сказал. Мы тотчас пойдем к той лиане. Но прежде вели сосну срубить.

И повел Син Мэнга людей селенья ту сосну рубить. Подрубили ее ловко под корень, и сказал тогда Син Мэнга старшему брату, чтоб он первым ухватил зеленые нити и начал валить сосну вместе с чудесной лианой эпанг, которая была о семи стволах.

— О старший брат, о Дам Зи! — молвил Син Мэнга. — Мы подрубили сосну, берись же теперь за зеленые нити лианы и вали ее вместе с сосной на землю. Семь стволов той лианы мы поровну разделим между всеми людьми селенья. Мы же, три брата, силу свою испытаем и ловкость покажем, поглядим, кто из троих самый могучий, кто самый крепкий.

И отвечал Дам Зи:

— О младший брат, я знать не знаю, я ведать не ведаю, как разом повалить семь лиан да сосну.

И говорит Син Мэнга:

— Тот, кто сможет разом свалить семь лиан да сосну, тот поистине самый могучий и сильный, женщинам он по душе. О старший брат, берись же за дело. Если не справишься, за дело возьмутся другие люди селенья. Но ты не печалься, женщины ни на востоке, ни на западе тебя не разлюбят.

И ответил Дам Зи:

— О мой младший брат, ты остер на язык! Только чересчур дерзко шутишь со старшим братом.

И стал Дам Зи силу в себе собирать. Могучую силу собрал, равную силе буйвола, кровью шея его налилась, стала толстой, как ствол большой банановой пальмы. Придавил он корни ногами — в землю ушли ноги, левой рукой ухватил он семь зеленых нитей, правой связал их в единый пучок и принялся тянуть. Трижды он назад подавался, трижды вперед наклонялся, три раза тащил, три раза дергал — все напрасно. Зеленые нити его за собой потащили, подбросили к небу и, словно куль, опустили на землю.

Говорит тогда Дам Зи:

— О мой младший брат, Син Мэнга! Не дали мне мать с отцом силы богатырской. Теперь одна немощь в моем теле осталась, руки и ноги ноют, нет больше мочи.

Подивился Син Мэнга:

— Неужто вся твоя сила иссякла?

Дам Зи отвечал:

— Вся, Син Мэнга.

Сказал тогда Син Мэнга:

— О Син Мын, средний брат мой, твой черед теперь подоспел. Ухватись за зеленые нити и дерни, может, ты посильнее старшего брата.

И ответил Син Мын:

— Нет, я не сильнее. Я слабее старшего брата.

Син Мын обошел вокруг ту сосну и семь лиан. Завязал потуже набедренную повязку и стал силу в себе собирать: вобрал он в себя силу шести буйволов сразу, раздулся, будто слон, а шея его толщиной и крепостью стала как ствол огромной банановой пальмы. Придавил Син Мын корни ногами — в землю ушли ноги, левой рукой ухватил он семь зеленых нитей лианы, а правой все семь нитей в единый пучок связал.

Потом дернул три раза, потянул книзу и стал раскачивать, еще семь раз дернул. Лишь на три пальца всего наклонились лианы, потом распрямились, вверх вытянулись так, что достали до половины ствола. Выскользнули нити из рук Син Мына, грянулся он оземь и угодил прямо в глубокую яму.

Вскричал тут Син Мэнга:

— Эй, люди, на помощь! Надобно вызволить нашего среднего брата!

Тут сам Син Мын подал голос:

— О младший мой брат Син Мэнга! Все силы, что матушка мне даровала и батюшка дал, истощились.

Сказал тогда Син Мэнга:

— О Небо! Как же быть теперь? Видно, настал мой черед силу испытать. А если я сам не одолею сосну и не свалю лианы, люди селенья придут на подмогу. Я ведь слабее моих старших братьев. Они выросли прежде меня. Я же как слабый побег тростника, кровь на моей голове еще не обсохла. Я не умею ни говорить, ни смеяться. Но все же попытаю удачи, ухвачу зеленые нити и дерну. Только вы, старшие братья, надо мной не смейтесь.

Подошел юноша к лианам, поглядел на них, потом наклонился — ноготь согнул на ноге, распрямился — ноготь согнул на руке, поднатужился и стал сильным, как слон, могучим, как носорог. Уперся он ногами в корневище — ноги в землю ушли. Как взялся юноша за лиану, как дернул зеленые нити — все дерево задрожало, затряслось, листья на землю полетели, и ветер их унес. Син Мэнга качнул дерево раз, другой, третий, трижды потянул за зеленые нити, потом в последний раз дернул их — ветки на дереве все обломились.

Закричал тут Син Мэнга:

— Эй, люди! Скорее от дерева отойдите, да подальше, а то свалится оно наземь, много бед натворит!

Все убежали, укрылись за тремя холмами, поросшими густою травой. И тотчас же семь лиан, что тесно сосну обвили, рухнули на землю. А вслед за лианами еще целых три леса повалились. Вот какова была сила младшего брата! Побежит Син Мэнга в одну сторону — здесь кусты и деревья валяются с треском. Побежит в другую сторону — там кусты и деревья падают. Увидели это люди селенья, которые в джунгли пришли вместе с братьями, и издали радостный вопль. Старшие братья, Дам Зи и Син Мын, громко смеялись от радости и хлопали себя по ляжкам бесчисленное множество раз.

Молвил Дам Зи:

— О, сколь могуч и силен наш младший брат Син Мэнга!

Молвил Син Мын:

— Син Мэнга — нам опора. Он — хижина, где мы сможем укрыться от напастей, он — ступа с пестом, в которой и для нас найдется место.

Везде, где прошел Син Мэнга, волоча за собой семь лиан, дорога осталась. Была она широкая, словно поле на горном склоне, которое славно промотыжили.

И сказал тогда Син Мэнга:

— О старшие братья, Дам Зи и Син Мын! Где вы? Спешите ко мне! Лианы рубите скорее!

Дам Зи отвечал:

— Мы здесь, мы к тебе спешаем, о Син Мэнга.

Дам Зи и Син Мын с ножами пришли, принесли резаки, за ними шли люди селенья. Дам Зи хватил резаком по лиане — на стволе даже трещины не осталось, только искры посыпались от удара. Опять он размахнулся — полыхнуло алое пламя, на трех холмах сгорела трава, а лиана как была цела, так и осталась. Между тем Син Мэнга не сидел без дела: он для красавицы Хэбиа Сун украшал прялку узорами и резьбою. Трудился, а сам поглядывал на старших братьев, которые у лиан сутились, ножами размахивали.

И говорит Дам Зи:

— О младший брат Син Мэнга! Не разрубить нам эти лианы. Хоть убей нас — не можем!

И сказал в ответ Син Мэнга:

— Эй, рабы, эй, люди селенья! Неужто вы все так немощны? Тогда и впрямь лучше вам умереть. Я лианы для вас свалил наземь, а вы разрубить их и то не можете.

Сказал так Син Мэнга, шагнул к лиане — в руке у него огромный резак блеснул — и рассек ее всю от вершины до корневища, а листья и ветки, которые на стволе торчали, срезал, бросил подальше.

Попадали те листья и ветки на горы и на холмы — и все вокруг загрохотало. Всю лиану юноша рассек от вершины до корневища, да так быстро он с делом справился, что никто и глазом не успел моргнуть. Расщепил он ее без труда, как молодой побег сахарного тростника, хоть и была она, словно скала, крепкой.

Вскричали тут люди:

— О Небо! До чего же силен, до чего могуч Син Мэнга!

И сказал Син Мэнга старшему брату:

— Послушай-ка, Дам Зи, я изрубил лиану, а теперь надобно щепы связать — на плечах их понесем.

Принялись Дам Зи с Син Мыном щепы в охапки вязать. Снизу завяжут — сверху развязывается. Сверху завяжут — снизу развязывается. Так и не сумели ни одной вязанки сделать. Видит Син Мэнга, что старшим братьям и с этим делом не справиться, сам все щепы связал, вскинул их на плечи и к хижинам зашагал. Пришел, бросил вязанки на землю — закачались холмы и горы. В одну сторону наклонились, потом в другую и опять на место встали.

Люди поели рису, воды напились, оседлали слонов и погрузили на них тростник и лианы. Син Мэнга взобрался на слона и сказал:

— О старшие братья, и вы, люди селенья! Пора домой возвращаться.

Вслед за младшим братом молвил Дам Зи:

— Да, пора возвращаться. Пока мы в джунглях ходим, заждались нас старая матушка и немощный батюшка.

И двинулся караван в обратный путь. Впереди шли слоны, за слонами сто человек шагало, не сто — тысяча поспешала. Когда прошли половину пути, Син Мына жажда одолела.

— О Дам Зи, — обратился он к старшему брату. — Мне бы воды попить. А то ехать дальше не могу — жажда одолела.

Дам Зи отвечал:

— Спустись к ручью, посмотри, не пересох ли он.

— Так я и сделаю, — молвил Син Мын.

Караван остановился, и Син Мын пошел искать воду. В правой руке он держал меч, в левой — стальной кхиен. Долго шел он, перешел через десять пересохших ручьев, прошел три ущелья — нигде нет воды. Добрался он до леса в горах, где птицы кэток и таовао оглашают громким криком небо и землю, вскарабкался на вершину высокой горы и, наконец, увидел поле, приметил сторожку и услышал пенье: то девушка песней отгоняла птиц.

Думает Син Мын:

«Чье это поле? Оно невелико, да и не мало. Рис наполовину созрел. Куда ни глянешь — везде тыквы и бобы. Возле шафранного дерева шестнадцать грядок разбито; бананов целая роща, сахарный тростник золотом отливает, словно бамбук в горах. Как бы мне дознаться, чье это поле?»

Все слышнее пенье девушки, которая сторожит поле и птиц отгоняет. Поет она ту песню, которую парни и девушки распевают, стоя друг против дружки: парень спросит, девушка ответит, потом девушка спросит, парень ответит.

Голос у девушки звонкий, звонче ручья, который бежит по ущелью.

Подошел Син Мын к самому полю и видит: с вершины горы серебристый ручей вниз устремился. И опять думает Син Мын:

«Чье же это такое красивое, такое обильное поле? По берегам ручья громоздятся высокие скалы. Огромные деревья отбрасывают на землю свою прохладную тень. В прозрачных водах рыбы резвятся, угри извиваются. Это поле и впрямь прекрасно, жаль только, что хозяин не вышел меня приветить».

Склонился Син Мын к ручью, чтоб напиться, смотрит — вся вода черным-черна от помета, плывет помет по ручью, и конца ему не видно.

«Такой хороший ручей, а весь в помете. Видно, здешний хозяин совсем не гоняет птиц. Придется в сторожку войти и попросить у хозяина напиться».

Ступил Син Мын на поле, но зацепился за веревки, они были к колотушкам привязаны, к тем колотушкам, которыми птиц отгоняют; громче зазвенела песня, которую пела девушка.

Кыш! Кыш! Птица кэчао,
Ты летаешь высоко в небе!
Кыш! Кыш! Птица кэтиа,
Ты летаешь низко над землей!
Рис этот мать посадила,
А поле отец под посев приготовил.
Рис мой не клюйте, поле не разоряйте.
В джунгли летите, спелых плодов там не счесть!

Молвил Син Мын:

— Первый раз за весь год я к тебе пришел, о девушка. Единый раз за все лето тебя навестил. Жаль мне тебя, неужто ты одна коротаешь свои дни в этом безлюдном краю?

Сказал так Син Мын и пошел к хижине, что стояла среди поля. Девушка заметила богатыря. А в этот час у нее в сторожке сидел юный Прон Мын.

И обратилась девушка к Прон Мыну с такими словами:

— О Прон Мын! Скоро Син Мын войдет в хижину, беги же отсюда быстрее!

— Куда мне бежать? Где спрятаться понадежней?

— Видишь вон ту большую корзину из-под риса? Садись, я тебя ею накрою.

— Ладно, пусть будет по-твоему.

Прон Мын присел, а девушка ловко накрыла его корзиной. Юноша боялся ногою двинуть, рукою шевельнуть, не кашлял, дышать и то боялся, чтобы его не слышал Син Мын. А тот к хижине подошел и крикнул:

— Эй, кто там? На зов откликнитесь!

На крыльцо вышла девушка, та, что сторожила поле.

Молвил Син Мын:

— Жажда меня извела, пожалей богатыря, дай воды напиться. Я из похода возвращаюсь домой, мы ходили рубить чудо-тростник, что зовется гуон.

— Если ты гость добрый, войди в хижину, я дам тебе воды вдоволь и все, что ты пожелаешь.

— Ничего мне от тебя не надо, я только напиться хочу, — отвечал ей Син Мын.

Молвила тогда девица:

— Вот тыквенная бутылка с водой, напейся, о путник.

Син Мын вошел в хижину, взял у девицы тыквенную бутылку и стал пить глоток за глотком, а когда напился и хотел уйти, девушка его за руку крепко взяла и сказала:

— Не спеши, успеешь покинуть мой дом. Сейчас я рису сварю, чтобы в дальней дороге силы твои не иссякли. Ты ведь голоден, я знаю.

Молвил в ответ Син Мын:

— Боюсь, что стемнеет, пока ты рис сварешь.

— Не бойся, не стемнеет, — сказала девица. — Я мигом сварю.

И Син Мын остался, чтобы отведать рису. Девушка взяла медный котел, весь в латунных заклепках, потом принесла еще котел с узорчатым дном. Закипела вода — будто водопад зашумел, с горных вершин низвергаясь, стала она рис высыпать — будто ливень в лесу застучал по листьям, закипела вода и поднялся пар, как туман в седьмую луну. Вот и сварился рис, и девушка подала его гостю. Рис этот был на удивление бел, словно цветок эпанг, каждая рисинка на блюде отдельно лежала.

Молвила девушка:

— О Син Мын, отведай риса вместе со мною.

И сели за трапезу богатырь и девушка, чтоб риса отведать из одного блюда. За едой забавлялись, шутили. Спросил богатырь, как девушку звать, из какого она рода. Сказала девушка, что звать ее Хэбиа Плао, потом богатыря спросила, как звать его. Съели они рис, потом за курицу принялись, которую Прон Мын с собою принес. Сидели они так, пировали и были как две пташки, что согласно щебечут в гнезде или порхают на дереве среди спелых плодов. Девица протянет руку за рисом и Син Мын с того же места рису себе положит. Глядят они друг на друга,

улыбаются, а потом вместе смеяться стали. Над тем, что далеко и что близко, смеялись, смеялись, глядя в глаза друг другу, смеялись шутя и смеялись всерьез, смеялись, как брат с сестрой и как девушка с парнем. Наелся Син Мын и к воде потянулся, но Хэбиа Плао сказала:

— Поешь еще рису! Не стесняйся, гостем себя не чувствуй в этой хижине.

— Я уже сыт, — отвечал Син Мын.

— Что же ты так мало ешь? — удивилась хозяйка.

И молвил Син Мын ей в ответ:

— У меня ведь живот, а не пустая корзина, жадно раскрывшая пасть, не пустая сума, которую можно снедью набить, я не лань, не олень, которые могут жевать беспрестанно. Должен меру знать человек в питье и еде.

Хэбиа Плао взяла медный таз, наполнила его водой до краев и подала Син Мыну:

— Вот вода, утоли свою жажду! Не выпьешь до дна — я тебя не отпущу, здесь оставлю. Если хочешь вернуться в родные края, листьев нарви и воду попробуй в них завернуть, чтобы отнести ее старой матери и отцу. Сумеешь это сделать — я тебя отпущу в родные края.

В ответ Син Мын так ей сказал:

— Какая утроба может вместить целый таз воды?

Девушка опять ему говорит:

— А ты пей, может, доберешься до дна.

Не стал Син Мын перечить, не захотел ссориться. Но, как ни старался, выпить всю воду не смог. Самая малость все же осталась в тазу.

Говорит Син Мын:

— Выпил я ровно столько, сколько могу, больше мне не под силу. Не надо неволить меня, о сестра!

— Значит, не можешь ты осушить таз?

— Нет, не могу, вылей, сестра, то, что осталось на дне!

— Нельзя выливать! Раз не выпил, заверни воду в листья и унеси домой.

Стали браниться Син Мын и красавица Хэбиа Плао, он мало слов говорил, она — много. Не стерпел тут Син Мын и крикнул:

— К чему мне вода? Ее и в материнском доме хватает!

Схватил он таз с водою и кинул, стукнулся таз о стропила, отлетел в сторону и упал прямехонько на ту корзину, в которой затаился Прон

Мын. Вода дождем пролилась. Вымок Прон Мын, будто мышь. Гнев его обуял, выскочил он, корзинку отбросил и заорал во все горло:

— Что вы тут замышляете? Почему творите бесчинство? Наелись рису до отвала, наполнили утробу водой, а теперь вздумали меня поливать!

Крикнул так Прон Мын и, не помня себя от ярости, подскочил к Син Мыну, чтобы помериться с ним силой. Вцепились они друг в друга и стали метаться по хижине. Син Мын поднатужился, схватил врага, поднял и бросил на землю. Потом сам за ним спрыгнул. Но только хотел кинуться на него, как Прон Мын поднялся и крепко схватил Син Мына. И стали они теперь бороться посреди поля, где рис поспевал. Хэбиа Плао не знала, что и делать. Но тут увидела, что у Прон Мына трясутся руки, и спросила:

— Выходит, одолел тебя Син Мын?

Только она это сказала, как видит, что Син Мын задрожал, будто тонкий побег на свирепом ветру. И опять спросила Хэбиа Плао:

— Выходит, одолел тебя Прон Мын?

Хотела она разнять богатырей, да подумала, что не под силу ей, женщине, друг от друга оттащить двух мужчин, у которых силы больше, чем у буйвола. Только и осталось ей, что забраться наверх, в хижину, и оттуда смотреть, чем дело кончится. А Син Мын тем временем оттеснил врага туда, где самый лучший рис созревал. И там, где, друг в друга вцепившись, они проходили, где дрались друг с другом, от посевов лишь пыль да труха оставались. Куда бы в схватке они ни бросались, гибли посева, как гибнут поля под ногами слонов, которые с горных вершин устремились грозной лавиной в долины, чтоб пожевать сладкой травы; земля под ногами у молодцев трескалась, как лопаются коробочки с хлопком. Когда увидела Хэбиа Плао, что вытоптаны посева и поле погибло, села она и стала плакать. Выплакала она все слезы, а богатыри между тем в еще большую ярость пришли и, вцепившись друг в друга, металась по полю. Хэбиа Плао залезла на самое высокое дерево и стала звать Ти Мэре, начала призывать своего родного брата:

— О мой старший брат Ти Мэре! Возвращайся скорее домой. Поспешу к моей хижине! Беда грозит нашему полю, у меня, у девушки, сил не хватает горю помочь. О старший брат, возвращайся скорее!

А Ти Мэре был в тот час в гостях у друзей, в киньском селенье. Услышал он зов младшей сестры и говорит:

— О други мои: ты, господин Кук, и ты, господин Кай! В доме моем беда приключилась. Не ведаю, что и делать. Сердце мое трепещет, и печень дрожит. Не каждый год такое бывает со мною, други! О господин Кук, о господин Кай, вы оставайтесь, а я возвращаюсь домой.

Говорит тогда один из друзей:

— Возвращайся, о друг! Плохо, коли девушка в доме остается одна.

И приготовил он тотчас соли, вина, украшений богатых, нарядов красивых, чтобы все это Ти Мэре в дар передал сестре. И простился Ти Мэре с друзьями, в путь поспешил. То он шел, то бежал, множество рек переплыл, множество холмов одолел, столько, что и счесть их не мог. Он не бежал, а несся вскачь, он не бежал, а летел. Вот и поле родное, и смотрит Ти Мэре — в хижине, возле столба, Хэбиа Плао сидит, горько плачет. Спрашивает тогда Ти Мэре:

— Отчего ты плачешь, сестра?

Отвечает Хэбиа Плао:

— Большая беда приключилась, несчастье стряслось большое. Взгляни, все наши посеы погибли, разорили поля наши.

Окинул Ти Мэре взглядом поле, видит: зерном налитые колосья риса, бананы, тыквы, сахарный тростник — все истоптано, все в пыль и труху превратилось, будто их в ступе пестом истолкли. Спрашивает Ти Мэре:

— Кто же здесь учинил такое бесчинство?

Отвечает сестра:

— Вон видишь — два богатыря, два молодца, Син Мын и Прон Мын, в жестокой схватке друг с другом схватились. Мне их разнять не под силу.

— Что за причина этой лихой забавы? Из-за чего они в схватке жестокой схватились?

Тут Хэбиа Плао старшему брату все рассказала, как говорится, от головы до хвоста. Выслушал ее Ти Мэре и стал громко звать молодцев, которые с усердием катались по полю, крепко вцепившись друг в друга, стал он кричать им:

— Эй, погодите, хватит драться. Если что и случилось меж вами, поднимитесь в хижину, мы рассудим, кто прав, кто виновен. Остановитесь! Вы в пыль и труху превратили посеы. Где мой рис, где моя кукуруза? Боюсь, не хватит у вас добра, чтобы мне за все заплатить.

Услышав зов Ти Мэре, богатыри разом головы повернули, на Ти Мэре посмотрели, потом друг на друга взглянули — и снова потеха

пошла. Звал Ти Мэре, звал, даже охрип. Потом пошел молодец разнимать, хотел оттащить их в разные стороны, но они еще сильнее разъярились.

Меж тем Дам Зи, Син Мэнга и все люди, которые с ними пришли, стояли на дороге, дожидаясь Син Мына. Немало времени прошло, и вот наконец Дам Зи обратился к меньшому брату:

— О Син Мэнга. Почему наш брат, наш Син Мын, до сей поры еще не возвратился? Неужто он в джунглях потерял тропу и сбился с пути?

— Не знаю, не ведаю, что и ответить тебе, о старший брат.

Молвил тогда Дам Зи:

— Залезай на высокое дерево, доберись до самой вершины, о младший брат, и оттуда окрест посмотри, не блуждает ли где наш Син Мын. Глаза пошире раскрой, взгляни на речные берега, на горные поля посмотри, может, увидишь там брата Син Мына.

И взобрался Син Мэнга на вершину высокого дерева. Восточный лес оглядел, окинул взором западный лес, полюбовался дивными деревьями и тут заметил вдали поваленные деревья, которые рядами лежали, и поле, поле красавицы Хэбиа Плао, где рис созрел, а среди поля увидел двух молодцев, которые в схватке схватились.

Воскликнул юноша:

— О старший брат, о Дам Зи! Среди поля красавицы Хэбиа Плао два дюжих молодца дерутся. Один из них похож на нашего брата Син Мына.

— В толк не возьму, что там стряслось, зачем средний брат ввязался в драку, — сокрушенно молвил Дам Зи. — Спускайся скорее, пойдем его выручать.

Син Мэнга спустился с дерева на землю и так сказал людям:

— О соседи мои и рабы, которые пришли с нами! Снимите со слонов всю поклажу! И чудо-тростник гуон снимите, и бананы — все, что на слонов навьючено, — и возле дороги сложите. Пойдем выручать брата Син Мына.

Рабы отвечали:

— Слушаем, о господин!

Молвил тогда Син Мэнга:

— О рабы, о люди селенья! Когда приблизимся к полю красавицы Хэбиа Плао, остановитесь с краю, дальше не надобно идти. Только мы с братом перешагнем между.

Подошли они к полю красавицы Хэбиа Плао. Рабы и люди селенья остановились у самого края. А Дам Зи и Син Мэнга двинулись дальше,

пошли прямо к хижине.

И говорит тут Дам Зи:

— О рабы! Стойте здесь, дожидайтесь нас на краю поля. А мы тем временем молодцев схватим — Син Мына вместе с Прон Мыном, рассудим, кто из них прав, а кто виноват. Тогда и вы шагнете на поле.

Рабы отвечали:

— Мы повинемся тебе, о господин!

Между тем Син Мын и Прон Мын все боролись, обуянные яростью, словно два буйвола, что в ревности дикой дерутся из-за буйволицы. Ни один не желал уступить, ни один не хотел разнять рук. Син Мэнга сделал шаг правой ногой, потом левой и, легко ступая, подошел к молодцам, которые забыли себя в отчаянной схватке. Рабы и люди селенья, которые стояли на краю поля, дрожали от страха, они боялись, что два молодца ринутся на юношу и станут его избивать. Но Син Мэнга подошел к богатырям, сцепившимся в схватке, и нанес могучий удар, чтобы их разнять. Одной рукой он что было силы схватил за волосы Син Мына, а другой рукой крепко держал Прон Мына. Потом кинул их в разные стороны. Син Мын и Прон Мын — оба без памяти грянулись оземь.

Сказал Син Мэнга:

— О почтенные, не хмельного ли вы напились? За что с усердием и яростью терзаете друг друга? В схватке сошлись, весь рис истоптали у людей, разве хватит у ваших матерей и отцов добра, чтоб за все заплатить?

Очнулся Син Мын, поднялся, следом за ним Прон Мын на ноги встал, потом сел на землю. Но тут заметил, что Син Мэнга шагнул к нему, и от страха затрясся всем телом.

Молвил Прон Мын:

— О мой друг, о Син Мэнга! Дурное дело сотворили мы с Син Мыном. Схватились из-за хозяйки этого поля и дрались до тех пор, покуда не иссякли силы.

Син Мэнга взял Син Мына левой рукой, а Прон Мына — правой и повел их к хижине, где сидела красавица Хэбиа Плао. Красавица поведала обо всем, что приключилось, все рассказала, как говорится, от головы до хвоста. Ти Мэре, Дам Зи и юноша Син Мэнга, опустив голову, выслушали рассказ от корней до самой вершины. Первым делом красавица Хэбиа Плао во всем повинилась:

— Я в ответе за все, о Ти Мэре, о Дам Зи, о Син Мэнга! Одна я виною тому, что два молодца дюжих, Прон Мын и Син Мын, весь день

боролись, дрались, катались по полю. Это из-за меня воды и скалы бились друг с другом.

Молвила она так и начала свой рассказ:

— О Ти Мэре, о Дам Зи, о Син Мэнга! Вот как было дело. Мы с Прон Мыном давно уже обменялись браслетами, давно подарили друг другу красивые ожерелья. Я выросла, ростом с матушку стала, пришла пора привести в дом мужчину, чтобы в поле вместе со мной выходил, сторожил посевы и птиц отгонял. И вот как-то, не так давно это было, Ти Мэре ушел в гости к киням, тогда и явился Прон Мын, — он поле расчищал и помогал мне птиц гонять — очень страшно одной жить среди гор и джунглей. И вот, когда Прон Мын сидел в хижине у меня, пришел вдруг Син Мын. Я застыдилась, велела Прон Мыну понадежней спрятаться, укрыться получше. Вначале не знал он, где ему спрятаться, потом залез в большую корзину. Не ведаю я, откуда взялся Син Мын. Он только попросил воды, чтоб жажду свою утолить, а я зазвала его в хижину. Испил Син Мын водицы и уже уходить собрался, а я еще рисом захотела его угостить, и остался он отведать рису. После того я взяла медный таз, наполнила его водой до краев и гостю велела таз осушить до дна, если он хочет домой возвратиться. И еще я ему сказала: если он хочет покинуть мой дом, пусть крупных листьев нарвет, завернет в них воду и снесет матери и отцу. А не сумеет завернуть воду в листья, домой его не отпущу. Но Син Мын ведь не зверь с утробой бездонной. Он не смог выпить всю воду. Стали мы с ним ругаться и препираться. Лопнуло у Син Мына терпенье, схватил он таз да как швырнет его, — таз прямехонько на корзину упал, на ту, в которой Прон Мын сидел, и вымок Прон Мын с головы до ног. Разгневался он и бросился на Син Мына. Пошла лихая потеха, и скатились они с помоста в поле, где рис поспекает. Вот как приключилась беда. Рассудите теперь, как быть, о Дам Зи, о Ти Мэре, о Син Мэнга! Я отдаю себя на ваш суд. Простите меня — останусь в живых, решите смерти предать — пусть по-вашему будет.

Повелел Син Мэнга:

— Теперь ты скажи, о Син Мын.

И Син Мын повторил слово в слово то, что сказала Хэбиа Плао. А под конец так молвил:

— Хэбиа Плао тому виной, что мы с Прон Мыном в жестокой схватке сошлись.

Вновь повелел Син Мэнга:

— Теперь ты скажи, о Прон Мын.

Прон Мын повторил слово в слово то, что сказал Син Мын, и под конец во всем обвинил красавицу Хэбиа Плао.

Выслушал всех Син Мэнга и говорит:

— О Хэбиа Плао! Ты поднесла гостям напоенные ядом плоды, ты хотела сгубить двух ни в чем не повинных молодых.

Села Хэбиа Плао и заплакала навзрыд. От слез даже бедра у нее намокли, а в горле не осталось ни капли влаги. За все свои проступки она смиренно ждала праведного суда. И Син Мэнга обратился тогда к старшему брату красавицы, к Ти Мэре:

— О Ти Мэре! Теперь ты знаешь все, что здесь приключилось. Виною всему твоя сестра. Она ни за что ни про что людям зло причинила. Замыслила она — хоть так, хоть эдак — двух богатырей своими рабами сделать. Но мы того не допустили. Прикинь, подумай да в толк возьми, кто прав, а кто виноват.

Сказал Ти Мэре:

— О Син Мэнга! От долгих, усердных дум мои уши готовы лопнуть. Все в вашей воле: простите сестру — останется она в живых, не простите — пусть умрет.

Молвил в ответ Син Мэнга:

— О Ти Мэре! Мы согласны возместить тебе убытки. Если мало с нас запросишь — семь буйволов дадим, если запросишь много — десять сяонов пригоним, если вытоптаны твой рис и кукуруза — мы приведем тебе слонов, рабов подарим. А сейчас дозволей выпустить на твое поле наших слонов — пусть попасутся, и пусть наши рабы пройдутся по полю. Ведь все равно придется нам платить за порчу твоих посевов. А о драке, которая была, о жестокой схватке мы по-иному рассудим.

И говорит Ти Мэре:

— О Син Мэнга, пусти своих слонов пастись на поле, где были мои посева.

И крикнул Син Мэнга:

— Эй, рабы! Гоните слонов на поле, пусть пасутся, пусть сожрут весь рис, все побеги и колоски, чтоб ведомо нам было, за что добро отдаем, когда почтенному Ти Мэре будем платить за потрапу. Эй, рабы! Съешьте все бананы, весь сахарный тростник, никого не бойтесь, ешьте, мы позволяем!

Спросили рабы:

— Ты, господин, всерьез или забавы ради так сказал?

— Не до забав мне. Ступайте ж на поле и слонов ведите за собой!

И хлынули на поле люди, и ринулись на поле слоны, ели сахарный тростник, бананы рвали. А Ти Мэре стоит и смотрит, как рабы и люди Дам Зи все превращают в пыль и труху, все рушат вокруг, и жаль ему стало поля, которое он расчищал собственными руками, но как этому помешать, не знал. И вынес он из хижины огромный нож, размахнулся и молодецким ударом вонзил нож в самое твердое дерево. Нож в дерево по самую рукоять ушел. И говорит тогда Ти Мэре:

— О Дам Зи! Кто из вас сумеет вытащить нож, который я в дерево по самую рукоять вогнал, тому отдам в жены мою младшую сестру, красавицу Хэбиа Плао, и не стану требовать с вас платы за порчу посевов.

Спрашивает Дам Зи:

— Это твой вызов, о Ти Мэре?

— Да, о Дам Зи!

Сказал тогда Дам Зи:

— Раз так, мы все по очереди будем тащить из дерева этот огромный нож.

Сказал так Дам Зи, а душу его между тем страх обуял: вдруг не достанет у него сил выдернуть нож. Но меньшей брат Син Мэнга подбадривает его:

— Не бойся, Дам Зи, старший брат мой! Лишь в испытании, в трудном искусстве можно свою силу измерить. Он богатырь, и мы все богатыри, не малые дети. Ни о чем не тревожься, брат.

Сказал так Син Мэнга и к Ти Мэре обратился:

— Шутки ради ты это говоришь или на самом деле сдержишь свое слово?

— Сдержу!

— Значит, если один из нас вытащит этот нож, ты сдержишь слово, которое дал собственным языком, выполнишь свое обещанье?

Отвечает ему Ти Мэре:

— У меня всего один язык, у меня один только рот, мое слово неизменно.

Молвил тогда Син Мэнга:

— О Син Мын, ты первый берись за рукоять, попробуй вытащить нож, ведь все это из-за тебя приключилось. А потом — за Прон Мыном черед.

— Пусть так. Я мешкать не стану и силу свою испытаю, хоть не очень богато одарили меня ею мать с отцом.

Подошел Син Мын к дереву, взялся за рукоять. Трижды дергал нож, трижды тащил — все напрасно, только кости у него захрустели.

Молвил Син Мын:

— О Син Мэнга! Иссеякла моя сила. Руки и ноги свело.

— Теперь, Прон Мын, твой черед, — сказал Син Мэнга.

Но и Прон Мыну не посчастливилось: он даже рукоять с места не сдвинул.

Говорит тогда Син Мэнга:

— Настал твой черед, о старший брат Дам Зи. Как видно, тебе суждено вытащить из дерева нож.

Ответил Дам Зи:

— Разве могу я тягаться с этими двумя молодцами, о младший брат мой? Они крепки, как молодые побеги, а и им не достало силы вытащить нож, я же стар, мышцы мои немощны, жилы слабы.

Сказал так Дам Зи и за рукоять взялся, дернул он, а только нож не поддался — как был, так и остался на месте.

И говорит Дам Зи:

— О Син Мэнга, младший брат мой! Нет больше моей мочи. Надобно нам смириться и сполна заплатить за потраву.

Отвечает Син Мэнга:

— Если хочешь сполна возместить Ти Мэре все убытки — воля твоя. Только помни, нам придется отдать все добро, которое нажили мать с отцом, а самим — стать рабами.

Страх обуял всех людей и рабов, стоявших поодаль, и стали они так говорить:

— Если братья проиграют, нами станет владеть Ти Мэре. Смотрите, остался один Син Мэнга, на него вся надежда. Может статься, что мы не вернемся домой, никогда не увидим своих жен и детей.

Сказал Син Мэнга:

— О Ти Мэре! Если я призову на помощь богов и духов и выдерну этот нож из дерева, я не буду тебе платить за поправу риса и кукурузы, а красавицу Хэбиа Плао отдам в жены брату Дам Зи. Ведь, по обычаю, старший брат должен первым жениться. Согласен ли ты, о Ти Мэре? Если согласен, я пройду испытание, вытащу нож.

Отвечал Ти Мэре:

— Я согласен.

Потом он спросил у сестры, согласна ли она пойти замуж за Дам Зи, который уже не молод.

Но вскричал тут юноша Син Мэнга:

— Настал мой черед! Я выдерну нож из дерева.

Он схватил рукоять левой рукой, потом взялся за нее правой рукой, дернул трижды и вытащил нож из дерева. Потом опять вогнал его в дерево и снова вытащил — и так три раза кряду. Все смеялись от радости и восклицали:

— О Небо! Силен и могуч наш Син Мэнга! Он — наша опора.

А Дам Зи и Син Мын так и покатывались со смеху, колотя себя по ляжкам.

И говорит Дам Зи:

— О Небо! Могуч наш младший брат Син Мэнга. Если с гор нагрянут враги, мы сможем укрыться за его спиной. Если с моря придут враги, он будет нам оплотом и опорой. В ступе с пестом и для нас есть место.

Красавица Хэбиа Плао, стоя на крыльце, тоже смеялась и говорила:

— Юноша Син Мэнга и лицом хорош, и статью вышел, он мне по нраву. Мы с ним словно рис с кукурузой, возвращенные рядом. А Дам Зи мне не люб. У него ноги обросли волосами длинными, как две руки, если их вместе сложить, волосы у него на бедрах длиною с ладонь, из-за бороды и шеи не видно. Нет, люб мне один только юноша Син Мэнга. Я не хочу назвать мужем Дам Зи, пусть лучше срубят и повалят нежный ствол банана! Ведь это значит, что суждено мне, молодой, до самой старости слезы лить и стенать в тоске.

И отвечает ей Ти Мэре:

— Сестра, твое желание я сердцем понимаю, но ведь я слово дал. Возьми в мужья Дам Зи, разве это не все равно что стать женой Син Мэнги? Син Мэнга и Дам Зи — родные братья и живут под одною кровлей.

— О нет, — отвечала Хэбиа Плао. — Мне не все равно, чьей быть женой — старшего брата или младшего, — мне не надо двух мужей.

И сколько Ти Мэре ни уговаривал Хэбиа Плао, сколько ни просил ее дать согласие и сочетаться браком с Дам Зи, девушка на своем стояла.

Сказал тогда Син Мэнга:

— Не можешь ты, сестра, отказаться от брака с Дам Зи. Ведь прежде чем мы искус прошли, Ти Мэре нам дал обещанье. И раз мы, братья, решили искать женщину, которая умеет рис варить и ткать одежды, то первым делом должны найти жену нашему старшему брату, а уж после наш черед наступит. Так во всех богатых домах заведено.

Говорит Хэбиа Плао:

— Да, это так, но мы с Дам Зи — все равно что рис с кукурузой, возвращенные в разные годы. Лишь тогда скажут люди: «Что за прекрасная пара», — когда юноша Син Мэнга с ножом-резаком на плече и рогами оленя в руке выйдет вместе со мной на горное поле.

Иссякло у Дам Зи терпенье, и говорит он:

— Сейчас мы домой воротимся, месяц пройдет, год пролетит, и я за тобой приду, о Хэбиа Плао. И уж тогда придется за нами пойти самому Ти Мэре, твоему старшему брату.

И вот трое братьев, рабы и весь караван тронулись в путь. Сто человек шли впереди, еще тысяча сзади шагала, и было их великое множество, как пчел в улье или муравьев в муравейнике. Когда подошли к родному селенью, Дам Зи вскричал:

— О рабы, о люди! Уже близко родное селенье. И стыд обуял нас, стыд перед теми, кто оставался в селенье, перед нашими женами и детьми. Ведь мы ходили в джунгли, чтобы добыть чудо-тростник гуон, а вернулись ни с чем. Боюсь, что жены ваши и дети станут на вас гневаться. Так слушайте, что я скажу, может, мои слова вам придутся по нраву.

Построим на этом месте деревню. И если ваши матери и отцы, жены и дети захотят прийти сюда, пусть приходят. Ответьте же мне, о люди, согласны вы или не согласны.

Ответили рабы:

— Как повелишь, так мы и сделаем.

— Коли так, в лес пойдите, нарубите деревьев, нарежьте лиан, накошите травы на холмах и сюда принесите. Мы поставим дома. А после ваших жен и детей позовем, матерей и отцов.

И стали люди и рабы строить дома. Кто умел деревья рубить, тот отправился в лес. Кто ловко срезал индийский тростник — стал срезать тростник, кто искусно траву косил, тот пошел за травой. А умельцы, те, которые искусно дома возводили, стали строить селенье. Запели в родном селенье звонкоголосые гонги, загремели барабаны из бронзы. Прежний покинув кров, устремились к новой деревне матери, жены с детьми, сестры и братья.

День целый Дам Зи отдыхал и целую ночь, а наутро кликнул он братьев и друзей своих:

— О братья мои Син Мын и Син Мэнга, о друг мой Прон Мын! Завтра мы в джунгли пойдём, нарубим бамбуковых палок и сделаем змея. Согласны ли вы? Мы змея в небо высоко запустим, и если найдется красавица, которая танцем чудесным змея приворожит и змей спустится к ней на зов, мы ее в жены возьмем.

Отвечает Син Мын:

— Мы все сделаем так, как ты велишь.

И братья отправились в джунгли, чтобы бамбук нарубить. Они взяли с собой ножи-резак и кхиены. Вместе с ними пошли люди селенья. Сто человек впереди шагали, а еще тысяча — позади. Посередине сами братья выступали. Шли они прямою дорогой, длинной, словно большая река, брели по извилистым тропам, похожим на черных змей. Взглянут налево — река Шоа несет свои воды, направо посмотрят — берег Шу тянется, а прямо — белеет, сверкает прибрежный песок реки Ба. Вдруг увидели братья на другом берегу заросли толстоствольного бамбука, а на том берегу, где они стояли, тоже рос, красовался высокий, стройный бамбук. Из леса доносились голоса и смех девушек, которые ягоды в лесу собирали.

Сказал тут Дам Зи:

— Как отрадно слушать этот веселый гомон! Надобно нам спуститься к реке Уа, там растет отменный бамбук.

Добрались братья до истоков реки Уа, где все вокруг густо поросло дивным бамбуком. Стали тот бамбук рубить, смотрят — он весь древоточцем изъеден.

Сказал тут Дам Зи:

— О Син Мэнга! Этот бамбук не годится, змея из него не склеишь. Может, пойдем вон в ту рощу, там и нарубим бамбук?

Отвечал Син Мэнга:

— Что же, пойдем, попытаем удачи!

И пришли они в рощу, где рос высокий стройный бамбук. Один ствол другого лучше, и все чуть не в самое небо упираются.

Сказал тут Син Мэнга:

— О Дам Зи! Мы добрались до рощи, где растет стройный высокий бамбук. Ты самый старший из нас, бери же резак в руки и руби. Если не сможешь, мы придем тебе на помощь.

Взмахнул Дам Зи резак, ударил по стволу, но, сколько ни бился, сколько ни старался, все напрасно, только измучился, руки натрудил — даже малой веточки не смог срубить.

И говорит Дам Зи:

— О Син Мэнга, меньшей брат мой. Я натрудил руки, ноги мои обмякли. Иссеякла во мне сила, которой мать с отцом меня одарили.

Промолвил в ответ Син Мэнга:

— Говоришь, сила в тебе иссеякла? Что же, брат Син Мын, настал, значит, твой черед показать нам свое уменье и силу!

Взял Син Мын в руки резак, размахнулся и начал рубить, пустил в ход всю свою силу, которой мать с отцом его наградили, но с бамбука даже листочек сухой не упал.

И сказал тут Син Мын:

— Иссеякла моя сила, о брат Син Мэнга.

Подивился Син Мэнга:

— Неужто сила твоя иссеякла, о средний брат, о Син Мын? Выходит, настал черед Прон Мына!

Взялся за дело Прон Мын. Он тоже напрасно старался, как Дам Зи и Син Мын: верхушка бамбука и та не качнулась.

Молвил тогда Син Мэнга:

— Что же, и твоя сила иссеякла? Раз так, теперь мой черед!

Правой рукой он крепко схватил нож-резак и подступил к бамбуку. Ударил — и тотчас рухнул высокий ствол, повалился в тот же миг наземь. И стали падать один за другим бамбуковые стволы. Син Мэнга собирал их, вязал охапками. Рабы подбегали, подставляли спины и уносили бамбук в селенье. Меж тем Дам Зи велел меньшому брату позвать умельца И Ку, который ловко бамбук обрезал, делал дранку, и еще

кликнуть умельца И Ли, того, который искусно стругал и плел из бамбуковой дранки разные вещи, делал свистульки и дудки.

— Пусть они смастерят нам славного змея. А мы им в награду за это пожалуем гонг, — молвил Дам Зи.

Пошел Син Мэнга к дому, в котором жили И Ку и И Ли. К умельцам он обратился с такими словами:

— О други! И Ку и И Ли! Прославились вы своим умением. Просим, почтенные, сделайте для нас славного змея. А мы вам за это гонг звонкоголосый подарим.

— Что ж, мы согласны, мы готовы помочь вам, о Син Мэнга. И платы от вас никакой не возьмем, — ответил И Ку.

Рису сварили И Ку и И Ли, вина принесли и потчевать стали Син Мэнгу и Син Мына с Прон Мыном, которые вслед за Син Мэнгой пришли.

Молвил И Ку:

— О други! Отведайте рису и выпейте с нами вина.

Сели Син Мын, Прон Мын и Син Мэнга, стали есть рис.

Наелись и за вино принялись. Сытые и хмельные вышли из дому, а с ними вместе — умельцы И Ку и И Ли. Пришли они к дому Дам Зи. Тут И Ку и И Ли дали отдых рукам и ногам, а потом за дело взялись — стали они мастерить змея для братьев.

Сказал им Дам Зи:

— О други мои, о И Ку, о И Ли! Дайте отдых рукам, а к делу завтра приступите. К чему так спешить? Дни наши долги и месяцы длинны.

Отвечает И Ку:

— К утру закончим — двинемся утром в обратный путь, к вечеру кончим — вечером домой возвратимся. Мы хотим поскорее змея для вас смастерить.

Говорит тут Дам Зи:

— Добрые мысли у вас.

И Ку и И Ли дранки из бамбука нарезали, остов сплели, а после, чтоб отменной бумаги купить, отправились не куда-нибудь, а прямо в киньские земли. Добрались до дома, где жили господин Кук и господин Кай, купили у них отменной бумаги. Целых пять дней И Ку и И Ли резали, целых пять ночей шили и смастерили огромного змея.

Сказал тут Дам Зи:

— Ладный, отменный змей! Ты и впрямь настоящий умелец, ловко бамбук нарезаешь, ловко остов для змея плетешь, о И Ку! Ты и впрямь

настоящий умелец, искусно режешь бумагу и шьешь, о И Ли! Вы так проворно смастерили отменного змея со свистулькой, будто только и было у вас дела, что приклеить пальмовый лист.

Отдали умельцы змея со свистулькой Дам Зи, и промолвил И Ку:

— О друг наш Дам Зи! Вот твой змей!

Дам Зи диву дался:

— Неужто так быстро змея вы смастерили? О средний мой брат Син Мын, о друг мой Прон Мын и брат меньшей Син Мэнга! Ведите коней и скачите в киньские земли, купите железную цепь — будем змея высоко в небо запускать.

Пять крепких коней взнуздали Син Мын, Прон Мын и Син Мэнга, чтоб железную цепь из киньских земель привезти, и мигом назад вернулись.

Опять подивился Дам Зи:

— О Син Мэнга, о братья мои! Вы уже с цепью железной вернулись?

— Да, мы цепь привезли, — Дам Зи услышал в ответ.

Сказал тут Дам Зи:

— Теперь у нас есть железная цепь, чтобы змея запустить в небеса, нет только красивой цветной бахромы, чтобы той бахромой мы могли змея украсить.

Говорит Син Мэнга:

— У нашей матери и отца корзины полны красивой цветной бахромой. Слыхал я, что ту бахрому оставили наши дядья и пращурьы наши.

Сказал тогда Син Мын:

— Давайте откроем корзины и возьмем бахрому! Искать ее в другом месте — только силы попусту тратить.

Так и порешили братья: взять ту бахрому, которую оставили пращурьы и дядья, и ею украсить змея.

Сказал Син Мэнга:

— О старший брат! О Дам Зи! Пойди принеси разноцветную бахрому, ту, что сияет, словно спелый плод на дереве, будто цветы в лугах.

— Я иду, — ответил Дам Зи и побежал домой.

Поднялся он вверх по лестнице и на крыльце матушку с веретеном в руках увидал. И повел Дам Зи такую речь:

— О матушка! У нас, у сыновей, змей есть. Есть у нас железная цепь, чтоб высоко в небеса его запустить, только бахромы нет, недостает

разноцветных нитей, чтоб по краям ее привязать и змея украсить.

Молвила матушка:

— О сыновья! Не затевайте этой забавы! В давние времена дядя ваши тоже запустили змея и гибель свою нашли. Боюсь, что и вы той же тропой пойдете. Вот почему я вам не дам бахромы.

— Значит, не дашь ты нам бахрому?

— Нет! В этой затее гибель ваша таится.

Гнев обуял Дам Зи, он схватил палку и разнес на куски дивные кувшины, за которые слонов отдают, перебил чудные кувшины, за которые платят рабами. Потом по лестнице вниз сошел.

Видя все это, матушка проговорила:

— Если сын утром кувшин с вином разобьет, к вечеру я новый кувшин куплю. Но если смерть настигнет сыновей, мне не видать их больше.

Вернулся Дам Зи туда, где стоял змей, а Син Мэнга его спрашивает:

— Где же бахрама разноцветная, о Дам Зи?

— Матушка бахромы не дает, — Дам Зи отвечал.

— О Небо! Как же нам быть теперь? И что же это за мать у нас? Пусть пойдет брат Син Мын и упросит ее. Может, Син Мына матушка любит больше.

Пошел к матушке Син Мын, но и он вернулся ни с чем.

Сказал тогда Син Мэнга:

— Раз вам, братья мои, не удалось уговорить матушку, настал мой черед идти к ней! Попытаю удачи!

Син Мэнга поднялся в дом.

— Почему, матушка, — спросил он, — ты не хочешь отдать нам разноцветную бахромку?

— Потому что боюсь, как бы вы не накликали смерть на себя. Где тогда я вас разыщу, где найду своих сыновей?

Говорит ей Син Мэнга:

— Значит, не отдашь ты нам бахромку? Пусть я погибну, что из того? Я ведь сын, а не дочь, которой надобно род продолжать.

Собрал Син Мэнга всю свою силу, которой родители его одарили, ринулся он на матушку, схватил ее за волосы, взял отца за волосы и поволок. Так больно родителям было, что той боли они не стерпели. Говорит матушка:

— О сын, немоготу мне боль такую терпеть. Я дам тебе бахромку, отпусти меня!

— Правду ли ты, матушка, говоришь или шутишь?

— Правду говорю, о сын. Иди же, бери бахромку!

Отпустил Син Мэнга мать с отцом, побежал к плетеной корзине, вытащил всю бахромку, какая там была, и к змею по краям привязал.

Все теперь есть у змея Дам Зи: и железная цепь бряцает, и разноцветная бахрома с двух сторон свисает, и украшения звенят.

Вскричал Дам Зи:

— Теперь все есть у нашего змея. Высоко, в самые небеса можно его запустить, пусть летает змей!

Отвечает Син Мэнга:

— О братья мои Дам Зи и Син Мын, о друг мой Прон Мын! Готов наш змей, изукрашен алой бахромой и синею, и ожерелья на нем звенят. Одного только недостает: звонко поющей струны, из железа кованной. Когда змей высоко в небо взлетит, пусть все узнают, что это змей богатыря Дам Зи заводит песню.

Говорит тут Дам Зи:

— Раз так, давайте спустимся в долину к нашим друзьям, Куку и Каю. Попросим их сделать для нас из железа поющую струну, они ковать мастера.

Сделали Кук и Кай струну из железа, тоньше той струны и быть не могло, а после медь расплавили и струну сверкающей медью украсили. Взяли братья струну, туго-претуго натянули на змея. Вот и готово все, а ветер в небе утих — змею никак не взлететь.

Сказал тогда Син Мэнга:

— Как же нам быть, о Дам Зи? Как нам вызвать могучий ветер?

Отвечает Дам Зи:

— Мы Небу молитву вознесем.

— О Дам Зи, вознеси же молитву, — сказал Син Мэнга.

И стал Дам Зи молиться:

— О горные духи, я к вам обращаюсь, я заколю борова, услышите вы, как он в страхе визжит перед смертью. О духи речные, я принесу в жертву вам буйволов и быков, я буйволятиной и мясом быка накормлю вас. И когда поспешите вы ко мне в дом на пированье, чтобы мяса отведать и выпить вина, не забудьте, возьмите с собой ветер могучий. Я хочу запустить высоко в небеса змея.

Так усердно молил Дам Зи Небо и духов, что язык у него отнялся, а Небо и не вздохнет, не повеет ветром.

Молвил Дам Зи:

— О Син Мэнга! Иссеякли силы, которыми мать и отец меня одарили. Не могу больше голос исторгнуть из горла, не могу больше молить-заклинать Небо.

И вознес тогда молитву Небу средний брат, Син Мын:

— О горные духи, зову вас на пированье, я заколю пятнистого буйвола. О духи речные, вас я тоже зову на пированье и в жертву вам принесу белого буйвола. Только возьмите с собою могучий вихрь, чтобы мы могли высоко в небеса запустить змея.

Но Небо и не шелохнулось. Лишь показались на нем черные тучки, а ветра все нет да нет.

Молвил тогда Син Мэнга:

— Жаль мне вас, братья! Матерью вы прежде меня рождены на свет, а не можете справиться даже с таким пустячным делом. Настал мой черед молиться Небу и духам.

И стал Син Мэнга молиться:

— Я поднимаю семь пальцев, молю тебя, о Мэза, я возношу пять пальцев, славлю вас, о духи гор! К тебе, о Небо, я обращаюсь, и тебя, Земля, молю, всем душам умерших низко кланяюсь с молитвою. Пташек лесных шлю к божествам. Если супруг-бог почивает, пусть супруга-

богиня его разбудит, если супруга-богиня забудет, пусть ей супруг-бог напомнит. На пиrowанье вас зову, о божества! В жертву вам я принесу семь кувшинов вина, на закланье уведу семь буйволов, только молю вас, о божества, когда пожалуете, двери наши откpойте ветром, пусть наш змей взовьется высоко в небеса!

Не успел Син Мэнга закончить моление, еще уста не сомкнул, а на небе уже собрались черные тучи и на землю грозный вихрь обрушился, могучий тайфун налетел, разметал он хижины в западной стороне и в восточной, людей крова лишил.

Сказал Син Мэнга:

— О старший брат Дам Зи, взгляни-ка, ветер поднялся, ты должен первым змея запустить! А не под силу тебе это будет, мы, младшие братья, придем на подмогу.

Отвечал Дам Зи:

— Ладно, я первым запущу змея.

И стал Дам Зи топтать землю, чтобы собрать всю свою силу, которой одарили его мать и отец, когда произвели на свет, и собрал он в себе такую силу, как у буйвола. Протянул Дам Зи руку, взял железную цепь и стал запускать змея. Но пробежал всего три холма, где трава зеленела, и упал, на колени рухнул.

Вскричал Дам Зи:

— О Син Мэнга! Рук я не чую, о младший брат, жилы на моих ногах совсем ослабли, иссякла сила, которой мать с отцом меня одарили.

Сказал тут Син Мэнга:

— Делать нечего! Теперь ты, Син Мын, запускай змея. Пробежал Син Мын семь голых холмов и упал, на колени рухнул, точь-в-точь, как Дам Зи перед тем. А змей не взлетел, не взмыл к небу.

Говорит Син Мэнга:

— Что ж нам делать? Пусть теперь друг наш Прон Мын испробует свою силу.

Побежал Прон Мын, но напрасно, только устал, изнемог, а змей так и остался на месте.

Молвил тогда Син Мэнга:

— О Небо! Вы, братья, старше меня, а змея запустить не сумели. Он не взлетел в небеса. Выходит, настал мой черед запускать змея.

Топнул юноша Син Мэнга одною ногой, потом другою ногой ударил в землю, воздел к небу палец, чтоб силы собрать, которыми мать с отцом одарили его при рождении, набрался сил и стал могуч, как слон. Вырвал он у Прон Мына железную цепь. И взмыл Син Мэнга высоко в небеса, и полетел, оседлав небесные ветры, и потянул за собою цепь. Змей, огромный, как крыша общинного дома, наполнился ветром и взлетел в небеса. А струна, та, что на змее была, запела, услаждая слух Луны. Увидели люди в селенье, что змей взлетел, обрадовались и заговорили:

— О Небо! Наш змей поистине прекрасен!

Дался диву Дам Зи:

— О Небо! Откуда только меньшей мой брат силы набрал, чтобы так высоко запустить змея?

Змей парил в небесах, а Син Мэнга с цепью стал потихоньку на землю спускаться. Спустился и отдал старшему брату цепь подержать.

— О Дам Зи! Возьми цепь, поддержи ее — я рукам дам отдых и трубку выкурю.

Подбежал Дам Зи, обеими руками за цепь ухватился. Но тут снова налетел ветер, змей еще выше поднялся, еще дальше улетел, и Дам Зи за собою потащил. Повис Дам Зи между небом и землею. И стал кричать, стал звать братьев:

— О Син Мын, средний брат! О Прон Мын, друг мой! Поспешите, ухватитесь вместе со мной за цепь, чтобы змей опустился на землю.

Побежали Син Мын и Прон Мын, поднатужились, чтобы змея опустить с небес на землю, но змей оказался сильнее всех троих. А Син Мэнга тем временем сидел, трубку курил да поглядывал на своих старших братьев и друга Прон Мына, которых змей тащил в облака.

— О Небо! Куда вы годитесь, если все трое змея не можете одолеть, если нет у вас сил, чтобы цепь удержат?

Так и не докурив Син Мэнга свою трубку, отложил ее в сторону, подпрыгнул высоко, ухватился за цепь, дернул и потянул змея вниз, —

Дам Зи, Син Мын и Прон Мын грянулись наземь, едва не расшиблись.

Говорит Дам Зи:

— Великая сила таится в этом змее: он за собою троих потащил.

Взял Син Мэнга железную цепь, вышел на крыльцо и цепь к столбу привязал. А змей все поет да поет, никак не устанет, песнями слух улаживает, в небесах летает, парит высоко, не иссякает сила в его крыльях. И возликовали от радости небеса, а семь девушек из соседних селений головы подняли, смотрят на змея и хвалят его. Первую девушку звали Хэгухун, вторую — Хэлун, третью — Гэхун, четвертую — Кэнам, пятую — Мэна Этин, шестую — Хэбиа Сун, седьмую — Хэбиа Рда. А были те девушки возлюбленными трех братьев-богатырей.

Говорили девушки:

— Славно летает змей, он несет нам радость. Давайте же танцевать, чтобы приворожить змея, пусть прилетит на наш зов.

И семь девушек пошли к селенью Дам Зи. На всех семерых были новые юбки надеты, были надеты новые кофты, цветами расшитые, алой и синей бахромой изукрашенные, ожерелья звенели на девушках, вся тропа тем звоном наполнилась и берег ручья, куда ходят по воду. Ожерелья у семи красавиц блестели, потому что сделаны были из чистого серебра, на руках запястья сверкали. А волосы, собранные в пучок, могли поспорить красотой с яйцами лесных пташек. Светились все девушки юной красою, груди у них расцвели лишь недавно и набухли, как молодые ростки бамбука. Подошли красавицы к тому столбу, к которому Син Мэнга железную цепь привязал, и стали танцевать, чтобы приворожить змея.

Только у одной чересчур неуклюже двигались ноги, у другой не хватало гибкости в руках, а у третьей спина совсем не гнулась. Словом, так и не смогла ни одна танцем приворожить змея, не сумела порадовать глаз гибкостью.

Сказали тут девицы:

— О Небо! Не ведаем мы, найдется ли в этих обширных краях девушка, которая своим танцем искусным, гибкостью рук и ног сможет полонить змея богатыря Дам Зи, чтобы, замороженный, он камнем упал, рухнул прямо на черную землю. Видно, в этих краях только красавица Бера Этан, сестра Дам Зи, так дивно танцует. Давайте же позовем милую Бера Этан, пусть поучит нас своему уменью.

И пошли они, все семеро, к Бера Этан.

Сказали они:

— О Бера Этан, сколько мы ни танцевали, но так и не сумели приворожить змея Дам Зи. Просим тебя, о подруга, поучи нас своему уменью. А мы подарим тебе за это семь клубков разноцветных нитей.

Отвечает Бера Этан:

— Да пребудет над вами ясное Небо! Обознались вы, видно, ведь я для Дам Зи не девушка из селенья в западной стороне или в восточной. Я ему не дальняя родня. Мы с ним брат с сестрой. А вы — подружки моих братьев, вам-то и надобно танцем завлекать змея.

Молвили все семь девушек:

— Ты только покажи нам свое уменье, а если змей спускаться начнет, он не успеет коснуться земли, как ты мигом убежишь, быстро спрячешься. Чего же тебе бояться?

Сказала Бера Этан:

— Пусть будет по-вашему, я покажу вам свое уменье.

Польстилась она на обещанные семь клубков разноцветных нитей, а потому решила уменье свое показать и вниз спустилась. Ту юбку, что была на ней, сняла, новую юбку надела. Кофту тоже сменила — нарядилась в новую. Юбка цветами расшита и изукрашена алой бахромой и синей, развевается бахрома под ветром. Волосы Бера Этан в пучок собрала, шею ожерельями из серебра украсила, запястья на руки надела. Никто не смог бы с ней красотой сравниться: ни девушки медетхуа, которые живут по берегам реки Ба, ни девушки хрэ. Словно бабочка, которая порхает в лугах, она была легка и изящна. Если одной ногою Бера Этан шагнет невпопад, она тотчас назад отступит и другую ногу выставит. Походка у Беры Этан плавная, а сама она — гибкая, как хобот у слона. Подошла она к тому месту, к тому столбу, где цепь была привязана, начала танцевать.

Только змей голову повернет — Бера Этан слегка присядет, колени разведет в танце, змей хвостом вильнет, а красавица руки к нему протянет. Сколь прекрасен был танец змея на небесах, столь дивным был на земле танец Беры Этан. Само Небо не могло от похвалы удержаться. Вскричало Небо:

— Как искусна в танце правнучка наша, Бера Этан!

Взмахнуло Небо рукой и приказало змею вниз спуститься. Спустился потихоньку змей и застыл на макушках деревьев, которые росли на горах в западной стороне. Увидели Дам Зи и Син Мэнга, что змей опускается, поспешили выбежать и глазам своим не поверили: это их сестра змея заворожила, из-за нее змей на землю опустился...

Досадно стало Дам Зи, и говорит он:

— А я-то возрадовался, думал, это девушка из селенья в западной стороне или в восточной, ну, на худой конец, дальняя родня, а это, оказывается, наша родная сестра, Бера Этан.

Увидела Бера Этан старшего брата Дам Зи, испугалась и убежала. Стыдно ей стало перед братьями, не знала, куда и укрыться, куда ей спрятаться.

А семь девиц, семь возлюбленных трех братьев-богатырей, без конца нахваляют ее:

— До чего же искусна Бера Этан, и ноги у нее гибкие, и руки послушные.

Только убежала Бера Этан, только скрылась, как змей снова взмыл в небеса. Семь дней кряду и семь ночей резвился он в небесах, плясал! Захотел Син Мэнга, чтобы еще выше поднялся змей, еще дальше полетел, и говорит он старшему брату Дам Зи:

— О старший брат! Отвяжи цепь, пусть змей все небеса облетит, пусть долетит до селенья твоей невесты Хэбиа Плао, пусть весть ей подаст, что ты жив-здоров.

Только Дам Зи отвязал цепь, как змей оборотился и полетел в другую сторону. А Дам Зи говорил ему вслед:

— Лети, о змей, далеко лети! Лети к белым облакам, лети к черным тучам. Увидишь внизу малое селенье, попроси вина из кувшина, попроси белой курятины. Увидишь внизу большое селенье, попроси борова и три кувшина вина. А встретятся на пути богатые села — требуй буйвола и лети дальше, нигде не задерживайся!

Летит змей в небесах, а песня его повсюду разносится. Оборотился к западу — увидал малое селенье, выпил из кувшина вина, отведал белой курятины. А после того, какое бы он ни встречал селенье на своем пути, пусть богатое, пусть бедное, везде ему приносили жертвы. Оборотился змей к востоку — увидел большое селенье. Только в селенье том жертв ему не принесли и пированья не устроили. Целых три дня и целых три ночи змей свистел и гудел над селеньем. И там, где змей кружил, поднялся могучий вихрь и опрокинул все хижины, разметал все дома. Прибежали люди к вождю, чтобы он вознес молитву духам: «Да улетит от нас змей в другие края!»

И так сказали люди вождю:

— О вождь! Ты слышишь, как неведомая громадная птица все дни витает в небе над нашим селеньем? Страх обуял нас. Ночью мы за себя страшимся, днем нам чудится, будто поют стрелы врагов-чужаков. Мы не можем спокойно есть, спать спокойно не можем. В джунгли ходить боимся, лес не смеем расчищать, у нас не хватает духу землю под посевы готовить. Мы не ходим по тропам в лес за валежником, за водой не спускаемся к ручью.

И спросил вождь:

— О люди селенья! Как же нам быть?

И услышал он в ответ:

— Ты наш вождь, возьми рису, выйди и вознеси молитву духам Неба и Земли.

Вождь вынес рис, поставил его на высоком крыльце и обратился с молитвой к духам, стал помощи у них просить:

— О Ду, ты высоко восседаешь в небесах, о Дие, ты на луне стоишь. Не ведаете ли вы, что за огромная птица с воем кружит и кружит над нашим селеньем? Отгоните эту птицу от ручья, где мы воду берем,

отгоните ее от ворот селенья, мы заколем семь буйволов, принесем вам в жертву семь кувшинов вина, и будете вы пировать вместе с нами.

Не успел почтенный вождь молитву закончить, как змей повернулся и улетел в другую сторону. А ураган утих.

Говорит вождь:

— Вот что надобно было этой птице: буйволятиной и бычьим мясом полакомиться и вина выпить. Ведите же, о люди, на закланье буйволов, вино несите и гонги вешайте! Молитву мы вознесем этой чудесной птице!

А змей между тем прилетел к селенью, где жила Хэбиа Плао. Змей гудел и стонал, кружа над селеньем. Всех обуял страх, лютой ненавистью все возненавидели этого змея.

И сказал Ти Мэре:

— Знаю я. Это змей старца Дам Зи поет. Только не отдам я старцу в жены свою сестру. Ему бы разбогатеть без труда, вот он чего желает. А я такого мужа моей меньшей сестре выберу, чтобы работал усердно, чтобы выращивал на полях в изобилии кукурузу и рис. Ведь этого Дам Зи, когда он в путь выступает, рабы на носилках несут, опахалами его обмахивают. Юноша Син Мэнга — вот кто поистине достоин стать мужем моей меньшей сестры. Нет, не по нраву нам старый Дам Зи. О Хэбиа Плао! Давай убежим отсюда, укроемся в дальних краях. Давай убежим к бихам, давай спрячемся у мнонгов, давай пойдем вдоль берега реки Ба и там найдем пристанище. Здесь нам нельзя оставаться, не то придет Дам Зи и заберет тебя в жены. А тебе незачем замуж идти за него.

Отвечает Хэбиа Плао:

— О Ти Мэре, старший брат! Куда бы мы ни убежали, где бы мы ни укрылись, все равно братья нас разыщут, следом за нами придут, вся беда в том, что мы дали им обещанье. Не знаю я, какую тропой бежать, где искать спасенья. Уж лучше нам в селенье остаться. Пожалеют нас братья — в живых останемся, не пощадят — умрем.

Говорит Ти Мэре:

— Что из того, что мы дали обещанье? Знай же, если ты вместе со мной не покинешь селенье, пусть все увидят, как я голову тебе снесу, а сам уйду отсюда. И не тошно тебе стать женой Дам Зи? Он стар и немощен, этот Дам Зи.

Испугалась Хэбиа Плао, что брат и вправду снесет ей голову, и, не мешкая, уложила добро в корзину. Потом взяла ту корзину и пошла за братом, вслед за ним зашагала. Обошли брат с сестрой все селенья в

западной стороне, все деревни в восточной стороне исходили, искали пристанище, только никто им приюта не дал, — каждый боялся пустить их к себе. Медленно шла вслед за братом красавица Хэбиа Плао. Шла она, вспоминала Дам Зи и думу думала. А слезы ручьем текли по щекам.

— О Дам Зи, мой жених! Приди же за мной. Ведут меня неведомо куда, хотят в богатый дом отдать. Меня ждет погибель. О юноша Син Мын, о Син Мэнга, спасите меня, вызволите невесту вашего старшего брата!

Долго шли Ти Мэре с сестрой и добрались наконец до селенья Дам Шана, богатого и могущественного вождя, слава о нем до горных духов дошла, дошла она до духов широких рек. И сказал Ти Мэре, склонившись перед Дам Шаном:

— О друг мой Дам Шан! Заставила нас беда уйти из родного селенья, Дам Зи грозитя взять в жены мою сестру. Спаси нас, Дам Шан!

Дам Шан отвечал:

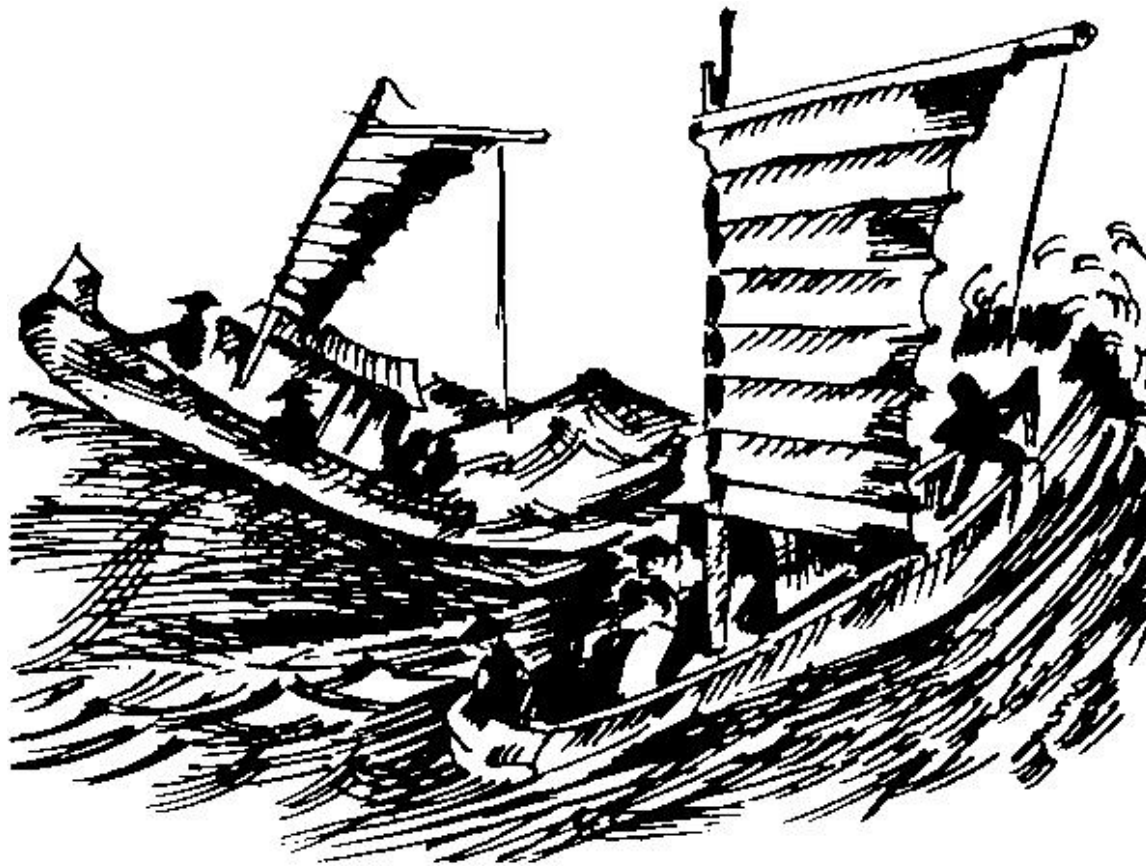
— Оставайся с сестрой у меня, о мой друг Ти Мэре. Мы не боимся старца Дам Зи. Пусть только явится, мигом голову ему снимем и в реку выбросим.

Так и остались жить Ти Мэре и Хэбиа Плао в селенье Дам Шана. Но змей их настиг, стал кружить над селеньем, парил в небесах, шумом людей изводил: никто рису спокойно поесть не мог, никто поспать сладко не смел, тут и Дам Шан не выдержал, не стерпел и говорит:

— О горе! Коварен и зол змей старца Дам Зи, разве проживешь здесь долго? Надобно поискать приюта в селенье у нашего друга Дам Тюка; высится то селенье среди широкого моря на далеком-далеком острове. Там мы и найдем пристанище.

И повел Дам Шан людей в те далекие края, и Ти Мэре с сестрою взял. Сели они на быстрые морские ладьи и через море поплыли к Дам Тюку. Но чем дальше отплывали от берега ладьи, тем мрачней становились думы красавицы Хэбиа Плао, слезы текли и текли у нее из глаз.

— О Дам Зи! Зачем ты меня покинул, отчего бросил свою невесту? Ты ведь обещал приехать за мною, увезти меня в свой дом. Отчего же ты не едешь? Приди, о жених мой, вызволи меня, о Дам Зи!

Увидел Дам Тюк, что приплыли к острову люди во множестве, услышал, что просят они пристанища, и говорит:

— Я дам тебе приют, о красавица Хэбиа Плао. Никого не бойся. Никто не посмеет нагрязнить сюда — ни носорог огромный, ни могучий свирепый тигр, ни бешеный слон, что клыками роет землю.

Отвечала Хэбиа Плао:

— Раз так, я останусь у тебя.

Но змей и тут их нашел. Не стало в селенье Дам Тюка ни покоя, ни радости, люди не могли есть рис, сладко спать боялись. Одолели могущественного Дам Тюка тревожные думы, — ни посидеть ему спокойно, ни постоять, — позвал он красавицу Хэбиа Плао и говорит ей:

— О Хэбиа Плао! Выйди, змея танцем приворожи, пусть спустится на землю, пусть шумом своим не пугает больше людей, пусть пройдет у них страх.

Надела Хэбиа Плао новую юбку, в новую кофту нарядилась, еще прекраснее стала. Выбрала место в тени, остановилась там и говорит:

— Змей, змей, если суждено мне стать женой Дам Зи, спустись ко мне с высоких небес.

И не пошла, поплыла красавица в плавном танце: что змей в небесах сделает, то Хэбиа Плао на земле повторяет. И хоть парил змей в голубой вышине, а красавица Хэбиа Плао на земле танцевала, не уступала она ему ни в чем. Дивно красавица танцевала и не знала усталости, за то и заслужила похвалу от великого Айдие, восседавшего в небесах, достославного Иду, что на луне пребывает. Взмахнул Айдие рукой и повелел змею на землю спуститься. Стал змей тихонько спускаться, стал к земле клониться. А когда совсем спустился, Хэбиа Плао сняла разноцветную бахрому, которой змей был с боков изукрашен, и убрала ее в корзину — до краев наполнилась корзина бахромой. Взяла красавица ту корзину, унесла ее и спрятала понадежней. А змея в щепы разбила, чтобы ногами никто его не растоптал.

Дам Зи и два брата взглянули на небо, смотрят — нет змея, потом голову вниз опустили, видят — стелется цепь по земле.

Говорит Дам Зи:

— О братья! Наш змей спустился. Только где он спустился, в каком селенье, того мы не ведаем. Если он в том селенье спустился, где живет красавица Хэбиа Плао, она припрячет для нас бахрому, которой был изукрашен змей. Если же он осел в селенье, где богатые люди живут, не видать нам той разноцветной бахромы.

Дам Зи тотчас позвал Прон Мына, потому что Прон Мын хранил браслет красавицы Хэбиа Плао, залог свадебного обещанья. Вздумай красавица Хэбиа Плао убежать, Прон Мын все равно разыскал бы ее.

Сказал Дам Зи:

— О друг мой Прон Мын! Ты хранишь браслет, данный в залог моей клятвы и клятвы Хэбиа Плао. Если красавица убежала и ищет приюта в селеньях западной стороны или стороны восточной у каких-нибудь богатых людей, придется тебе ее отыскать. Хотел я, чтобы змей помог мне жену найти, для того и делал его, но цепь оборвалась, змей упал, а вот куда упал — не ведаю. Знаю лишь одно: где мой змей опустился, там и надо искать красавицу Хэбиа Плао. Только она гибкостью рук и резвостью ног, искусным танцем может приворожить моего змея. Непременно найди то место, где змей опустился. Сегодня в полдень ты должен уйти, и в полдень же надобно тебе возвратиться. Не разыщешь змея — умрешь от моей руки. Ты был свидетелем клятвы, которую мы с Хэбиа Плао дали, и сказал тогда, что Хэбиа Плао никуда от нас не уйдет.

Задумался Прон Мын, загрустил и говорит:

— Ума не приложу, как быть. Откуда мне знать, где опустился змей?

Пошел Прон Мын в конюшню, выбрал самого быстроногого скакуна. Вскочил на него. Конь полетел, словно птица, взвился стрелой высоко в небеса, и там, где он промчался, деревья и травы к земле клонились. А Прон Мын коня туда направил, где пролегла железная цепь. Долго скакал он и увидел наконец селенье Дам Шана. И спросил Прон Мын людей, тех, что остались в селенье, тех, что не успели уйти вслед за вождем своим, могучим Дам Шаном:

— О люди селенья! Не видали вы, где наш змей опустился? Это ведь змей грозного господина Дам Зи, того самого, который ищет свою невесту. Если вы змея найдете, разноцветную бахрому снимите с него и припрячьте для нас. Тот, кто припрячет для нас разноцветную бахрому, будет обласкан: если девица это славное дело свершит, Дам Зи возьмет ее в жены, если юноша — станет он побратимом Дам Зи. Но если люди селенья позарятся на чужое добро, утаят от нас бахрому, мы превратим их дома в пепел, в золу, всех от мала до велика растолчем в ступе.

Отвечали люди:

— О господин! Раньше и правда, случалось, мы видели этого змея, слышали о нем. Он летал, он кружил над селеньем, где жила красавица Хэбиа Плао. Только старший брат ее, Ти Мэре, боялся того змея, даже взглянуть на него страшился, а потому вместе с сестрой пришел в наше селенье и попросил приюта. Но змей и здесь их настиг. Извел змей вождя Дам Шана и Ти Мэре своим шумом, не смели они голову поднять к небесам, отвели они тогда красавицу Хэбиа Плао на берег моря, сели в морские ладьи и поплыли к селенью Дам Тюка, что высится среди широкого моря на далеком острове. А змей вслед за ними полетел. Больше мы его не видали. Ходит молва, будто красавица Хэбиа Плао взглянула на небо, искусным танцем змея приворожила, сняла бахрому с его крыльев и припрятала понадежней. А змея тут же в щепы разбила.

Спросил Прон Мын:

— Правду ли вы говорите?

И услышал в ответ:

— Мы не малые дети, солгать тебе не посмеем, о господин. Еще не бывало такого, чтобы наши уста произносили коварные лживые речи.

Вскочил Прон Мын на коня и пустился в обратный путь. Солнце еще высоко в небе стояло, когда он в селенье Дам Зи воротился.

Дам Зи увидел Прон Мына и возрадовался:

— О друг мой Прон Мын, ты вернулся? Куда же опустился наш змей, ты видел? Скажи!

— О друг мой Дам Зи! Наш змей все гонялся за красавицей Хэбиа Плао. Старший брат Ти Мэре увез ее в селенье вождя Дам Тюка, которое высится посреди широкого моря на далеком острове. Хэбиа Плао приворожила нашего змея, сняла с него бахрому разноцветную, а самого змея в щепы разметала. Чтобы добыть тебе невесту и назад получить разноцветную бахрому, нужны нам морские ладьи, чтобы плыть по волнам, морские ладьи нам надобно вытесать. До острова того далеко, иначе как на ладьях — не доберешься. Огромно там море и широко. О друг мой Дам Зи!

Говорит Дам Зи:

— О Небо! Хитер и коварен Ти Мэре. Уж так он меня нахваливал, говорил, что и лицом я ему по нраву, и статью. Ведь мы с ним побратимами стали. А теперь он, как говорится, дернул веревку, ловушку захлопнул. Жажду я с ним сразиться, помериться силами, посмотрим, кто сильнее, я или Ти Мэре. О меньшей брат Син Мэнга! Давай позовем друга нашего, умельца Мэтао Эгой, и наших друзей, искусных умельцев И Ку и И Ли, пусть морские ладьи для нас смастерят. А за это что они от нас потребуют, то мы им и дадим.

Отвечал Син Мэнга:

— Я тотчас за ними пойду, о старший брат Дам Зи.

И пошел Син Мэнга к селенью, где жил Мэтао Эгой, зашагал он к тому селенью, в котором жили И Ку и И Ли. Вошел он в дом и говорит:

— О друг мой Мэтао Эгой, о друга И Ку и И Ли! Покорнейше просим вас морские ладьи для нас смастерить, чтобы мы добраться могли до селенья Дам Тюка, которое высится посреди моря. Держит Дам Тюк в неволе милую Хэбиа Плао, невесту нашего старшего брата. Нам надобно вызволить пленницу. А вам за работу три дивных дадим кувшина с вином — каждый из них дороже слона; еще прибавим кувшин, который можно сменять на раба, а вдобавок можете взять добра всякого столько, сколько пожелаете.

Отвечают Мэтао Этой, И Ку и И Ли:

— Да разве нужна нам награда? Мы и так порадуем вас, потешим уменьем своим.

И все трое за дело споро взялись и стали морские ладьи мастерить. Три дня и три ночи мастерили, ни отдыха не знали, ни сна. И смастерили умельцы четыре отменные ладьи.

Говорит Мэтао Эгой:

— О друг мой Дам Зи! Вот и готовы ладьи морские. Зови же братьев своих, пусть на ладьи посмотрят. Придутся они братьям по нраву — пусть забирают, не понравятся — мы другие ладьи смастерим, которые еще проворней скользят по волнам морским.

Спустился Дам Зи с крыльца, со всех сторон осмотрел ладьи, которые умелец Мэтао Эгой и другие умельцы сработали славно. У каждой ладьи на носу флаг развевался, на корме возвышалась мачта, а парус высокий ждал ветра.

Говорит Дам Зи:

— О други! Радуют глаз эти ладьи, от них доблестью веет. Мы довольны морскими ладьями. О Мэтао Эгой, о И Ку, о И Ли! Возьмите в награду те кувшины, из которых каждый слону не уступит в цене, и еще этот кувшин берите, его можно обменять на раба, а к кувшинам прибавьте кур и свиней, — словом, берите все, что пожелаете!

Отвечает Мэтао Эгой:

— Мы возьмем ровно столько, сколько ты дашь нам в награду.

Между тем четыре морские ладьи, которые Мэтао Эгой, И Ку и И Ли смастерили, отдыхали на берегу. А ладьи те боевыми были: одна большая и три малых. Стали братья едой запастись и созвали людей, чтобы нести морские ладьи к воде.

Не ради забавы собрались нынче Дам Зи и братья в дальний путь. Затем они отправились в путь, чтобы сразиться с Дам Тюком, который посмел держать в неволе красавицу Хэбиа Плао, и еще затем, чтобы назад получить свою разноцветную бахромку, которой был украшен змей.

Говорит Дам Зи:

— О мои меньшие братья Син Мын и Син Мэнга! Мы идем в поход на Ти Мэре. Как он посмел разлучить меня с милой невестой? Но мы вызволим красавицу Хэбиа Плао, мы ее спасем!

И в ответ услышал он:

— Если старший брат велит нам идти в поход, мы пойдем в поход, мы не дадим в обиду нашего старшего брата.

Наутро, едва рассвело, Дам Зи послал людей в лес за слонами. Изловили люди длиннохвостых слонов. Мэгуны те слоны прозывались. У каждого слона два широких бивня, умели те слоны реветь и трубить громогласно. Слонам-самцам недели на спину цветные седла, слонихам недели седла из индийского тростника, а самому грозному слону приладили седло с навесом, чтобы было где укрыться от дождя и от

солнца. Впереди каравана шли старые слоны, вся шерсть у них на груди и меж ног истерлась. Люди селенья выступали вслед за Дам Зи. Впереди сто человек выступали, сзади еще тысяча. И не было людям числа, как пчелам, которые вылетели из улья. Вот караван остановился на отдых, и люди столпились — и была людская толпа как многоводное озеро. Но снова двинулся в путь караван, шел он по петляющим тропам, извилистыми путями пробирался; сверкали секиры, словно цветы чак, будто камыши были бесчисленны пики, луков было больше, чем веток на дереве, стрел и не счесть, словно ягод в поле.

Месяц-серп выплыл на небо, когда караван покинул селенье, вот и полная луна засияла, а караван все шел и шел. При золотом свете луны входил караван в селенья в западной стороне и в восточной. Луна изливала свой свет, когда люди входили в дома. И по всем дорогам, и по всем тропам рабы несли Дам Зи на носилках. Где проходил караван, там опадали листья с деревьев, клонился тростник к земле, пригибались к земле деревья и травы, сухие листья летели, словно термиты, спасающиеся от ливня. Если встречалось на пути селенье, в котором люди не уберегли железную цепь змея Дам Зи, в прах и золу превращали селенье, а людей с собой угоняли. А в тех селеньях, где цепь уберегли, там добро не трогали, и дома не жгли, и людей из селенья не угоняли. По дороге всех злых и коварных вождей погубили.

Все больше становился караван Дам Зи, все многолюдней. Он шел по тем тропам, где цепь от змея пролегла.

Долго шли они, пока наконец вышли к берегу моря. Перед ними в высоком небе летели белые облака. Рабы опустили морские ладьи на волны.

Дошел караван до берега и остановился. Отменными были четыре морские ладьи Дам Зи, дивными были ладьи. Носы острые, флаги развеваются, ветер паруса надувает. Все люди собрались на берегу. Одни ночлег готовили для Дам Зи, другие опахалами его оведали. Три брата, три богатыря сидели и совет меж собой держали о том, как с Дам Тюком сразиться.

Молвил Дам Зи:

— Как же вызволить нам невесту, как спасти красавицу Хэбиа Плао, которую держат в плену среди моря на острове?

Долго речи вели братья, толковали о том, как им быть, и наконец Дам Зи хитрый способ измыслил. Сказал он:

— О братья мои Син Мын и Син Мэнга, о друг мой Прон Мын! Садитесь в три малые морские ладьи, захватите трех лесных голубей и к острову смело плывите. Там отыщете ручей, к которому по воду ходят, сами укройте, а голубей отпустите, голуби полетят и скажут красавице Хэбиа Плао, чтоб за водою шла. Вы ее дождитесь, посадите в ладью и плывите!

Ответили младшие братья:

— Мы все сделаем так, как ты нам велишь.

Сели братья в боевые ладьи и поплыли к далекому острову. Заскользили три ладьи по волнам, дружно гребли богатыри. Разыскали они на острове то место, куда по воду ходят, сами укрылись, а голубей отпустили. Полетели голуби над островом, стали кружить, увидели, что милая Хэбиа Плао сидит под помостом свайного дома, у свай, и пряжу прядет. Спустились голуби, сели на гребень крыши и заворковали:

— Чу-к-чу! Славные юноши ждут тебя у ручья на морском берегу. Ча-к-ча! Славные юноши из дальних селений на берегу тебя ожидают, прекрасная Хэбиа Плао. Ступай скорее купаться.

Услыхала красавица Хэбиа Плао, о чем голуби на крыше воркуют, и грустные думы на нее нахлынули, вспомнила она родное селенье, из которого ее так далеко увезли, о подругах подумала.

И сказала Хэбиа Плао:

— О голуби! Не воркуйте, не будите тоску в моем сердце, мне и без того худо.

Убрала Хэбиа Плао прялку, взяла корзины с тыквенными бутылками, пошла за водой и девушек с собой позвала:

— О Бой Зян, о Бан Хэмат, пойдемте купаться! Все тело у меня зудит, будто по нему муравьи ползают. Надоело мне плескаться в медном тазу, хочу я в ручье омыться у моря, там, где мы воду берем.

Отвечает Бой Зян:

— Не ходи, о Хэбиа Плао, к ручью. Не купайся у берега моря. Солнце тебя там опалит, муравьи заедят. Разгневаешь ты купаньем своим горных духов, речных духов рассердишь. И не спасут тебя тогда ни мать, ни отец. А упадешь — никто тебя не поднимет. Не ходи, о Хэбиа Плао.

Но сказала красавица:

— Напрасно вы меня отговариваете, ничего у вас не выйдет, я от своего не отступлюсь. Сегодня же искупаюсь в море и только тогда успокоюсь.

Говорит ей в ответ Бой Зян:

— Раз так, то и мы с тобою пойдем.

Сменила красавица Хэбиа Плао юбку и кофту, подружки ее тоже юбки и кофты сменили, — во все новое нарядились. У каждой через плечо висела корзина, а в корзине бутылка из тыквы стояла. Шагнет девушка, и стан ее изогнется, как голова у слона, на котором хозяин выехал прохладой насладиться.

Спросила Бой Зян:

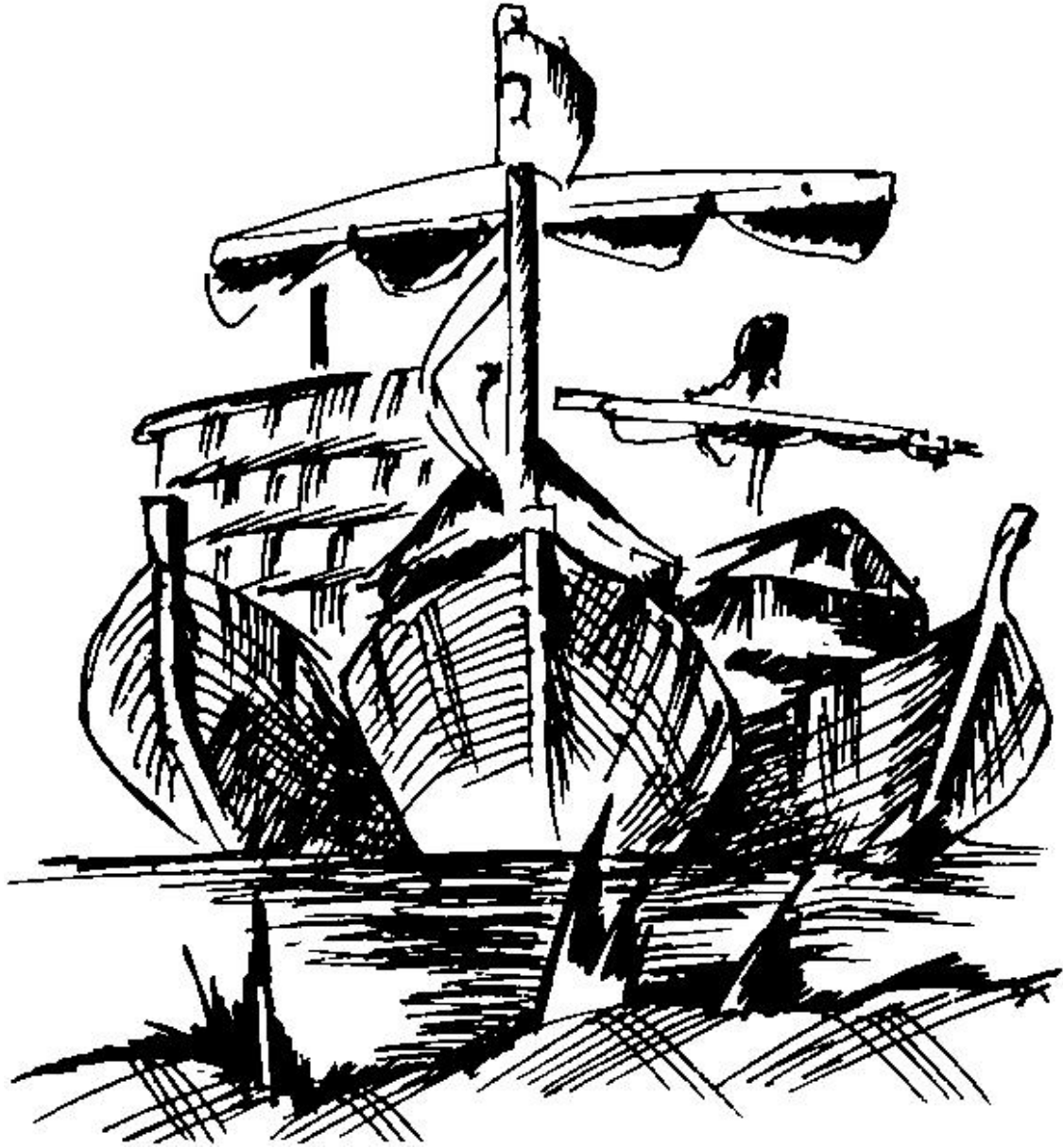
— О Хэбиа Плао! Зачем ты нынче надела такой роскошный наряд?

— Я надела этот наряд, чтоб солнце меня не опалило, чтоб муравьи не искушали, а если я прогневаю горных духов или духов речных рассержу, если упаду в глубокую пропасть и мать с отцом спасти меня не успеют, чтобы красивой и нарядной я перед божествами предстала.

Сказала Бой Зян:

— Так вот зачем ты надела этот роскошный наряд.

Три девушки вышли к ручью, набрали воды в тыквенные бутылки, потом поставили бутылки обратно в корзины и к морю спустились, чтобы омыться. Сбросив юбки, развесили их на ветвях огромного дерева, кофты сняли, на кусты их бросили. Разделись девушки и прыгнули в воду. И забурлили, запенились волны — ввысь взметнулась вершина бамбука на берегу, потом волны улеглись, и вершина бамбука вниз опустилась. Здесь волны едва набегали на берег. А в широком море огромные волны вздымались — каждая волна величиной с корзину для риса, не с корзину для риса, а с дом. Волны грозно ревели.

Говорит Хэбиа Плао:

— Что за чудесный залив! Вы только взгляните, молодые побеги бамбука словно просятся: «Сорвите нас!» Вон ладьи вверх по течению плывут, а вон лодки рыбацкие сети тащат. Птица парит в вышине, она таовао зовется, а внизу кружит белая цапля-хохлатка. Как славно здесь, как весело солнце все заливаает своими лучами. О мой жених Дам Зи! Полюбуйся, мои ягодицы — точно луна в первый месяц года, бедра мои — словно луна на ущербе, груди мои так и дышат свежестью, будто воздух в начале весны. Ничего нет на свете прекрасней, чем мое тело.

Красавица веселилась, как птица, не уставала она вспенивать воду, песни пела, звала Дам Зи, своего жениха, и столько раз вспоминала она о Дам Зи, сколько волн было в море.

Вдруг увидели девушки три морские ладьи, которые прямо к ним приближались. То были ладьи братьев богатырей, приплывших за Хэбиа Плао. Поистине дивные ладьи скользили по воде! Впереди, на носу, развевались флаги, за ними — виднелись мачты, паруса надувались ветром, летели ладьи среди огромных волн, грохочущих волн. Увидела Хэбиа Плао ладьи и говорит подругам:

— Взгляните, какие прекрасные лотосы скользят по волнам! О, если бы нам на лотосах этих погулять, порезвиться, сердце потешить, поплавать по морю, радость нас обуяла бы, о подруги!

Сказала Бой Зян:

— Кто знает, выпадет ли когда-нибудь на нашу долю такая удача?

Красавица Хэбиа Плао опять прыгнула в волны и снова вспенила воды. А Син Мэнга гнал боевые ладьи все ближе и ближе. Выждал он, пока красавица Хэбиа Плао от берега подальше отплывет, ринулся к ней на своей лодке, за волосы ее схватил и вытащил из воды. Хэбиа Плао громко закричала, но волны громче ревели. Подружки Бой Зян и Бан Хэмаг выскочили в страхе из моря на берег. Они забыли о юбках, тыквенные бутылки с водой на берегу оставили и со всех ног побежали к селенью.

Вскричала Бой Зян:

— О Небо! О люди селенья! О наши соседи! О Ти Мэре, о Дам Шан, о Дам Тюк! Нашу подругу, красавицу Хэбиа Плао, чужестранцы схватили и за море увезли. Спешите же нашу подругу вызволить!

Услыхав, что его сестру полонили морские разбойники, Ти Мэре рассвирепел, словно буйвол в летний солнечный день.

— А правду вы говорите? Кто же тот храбрец, который полонил мою сестру?

Ти Мэре тотчас схватил в руки свой меч и кхиен да позвал сотню молодцев, не сотню, а тысячу, чтоб ладьи отнесли к причалу. Спешил Ти Мэре сразиться с врагом, сестру вызволить. Всполошились все люда селенья; одни к востоку бежали, другие мчались к западу. Кто нес боевые ладьи к морскому берегу, кто спешил строить новые боевые ладьи. К Ти Мэре на подмогу явилось еще семь богатых могучих вождей, чтоб с Дам Зи сразиться.

Меж тем Син Мэнга направил свою ладью к далекой земле, ладья не плыла, а летела. Причалил он к берегу и там передал красавицу на большую ладью, на ту ладью, где старший брат сидел. Увидел Дам Зи красавицу Хэбиа Плао и говорит ей:

— Хэбиа Плао, моя невеста! Зачем ты собрала в узел свои юбки, зачем понесла тот узел на голове и в страну к чужеземцам-лаосцам убежала? Зачем ты собрала свои кофты и кинулась в кхмерские земли? Как лодка, которая стремится к причалу, как улитка, которая ползет по холмам в поисках леса, как бедняк, который ищет приюта в богатом доме, ты металась то в одну сторону, то в другую. Кто смутил тебя хитрыми речами, что решила ты укрыться на этом далеком острове? Мы ведь обменялись с тобой браслетами, которые звенят на запястьях, ожерельями обменялись, которые на шее висят. И лицом мы друг другу любы, и статью по нраву, ты мне стала невестою, а я тебе — женихом. И свидетель тому мой друг Прон Мын. Он нам обещал, что никуда ты от нас не уйдешь, а если укроешься в богатом селенье, спрячешься там, словно в воду канешь, он все равно тебя найдет, все равно отыщет тебя, где бы ты ни была. Нарушила ты свое слово, а все напрасно. Ты хотела сухую траву снова сделать зеленой, плохое вино сделать хорошим, ты справедливость спутала с несправедливостью и бежала в селенье хрэ, в край банаров, ты бежала то в западную сторону, то в восточную. Тебя унесло, будто вершу потоком, везде я искал тебя: и по берегам ручьев, и возле рек, и нашел наконец.

Отвечала красавица Хэбиа Плао:

— Я и впрямь нарушила слово, не сдержала своего обещанья, о мой жених, о Дам Зи. Если простишь, я останусь в живых, а не пощадишь меня — смерть приму. Долгие месяцы, многие дни я жила в дальнем чужом краю у богатых вождей, мои бедра намокли от слез, а в горле моем и в носу не осталось и капли влаги. Обуял меня гнев, ведь тогда никто меня не наставил, никто не научил, и покорилась я, Ти Мэре послушалась. Сказал он мне: «Сестра, зачем тебе идти замуж за Дам Зи? У него на ногах волосы как солома, у него на бедрах волосы как колючки у дикобраза, а борода длинная-предлинная. Когда он в путь отправляется, рабы несут его на носилках и опахалами овевают. Лень его одолела — в поле он не выходит, деревья не валит, не готовит землю под пашню. Так что не дозволю я тебе стать женою Дам Зи. Я найду тебе другого мужа, такого, который споро работает в поле, ловко лес расчищает, такого, как Син Мэнга, твоего жениха меньшей брат. Вот он мне по нраву».

Отвечает Дам Зи:

— Ладно! Мы после рассудим, кому ты станешь женою — мне или меньшому брату.

А тем временем всполошилось все селенье вождя Дам Тюка. Кто ладьи и пироги строил, кто садился в ладью. Не тысяча — десять тысяч рабов летели в ладьях по волнам, чтоб с Дам Зи сразиться. Вел их могучий Дам Шан, славный вождь. Приблизился он к братьям и кинул клич. Этот клич до подножья небес докатился, дошел этот клич до самого края земли, все слушали Дам Шана, все Дам Шану внимали:

— О Дам Зи! Ты отважен, печень твоя — велика и полна желчи! Ты пришел, чтобы рог у носорога отнять, чтобы забрать у слона бивни, ты пришел, чтобы наших сестер полонить! Выходи же на бой, с утра мы потеху начнем, а в полдень будем биться друг с другом в волнах среди широкого моря!

Еще издали услышал Дам Зи грозный голос Дам Шана, заметил его боевые ладьи.

Сказал Дам Зи:

— О братья мои Син Мын и Син Мэнга! О друг мой Прон Мын! Вы слышали голос Дам Шана, слышали, что он нас на бой вызывает? О братья, о друг мой Прон Мын, садитесь же в свои боевые ладьи, спешите к Дам Шану, спросите, что ему надобно, а я пока буду стеречь здесь красавицу Хэбиа Плао.

Син Мын, Син Мэнга и Прон Мын сели в ладьи и подняли паруса. Ветер гнал паруса, и ладьи летели сквозь волны. Среди широкого моря повстречались они с Дам Шаном, столкнулись с его ладьями.

Вскричал Син Мэнга:

— О Дам Шан, мы пришли! Нынче будут кони копытами бить друг друга, буйволы будут бодаться, сойдутся стада слонов, посмотрим, сколь велика та сила, которой мать с отцом тебя одарили, испытаем силу твою. Знаешь ли ты, о Дам Шан, что кости у нас железные, жилы у нас бронзовые, с малых лет богатыри мы. Мы не раз приводили с охоты бешеных носорогов, мы укрощали свирепых слонов, мы без счету перебили пантер, оленей и тигров, нет числа диким кабанам, которым мы шею свернули!

И сошлись в схватке враги среди широкого моря. Волны то вздымались выше свайного дома, то опускались на самое дно морское, вода в пучине, как в воронке, бурлила.

Сказал Син Мэнга:

— О Дам Шан! Пусть на одной стороне стоят твои боевые ладьи, а на другой стороне мы свои боевые ладьи поставим, потом в схватке сойдемся, посмотрим, чьи ладьи развалятся раньше.

И ринулись друг на друга боевые ладьи. И тотчас ладьи, на которых сидели рабы Дам Шана, на щепы развалились, потоком плыли на гребнях волн людские тела, их уносило, как травы, их несло, как листья. Боевые ладьи Син Мэнги из железа сделаны, бронзой окованы, а ладьи Дам Шана сделаны из дерева, построены из бамбука, как же им не разбиться.

Син Мэнга стоит на носу своей боевой ладьи и громко взывает:

— Эй, Дам Шан! Держись! Сейчас мы с тобой в схватке сойдемся!

Ринулась в бой ладья Син Мэнги, отлетела ладья Дам Шана, в дальнюю даль отлетела. Много раз сходились ладьи — под конец ладья Дам Шана совсем развалилась, а сам он кинулся в волны. Гибель свою нашел в тех волнах Дам Шан.

Повел тогда за собой вождь Дам Тет не тысячу — десять тысяч рабов на боевых ладьях, чтобы сразиться среди моря. Но и ладьи Дам Тета тоже пошли на дно, приютами стали для мелкой рыбешки. Потом наступил черед и других именитых славных вождей, которые славились своей силой и могуществом меча. Звали тех вождей одного Дам Бра, другого Мэао Лэвек, третьего Дам Дэри, четвертого Дам Дэран. Ударились их боевые ладьи о ладью Син Мэнги и тоже рассыпались, на куски развалились. Наконец сам Дам Тюк, сам славный вождь, сел в ладью и вышел на бой. Повел он за собою не тысячу — десять тысяч рабов. А те, что в селенье остались, ладьи мастерили.

Ринулся Дам Тюк на своей боевой ладье в бой среди широкого моря и вскричал:

— О Син Мэнга! Я пришел!

И началась битва, храбро сражались богатыри, море пенилось и бурлило. На боевой ладье Син Мэнги впереди развевался флаг, позади парус надувался от ветра. Ринулся Син Мэнга навстречу Дам Тюку и вскричал:

— О ты, моя боевая ладья! Скачи на гребнях свирепых волн, пляши на волнах. А ты, парус, наполнись ветром! О вы, боевые ладьи тех, кто сражаться пошел против нас, пусть вас волны подбросят высоко, а после пусть поглотит вас пучина.

Боевая ладья Син Мэнги ринулась вниз по волнам, стукнулась о подводные камни — будто грянул гром, будто молния вспыхнула, ослепила людей. С неба из туч ливень хлынул, все кругом загрохотало.

Со всех сторон злые духи слетелись, они жаждали пожрать души отважных вождей, тех, которые найдут свою смерть в морской пучине.

Тем временем, от битвы вдали, красавица Хэбиа Плао сидела с Дам Зи в большой богатой ладье, рису они вдоволь наелись и теперь забавлялись, шутили.

А юноша Син Мэнга все резвился в своей боевой ладье на широком море, показывал силу свою и ловкость, которыми мать и отец его наделили. Он не ведал преград, его боевая ладья вздымала огромные волны. Пошатнулись, закачались из стороны в сторону палаты, в которых жила Морская Царевна, дочь Морского Царя: ни сидеть нельзя, ни стоять. Выглянула она и увидела юного богатыря в боевой ладье: ловок он был и хорош собой. Полюбился юноша Морской Царевне, и пожелала она сделать его своим мужем. Вбежала она в палаты к Морскому Царю, отцу своему, и говорит:

— О отец, что там за удалой богатырь правит боевою ладьей? Хорош он собой и силен. Полони его отец и меня замуж за него отдай!

Отвечает Морской Царь:

— Как же я его полоню? Он храбро сражается, машет мечом, он мечет копьё и кхиены.

— О отец, ты выйди туда, где волны бушуют, опрокинь его боевую ладью, тогда богатырь утонет и станет жить в нашем селенье.

Сказал Морской Царь:

— Ладно, испытаю-ка я свою силу.

Подплыл он поближе к боевой ладье, которой юноша Син Мэнга правил. Долго плыл вслед за ладьей Морской Царь, наконец улучил момент, когда боевая ладья вождя Дам Тюка столкнулась с ладьей Син Мэнги, могучей рукой ладью накренил: ладья Син Мэнги медленно в волны морские ушла. Морской Царь взял Син Мэнгу на руки и понес в палаты. Увидела Морская Царевна, что отец с ношей вернулся, добыл ей красавца юношу, и от радости речи лишилась. Тотчас юношу к себе увела и с ним заперлась. День целый рядышком просидели Морская Царевна и Син Мэнга, смеялись, беседу меж собою вели.

Увидел Прон Мын, что утонула ладья Син Мэнги, и вскричал:

— О Небо! Мой друг Син Мэнга утонул, ушел на дно морское.

Направил Прон Мын свою боевую ладью к берегу, туда, где Дам Зи их поджидал. Сказал Прон Мын:

— О друг мой, о Дам Зи! Боевая ладья Дам Тюка ринулась на ладью Син Мэнги и потопила ее, ушел Син Мэнга на дно морское.

Ответил Дам Зи:

— О друг мой Прон Мын! Ты был свидетелем, когда мы с Хэбиа Плао обещанье давали супругами стать. Спустишь же теперь на дно морское и отыщи моего меньшого брата, нашего Син Мэнгу. Отыщешь ты брата, я отдам тебе в жены сестру. Ступай же, не мешкай, только непременно возвращаешься назад и мне расскажи обо всем, — найдешь ты ората или не найдешь, все равно приходи. А ты, о мой средний брат, о Син Мын, в сраженье ступай, в схватке сойдись со свирепым Дам Тюком, защити меня!

Задумался Прон Мын и говорит:

— Как же мне быть? Что ждет меня? Жив я останусь или погибну?

Сказал он так и направил свою боевую ладью в широкое море. Потом в морскую пучину ее погрузил и стал петлять между подводных камней и скал. Долго он там бродил, пока вдали не увидел селенье Морского Царя. Издал Прон Мын громкий клич. Прогремел тот клич среди скал и камней, до самых палат Морского Царя донесся, вихрем налетел на те палаты и крышу с них сорвал.

Воззвал верный Прон Мын:

— О мой друг Син Мэнга! Мы на битву с врагами идем! Возвратись к нам, Син Мэнга!

Диву дался Морской Царь:

— Кто взывает так громогласно?

Отвечал Син Мэнга:

— Это друг мой — Прон Мын. Зачем вы заперли меня в покоях? Отчего не даете мне выйти отсюда? — Отпустите же меня, надобно мне сразиться с коварным и злым врагом, я должен идти.

Сказал Морской Царь:

— Нет, мы тебя не отпустим. Не для того я тебя, юноша, полонил и отдал Царевне в мужья.

Ответил Син Мэнга:

— Не доведут вас до добра проделки ваши.

А Прон Мын меж тем подошел к палатам Морского Царя и спросил:

— Ты, может, видел, не входил ли сюда мой друг Син Мэнга?

Стоит Морской Царь перед дверью, смотрит на Прон Мына и словечка не вымолвит.

А Прон Мын ему говорит:

— Если вы прячете у себя юношу Син Мэнгу, я превращу ваше селенье в пепел и прах, а всех ваших людей, старых и малых, растолку в

ступе. Разве вы не знаете, что мы схватились в битве с врагами, чтоб невесту для старшего брата добыть? Для Дам Зи!

Говорит Морская Царевна:

— Преврати в пепел и прах наше селенье, убей всех людей, богатых и бедных, которые здесь живут, только оставь юношу Син Мэнгу, пусть он будет мне мужем.

Разгневался Прон Мын:

— Как смеешь ты вести подобные речи?

Говорит Морской Царь:

— Мы всю правду сказали тебе, о человек. А теперь поступай как знаешь.

Услышал Прон Мын эти дерзкие речи, возвратился к Дам Зи и все ему рассказал:

— О мой друг Дам Зи! Син Мэнга сбился с тропы, заблудился, попал в селенье Морского Царя, а Морской Царь его полонил и хочет женить на своей дочке, Морской Царевне. Не отпускает его Морской Царь. Заперли они Син Мэнгу в покоях Морской Царевны. Вокруг селенья изгородь из камня стоит. Я звал Син Мэнгу, только не может он выйти оттуда. Изгородь из камня надо разбить, разметать, тогда выйдет наш Син Мэнга на волю.

Говорит Дам Зи:

— Чтобы изгородь разбить и ворота обрушить в селенье Морского Царя, надобно захватить с собой волшебный топор, кэран. Волшебный топор кэран разнесет ворота, развеет их в прах. Тогда ты смело войдешь и вызволишь меньшого брата. А мы с Син Мыном будем здесь биться, будем против Дам Тюка сражаться, за красавицу Хэбиа Плао, чтобы опять ее не полонили.

Сказал Прон Мын:

— Ладно, пойду вызволять Син Мэнгу.

И снова погрузил Прон Мын свою боевую ладью в морскую пучину и опустил на дно морское у самых ворот, которые вели в селенье Морского Царя. Размахнулся Прон Мын, ударил волшебным топором по воротам, рухнули ворота, развалились. Прыгнул Прон Мын, да так далеко, что сразу очутился посредине селенья, и стал биться с Морским Царем. Все люди, которые жили в селенье Морского Царя, разбежались от страха.

Победил Прон Мын в схватке Морского Царя и стал звать Син Мэнгу:

— О мой друг Син Мэнга, воротись! Я разметал, разорил селенье Морского Царя, выходи, о Син Мэнга.

Вынес Прон Мын на своей ладье Син Мэнгу к берегу. Увидел Дам Зи меньшого брата и засмеялся от радости.

Молвил Дам Зи:

— О Прон Мын! Ты и впрямь верный друг, теперь мы всегда будем жить вместе и вместе смерть встретим. Поистине ты достоин быть мужем нашей сестры, красавицы Бера Этан. Вот только вернемся домой — и тотчас свадьбу сыграем!

Теперь четверо братьев на четырех боевых ладьях вышли в море сразиться с Дам Тюком. Юноша Син Мэнга направил свою ладью прямо на ту пирогу, где восседал Дам Тюк. Не выдержала удара пирога Дам Тюка. Ринулся в волны Дам Тюк, прыгнул могучий вождь прямо в волны морские.

И те вожди, что со всех концов на подмогу Дам Тюку на ладьях приплыли, вслед за ним в волны морские кинулись. Один Ти Мэре остался, старший брат красавицы Хэбиа Плао. Сидит он в боевой ладье, а за ним не тысяча — десять тысяч рабов плывет. На все море раздался клич Ти Мэре:

— Эй, Дам Зи! Держись, я выхожу на бой!

И сошлись враги в жестокой схватке. Бились они на воде, бились они под водой. Вздымали они волны морские — пенились волны, захлестывали берег водой. Солнце уже клонилось к западу, когда ладья Ти Мэре на куски развалилась, а сам он в морских волнах нашел свою гибель.

Тем и закончился бой. Четверо братьев победили в сраженье, а Дам Зи себе невесту добыл, красавицу Хэбиа Плао.

Потом братья посадили людей своего селенья на морские ладьи и повезли их к острову, к тому самому острову, где возвышалось селенье Дам Тюка. Остановились ладьи на морском берегу, у ручья, в том месте, где черпают воду, и люди селенья Дам Зи вошли в ворота.

Поднялся Дам Зи в дом Дам Тюка, забрал все добро, всех буйволов и быков, которые стояли в хлевах.

Сказал Дам Зи:

— Эй, люди Дам Тюка, не хотите ли за нами пойти? Мы убили ваших вождей и старейшин, мы срубили раскидистые баньяны, которые росли у ручья.

И сказали люди Дам Тюка:

— О господин, о Дам Зи! Мы пойдём за тобой. Все равно нам, где жить, где лес вырубать, где пашню для посева готовить, где рис выращивать и строить дома.

И порубили четыре брата дома, и сожгли их, потом взяли солому и подожгли сторожевые башни на поле. Жгли они дома и сторожевые башни, и каждый раз громкий клич издавали, тот клич в небе и на земле эхом отдавался.

Рассмеялся Дам Зи и говорит:

— Эй, Дам Тюк! Теперь мы на твоих полях сорные травы посеём. Может, какой-нибудь путник придет из дальних селений и попросит семян, ты дай ему семян, не жалея.

Селенье Дам Тюка дотла сожгли, а его люди сели в морские ладьи и за Дам Зи поплыли.

Когда вернулись все в родное селенье, Дам Зи так сказал людям Дам Тюка:

— Эй, люди! Если хотите рису досыта есть, идите деревья валить, расчищать поля. Если хотите жильё иметь, сами дома стройте.

И люди гурьбой повалили: кто пошел расчищать поля, кто принялся дома строить.

Воротились четыре брата в свой дом и на радостях стали вино из дивного кувшина наливать, наливали и пили в честь свадьбы Дам Зи и красавицы Хэбиа Плао и еще в честь Прон Мына и милой Бера Этан. Принесли братья в жертву духам гор и рек буйволов и быков, принесли они жертвы душам умерших предков, чтобы те в делах им помогали, чтобы здоровье им посылали и богатство.

С тех пор у людей селенья Дам Зи не было врагов ни в западной стороне, ни в восточной. И каждый день оттуда доносилось пенье звонкоголосых гонгов и барабанов из бронзы, и из года в год люди там досыта ели, из месяца в месяц пили вволю.

КОРЕЙСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Знаем!

Н. Гарин-Михайловский

Жили себе муж и жена, хорошие люди, но только никогда никого до конца не дослушивали и всегда кричали: «Знаем, знаем!»

Раз приходит к ним один человек и приносит халат.

— Если надеть его и застегнуть на одну пуговицу, — сказал человек, — то поднимешься на один аршин от земли, на две пуговицы — до полунеба улетишь, на три — совсем в небо улетишь.

Муж, вместо того чтобы спросить, как же назад возвратиться, закричал:

— Знаем!

Надел на себя халат, застегнул сразу на все пуговицы и полетел в небо. А жена его бежала и кричала:

— Смотрите! Смотрите: мой муж летит!

Так бежала она, пока не упала в пропасть, которой не видела, потому что смотрела все в небо. На дне пропасти протекала река. Говорят, он

превратился в орла, а она в рыбку.

И это, конечно, еще очень хорошо для таких разинь, как они.

Нежданная награда

Записал и перевел Н. Кимхаи

Некогда жил один человек. Своей земли у него не было, а на чужой сколько ни работал — богатства никакого не накопил. Бедно жил. Жениться хотел — да кто же пойдет замуж за такого бедняка?

Решил он сходить к Мудрецу — попросить совета, как разбогатеть.

А дорога далекая, трудная — жил Мудрец на вершине высокой горы. Три месяца и три дня нужно идти туда, и каждый день по сто ли ^[106] проходить.

Идет бедняк днем, идет ночью.

Раз заметил — в темноте огонек мерцает. Пошел на огонек, увидел в лесной глуши одинокий шалаш на поляне.

Вышла из шалаша девушка.

Бедняк вежливо ей поклонился и попросился ночевать.

Девушка сварила ужин, покормила гостя, уложила спать.

Утром спросила его девушка:

— Куда путь держите?

Бедняк все рассказал — ничего не скрыл.

— Узнайте у Мудреца, с кем мне суждено прожить свой век. На обратном пути ответ передайте, — попросила девушка.

Обещал бедняк все узнать, поблагодарил хозяйку за ночлег и отправился в путь.

Долго шел дремучими лесами, козьими тропами. Большая река преградила ему путь. Как перейти ее? Крепко призадумался бедняк.

Вдруг поднялись на реке волны, как в бурю; выплыл дракон, спрашивает:

— Скажи мне, человек, куда идешь?

Бедняк все рассказал.

А дракон ему:

— Дай мне слово, что спросишь Мудреца, когда я возвращусь в свое царство. За это перенесу тебя через реку.

Обещал бедняк спросить.

Загремел тут гром, засвистел ветер, и он мгновенно очутился на другом берегу реки.

Дальше пошел. Видит — впереди, на равнине, небольшой домик стоит. Ближе подошел — старика и старуху в домике увидел.

Они гостя приняли, накормили, расспросили и говорят ему:

— Мы посадили две яблони. Десять лет растут, но плодов не дают. Узнай, милый человек, почему эти яблони плодов не дают. Вернешься — скажешь нам.

Пообещал бедняк спросить.

Тронулся дальше. Уж три месяца миновали, как из дома вышел, еще два дня прошли, третий настал, а бедняк все в гору поднимается.

К вечеру на самую вершину поднялся и там Мудреца увидел.

С низким поклоном подошел к нему и сначала передал просьбу одинокой девушки.

— Скажи ей, — отвечал Мудрец, — чтобы она вышла замуж за первого мужчину, который полюбится ей.

Рассказал тогда бедняк о просьбе дракона.

— Пусть дракон расстанется с жадностью, тогда возвратится в свое царство.

Передал бедняк и просьбу двух стариков.

— Надо выкопать и пересадить яблони в новое место, — был ответ Мудреца.

Наконец рассказал бедняк и про свое горе.

— Что мне делать, чтобы жить в достатке? — спросил он Мудреца.

— Иди всегда своей честной дорогой. Вернешься домой — узнаешь.

Ничего не сказал больше Мудрец. Огорчился бедняк — не понял он совета Мудреца, — но делать нечего, повернул обратно. Идет он той же дорогой, по которой шел к Мудрецу.

Пришел к двум старикам и передал совет Мудреца.

— Спасибо тебе, добрый человек, — поблагодарили бедняка старик со старухой и тут же выкопали яблони; а под корнями яблонь нашли по сундучку с золотом. — Без тебя мы не видели бы этого золота. Возьми один сундучок, — сказал старик бедняку.

Взвалил бедняк сундучок с золотом на плечо и дальше поплелся.

Вот он добрался до той реки, где жил дракон. Передал ему слова Мудреца.

Дракон открыл пасть свою, выплюнул пятигранный рубин и в ту же минуту исчез в воздушном просторе.

Рубин этот был не простой, а волшебный. Только взял бедняк камень в руку, подумал: «Хорошо бы на этот рубин коня купить», — миг перед ним стал чудесный конь с золотой гривой; сбруя, седло, как жар, горят.

Сел бедняк на коня и помчался к одинокой девушке.

Девушка услышала совет Мудреца и говорит:

— Ты и есть первый человек, что полюбился мне.

Они поженились; вернулся бедняк в родные места и зажил счастливой жизнью.

Хон Киль Тон — защитник бедных

Пересказал Н. Ходза

Много-много лет назад вот что случилось.

У рабыни губернатора Сеула родился сын. Мальчику дали имя Хон Киль Тон. Когда Хон Киль Тону исполнился год, мать отправилась с ним далеко-далеко в горы — поклониться священным могилам предков.

Не прошла рабыня и половины пути, как увидела у подножия горы древнего старика. Вспомнила тогда мать Хон Киль Тона, что говорили ей люди.

А говорили они так:

«Живет в лесу, у подножия горы, старик мудрец Хен Бу. Он прожил в лесу всю свою жизнь, научился лечить травами болезни, знает, как укротить свирепого тигра-людоеда; многих бедняков вылечил мудрец от смертельных недугов, многих спас от когтей голодного волка и страшного яда змеи. И никогда Хен Бу не помогает богатым, а у бедных ни за что не берет денег. И потому все окрестные крестьяне почитают его, как отца».

Увидев сейчас Хен Бу, мать Хон Киль Тона поклонилась ему и сказала:

— Пожелайте моему первенцу счастья.

Старик улыбнулся женщине, посмотрел на лицо мальчика и молвил:

— Пусть живет он тысячу лет. — И еще сказал: — Этот мальчик необыкновенный. Он вырастет богатырем и в четырнадцать лет узнает волшебные слова. Бедные будут его любить, а королевские чиновники — бояться и ненавидеть. И еще скажу — этот мальчик погубит нашего губернатора.

Так сказал мудрец и скрылся в своей пещере.

Дошли до губернатора слова старика; он рассмеялся и сказал:

— Ну как меня может погубить ничтожный сын рабыни? Кто помешает мне казнить его раньше, чем он станет мужчиной? Он мой раб, и я сделаю с ним все, что захочу.

Посмеялся губернатор над словами мудреца и забыл о Хон Киль Тоне.

А мальчик с каждым днем рос и рос. И когда исполнилось ему семь лет, он уже поражал всех умом и богатырской силой. В семь лет Хон Киль Тон умел читать рукописи китайских мудрецов, знал, как усмирить тигра, и мог разгадать замыслы врагов.

А когда Хон Киль Тону минуло четырнадцать лет, услышал о его уме и силе губернатор и приказал привести к себе сына рабыни. Увидел он перед собою молодого богатыря и снова вспомнил слова старика: «Этот мальчик погубит нашего губернатора». Испугался повелитель Сеула и решил ночью убить спящего Хон Киль Тона.

Но Хон Киль Тон умел разгадывать злые мысли своих врагов и понял, что ему грозит смерть.

Вечером он сказал матери:

— Если меня долго не будет, не беспокойтесь. Я отправлюсь охотиться на диких зверей.

Испугалась мать:

— Как же ты будешь охотиться? Нет у тебя ни лука, ни стрел.

— Ничего, — ответил Хон Киль Тон. — Зато у меня есть ненависть в сердце и сила в руках. Прощайте, скоро вы обо мне услышите!

И когда в домах погасли огни, Хон Киль Тон был уже далеко. Он шел всю ночь, и утро застало его на вершине высокой горы.

Посмотрел сын рабыни на север и увидел синие озера и гордых лебедей на этих озерах.

Посмотрел на юг и увидел леса; они стояли сплошной стеной и упирались гребнями своими в самое небо.

Взглянул Хон Киль Тон на восток — там текли быстрые реки.

Повернулся он на запад и не мог отвести глаз от полей, где ветер колыхал всходы чумизы^[107] и высокие стебли кукурузы.

Хон Киль Тон смотрел на свою родину и чувствовал, что с каждой минутой становится все сильнее и сильнее. Заметив на краю бездны камень, такой большой, что на нем поместилось бы сто человек, он толкнул его ладонью — и камень покатился в пропасть.

Засмеялся Хон Киль Тон от радости, что он такой сильный, поднял вверх голову и заметил на горизонте высокую скалу. Вершина скалы была вся окутана облаками.

— Теперь я могу все! — воскликнул сын рабыни. — Даже коснуться облаков!

И, сказав так, Хон Киль Тон начал взбираться на вершину самой высокой скалы в Корее. Весь день поднимался Хон Киль Тон к облакам, всю ночь карабкался он по обрывам и кручам и наконец к восходу солнца оказался на вершине скалы.

И когда взошло солнце и рассеялся туман, Хон Киль Тон увидел перед собой каменную стену. В этой стене оказалась дверь. Дверь была такая огромная и тяжелая, что ее не смогли бы сдвинуть с места и пятьдесят человек.

Подошел Хон Киль Тон к каменной двери и нажал на нее плечом. Дверь подалась и медленно отворилась. Хон Киль Тон вошел и очутился в широкой цветущей долине. Его сразу же окружила толпа людей.

— Кто ты такой? — закричали люди. — Как смел ты сюда ворваться? Сейчас ты умрешь!

Но Хон Киль Тон не испугался. Он поклонился и сказал:

— Еще вчера меня называли сыном рабыни и рабом правителя Сеула. Но я захотел стать свободным и ушел в горы... Теперь вы знаете обо мне все. Расскажите же и вы о себе.

— Мы — враги королевских чиновников и монахов. Мы побратались и поклялись всю свою жизнь помогать беднякам и обездоленным, — ответили ему.

Тогда Хон Киль Тон сказал:

— Я хочу быть вместе с вами!

— Если ты поклянешься не делать зла бедным и не прощать злодеяний чиновникам короля, ты будешь нам тоже братом.

Хон Киль Тон произнес клятву, и старший из братьев объявил:

— Теперь тебе надо пройти первое испытание. Мы хотим знать, сильный ли ты. Покажи нам, какова твоя сила.

Хон Киль Тон оглянулся и увидел высокую сосну. Он подошел к дереву, ухватился двумя руками за ствол, дернул и вырвал дерево из земли вместе с корнями.

— Хорошо, — сказал старший брат. — Силу твою мы видели. Теперь осталось пройти тебе еще одно испытание: доказать нам ум и хитрость свою. Слушай же. Недалеко в горах есть большой храм. За его высокими стенами живут жестокие бонзы^[108]. Они грабят бедняков и заставляют их работать на себя и королевских чиновников. Много раз пытались мы проникнуть в этот храм, но на высоких стенах его всегда стоит стража и, заметив нас издали, начинает стрелять. Ни разу не удавалось нам подойти незаметно к храму. Придумай, как нам обмануть бонз, и мы поверим в твой ум.

— Дайте мне подумать до полудня, — попросил Хон Киль Тон.

В полдень он рассказал о своем плане старшему брату, и тот распорядился нарядить Хон Киль Тона в шелковые красные одежды и оседлать для него осла.

Хон Киль Тон сел на осла, попрощался со своими братьями и поехал в соседние горы.

Стража, охраняющая храм, еще издали заметила разодетого в праздничные одежды Хон Киль Тона.

— Это, наверно, важный чиновник едет к нам, — сказал самый жирный бонза.

Постучал Хон Киль Тон в ворота, и его тотчас же впустили.

— Я сын королевского министра, — сказал Хон Киль Тон. — Мой отец прислал меня в храм учиться у вашего старшего бонзы мудрости, послушанию и доброте.

Как только старший бонза узнал, что к нему приехал учиться сын королевского министра, он бросился навстречу Хон Киль Тону.

А Хон Киль Тон слез с осла и почтительно сказал:

— Мой отец посылает вам в подарок сто лошадей, груженных мешками с рисом. К закату солнца караван прибудет к храму.

На радостях, что у них будет столько риса, бонзы решили устроить пир.

Хон Киль Тона усадили на самое почетное место, и все наперебой ухаживали за ним.

В самый разгар пира вбежал жирный бонза и закричал, что министр прислал караван с рисом.

— Впустите караван во двор и закройте накрепко ворота, — приказал главный бонза.

— А зачем вы держите ворота на запоре? — спросил Хон Киль Тон.

— Ах, любезный господин, — загнусил главный бонза, — вы, верно, не знаете, что неподалеку от нас живут разбойники. Они хотят ограбить наш храм. Только им это не удастся: у нашего храма крепкие запоры и зоркие стражи.

— конечно, — сказал Хон Киль Тон, — никогда им не пробраться в такой храм.

И он попросил положить ему в чашку вареного риса. Все бонзы с жадностью ели и пили. Вдруг Хон Киль Тон вскрикнул и схватился за щеку. Бонзы сразу же умолкли.

— Что с вами, почтенный господин? — спросил главный бонза.

Вместо ответа Хон Киль Тон вынул изо рта камешек, который он сам незаметно положил в рот, и сердито закричал:

— Неужели мой отец прислал меня сюда для того, чтобы я ел камни? Как вы осмелились подать такой рис сыну королевского министра?

Все бонзы испуганно склонили свои бритые головы.

В это время, по знаку Хон Киль Тона, двадцать его братьев, пришедших с караваном, ворвались в комнату и начали вязать бонз толстыми веревками.

Бонзы завопили, и на помощь к ним бросилась стража.

Но тут вдруг ожили все сто мешков с рисом, которые привез караван. В каждом мешке вместо риса сидел человек и ждал сигнала, чтобы расправиться с нечестными и жадными бонзами.

Скоро все монахи оказались связанными.

Перед тем как покинуть храм, Хон Киль Тон созвал всех бедняков, которых бонзы заставляли работать на себя. Каждому бедняку он дал из кладовых храма мешок с рисом, мешок с деньгами и осла. Бедняки

нагрузили все свое богатство на ослов и поспешно исчезли в отдаленных лесах. А Хон Киль Тон со своими братьями сели на лошадей и отправились к себе в горы.

Когда они достигли цветущей долины, старший брат сказал Хон Киль Тону:

— Ты доказал нам свою силу, свой ум, свою хитрость. Мы видели твою любовь к бедным. Отныне будь ты старшим среди нас.

Хон Киль Тон согласился быть старшим. С этого дня королевским чиновникам в Корее не стало покоя. Везде их подстерегали Хон Киль Тон и его друзья.

Каждый день Хон Киль Тон делал какое-нибудь доброе дело: бедной невесте он дарил на свадьбу мешок денег и шелковые одежды, голодному — мешок риса, крестьянину — быка, рабу — свободу. У жестоких чиновников и монахов он отнимал все: деньги, золото, скот.

И вот дошла весть о подвигах Хон Киль Тона до короля. Разгневался король, вызвал к себе губернатора Сеула и сказал:

— Хон Киль Тон — сын твоей рабыни. Приказываю тебе поймать его и привести на веревке к моему дворцу. А не поймаешь — я отрублю тебе голову.

Вспомнил тут губернатор предсказание мудреца, что он погибнет из-за Хон Киль Тона, и решил во что бы то ни стало поймать своего бывшего раба.

Не знал, видно, правитель, что нельзя поймать того, кого прячет народ.

Губернатор еще и до дома своего не доехал, а Хон Киль Тон уже знал королевский приказ.

Приехал правитель домой, приказал позвать к себе свою рабыню — мать Хон Киль Тона.

Но не успела рабыня сделать и шага, как по всему дому раздались крики слуг:

— Несчастье! Горит наш дом! Спасайтесь!

Губернатор выбежал во двор и увидел, что дом горит со всех четырех сторон. Сколько ни старались слуги спасти дом, ничего не вышло. Когда угас огонь и рассеялся дым, все увидели вместо губернаторского дома кучу пепла и золы. А на заборе большими буквами было написано:

«Я освобождаю губернатора от нечестно нажитого им добра. Хон Киль Тон».

— В погоню! — закричал губернатор. — В погоню! Разбойники не могли убежать далеко.

Напрасно гналась погоня за Хон Киль Тонем и его друзьями: за каменной стеной на вершине скалы они были в полной безопасности.

Переехал губернатор в другой дом. День и ночь охраняла теперь стража его дворец.

А король, узнав, что Хон Киль Тон не пойман, рассердился сильнее прежнего и сказал:

— Если губернатор не поймает этого разбойника, пусть приготовит мешок для своей глупой головы!

Потерял правитель покой. Долго думал он, как поймать Хон Киль Тона, и придумал.

По всем городам и деревням Кореи разослал он скороходов. Скороходы ходили по улицам, трубили в трубы и, когда сходилась народ, объявляли:

— Передайте Хон Киль Тону, что если он через десять дней не явится к губернатору, его мать получит сто ударов палками и будет казнена.

Услыхал Хон Киль Тон, что его матери угрожает смертная казнь, пошел на реку и срезал семь камышинок. Дунул он в эти камышинки, произнес волшебные слова — и камышинки превратились в живых людей. И каждый человек был как две капли воды похож на Хон Киль Тона.

По истечении десяти дней в Сеул к губернаторскому дворцу подошел человек и сказал страже:

— Я Хон Киль Тон. Губернатор хочет меня видеть, и вот я явился.

Стража схватила Хон Киль Тона и притащила его к губернатору.

— Ага! — закричал правитель. — Попался! Теперь ты в моих руках... Эй, скрутить ему руки!

Начали Хон Киль Тону вязать руки, а в это время стража ввела какого-то человека и доложила:

— Господин, вот еще один разбойник, который называет себя Хон Киль Тонем.

Губернатор поднял глаза и попятился: перед ним стоял второй Хон Киль Тон. Оба Хон Киль Тона смотрели на правителя и улыбались.

Только собрался губернатор что-то сказать, смотрит — вводят в комнату третьего Хон Киль Тона.

И так продолжалось, пока в комнате не очутились восемь Хон Киль Тонов. Растерялся злодей. Как тут узнать, кто из них настоящий? Не может же он привести в императорский дворец восемь Хон Киль Тонов!

Думал-думал губернатор — и придумал. Приказал он позвать в комнату мать Хон Киль Тона. Когда рабыня пришла, он спросил:

— Кто из этих людей твой сын? Если ты мне не скажешь, я казню их всех. Если же назовешь, то я пощажу твоего сына.

Поверила женщина лживым словам губернатора, стала всматриваться в лица Хон Киль Тонов, но не смогла отличить их одного от другого. Тогда, подумав немного, она сказала:
— У моего сына на груди черная родинка.

— Снять с разбойников рубахи! — приказал губернатор. Но как только стража приблизилась к арестованным, Хон Киль Тон громко выкрикнул волшебное слово — и комната сразу же наполнилась туманом. А когда туман рассеялся, в комнате, кроме губернатора и стражи, никого не было. Только в углу лежало девять камышинок. Но на них в суматохе никто не обратил внимания.

Когда наступила ночь и в доме все уснули, одна камышинка вдруг зашевелилась, стала расти. У нее появились руки, ноги, туловище, голова. Это был Хон Киль Тон. Он поднял с пола самую тоненькую камышинку и, выждав, пока луна скроется за тучи, покинул губернаторский дом и отправился в горы к своим братьям.

Дойдя до вершины скалы, он положил на землю камышинку, сказал волшебное слово — и камышинка превратилась в мать Хон Киль Тона.

— Теперь вы свободны, — сказал ей Хон Киль Тон. — Я привел вас к своим братьям, и они будут почитать вас как родную мать.

Долго не осмеливался повелитель Сеула показаться на глаза королю. Он знал, что король обязательно отрубит ему голову, если Хон Киль Тон не будет к назначенному сроку доставлен во дворец.

Решил тогда губернатор поймать своего врага не силой, а хитростью. Переделся он в одежду простого торговца и двум самым сильным стражникам велел тоже переодеться торговцами. И в таком виде пустились они втроем бродить по окрестным деревням. У губернатора за пазухой был спрятан острый кинжал, а у стражников, кроме ножей, были еще толстые веревки. Вербки губернатор приказал захватить, чтобы привести Хон Киль Тона к королю связанным.

А Хон Киль Тон узнал, что правитель его ищет, и сделал вот что. Оделся он в рваную одежду, сгорбился, как старик, взял палочку и пошел в ближайшую деревню. Идет — еле ноги волочит.

А в той деревне как раз губернатор и остановился. Увидел он старика, оборванного, с палочкой, и окликнул:

— Эй, бродяга, не приходилось ли тебе видеть разбойника Хон Киль Тона?

— Нет, господин мой, не приходилось, — ответил старик. — Говорят, он такой страшный, что от одного его вида люди падают замертво!

Правитель засмеялся:

— Ах ты, старый дурак! Попадись он только мне, уж я бы знал, что с ним делать!

Тогда Хон Киль Тон сказал:

— Передавали мне люди, что он сегодня утром один ушел на вершину ближней горы.

Тогда стражники выхватили кинжалы, приставили их к груди старика:

— Веди нас туда, где он прячется!

— Пойдемте, — сказал Хон Киль Тон. — Мне и самому интересно посмотреть, как вы поймаете этого разбойника.

Много часов Хон Киль Тон вел правителя и его стражников. Ночь застала их в горах. Утром чуть свет Хон Киль Тон разбудил губернатора, и они отправились дальше. Наконец они миновали последний подъем, и Хон Киль Тон направился к тяжелой каменной двери в стене.

Губернатор и стражники следовали за ним не отставая.

Вдруг Хон Киль Тон толкнул дверь, дверь подалась — и Хон Киль Тон исчез за ней.

Но губернатор успел проскочить в дверь следом за стариком.

— Стой! — закричал он. — Стой, а то я прикажу закопать тебя живым в землю!

— А я и не бегу, — спокойно сказал старик.

И он выпрямился, отбросил далеко от себя палку и сорвал с плеч рваную куртку. Перед правителем стоял молодой богатырь Хон Киль Тон.

Со всех сторон к Хон Киль Тону бежали его братья. Впереди братьев к нему спешила мать.

Понял тогда сразу все губернатор. Он бросился перед Хон Киль Тоном на колени и стал молить о пощаде.

Хитрый Хон Киль Тон сказал:

— Хорошо, мы простим тебя... Поднесите ему самую большую чашу самого крепкого вина.

Обрадованный правитель выпил до дна чашу вина и сразу же заснул непробудным сном.

Тогда Хон Киль Тон обрил губернатору половину головы, надел на него женскую одежду, потом накрепко привязал его к ослу, чтобы он не свалился, и в таком виде ночью привез в Сеул.

Утром королю доложили, что у ворот дворца спит пьяный губернатор.

Король приказал доставить его к себе.

Но когда он увидел губернатора, выряженного в женское платье да еще с обритой наполовину головой, король так разгневался, что тут же

приказал отрубить ему голову.

Отчего в Тэдонгане зеленая вода
Записал и пересказал В. Кучерявенко

В давние времена в Пхеньяне жили очень красивая девушка и такой же прекрасный юноша. Они любили друг друга.

В город приехали в то время купцы-японцы. Они наняли юношу на работу и насильно отправили к себе в Японию. Потом напоили пьяным отца девушки, а ее увели к себе.

Юноша встретил в Японии китайских купцов, узнал от них о судьбе своей возлюбленной и на парусном судне вернулся на родину.

Ушел юноша в горы, собирал много изумрудов цвета чистой морской воды и возвратился в родной город. Долго он ходил, но все не мог встретить свою девушку.

Позволил однажды купец девушке немного погулять, и на высоком берегу реки Тэдонган она увидела любимого.

— Неужели моя любовь для тебя меньше, чем богатство японского купца? — спросил он.

— О нет! — ответила ему девушка. — Я не люблю ни богатства купца, ни его самого. Он держит меня насильно. Хочет выдать замуж за

сына. Ты один мне на свете дорог.

— Если мы с тобой не можем жить вместе, то зачем мне это богатство, — горько сказал он.

Девушка возразила:

— Нет, мое сердце будет всегда твоим, мы теперь никогда не расстанемся, в своей стране нам должно быть место для жизни и работы... Мы его добудем... И если это так, пусть твои изумруды растворятся в реке и окрасят воду в свой цвет; если же я не права, то пусть они превратятся в простые камни...

И они ушли... Больше их никто не видел.

Изумруды же растворились в воде.

С тех пор в Тэдонгане вода и стала такая зеленая, как изумруды.

Аист, черепаха и змея

Записал и пересказал В. Кучерявенко

В Корее почти в каждом доме можно увидеть картину или статуэтку с изображением человека; около него черепаха, у ног — змея, а выше их — аист.

...Это для того, чтобы человек всегда помнил:

Аист находится выше других потому, что у него самые длинные ноги, и он дальше всех видит и всегда — и в древности и теперь — вовремя предостерегает человека о появлении чужеземного нашествия...

Черепаша по своей форме напоминает очертания Кореи... У черепахи же самый крепкий панцирь, напоминающий щит. Черепаха также всегда напоминает в рисунке клеток панциря очертания огорода, разбитого на множество грядок, а это значит, что корейцы должны всегда садить и сеять разные овощи и растения... Пойдет дождь — вырастет рис, будет засуха — вырастет брюква или другое растение, и люди всегда будут сыты.

Змея напоминает, что враги могут быть рядом и об этом не надо забывать.

Змея может греться теплом человека, но она может и убить человека своим ядом.

Почему море шумит

Записал и пересказал В. Кучерявенко

Море все время желает быть властелином, покорить землю.

А люди, чтобы не допустить этого, делают молы, дамбы, каналы и покоряют море, не спрашивая, хочет оно того или нет.

Поэтому море вечно сердится и шумит, но все-таки покоряется человеку.

Чей подарок лучше?

Записал и пересказал В. Кучерявенко

У самого Восточного моря, в Долине роз, у города Вонсана, стоял дом. В нем жила красивая и умная, солнечная девушка Ан Ран Дю. Полюбили девушку три юноши, три друга.

Ан Ран Дю долго думала за кого же выйти ей замуж? Пошла она к старому мудрому предсказателю, что жил на перевале Черного дракона. Мудрец вынул из ларца три золотых монеты и велел, чтобы она их отдала юношам, пусть они купят подарки и чей будет лучше — тот и избранник.

Девушка возвратилась домой и позвала юношей к себе.

Ан Ран Дю вручила каждому юноше по золотой монете и сказала:

— Купите свадебные подарки, чей будет достойнее, за того я выйду замуж. Ждать буду год. Возвратиться вы должны все вместе в один день.

Ушли они все трое далеко. За Великую Китайскую стену, за монгольские пустыни и степи, в страну огромных просторов, чудесных садов и ясного солнца.

Уже в пути один из них купил в Китае зеркало. Зеркало было чудесное, если пожелаешь кого увидеть, посмотришь в зеркало — и в тот же миг увидишь и узнаешь, что с ним, что он делает... Юноша думал: «Всегда буду видеть Ан Ран Дю, где бы я ни находился, а потом и она будет всегда видеть меня, где бы я ни находился».

Другой юноша в Монголии купил верблюда, — такого, что если пожелаешь где быть, садись на верблюда — сразу же там будешь. Он решил, что лучшего подарка, доказывающего любовь, и не надо. Ведь стоит только пожелать — будешь около красавицы Ан Ран Дю.

А третий юноша в стране яркого солнца, огромных просторов и чудесных садов купил яблоко. Если кто заболит, то надо ему съесть это яблоко, и он сразу же выздоровеет. «А вдруг заболит Ан Ран Дю?» — думал юноша...

Собравшись в условленном месте, они заговорили о своей Ан Ран Дю и о подарках для нее.

Юноши так тосковали о девушке (да как раз и год исполнился с тех пор, как они ушли из дому), что сразу же решили поглядеть в зеркало, увидеть красавицу Ан Ран Дю и узнать, что она делает.

Посмотрели и побледнели все. Девушка Ан Ран Дю умирала.

В тот же миг они сели на верблюда и в тот же миг были у ее дома. Сойдя с чудесного верблюда, они вошли в дом и остановились у ее постели. Ан Ран Дю угасала, но, увидев юношей, она кивнула им, точно прощаясь, и слезы покатались из ее глаз.

— Принесли подарки, а зачем они?

Но третий юноша протянул ей яблоко и сказал девушке, чтобы она его быстрее съела. Ан Ран Дю съела яблоко и сразу порозовела, оживилась, улыбнулась юношам, как прежде, и у каждого на сердце стало

светло. Ан Ран Дю поднялась, подошла к открытому окну, посмотрела на высокие пики горных вершин, на цветущие яблони, на сверкающий простор моря и, обернувшись к юношам, попросила каждого из них рассказать о себе, о своем подарке; ведь прошел год.

Выслушав рассказы, Ан Ран Дю спросила юношей:

— За кого же мне выходить замуж?

Но друзья не смогли ответить. Тогда Ан Ран Дю, вздохнув, сказала им:

— Решите сами. Все вы помогли мне своими подарками.

Три дня и три ночи, сидя у костра на самом берегу моря, думали юноши... И не могли решить: не будь яблока, как бы они спасли девушке жизнь, но не будь зеркала, как бы они узнали о страшной болезни Ан Ран Дю, а не будь такого быстро бегущего верблюда, как бы они прибыли вовремя?.. Кому же из трех отдать предпочтение?

Тогда Ан Ран Дю позвала их.

— Если я сделаю выбор правильно, — сказала она, — то пусть древний колокол, в который всегда звонили, когда надо было решать сложный и трудный вопрос, зазвонит сам.

Вы настоящие товарищи и друзья, вы это доказали своими подарками, и лишь вместе вы, благодаря дружбе, смогли оказать мне

помощь в тяжелую минуту. Но выйду я замуж за того, кто подарил мне яблоко. У вас остались ваши подарки, вы, выбирая подарки, думали и о себе, а у владельца чудесного яблока ничего не осталось, да он и не думал о себе, а только обо мне. Я выйду за него.

В этот же миг раздался в воздухе звон древнего колокола. И солнечная Ан Ран Дю вышла за юношу, подарившего яблоко. Ведь он думал о девушке, о ее жизни, а не только о том, чтобы ее скорее увидеть, или о том, чтобы скорее быть возле нее.

Камни-самоцветы

Записал и пересказал В. Кучерявенко

В древние времена в Алмазных горах жил богач. Отправился от однажды на охоту. Поставил капкан, пришел и видит: попался бурундук, да не простой, а серебряный. Так весь и сияет.

Заметив богача, бурундук заговорил человеческим голосом:

— Не убивай, выпусти меня, что хочешь проси.

Богач был жаден.

— Ладно, говорит, отпущу. Только сделай так, чтобы все, к чему я ни притронусь, превращалось в камни-самоцветы.

— Ладно, — ответил бурундук, — будет по-твоему.

Выпустил богач зверька.

Пришел домой. И к чему ни притронется, все превращается в самоцветы. К двери притронулся, она засияла. Богач рад-радешенек.

Пригласят богача в гости, он сядет за стол, а есть ничего не может. Что ни возьмет в руки, все в камни-самоцветы превращается. Яблоки на блюде розовым пламенем отсвечивают, переливаются, а есть нельзя — каменные они.

Видят все, что богач все тоньше и тоньше становится. Стал очень худым.

Пришел он домой, сел на постель и до бороды дотронулся. Волосы засияли. За постель взялся, засверкала и постель. Ночью богач от истощения да от холода в постели из драгоценностей и умер.

— В каком почете смерть нашел, — говорили завистливые жадные богачи, собравшиеся на похороны, — глядите, какое вокруг богатство!

Мимо проходил старик. Посмотрел он, усмехнулся.

— Жадность и довела его до гроба. Вы посмотрите: вот куст розы возле гроба, а запаха от нее нет никакого. Роза мертва, жизни в ней нет, каменная она и не стоит вон тех живых цветов. Чувствуете, какой приятный от них аромат...

Большая настоящая красота только в жизни.

НЕПАЛЬСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Перевод Н. Аганиной и К. Шрефтха

Живой в царстве мертвых

Однажды погонщик пригнал слона на водопой к лесной запруде. Атам, по воле случая, оказался владыка подземного царства Ямарадж, которому вздумалось вдруг прогуляться по земле. Долго смотрел Ямарадж на слона и все дивился: такое огромное животное и во всем послушно маленькому человеку, восседающему у него на спине. Напил слон, вышел на берег и направился туда, куда повелел ему; человек, а потом еще дал себя привязать к столбу, точно собаку.

Не удержался Ямарадж, подошел к животному и спросил:

— Послушай, слон! Ты огромней горы и сильнее горно потока, так почему же ты слепо повинешься тому, кто мал и слаб? Неужто тебе не хочется освободиться и убежать на волю, чтобы никому не подчиняться?

— О владыка! — ответил на это слон. — Не берись судить о том, что не ведомо тебе, — ведь в твоём царстве одни мертвецы, у них и впрямь какая сила? Потому ты и мучаешь их, как тебе вздумается. Живой человек хоть и невелик ростом, зато силен разумом. Поэтому все звери, даже такие большие, как я, подчиняются ему. Попадётся тебе когда-нибудь живой, а не мертвец, вот ты и поймешь, что это такое. Посмотрим тогда, кто кого одолеет.

Не понравились Ямараджу эти слова, и расхотелось ему; продолжать разговор. Ничего не сказав, отошел он от ело на и направился в свои владения. Однажды, когда Ямарадж устал от пыток грешников, вспомнил он вдруг, что слон ему говорил. Кликнул владыка своих слуг и приказал доставить ему живого человека. Отправились они на землю и первым увидели писаря, который уснул на кровати, держа в одной руке чернильницу с пером, а в другой — лист бумаги.

— Этот вполне подойдет нашему господину, — решили прислужники Ямы и, подхватив писаря вместе с кроватью, помчались в подземное царство.

Неслись они как угорелые и так трясли кровать, что писарь проснулся. Видит: тащит его нечистая сила неведомо куда, и даже поначалу струсил немного. Только писарь был не робкого десятка. Собрался он с духом и стал выпрашивать у своих носильщиков, куда они так торопятся. Услышав, что забрали его по распоряжению самого Ямараджа, приуныл было писарь. Но разве зря наградил его всевышний человеческим разумом? Думал он, думал и наконец придумал. Обмакнул перо в чернильницу и написал на листе бумаги следующее:

«Всевышний бог Вишну владыке подземного царства Ямараджу.

Дошли до меня слухи, о Ямарадж, что ты хочешь заполучить в свои владения живого человека. Видно, забыл ты, что тебе положено забирать только мертвых? Чтобы напомнили, тебе об этом, я решил принять образ живого человека и самолично предстали, пред тобою. Так и были,, не стану отчитывать тебя при твоих подданных, потому и написал это послание.

Однако прощенья не жди и, как только увидишь меня, немедленно отправляйся за решением своей судьбы в Байкунтху^[109]. Я сам позабочусь о твоём царстве до нашей встречи. Смотри, по дороге не проболтайся никому, что я был под землей. Пока все!

Вишну».

Между тем прислужники Ямы добежали наконец до преисподней и поставили кровать, на которой восседал писарь, перед Ямараджем. Не теряя времени, вскочил тот на ноги, вручил владыке мертвых свое письмо. Прочел его Ямарадж и тут же приказал всем выйти. Когда прислужники его удалились, он спустился с трона и склонил перед писарем голову.

— Что же ты медлишь, выполняй приказание. Встретимся в Байкунтхе, — величественно произнес человек.

Ямарадж опять позвал своих слуг и приказал им во всем подчиняться пришельцу с земли, которого он оставляет вместо себя на троне. Сам же владыка поспешил в Байкунтху.

Как только писарь оказался у власти, он повелел немедленно прекратить адские пытки и освободить всех грешников.

Через некоторое время Ямарадж добрался до Байкунтхи и предстал перед всевышним. Увидел Вишну дрожащего от страха владыку подземного царства и воскликнул:

— О Яма! С какими новостями ты пожаловал ко мне? Уж не случилась ли беда в твоих владениях?

— О великий бог, — удивился Ямарадж, — ведь ты же сам во образе живого человека повелел мне явиться сюда. Как видишь, я исполнил твою волю. Я знаю, велика моя вина, и все-таки прошу тебя, о всевышний, смени гнев на милость!

С этими словами Ямарадж склонился перед Вишну. Но всевышний удивленно смотрел на испуганного Яму. И только когда владыка преисподней рассказал обо всем, что с ним приключилось, Вишну наконец понял причину его страха и покатился со смеху.

— Ну, и поделом тебе, Яма. Хотел помериться силами с живым человеком, вот он тебя и проучил! Как видишь, не так-то легко справиться с живым, наделенным силой человеческого ума. Недаром человека считают самым умным в мире, поэтому все и подчиняются его воле. Возвращайся домой и с уважением проводи живого человека обратно на землю, где ему и подобает находиться.

Корень радости

В давние времена всей землей правил один-единственный раджа, которого звали Манахангом. Владел раджа несметными богатствами: подвалы дворца его полны были золота и драгоценных камней, а закрома

ломились от зерна. И бесчисленные подданные его не знали ни в чем недостатка. Однако ничто не радовало раджу Манаханга, и никакие развлечения, никакие забавы не могли развеселить правителя.

Собрал однажды раджа своих бхарадаров-советников и обратился к ним с таким вопросом:

— О мои министры и советчики, неужто в мире не существует того, что приносит человеку радость? Кто из вас укажет нам путь к веселию и найдет бальзам, дарующий радость, того ждет великая награда. А теперь я слушаю ваши мудрые речи.

Тут встал один из министров по имени Бунок и сказал государю:

— О великий раджа, я знаю, где хранится корень радости. Дайте мне три месяца сроку, и я принесу этот корень, из которого приготавливают напиток, дарующий радость всем, кто его отведаст.

Очень обрадовался раджа и тотчас послал своего министра за корнем радости. Тогда Бунок обратился кротом и принялся рыть ход в глубь земли. А через месяц он добрался до подземного царства — паталалока. Только очутился он в подземном царстве, глядь, перед ним большой дом стоит, и дверь распахнута настежь. Вошел Бунок в этот дом и увидел сидящую у порога хозяйку — старуху Юманарангу.

— Намаете, тетушка! — поздоровался Бунок.

Юманаранга поднялась со своего места, расстелила коврик перед гостем и пригласила его сесть. Затем она вышла и тут же вернулась с чашей и кувшином.

— У нас здесь в паталалоке очень жарко, — сказала хозяйка, протягивая чашу Буноку. — Испей-ка соку, и тебе станет сразу полегче!

Бунок очень обрадовался, что его так гостеприимно встретили. Он вознамерился уже поблагодарить хозяйку и заодно сообщить ей о причине своего прибытия из далекого земного царства — притхибилока. Но хозяйка не дала ему даже слова молвить.

— Сначала утоли жажду, а сказать еще успеешь.

Поднял Бунок чашу и выпил все до капли. Сок был прохладный и на редкость вкусный. Поэтому, когда старуха опять наполнила чашу, Бунок не смог отказаться. Только после этого Юманаранга спросила:

— Ну, а теперь расскажи, зачем ты покинул землю и пожаловал ко мне в паталалок?

Хотел было рассказать Бунок, что привело его сюда, но язык онемел, и не смог он произнести уже ни слова.

— Так бывает со всеми, кто отведаёт сока впервые, — стала утешать Бунока старуха. — Но стоит к нему привыкнуть, и слова сами потекут с кончика языка. Выпей ещё, и все пройдет!

Она снова налила полную чашу и подала министру. Тот с жадностью осушил её и тут же заснул. Когда министр проснулся, он и думать забыл, зачем пробрался в паталалок. Ему хотелось только одного — утолить жажду. И он опять выпил одну за другой две чаши так полюбившегося ему напитка. А потом глаза его закрылись сами собой. Так и стал проводить он время в доме Юманаранги, позабыв про все на свете.

Старуха зорко следила за тем, чтобы Бунок никогда не приходил в себя. Ведь корень радости принадлежал подземному царству, и хозяйка не хотела, чтобы он достался людям.

Проходили дни, недели, а от Бунока не было ни слуху ни духу. Раджа Манаханг стал уже беспокоиться за судьбу своего министра. К исходу

третьего месяца он снова созвал всех министров и бхарадаров и объявил им:

— Вы знаете, что наш министр Бунок покинул дворец, чтобы доставить нам корень радости. Хотя назначенный срок подошел к концу, он до сих пор не вернулся. Не пора ли нам отправить кого-нибудь на поиски пропавшего министра? Каково ваше мнение?

Тут вышел вперед министр по имени Будум и сказал:

— Саркхар^[110], я берусь найти Бунока и доставить корень радости через два месяца!

Раджа согласился ждать еще два месяца и послал Будума на поиски пропавшего Бунока. Обратился Будум змеей и пополз в паталалок тем же подземным ходом, который вырыл его предшественник. Вскоре Будум явился перед Юманарангой и приветствовал ее низким поклоном:

— Намаесте, тетушка!

Взглянув в угол, он увидел Бунока, который спал глубоким сном.

Юманаранга сразу же поняла, зачем пожаловал к ней и этот человек. Не теряя времени она усадила гостя на коврик и принесла для него соку. Будум изрядно устал с дороги и потому, не отказываясь, осушил чашу до дна. Юманаранга тут же налила ему еще, и Будум опять выпил и, подобно первому министру, лишился дара речи. После третьей чашки он не смог поднять головы и заснул мертвецким сном. А потом, стоило только земному гостю проснуться, старуха подносила ему, как и Буноку, очередную чашу.

Вот пролетели пять месяцев, и у раджи Манаханга не стало уже двух министров. Правитель ума не мог приложить, что с ними случилось. Наконец он снова созвал своих приближенных и обратился к ним с такими словами:

— Уже скоро полгода, как пропали два наших министра — Бунок и Будум, которые славились умом и сообразительностью. Если так будет продолжаться и дальше, подумайте, какой урон понесет наша земля! Ведь на всем свете не останется ни одного умного человека! А это, сами понимаете, не сулит нашему государству ничего доброго. А ну раскиньте-ка умом, что нужно сделать?

Как только повелитель кончил говорить, вперед вышел самый старый и самый мудрый министр Сингли; поклонился он радже и молвил:

— Саркхар, чтобы разыскать Бунока и Будума, мне нужен всего-навсего месяц. Клянусь, что не позже чем через месяц доставлю во дворец корень радости, из-за которого исчезают ваши министры!

Раджа тут же дал свое милостивое согласие отпустить Сингли на месяц, и старый министр отправился в путь. Обернулся Сингли тараканом и пополз в паталалок той же дорогой. Войдя в дом Юманаранги, он бросился старухе в ноги и быстро заговорил:

— Здравствуй, бабушка, наконец-то я могу склонить голову к твоим ногам. Еще в детстве родители говорили, что бабушка у меня живет в паталалоке. Сколько лет я искал тебя и сегодня наконец нашел. Если бы ты знала, что мне пришлось испытать: я осиротел, когда был еще совсем маленьким, потом пас овец у чужих людей, а они даже не кормили меня досыта; ничего, кроме горя, не видел я в своей жизни!

Тут Сингли залился горькими слезами.

— Сколько раз я пытался прийти к тебе, да разве легко найти дорогу в паталалок. На мое счастье, наткнулся я на подземный ход, который и привел меня к твоему дому. Бабушка, я не хочу больше возвращаться на землю, в притхибилок. Хоть казни, хоть помилуй, никуда не пойду из твоего дома!.. — И Сингли еще громче зарыдал.

Старуха, конечно, поняла, что хитрит гость и обманывает ее, но не подала вида. Расстелила она перед пришельцем коврик и пригласила сесть отдохнуть после долгой дороги. Однако Сингли не захотел садиться и остался стоять перед старухой. Тогда Юманаранга принесла чашу сока и сказала:

— Прохладись после утомительного пути, на вот, выпей, а то здесь в паталалоке у нас очень жарко.

Но Сингли отстранил чашу.

— Ну и что же, — сказал он, — мне теперь жить в подземном царстве, так ко всему привыкать надо!

И как ни уговаривала его Юманаранга отведать соку, Сингли к нему даже не притронулся.

Вот так Сингли остался жить в паталалоке. Он всюду следовал за старухой по пятам. Куда бы она ни шла, чтобы ни делала, внук все время был рядом.

Вскоре он углядел, как Юманаранга приготавливает из корня радости сок и поит им Бунока и Будума.

«Теперь-то я слажу со старухой, — подумал Сингли, — мне бы только разузнать, где она прячет заветный корень».

А Юманаранга, опасаясь пронырливого внука, стала прятать корень в своих длинных волосах. Только как она ни старалась, ей не удалось скрыть это от Сингли.

Когда хитрый Сингли разгадал старухин секрет, он как-то сказал ей:

— Бабушка, давно уже пора тебе помыться! Давай-ка я вымою тебя! А потом, чтоб не простудиться после горячей бани, надобно выпить немного перебродившего сока. Вот увидишь, он согреет тебя.

Старуха согласилась, только сказала, что не даст мыть себе голову. Внук не стал настаивать. После бани Сингли предложил бабушке посидеть на солнце. Юманаранге очень хотелось погреть старые косточки, и она не могла удержаться от соблазна. Когда жара и перебродивший сок сморили старуху и она уснула крепким сном, Сингли не теряя времени отыскал в волосах хозяйки корень радости и тотчас же пустился в обратный путь на землю. Когда Юманаранга проснулась, она не увидела возле себя внука. Испугалась старуха, кинулась корень радости искать, длинные свои волосы перебирать прядь за прядью. Да не тут-то было — его и след простыл. И поняла хозяйка паталалока, что не видать ей больше корня радости и будет им отныне владеть человек. И тогда, рыдая, изрекла старуха Юманаранга проклятьем:

— Пусть только одна чаша напитка из корня дарует людям радость. Но если выпить еще хоть каплю, принесет он им страшное горе!

Теперь хозяйка паталалока не стала больше поить Бунока и Будума, и они пришли в себя. А когда узнали о том, что корень радости похищен мудрым Сингли, то поспешили вслед за ним.

Вскоре все три министра предстали перед раджей, и Сингли сообщил, что доставил во дворец корень радости. Тут раджа приказал устроить в честь старого мудрого министра пир. Ведь он не только принес корень радости, но и вызволил из паталалока двух других его министров!

На пиру мудрый Сингли приготовил из корня радости напиток и поднес полную чашу радже со словами:

— Саркхар, этот напиток освобождает человека от забот и волнений и дарует ему радость. Но только пить его надо всегда в меру! Ибо, выпив без меры, человек познает одно лишь горе.

После раджи выпили по чаше все приближенные его, и все почувствовали в душе необычную радость. И тогда одни начали танцевать, другие — петь, третьи — рассказывать веселые истории. А сам повелитель, которого люди раньше никогда не видели веселым, смеялся так, что не в силах был остановиться.

Говорят, с тех пор люди на земле начали пить напитки, которые доставляют им радость. Но стоит кому-нибудь забыть о проклятьем

старухи Юманаранги, как эта радость оборачивается горем.

Хитрая обезьянка и глупый богач

Жил когда-то в одной деревне бедный человек. Пошел он в лес на охоту и убил дикую курицу. Стал ее потрошить и нашел в желудке несколько зерен пшеницы. Посеял бедняк эти зерна в поле и начал ухаживать за ними. Спустя некоторое время показались зеленые ростки, а потом и колоски.

Бедный человек очень радовался, глядя, как созревает в поле его собственный хлеб. Но подошло время жатвы, и кто-то начал срывать колосья пшеницы. Решил бедняк проучить вора и поставил на поле крепкий капкан. На следующее утро видит: попалась в капкан обезьянка. Рассердился тут бедняк и хотел убить воришку, но обезьянка человеческим голосом просит:

— Не убивай меня, добрый человек! Пригожусь я тебе, только ты приюти меня в своем доме.

Удивился бедняк, услышав, как говорит обезьянка. «Кто знает, может, и в самом деле послужит она мне в будущем?» — подумал он и взял обезьянку к себе домой.

В той деревне, где жил бедный человек, стояла лавка одного купца-махаджана, который торговал железом, медью, серебром и золотом. Хоть и славился своей глупостью махаджан, но был он несказанно богат: полный дом всякого добра, дорогой одежды и всяких драгоценностей.

Однажды прослышала от соседей обезьянка о богатствах махаджана и подумала, почему махаджан живет в роскоши и довольстве, когда хозяин ее так беден. Долго она прикидывала, что бы такое сделать, и наконец надумала. Подошла она к хозяину и молвит:

— Умные люди говорят: жениться нужно на дочери богача, а дочь выдавать — в богатый дом! Тогда и сам разбогатеешь. Дочери у тебя нет, так что давай-ка я женю тебя самого на царевне! Тогда и сменишь хижину на дворец.

— Не так это просто, — ответил бедняк. — Подумай сама, ну какая царевна согласится выйти за меня, нищего, замуж.

— Да ты только помалкивай, о бедности своей никому не говори! — махнула рукой обезьянка. — Я сама все устрою. Главное, помни: если кто вздумает спросить тебя, от кого род свой ведешь, ты скажи: от храбрых раджпутов — потомков раджей. А бедность объясняй тем, что враги

напали на княжество твоих родителей и разорили его. И теперь ты так беден, что даже говорить о своем высоком происхождении тебе неловко.

Умный совет пришелся бедняку по душе. А обезьянка на следующее же утро отправилась к махаджану. Подойдя к его дому, она громко забарабанила в дверь. Когда испуганный купец высунулся из окна, обезьянка накинулась на него:

— Ты что сидишь, в ус не дуешь! Разве не слыхал, что враги двигаются в нашу сторону. Убивают, грабят и сжигают все на своем пути. Не минуют они и нашу деревню. Но кого им грабить здесь, кроме как тебя? У бедняков-то чем поживишься?

Такая новость привела махаджана в ужас:

— Ай-ай-ай! Что же делать, как быть? Конечно, враги придут и в нашу деревню. Ты все знаешь, все ведаешь: научи, как спастись от них? — стал он со слезами в голосе молить обезьянку.

— Есть два пути спастись! — ответила она важно. — Первый — это спрятать все имущество и спрятаться самому. Для этого надо приготовить два больших медных котла, сложить в них все серебро, золото, бриллианты, шелка и драгоценности и самому залезть туда же. Котлы мы зароем, а сверху я накидаю листьев, чтобы враги ничего не заметили. Так ты и себя спасешь, и свое богатство. Ну, а коли второй путь выбирать, то надо так поступить: на расстоянии четырех дней пути отсюда стоит город, которым завладел монгольский правитель. У него много дочерей. Сумеешь жениться на одной из его дочек и породниться с ним, то наверняка спасешь свое богатство. Подумай сам, кто станет грабить зятя самого владыки. Не знаю, как родом, но богатством своим ты заслуживаешь любой царевны! Так какой путь тебе больше по душе?

— Хочу оба испытать, чтоб надежнее было, — коротко ответил махаджан.

— Тогда начнем с того, что ты приготовишь два больших медных котла и достойные дочери правителя подарки. Я сама отправлюсь твоим посланцем к владыке, чтоб просить для тебя в жены одну из его дочерей. Смотри только не скупись! Не пожалей шелков, золота, драгоценных камней для царевны! Коль правитель откажет нам в просьбе, не отдаст свою дочь, я вернусь обратно со всеми подарками. Тогда спрячемся в медных котлах. В любом случае ты спасешь себя и свое богатство!

Глупый махаджан воспрянул духом и тут же вручил обезьянке все, что она требовала: и шелка, и серебро, и золото, и много драгоценностей. Ата не теряя времени отправилась в путь вместе со своим бедным

хозяином. После четырехдневного путешествия достигли они города, завоеванного монгольским владыкой. Подошли бедняк и обезьянка к царскому дворцу, разложили на большом камне шелка, драгоценности и другие подарки и стали громко спорить и переговариваться.

— Какие земли принадлежат нам? Какие реки принадлежат нам? — громко спрашивала обезьянка.

— Вот эти земли! Вот эти реки! — еще громче отвечал ее хозяин.

Услышали люди громкие крики на городской площади, собрались вокруг чужеземцев и стали любопытствовать, о чем это пришельцы так громко разговаривают. Тут обезьянка им и говорит:

— Мы из рода раджпутов. Давным-давно, когда мы были еще маленькими, владения наших родителей разорили враги. Вот теперь мы ходим и выясняем, какие земли и реки принадлежали нам.

Царские слуги тут же доложили правителю о знатных чужестранцах. Тот послал за ними своих людей, но обезьянка им так сказала:

— Мы не привыкли ступать по голой земле. Если ваш повелитель хочет, чтобы мы прибыли к нему во дворец, пусть прикажет выстелить шелком всю дорогу. А нет у него шелка, пусть его люди выстелят дорогу нашим! Только тогда мы предстанем перед его очами.

После этого наши путники нарядились в богатые одежды, на головы надели шелковые тюрбаны. А царские слуги тем временем расстелили перед ними шелковую дорогу, и они зашагали по ней.

Прибыв во дворец, они низко поклонились повелителю монголов, поднесли ему богатые подарки. Когда правитель пожелал узнать, зачем они пожаловали в его владения, обезьянка ответила:

— Мы из рода раджпутов. Когда мы были еще совсем маленькими детьми, владения наши разграбили и отняли воины соседних княжеств. Теперь мы странствуем, чтоб установить точно границы своих прежних владений. Для этого мы сюда и прибыли. А заодно я ищу подходящую жену для своего брата! — И она показала на своего хозяина.

Монгольский правитель подумал, что такой случай упускать нельзя, и с радостью согласился отдать одну из своих многочисленных дочерей за столь знатного и богатого гостя. На следующий день во дворце отпраздновали пышную свадьбу.

Спустя несколько дней обезьянка сказала своему хозяину:

— Через неделю тебе надлежит отправиться на охоту в лес, что неподалеку от нашей деревни. Самое главное, стреляй побольше из ружья, чтоб шум и грохот на всю округу были слышны. После этого

возвращайся со свитой обратно во дворец, а я через несколько дней прибуду за тобой, как все дела устрою. Еще немного, и мы счастливо заживем в своей деревне.

Ровно через неделю обезьянка заявила в дом к махаджану и стала торопливо рассказывать ему:

— Отряд воинов монгольского правителя уже близко. Я наткнулась на них, когда с твоими подарками уже приближалась к городу, чтобы предстать перед их владыкой. Они и слушать ничего не захотели, ограбили меня, и только чудом мне удалось спастись от гибели. Вот-вот они будут здесь в деревне. Нельзя медлить ни минуты! Скорей складывай все добро в медный котел и прячься сам!

Глупый махаджан поверил словам обезьянки и тотчас же принялся кидать в один котел серебро, золото, драгоценные камни, в другой — шелка и дорогие одежды. Потом оба котла они с обезьянкой оттащили в сад, где была вырыта огромная яма. Затем в один из котлов залез сам махаджан, закрылся крышкой и стал прислушиваться, не подходят ли воины монгольского владыки.

Как раз в это время в соседнем лесу раздался такой грохот от ружейной стрельбы, шум и крики, что насмерть перепуганный махаджан тут же велел поплотней закрыть котел крышкой, присыпать землей и набросать сверху листьев. Обезьянка, как ей велели, точно так все и сделала.

После этого она преспокойно отправилась к своему хозяину, который отдыхал после удачной охоты, чтобы обрадовать его вестью о том, что пора возвращаться в деревню.

Когда повелитель монголов узнал, что зять со своей супругой собираются к себе домой, он повелел привести для них слона. Царские слуги оседлали коней и погрузили богатые дары, и все отправились в сторону деревни.

У дома махаджана их уже поджидала обезьянка. Она богато одарила всех сопровождавших, пригласила войти в дом, где гостей ожидало обильное угощение.

Через несколько дней обезьянка вырыла из ямы все добро махаджана, который давно задохнулся в закрытом котле. С тех пор обезьянка, ее хозяин и царевна стали жить в богатом доме, не зная ни в чем недостатка.

Почему у птицы кальчунды клюв и лапки золотые

Когда-то страной киратов правил раджа по имени Ташетханг. Однажды под вечер он прогуливался по саду. Солнце уже заходило за горы. Легкий ветерок доносил благоухание цветов. Кругом царили спокойствие и тишина, и даже пчелы не нарушали ее своим жужжаньем. И вдруг до слуха раджи долетела прекрасная песня, в звуках которой были и солнце, уходящее за горы, и благоуханное дуновение ветерка, и даже приносящая покой тишина. Певец давно уже замолк, а раджа все стоял, зачарованный удивительной мелодией. Когда же он пришел в себя, то подумал: «Никогда еще не доводилось мне слышать подобного. Что же это должно быть за диковинное существо, коль способно оно своим пеньем так околдовать человеческую душу?»

На следующее утро раджа проснулся, едва заалело небо. Утренний прохладный ветер сначала приносил из сада только шелест листвы, а потом до ушей раджи донеслись те же пленительные звуки, что он слышал вчера.

Ташетханг прикрыл глаза, и теперь в этих удивительных звуках ему слышались голоса небесных певцов — гандхарвов, в такт которым плавно покачиваются небесные девы — апсары. А песня становилась громче и прекраснее, и радже уже казалось, что за окном в саду играет целый оркестр самых искусных флейтистов. Но тут совсем неожиданно на самой высокой ноте певец умолк.

Раджа вскочил с постели, выбежал на веранду и стал внимательно прислушиваться, в надежде насладиться волшебными звуками еще хоть мгновение. Но кругом все было тихо. Целый долгий день раджа ждал, когда снова зазвучит полюбившаяся ему песня. А когда наступил вечер, он в сопровождении всех своих придворных пришел в сад на то самое место, где впервые донеслось до него чудесное пение. Скоро вечерняя тишина наполнилась теми же чарующими звуками. Раджа и все, кто был с ним, затаили дыхание. Долго лилась удивительная мелодия, а когда певец притомился и умолк, государь объявил придворным:

— Никогда мы еще не испытывали такого счастья, кое доставило нам это пение. Однако до сих пор нам неизвестно, кто услаждает наш слух. А потому повелеваю: немедленно сыскать певца и привести его пред наши очи. Того, кто исполнит мой приказ, ждет большая награда!

Услышав обещание раджи, все придворные бросились на поиски, они обшарили дворцовый сад, каждый кустик, каждую ветку. Наконец два министра набрали на пруд, в котором увидели лягушку.

— Уж не ты ли, любезная, издаешь столь дивные звуки, околдовавшие душу нашего государя? — спросили у нее министры. — Не стесняйся, скажи нам откровенно, и будешь представлена самому радже!

— Как же, как же! — заквакала лягушка. — Кто же еще, как не я. Разве чей-нибудь голос может сравниться с моим и красотой и звонкостью?

И тогда министры бережно подняли лягушку и с почетом доставили ее к радже.

Несказанно обрадовался Ташетханг, что видит наконец пред собой чудного музыканта, и попросил лягушку еще раз порадовать всех своим несравненным искусством.

Лягушка чуть не лопнула от гордости, услышав такие лестные слова из уст самого государя. Набрала она как можно больше воздуха и что было сил залилась:

— Ква-аа-ква-ква-ква-ква-аа-ква-ква!..

— Это что такое?! — гневно прервал квакушу раджа. — Никак, ты, ничтожная, вздумала издеваться над нами! Эй! Бросить обманщицу, оскорбившую наш слух, на растерзание собакам. А министров, посмевших привести ее пред наши очи, — забить в кандалы!

Царские воины тут же бросили лягушку собакам, а провинившихся министров отправили в темницу, все же остальные опять кинулись искать таинственного певца.

Долго ждал раджа, пока наконец один из царских слуг не принес повелителю маленькую черную птичку.

«Опять нашли какого-то певца, — разнесся по саду слух, — только и этот, наверное, самозванец, уж больно невзрачный на вид...»

Тем не менее все придворные тотчас собрались около раджи, а тот взглянул на птицу и грозно произнес:

— По вечерам и утрам я наслаждаюсь чьим-то пением. Если и вправду это ты даруешь нам радость, ждет тебя большая награда. Но если ты только воображаешь, что способна обрадовать своим пением, берегись! Ну, а теперь я готов слушать.

Запела маленькая черная птичка кальчунда, и весь мир наполнился чудными звуками.

— Чи-чи-ю, чи-чи-ю, чю-маен... — пела кальчунда, и в этой песне были и солнце, уходящее за горы, и благоуханное дуновение ветерка, и даже приносящая покой тишина...

Когда последние звуки растаяли в воздухе, раджа сказал птичке:

— Прости меня, кальчунда, что я сразу не поверил тебе. Конечно, это ты радовала меня своим пеньем. Твой голос прекрасен, и песня твоя самая лучшая на свете. Вот только не знаю я ее смысла. Не раскроешь ли нам его?

Склонила перед раджей голову кальчунда и сказала:

— Я пою, чтобы доставлять людям радость. В этом смысл песни и смысл жизни...

Теперь раджа склонил голову перед кальчундой:

— Ты не только самая сладкогласая, но и самая мудрая птица. Да следуют твоим словам все живущие на земле!

И раджа Ташетханг приказал украсить скромную черную птичку золотом.

Говорят, именно с той поры лапки и клюв кальчунды стали золотыми.

Как крапива на земле первой появилась

В давние-предавние времена ничего не росло на земле, и, чтобы украсить ее зеленым покровом, бог природы Поромием-пхали сотворил семена различных растений. Не окажись ветра, Поромием-пхали пришлось бы самому обходить землю и разбрасывать по ней семена растений. Но, к счастью, всевышний сотворил уже и солнце, и луну, и звезды, и ветер, что разгуливал по белому свету. Вот его-то и позвал Поромием-пхали и попросил развеять семена во все концы.

Отдал семена Поромием-пхали ветру, и тот разнес и раскидал их по всей земле, а бог природы стал ждать, когда появятся первые ростки. Но дни проходили за днями, а земля по-прежнему оставалась голой. «Что случилось? Почему посев не дает всходов?» — задумался Поромием-пхали. Потом огляделся по сторонам, поднял голову и посмотрел на небо: а там в яркой синеве пылало солнце.

«Должно быть, это огненное светило перестаралось», — догадался Поромием-пхали, нагнулся к земле и поднял несколько зернышек: бедняжки так высохли и съежились, что совсем уж стали незаметными, лишёнными жизненной силы. Где тут было ждать от них всходов! Выходит, виной всему — солнце. Своими лучами оно так раскалило землю, что ни одно семечко не выдерживало и погибало. Опечалился

Поромием-пхали. Разве в силах он совладать с огненной силой солнца? И в горькой обиде на свое бессилие залился бог природы слезами.

— Что худого я сделал солнцу? — рыдал Поромием-пхали. — Почему обратило оно свою злую силу против меня и лучами высушило все мои зерна? Как мне теперь украсить зеленым ковром землю?

Долго плакал Поромием-пхали, слезы его стекали на иссушенную солнцем землю, и там, где они падали на измученную почву, зерна с жадностью пили живительную влагу и возвращались к жизни, чтобы набухнуть и прорасти. И на глазах у бога природы совершалось чудо: земля покрывалась травой и кустарником. Все вокруг зазеленело, зацвело, только не было видно пока ни одного дерева.

Снова задумался Поромием-пхали:

— Мои слезы помогли вырасти только траве и кустам. Но я хочу видеть землю в лесах и садах. Придется, верно, просить самого всевышнего, чтобы он оросил землю своими слезами.

Явился перед ним Поромием-пхали и говорит:

— О всемогущий! Я сотворил семена и просил ветер разнести их по всей земле, чтобы она покрылась зеленым ковром, но солнце совершило злодеяние и высушило мои зернышки. Бессильный перед ним, я в горести заплакал. Но свершилось чудо: там, где слезы мои упали на землю, поднялась трава и выросли кусты. Только слез моих оказалось мало, чтобы землю украсили деревья и сады. Вот и подумал я, что их могут взрастить лишь слезы всевышнего. Потому и пришел я просить тебя: чтобы труд мой не пропал даром и земля стала цветущим садом, пролей свои слезы на страждущую землю.

Услышал всевышний слова Поромием-пхали и согласился помочь богу природы.

— Так и быть тому! — воскликнул всевышний. — Но прежде принеси из подземного царства Гремящий камень — Баджрадхунг и что есть силы ударь им по гранитной горе Конконлунг. И тогда от этого удара раздастся страшный грохот, и громом пронесется по свету, и появится огненный вихрь, и дымное облако затянет все небо, закрыв собою безжалостное солнце, и прольются мои слезы, чтобы напоить вдоволь землю и дать жизнь деревьям и садам.

Не пожалел сил Поромием-пхали, сделал все, как сказал всевышний: достал в подземном царстве камень Баджрадхунг и ударил им по горе Конконлунг. От удара полетели искры и раздался гром, а небо затянули облака, спасая землю от палящих солнечных лучей. Потом облака

сгустились, и из них закапали живительные слезы. Сухие зерна разбухли, и земля покрылась лесами, садами и лугами, и стала зелена и прекрасна.

А первой среди всех растений, выросших от слез Поромием-пхали, кираты считают крапиву. Недаром они так высоко ценят ее: листья молодой крапивы употребляют в пищу, из волокон ее делают одежду, а корнями крапивы лечат разные болезни.

notes

Примечания

1

Боги.

2

Будда.

Далай-Лама.

4

Дракон.

Белый Старик.

6

Ад.

7

Лев.

Xaoc.

Бирма и Таиланд.

Европейцы.

Негры.

Черные китайцы.

Он был воплощен в женщину.

Священный город буддистов.

Царица.

Сказания даются в сокращении (*ред.*).

Скончался.

Миля в 4000 саженьей.

Обителище Хормусты, владыки 33-х тэнгриев».

Злые духи.

Жизнехранитель.

Делоисполнитель.

Всесветлейший.

Китайская мера веса 1 чжин или гин — 0,5 килограмма.

Воплощения потусторонних сил.

Свирепые демоны.

Священный холм из камней.

Баснословная птица.

Водяная голубая лилия.

Фея, волшебница, «шествующая по воздуху».

В; ЮВ; Ю; ЮЗ; 3: СЗ; С: СВ: Зенит и Надир.

Полуостров Индостан, а также и весь Азиатский материк.

Владетельный князь.

Сажень маховая.

Собственно, «годовалых»: у монголов лета человека исчисляются со дня зачатия.

Сборщик.

Поселяне.

Молочная водка, которая для крепости перегоняется несколько раз.

Яотъ — кхмерская мера длины, 1 яотъ приблизительно равен 16 км.

...Я из королевства Таксила... — древняя столица царства Гандхара в Северо-Западной Индии, крупный центр науки и образования.

...В прошлом своем существовании... — Согласно верованиям буддистов, каждое существование, счастливое или несчастливое, определяется поступками дурными или хорошими, совершенными в предыдущей жизни, а это существование определяет, в свою очередь, последующее. Таким образом, счастье или несчастье — следствие собственных поступков.

...Была совершена брачная церемония, отшельник прочел заклинание и разбросал над молодыми семицветные цветы, пожелав счастья молодым супругам. — Помолвка и женитьба у кхмеров совершаются в соответствии с очень строгими правилами. Здесь имеется в виду то, что в процессе празднования свадьбы процессия, сопровождаемая музыкантами, отправляется собирать цветы ареки. Цветы кладутся перед бхикху, который над ними читает священные тексты. Потом родственники невесты раскладывают соцветия в три вазы: в главную — двадцать один орех арека и двадцать один лист бетеля, в среднюю — двенадцать орехов и двенадцать листьев, в последнюю — шесть орехов и шесть листьев. Число показывает количество благодеяний отца, матери и старшей сестры, сделанных невесте. Цветами приветствуют молодых.

Пролыт, тянтромом, дей, прен, трей, ксаекоу, кук, пхкабобух, сомлап-конг-каеп — местные названия неядовитых змей.

Ваек сронгае, ваек ронием, ваек кронь, снаонсаонг, поплаок — ВИДЫ
кобр, очень ядовиты.

Кромом, сандай, типоу — местные названия мелких рыб.

Шива — один из главных богов в индуизме, составляющий вместе с Брахмой и Вишну верховную триаду индуистского пантеона. В образе Шивы слились представления о ряде древнейших племенных божеств, олицетворяющих собой грозные и разрушительные силы природы, а также способность к ее постоянному возрождению.

...церемония лиенг арак. — Сложная церемония, включающая пиршество в честь духов умерших. Духам подносят угощения, чтобы умиловать их.

Пртеаль — общее название ряда растений с ароматичным корневищем.

Гаруда — мифическая птица, носившая бога Вишну.

Кбен — конец самота, скрученный и продеваемый между ног для закрепления.

Арека (Areca) — род пальмы с перистыми листьями.

...весь сухой сезон, пока не начался сезон дождей. — В Кампучии год делится на два сезона: сезон дождей и сухой сезон. Сезон дождей начинается в июне и кончается в октябре.

Ананда — местное название крупной рыбы.

Баньян (*Ficus bengalensis*) — огромное дерево с воздушными корнями, плоды его съедобны.

...а в том самом баньяне обитал дух... — Традиционно считается священным деревом у народов Юго-Восточной Азии.

Нельзя мне, духу просить царя богов о смерти и возрождении в облике человеческом. — В классическом буддизме Индра не может изменить, ухудшить или улучшить карму.

Сетхэй — собирательное понятие для феодального землевладельца или местного чиновника-богача.

Сам коун лоук (Turdidae) — птица отряда воробьиных, вид дрозда.

Кахана — старинная серебряная монета.

Писак — шестой месяц по лунному календарю, апрель — май.

Прашок — остросоленая рыбная паста.

Варуна — в ведической религии бог небесного свода, повелитель богов и людей, хранитель мирового порядка и страж морали. Позднее, в индуизме, Варуна теряет это место в сонме божеств и становится богом вод и хранителем западной части мира.

Крымтонсай — рыба семейства лабиринтовых, вид рыбы Крым (Betta splendens), бойцовая рыбка, распространена в пресных водах ЮВА.

...тридцати двум частям тела. — Деление тела на тридцать две части идет, по-видимому, из Индии. Перечисление частей тела содержится, например, в «Кхуддака-никае» — части «Сутта-питаки», одной из трех священных буддийских книг.

Латания (*Latania*) — род растений семейства пальмовых.

Маам (*Limnophila conferta*) — ароматичная трава.

Бетель (Aper betle) — небольшой лазящий кустарник семейства перечных. В Кампучии распространена привычка жевать бетель, листья которого обладают тонизирующими свойствами.

Твел бот.; (*Diptero carpus alatus*); тлок (*Amigdalus*) — миндальное дерево, из плодов которого кхмеры извлекают миндальное масло.

Кхавт — провинция.

Срок — уезд.

Домрей (*Chimaera phantasma*) — рыба-слон.

...отреклась от старого имени и нарекла себя... — В кхмерском фольклоре герои часто берут себе новые имена в связи с важными событиями, происшедшими в их жизни, — особенно часто при получении трона.

...первый год циклов летосчисления называют годом мыши... —
Отсчет времени в Кампучии основан на двенадцатилетнем цикле. Каждый год назван именем животного. Первый год называется годом Мыши. Подобный отсчет времени применяется в Китае, Японии, Лаосе, Таиланде.

Якша, якк — в инд. мифологии сверхъестественные существа низшего порядка, обитающие на земле.

...спали они под домом. — Дома в Кампучии стоят на высоких сваях, чтобы защитить дом от наводнений.

...он женился на всех семнадцати. — По кхмерской традиции знатные люди могли иметь несколько жен.

Батат (*Ipomoea batatas*) — многолетнее травянистое растение семейства вьюнковых, в культуре разводится из-за клубней, идущих в пищу.

Ямс (*Dioscorea*) — род вьющихся травянистых растений из семейства диоскорейных. Съедобные клубни достигают 1 м длины и 40 кг веса.

Маниока (Manihot) — род растений семейства молочайных. В пищу употребляются клубневидные корни.

...год свиньи... — последний, двенадцатый год цикла.

Наен — слиток серебра весом примерно 375 г.

Самтхот — вид юбки из квадратного куска ткани, собранной в складки и схваченной в талии, — одежда мужчин и женщин.

Бхикху — монах, член буддийской монашеской общины.

...надлежит нам вернуть трон богам, для чего будет выпущен к подданным слон, который, следуя воле богов, отыщет достойного человека... — В фольклоре Кампучии распространен мотив определения короля по указанию слона, который останавливается и преклоняет колени перед достойным королевской власти. Выбор правителя, неизвестного людям и без участия героя — будущего короля, отражает специфику кхмерского общества, где король одновременно являлся божеством и в его руках находилась вся власть. Поэтому в фольклоре король выбирается не людьми, а богом Индрой.

Бат — старинная серебряная монета.

Сала — небольшая легкая постройка при деревенских пагодах, предназначенная для отдыха и приема пищи.

...возвел принца на королевский престол и дал ему святое имя Аротхпулнеарсо... — см. с. 250, сноску 2.

Хан — мера веса, равная приблизительно 60 кг.

...Ангкор — творение небожителей. — Ангкор — бывшая столица Кампучии, Ангкорская империя существовала в IX–XIV вв.

Байкрием — местное название минерала.

...новый князь, вступивший во владения новым кхаэтом... — В Кампучии управление кхаэтом не передавалось по наследству, новый правитель назначался королем.

Ван — князь (кит.).

2470 з. — 2470 г. соответствует 1928 г.

...решили развернуть статую лицом на юг, как этого требовали их обычаи. И когда это было сделано, среди местных жителей начались поварные болезни... — По кхмерским поверьям, при нарушении погребальной церемонии дух усопшего может вернуться в родные места и мучить родственников и соседей.

Коки (*Nopea odorata*) — высокое дерево с негниющей древесиной.

Гинтудан — прозвище, которое калинга дают обжорам, производное от слова «гинтуд», обозначающего бамбуковый сосуд, в котором носят воду или рисовую водку или же хранят семена.

Кабуниан — бог солнца у набалои.

Тапуй — рисовая водка.

Лумавиг — верховное божество бонтоков, культурный герой, научивший их земледелию. Бонтоки верят, что Лумавиг, ныне живущий на небе, когда-то жал среди них и даже был женат на бонтокской девушке.

Маинит — народность по соседству с бонтоками.

Самоки — народность по соседству с бонтоками.

Амуя и *Калавитан* — священные горы ифугао; их высота соответственно 2826 и 2134 м.

Баиях — рисовая водка.

Маканонган — одно из божеств ифугао.

Смех киньских девушек — *кинь* (букв.: столичный, городской) — так называли вьетнамцев в отличие от горцев.

Ли — мера длины: около 400 м.

Чумизой на Дальнем Востоке, в Китае и Корее называют просо.

Бонзы — монахи.

Байкунтха — место на небе, где, по преданиям, обитает бог Вишну.

Саркхар — «ваше величество» — обращение к государю.